Э. Т. КРЕНКЕЛЬ

ЧЕТЫРЕ ТОВАРИЩА

NORD
OST
WEST
SÜD

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

* * *

Рисунки
И. А ТИМОФЕЕВА

* * *

Редактор М. Б. Черненко
Худож. редактор С. А. Шапошников
Техн. редактор Ч. А. Зенцельская
Корректор Е. Н. Трушковская
Выпускающий Н. А. Родионов

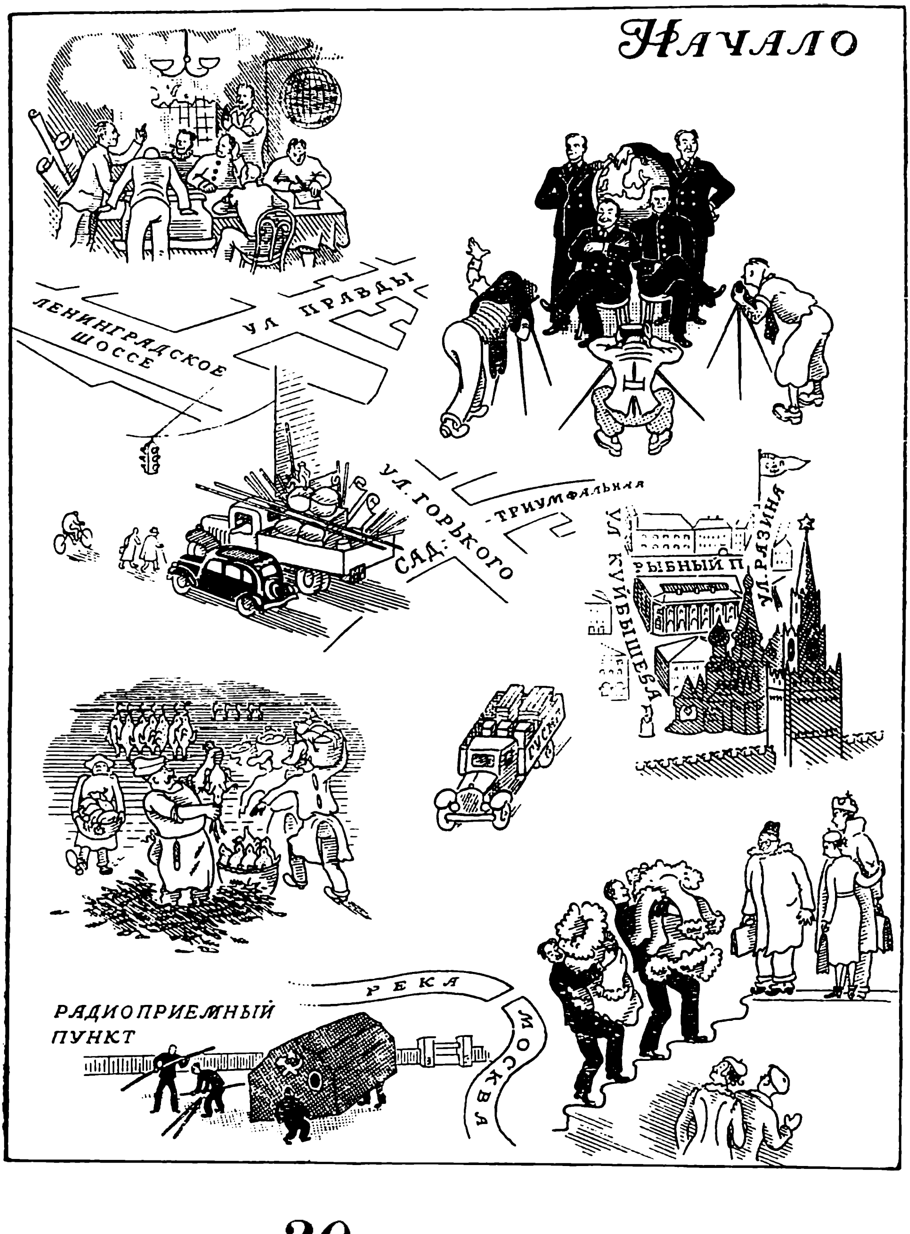
Сдано в набор 1/X 1940 г. Подписано в печать 21/XI 1940 г. Тираж 10 000 экз. Бумага $62 \times 94^{1}/_{16}$. Объем $14^{1}/_{2}$ печ. лист. + вклейка. $7^{3}/_{8}$ бум. листа. 17,2 уч.-изд. лист. 47824 зн. в 1 п. л. Л 71502. Индекс № 653. Заказ № 6405.

Цена 8 р. Переплет 2 р.

Типография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

* * *

Начало

20 *марта 1937 г. Москва.* Все та же мерзкая погода. На центральных улицах снега уже нет и почти сухо. Московская весна.

Как будем подниматься с мокрого и до предела подтаявшего аэродрома? Этот вопрос мучает всех.

Чем ближе к отлету, тем чаще телефонные звонки. Думаешь,

ну вот, кажется, все газеты уже перебывали. Оказывается — не все. Сейчас звонят из московской английской газеты, из «Легкой индустрии». Вынь им да положь «оригинальный случай», который неизвестен ни одной другой газете.

В 12 часов было совещание летчиков и синоптиков. Видов на улучшение погоды нет. Решили собраться и посмотреть, что даст вечерняя синоптическая карта.

Наша экспедиционная группа еще раз побывала в «Правде».

Снимали нас и вчетвером и в отдельности. Ясно, что снимались с глобусом: мы около глобуса, глобус около нас. По мнению фотографа, это очень оригинальный снимок. Не стали обижать фотографа, — может быть, он славный человек.

Об экспедиции на Северный полюс до сих пор знают немногие.

В третьем этаже старого Гостиного двора в Рыбном переулке в маленькой комнате помещается штаб экспедиции. В соседних комнатах стучат машинки, щелкают арифмометры, снуют посетители обычного московского учреждения.

На узкой лестнице с затоптанными каменными ступеньками иногда создаются «пробки» — это, когда мы тащим образцы меховой одежды. Посетители, одобряя ее качество, говорят: «Ну, в такой одежде, пожалуй, и на Северном полюсе не замерзнешь». Сами не подозревая этого, они своими шутливыми замечаниями попадают в цель...

По мере выполнения заказов на одежду, приборы и экспедиционное снаряжение в маленькой комнатке становится все теснее. Груды меховой одежды, образцы тары, бинокли, ножи, керосиновые печки, посуда, белье, фотоаппараты придают комнате вид не то филиала Мосторга, не то военного лагеря. Здесь подготовляется экспедиция.

Старая истина гласит, что тщательная подготовка — это три четверти успеха всякого дела. Подготовка к экспедиции началась с апреля 1936 года. На дрейфующем льду надо не только жить, хотя бы с минимальными удобствами, но и работать. Трудно сказать, на что следует больше всего обратить внимание. Для того чтобы работать, надо быть сытым и одетым. Для того чтобы дать о себе знать, должны безупречно работать астрономические приборы и радиостанции. Чрезвычайно важной частью подготовки к экспедиции является также и жилище — палатка.

В таком деле, как экспедиция на полюс, со стороны видна лишь героика. На самом деле — это настойчивая работа; продумать надо все мельчайшие детали жизни. Нужно знать, где и что можно заказать. Книжка экспедиции с перечнем телефонов содержит номера от Госплана СССР до мастерской валенок. Все снаряжение должно отвечать самым строгим требованиям, чтобы оправдать себя в суровых условиях Северного полюса.

Как жаль, что ученые еще не выдумали питательных пилюль. Почти треть всего нашего груза составляет продовольствие. Бессмысленно было бы везти на самолетах обычное продовольствие в обычной таре: мы берем с собой несколько десятков жестяных банок весом по 45 килограммов. В банке упакован полный ассортимент продовольствия для четырех человек на 15 дней.

В разработке режима нашего питания деятельное участие принимал Московский институт инженеров общественного питания. Желтая, твердая, как камень, плитка — это порция готового горохового супа на двоих. Такая же плитка, но красная — кисель. Специальные конфеты из шиповника содержат большое количество витамина С. Кофе, чай, какао представлены в виде небольших брикетов. Яйца и молоко — в порошке. Хлеб в нашей палатке вряд ли придется печь, поэтому мы взяли сухари с 30 процентами мясного порошка. Одним словом, будем питаться по всем правилам науки, не теряя надежды, что наши желудки переварят эти полчища углеводов.

Чтобы не чувствовать себя подопытными кроликами, мы взяли с собой и нормальные продукты — пельмени и колбасу. Три тысячи кур прекратили свое земное существование, чтобы в сушеном порошкообразном виде попасть на Северный полюс.

Наше обиталище — палатка — прямо шедевр. На ее каркас надеваются различные чехлы. Первая покрышка сделана из легкой водонепроницаемой парусины. Затем идет шелковый чехол голубого цвета. Это — своего рода огромное стеганое одеяло на гагачьем пуху. Таких чехлов два. Работниц артели, которая шила чехлы, потрясло общее количество гагачьего пуха (17 килограммов). «В приданое купеческим дочкам раньше шили такие одеяла», вспоминали старые работницы. Четвертым и последним идет чехол из крепкой, выкрашенной в черный цвет парусины.

По сторонам палатки крупными буквами написано: «СССР. Дрейфующая экспедиция Главсевморпути 1937 года». На торцевой стороне — серп, молот и звезда.

Мысль о такой экспедиции давно будоражила полярников. О ней думал Нансен. Много раз горячие споры о будущей экспедиции на дрейфующих льдах разгорались в кают-компаниях советских судов, совершающих сквозные рейсы по Северному морскому пути. Собираясь в своих палатках после авралов, мы обсуждали этот вопрос в ледовом лагере челюскинцев в Чукотском море.

Но время для такой экспедиции пришло только сейчас. Не раньше и не позже. По мысли и под непосредственным руководством Иосифа Виссарионовича Сталина Северный морской путь становится столбовой морской дорогой на Дальний Восток. По нему уже движутся десятки транспортных судов. Скоро пойдут сотни. Путь этот необычный. На каждом шагу мореплавателя подстерегают льды. Чтобы победить их, советские люди идут в Арктику во всеоружии науки, изучают ветры и течения, воды и берега, разведывают льды, учатся предсказывать погоду и ледовую обстановку.

Требования науки заставляют нас двигаться все дальше и дальше на Север, раскрывая законы природы, управляющие движением льдов и воздушных масс. Вот теперь и пришла очередь Северного полюса. А раз так, полюс будет завоеван и заселен.

Недавно в Кремле обсуждался вопрос о будущих трансарктических перелетах. Обслуживать такие перелеты должна метеостанция, находящаяся в самом сердце Арктики. Товарищ Сталин заинтересовался тем, могут ли сейчас такую станцию организовать полярники.

«Да, могут», ответили они. Для этого сейчас уже есть и опыт, и техника, и люди. Раньше такая экспедиция была бы рывком, ненужным спортивным увлечением. Теперь как раз время. Ждать дальше — значило бы тормозить развитие и науки и мореплавания.

Со Сталинской мудростью правительство оценило все «за» и все «против». Дан приказ: разведать тайны полюса по всем правилам науки. Это Сталинский наказ. Он будет выполнен.

Месяц назад, с 19 по 26 февраля, состоялась генеральная проба палатки, одежды, продовольствия и радиостанции.

По улицам Москвы двигался грузовик, ощерившийся дюралевыми трубами, разнообразными картами, радиомачтами и т. д. Вряд ли москвичи догадывались, что это — имущество экспедиции на Северный полюс. За Москвой на территории радиоприемного пункта Севморпути, вдалеке от любопытных взоров, мы разбили свою палатку, установили ветряк и радиомачты. Дребезжащая груда дюралевых труб вызвала у нас сначала легкую грусть. Однако мы быстро разобрались, и через два часа палатка была готова.

Внутри палатки — койки в два яруса, а между ними — откидной столик. Направо от входа — стол радиостанции. Наверху — радиоаппаратура, внизу — аккумуляторы. Налево — кухня.

Была собрана радиостанция, включены рубильники. Мягко, почти неслышно (не буду мешать товарищам в ночное время), приятным баском зажужжал умформер, питающий передатчик. Стрелки приборов показали, что все в порядке. При работе на мощность в 200 ватт удалось установить хорошую двустороннюю связь с Брянском, Могилевом, Киевом, Одессой, Тбилиси, Саратовом, Казанью и Свердловском.

Работая позывными сигналами челюскинского лагеря 1934 года «RAEM», я получал приветствия от коротковолновиков. Товарищи и не подозревали, что они участвуют в опробовании аппаратуры для Северного полюса. Хотя и с запозданием, но благодарю всех радиолюбителей, имевших со мной связь с 19 по 26 февраля.

Первый практический вывод был таков: на ночь, залезая в спальный мешок, обязательно раздеваться до белья и отнюдь не спать в верхней одежде. Правда, одевание и раздевание на холоде неприятно, но зато так гораздо лучше спится в мешке.

Обсудили такой серьезный вопрос, как мытье. Приготовление воды, к сожалению, связано с расходом горючего, а поэтому на регулярные ванны рассчитывать не приходится. Мы будем обтираться смесью спирта с водой.

В дни генеральной репетиции обед вдохновенно стряпал Иван Дмитриевич Папанин. В номенклатуре Нарпита таких блюд, которые он готовил, нет, да это было бы, пожалуй, и невыгодно для предприятий Нарпита: поев так один раз в сутки, о еде больше не думаешь, — настолько все сытно.

Мы ждем лётной погоды и старта на Север.

21 марта. В 11 часов опять совещание летчиков и синоптиков в Главсевморпути. Если вчера были еще какие-то надежды на улуч-

шение (похолодание) погоды, то сегодня они окончательно исчезли. Издалека с юга, чуть ли не из Северной Африки, прет теплая и мощная воздушная волна. В Бессарабии температура плюс 17°, весна движется к Москве. На Севере тоже сравнительно теплая и гнилая погода.

Вопрос стоит теперь так: и рисковать не хочется и ожидать лучшей погоды нечего. Все равно дальше будет хуже. Выбор, прямо говоря, невеселый.

Решено собраться в 5 часов вечера, чтобы посмотреть новую карту погоды.

В начале шестого часа совещание. Положение то же самое. Улучшения погоды не предвидится, все равно вылет назначить на завтра, в 7 часов утра.

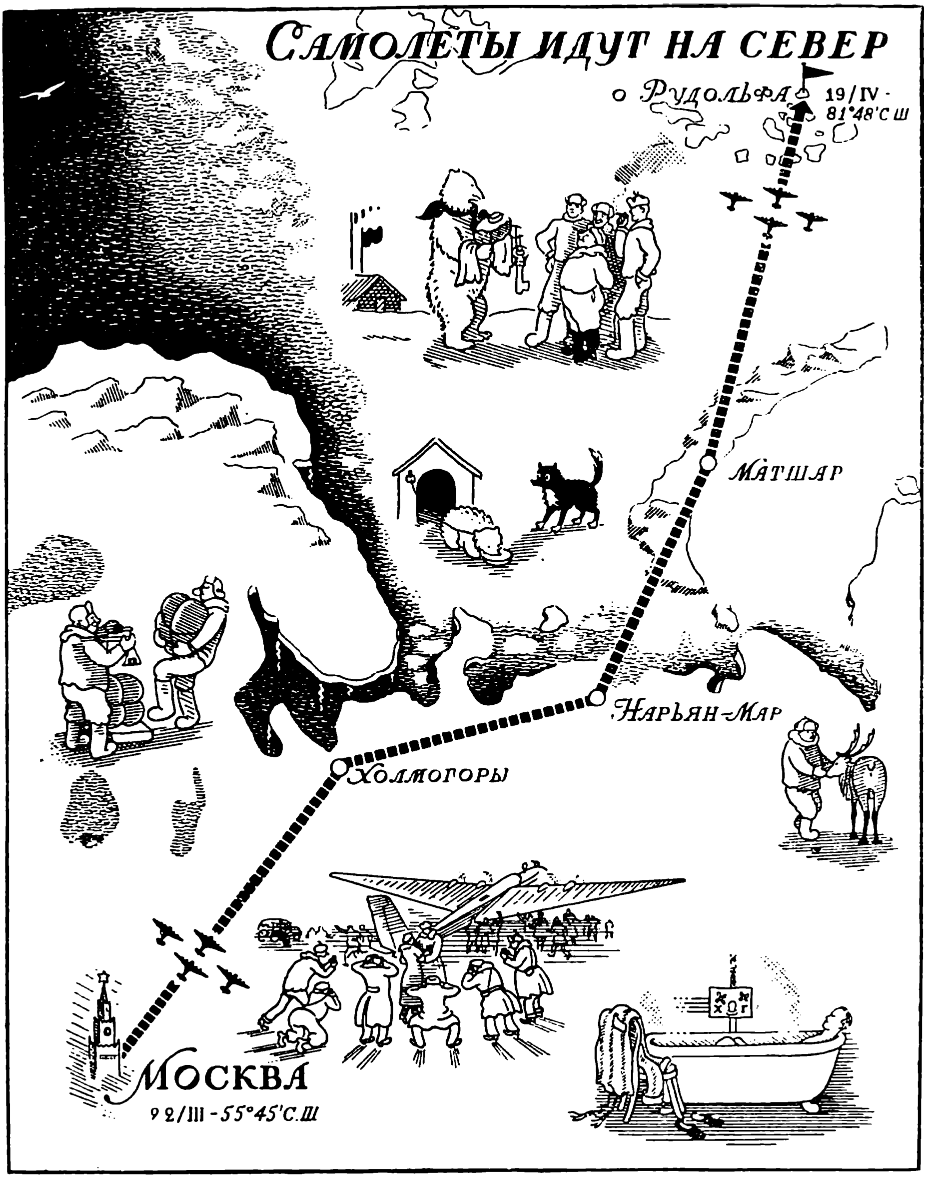
С четырех часов утра автомашины Главсевморпути забронированы для доставки участников экспедиции на аэродром.

Хотя экспедиция снаряжается целый год и как будто хорошо подготовлена и каждый готов двинуться в путь, — но все же это решение как-то сразу всех всколыхнуло. Неужели завтра? И хотя этого «завтра» уже давно ждали, оно было и желанным и немного страшным.

Наша четверка немедленно отправилась на склад. Едва успели доехать, как прибыли грузовики. Приступили к разгрузке склада. Адрес на ящиках лаконичен: «Москва — Северный полюс». Совсем как в жюль-верновском романе. Точно отмечаются номера каждого груза в списке. Грузовики мчатся на вокзал. К десяти часам вечера доверху загружен отдельный товарный вагон. Прицепили его к архангельскому пассажирскому поезду в полночь. В вагоне будут неотлучно находиться и сопровождать груз радист Стромилов и один сотрудник экспедиции.

В начале первого часа ночи поехал домой. По пути зашел к знакомым попрощаться. Это заняло ровно три минуты. В час ночи дома. Хотя и не ел с утра, но аппетита нет. Всякие заботы и дела, которые надо еще закончить, не дают спокойно сидеть за столом.

22 *марта. Москва — Холмогоры — Архангельск.* Итак, последняя ночь в Москве. Кстати, она была и бессонной. Какой уж тут сон. Надо хотя бы по телефону распрощаться со знакомыми, надо уложить личные вещи и дорожное обмундирование, надо налить в термос чай.

Хочется в последний раз попить чайку дома. Жена приготовила

салат из свежих огурцов нынешнего года. Вот этот салат я часто буду вспоминать.

К четырем часам утра справился со всеми этими делами и залез в последнюю московскую ванну. Арктика в этом отношении уподобляется Сахаре: пресная вода — это редкий и драгоценный продукт.

В пятом часу утра звонит Папанин. Он тоже не спал всю ночь. Звонят из гаража и сообщают, что машина уже вышла за мной. Надо приступить к шнуровке высоких ботинок. И кто только выдумал эту шнуровку, занимающую полчаса времени! Ну, как будто все готово.

Дети спят. Иду с ними прощаться.

Девочки просыпаются.

— Папа, ты куда?

— Да вот с мамой едем на аэродром посмотреть самолеты.

— А ты скоро вернешься?

— Скоро, скоро, ребятки, спите.

Несколько поцелуев, и, к счастью не вникнув в происходящее, дети быстро засыпают.

Пришла автомашина. Вещи уже вынесены. На аэродроме с женой будем прощаться при всех, при фотографах, поэтому настоящий напутственный поцелуй надо получить здесь, дома.

Много раз приходилось уезжать из дому в различные экспедиции, и всегда у нас с женой действовало неписаное соглашение щадить нервы друг друга, сдерживаться при расставании и тем самым помогать друг другу.

Едем в гостиницу «Москва», где нас ожидают Петя Ширшов и Женя Федоров. Рассветает. Улицы Москвы еще пустынны. Зато на Центральном аэродроме оживление.

Редактор «Правды» тов. Мехлис вручает удостоверение: «Тов. Кренкель является специальным корреспондентом «Правды» на дрейфующей зимовке Главного управления Северного морского пути в районе Северного полюса. Удостоверение действительно по 1 июля 1938 года».

Во втором этаже маленького домика на аэродроме находится теперь штаб перелета, там же и синоптики. Погода на редкость плохая. Сильный порывистый юго-западный ветер, заряды крупы, морось. Временами горизонт затягивает туманом.

Самолет Водопьянова стоит ближе всех. Тут много народу. Фото- и киноработники снимают все и всех подряд без разбора. Нашу группу обступили человек 7—10. Снимают бесчисленное количество раз.

На машине Водопьянова работают моторы. Три запускаются быстро и хорошо, четвертый не хочет итти. Наконец и он пошел. Остальные три машины — Молокова, Алексеева и Мазурука — стоят вдалеке, на другом краю аэродрома. Заканчивается заправка моторов маслом. Работают моторы самолетов. Однако неясна метеорологическая обстановка.

В десятом часу первым отрывается Головин на двухмоторном самолете Р-6.

Личные вещи уложены в машину Молокова. Пока делать нечего, можно последние минуты поговорить с Наташей.

На аэродроме ветрено, сыро, курить нельзя. В единственной комнате много провожающих. Многие откровенно зевают, видимо тоже не спали. В комнате тесно и накурено. Мы с Наташей устраиваемся в автомашине. Из нее виден весь аэродром. Смертельно хочется спать.

Наконец в начале первого часа объявляют, что через 10 минут начнется отправка.

Все участники перелета на аэродроме. Я уже несколько раз побывал у самолетов без всякого пропуска, но вот теперь часовой обязательно требует пропуск. Дежурный пропуска не дает, нужен документ. Ни одного документа я с собой не захватил, паспорта нет, так как, вероятно, на Северном полюсе можно пока что прожить без прописки, а партийные документы сдал в Политуправление: дома их оставлять нельзя, на полюс их везти незачем.

После длительных уговоров и объяснений меня пропускают на аэродром. У самолета Молокова уже работают моторы, приходится бежать, не разбирая дороги. Много луж и проталин.

Провожающие стоят группами. Разговаривать мешает гул моторов. Последние минуты отравляют вездесущие фотографы.

Прощаемся.

— Ну, Наташа, не скучай. Привет ребятишкам.

Молоков уже идет под крыло самолета и лезет по лесенке в люк. В самолете темновато, всего лишь два окошка. Знаками он показывает, что вот, мол, иди сюда, смотри в окно.

Невдалеке стоят провожающие и наши жены. Собственно говоря, уже все кончено, разговаривать нельзя, но еще раз хочется взглянуть друг на друга.

В 12 часов 25 минут гул моторов нарастает. Самолет, словно нехотя, начинает двигаться. Потом Молоков рулит на старт, вдоль границы аэродрома, вдоль строя самолетов.

Вот самолет развернулся на земле, очевидно стал на исходное положение. Взревели моторы, машина идет вперед, без толчков, все быстрее и быстрее. Самого момента взлета я не почувствовал. Увидел только, что земля осталась внизу. А на ней маленькие фигурки машут платками, шапками. Пытаюсь найти свою жену, но тщетно.

Самолет идет уже над окраинами Москвы. Не будучи летчиком, трудно ориентироваться с воздуха. Удивительно быстро внизу вырастают чуть ли не дремучие леса и перелески. Редко-редко видны группы домов. Жители городов, пользуясь железной дорогой или шоссе, всегда видят около себя какое-либо творение рук человеческих — будь то дома, дороги, телеграфные линии или мосты. Все населенные пункты, в конце концов, сосредоточены около дорог. Воздушные корабли этих земных дорог не придерживаются, летят напрямик. Поэтому и видишь всю необъятную ширь нашей страны.

Ветер порывистый и шквалистый, но попутный. Сильно болтает. Качка отличается от морской тем, что она не ритмична. Нельзя заранее угадать, куда качнет. На ногах стоять нельзя, нужно за что-нибудь держаться.

У правого борта, на маленьком откидном сиденьице — Шмидт, у

левого борта расположился я. Специальный корреспондент «Правды» Бронтман, не спавший всю ночь, раскладывает свой спальный мешок и ложится спать в корме самолета.

Ландшафт почти не меняется. Равномерный шум моторов нагоняет сон. Начинаю клевать носом. Изредка просыпаюсь, лишь для того, чтобы взглянуть в окошко, поудобнее усесться и опять заснуть.

При вылете из Москвы не был решен вопрос, куда же мы летим. Если погода позволит, летим до Холмогор, близ Архангельска. Если нет, остановимся в Вологде, на Кубенском озере.

Мы летим час за часом. Вот сменился за штурвалом Молоков.

— Ну как, Василий Сергеевич, Вологда скоро будет?

— Э... милый, скоро посадка в Холмогорах.

Действительно, ландшафт изменялся. Поселков и деревень еще меньше, появились типичные для нашего Севера ветряные мельницы. С уважением думаешь об искусстве штурмана. Без дорог, без ориентиров, при плохой видимости он точно ведет воздушный корабль к цели.

В полутора часах от Холмогор попадаем в снежную полосу. Заряды мелкого сухого снега временами совершенно закрывают горизонт. Даже лес под ногами плохо виден.

Уже начинает слегка темнеть, когда под нами появляются Холмогоры. Наш самолет делает большие круги над аэродромом, высматривает его границы, посадочный сигнал и ждет своей очереди.

На посадку идут Водопьянов, затем Алексеев. Огромные колеса самолетов взрывают тучи снега. Выстраиваясь на земле в одну линию, работая всеми моторами, самолеты вздымают снежный буран.

Посадка проходит быстро и почти незаметно. Очень радует то, что самолет не требует большого расстояния для посадки.

В воздухе мы пробыли 5 часов 15 минут. Ясно, что после такого срока нужно размяться, отдохнуть. Увы, это не совсем ясно местным фотографам. Однако после длительных объяснений они соглашаются подождать немного со съемкой.

Встречает нас добрая половина населения Холмогор. Но больше всего, конечно, молодежи.

Готовимся к ночевке. Часть лётного состава остается при самолетах и будет жить в Холмогорах. Командиры кораблей отправляются за 30 километров в дом отдыха. Нам, четверым, завтра поутру надо встречать на вокзале товарный вагон с грузом, поэтому быстро обедаем и влезаем в автомашины.

Уже совсем темно. До Архангельска 71 километр, дорога извилистая, ухабистая, и шофер гонит машину во-всю. Несмотря на это, всю дорогу проспали богатырским сном.

Понадобилось получить по телефону специальное разрешение, чтобы переночевать в гостинице, — ведь паспортов ни у кого нет.

Сбегали на телеграф, чтобы послать весточку домой, затем — ужин и сон в чистой, уютной и мягкой постели.

23 марта. Архангельск — Холмогоры. Папанин встал раньше всех и ушел на вокзал. Мы втроем забрались в парикмахерскую. По

старой привычке, как всегда перед зимовкой, снял волосы под машинку «три нуля». Мои товарищи, сколько я их ни агитировал, не решились расстаться со своими кудрями. Обещают это сделать на острове Рудольфа. Они, очевидно, не желают терять своей красоты в глазах архангельских и холмогорских красавиц.

И в Архангельске чувствуется весна. В городе грязно, сыро. На другой берег, к вокзалу, через лед Северной Двины пропускают только маленькие грузовики. Трехтонкам проезд запрещен.

Для перевозки нашего снаряжения получили три грузовика, но один испортился по дороге к вокзалу.

Двинулись в Холмогоры уже в сумерки.

В кабинках сидели Папанин и Женя с хронометрами на коленях. Первой шла трехтонка. Сначала в ее кабинке сидел Женя. Шофер, не спавший прошлую ночь, начал засыпать за рулем. В результате он в одном месте глубоко въехал в рыхлый снег, а в другом — чуть было не влетел в колодец. Тогда к нему пересел Папанин. Иван Дмитриевич развлекал шофера анекдотами и рассказами, чтобы тот не спал.

Три четверти пути я проделал наверху грузовика и изрядно продрог. Путь от Архангельска до Холмогор занял 5 часов, столько же, сколько на самолете от Москвы до Архангельска...

Недалеко от Холмогор пришлось пересекать по льду Двину. Первой пошла трехтонка. Петя и Стромилов потом рассказывали, что, сидя наверху, они ясно слышали, как под нами трещал лед. У берегов сильно выступила вода. Машины, идя полным ходом, зарывались в воду. Двери кабинок на всякий случай открыли. Все же прошли через реку благополучно и облегченно вздохнули на другом берегу.

Лед в этом году чрезвычайно тонкий, всего лишь в 40 сантиметров.

Сложили груз на берегу реки Холмогорки. Отсюда его надо будет перебрасывать лошадьми за два километра на аэродром.

Поужинали в местном ресторане и пошли в школу, где нас всех вместе устроили на постой в большой нетопленой комнате. Улеглись одетые и быстро заснули.

24 марта. Холмогоры. Сегодня, наконец, основательно выспались.

С утра пошли к самолетам, чтобы осмотреть свои вещи. Особенно нас волновала судьба пельменей, запаянных в жестяные бидоны. В Москве в 4 часа утра их доставили из холодильника прямо к самолетам. Не оттаяли ли они? Ведь все время стоит оттепель.

Захватив банки, отправились к местному холодильнику и там их вскрыли. Увы. Все 150 кило пельменей пропали. Вместо полной банки твердых, как камешки, пельменей обнаружили полбанки сплошного теста. Обидно. Возьмем вместо пельменей хорошего мяса из Холмогор.

Обедали сегодня долго и усердно. После Москвы начинаем отсыпаться и отъедаться. Это всем необходимо, уж очень замотались в последние дни.

Хороши метеосообщения с Севера. Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, Диксон и побережье материка до устьев Оби и Енисея захвачены мощным антициклоном. Везде ясная погода и сильные морозы. На Земле Франца-Иосифа —39°. На Диксоне —42°. Граница антициклона и нашей гнилой погоды проходит по линии Мезень — Нарьян-Мар. Есть надежда, что этот антициклон спустится южнее и тогда им будут захвачены и Холмогоры.

Все рады, что вырвались из Москвы. Всех утомили нервные и напряженные дни последних сборов. Хорошо, что здесь нет ни телефонных звонков, ни газетчиков. Спим, регулярно обедаем, что никак не удавалось в Москве.

Снеговой запас на местном аэродроме велик, даже длительная оттепель нас будет мало волновать. Когда-нибудь да настанут заморозки, и тогда мы сумеем оторваться.

Сегодня вечером из Архангельска доставили на грузовиках лыжи для самолетов.

Вечером вчетвером отправились слушать в кино доклад товарища Сталина. Аппаратура оказалась хорошей, было слышно каждое слово.

В нашей меховой одежде мы отчаянно потели. Надо привыкать — ничего не поделаешь.

25 марта. Утром вместе встаем, умываемся и, как всегда, неразлучной четверкой направляемся в единственную столовую, гордо именующуюся «рестораном». Там очень хорошо. Готовят вкусно. Для участников экспедиции отведена в полное распоряжение отдельная комната.

Первые дни обедали без всяких талонов — настолько приметна одежда членов экспедиции. Если пришедший одет в голубую фуфайку или в сапоги со шнуровкой, или если через плечо перекинут фотоаппарат, то это наверняка кто-нибудь из экспедиции.

Сегодня в Нарьян-Мар вылетел Виленский — корреспондент «Известий». Редакция специально наняла для него самолет. Еще неизвестно, куда мы полетим: на Нарьян-Мар или на Амдерму. Виленский шлет запрос за запросом и очень волнуется, как бы с нами не разминуться.

26 марта. На улицах подходят ребятишки с вопросами:

— Вы не Водопьянов? Вы не Молоков?

Вечером раздался стук, и к нам в комнату вошли шесть девушек. Это слушательницы ветеринарных курсов, находящихся в одном доме с нами.

Сейчас же началась беседа. В основном разговор вел Иван Дмитриевич. Беседа идет об учебе, о колхозах, о том, что надо больше читать, но, оказывается, у них очень плохая библиотека.

Это всё восемнадцатилетние девушки. Они удивительно непосредственны, задают много вопросов; смущаясь, слушают наши объяснения и рассказы. Замечательная молодежь, но с ними мало занимаются. Они мало читают и поют песни о том, как отец увидел «окровавленную дочь». Прочтем им ряд лекций об Арктике.

Вечером ходил на местную почту разговаривать с Москвой. Слышимость приличная, и Наташа была дома. Узнал, что с оказией она послала мне письмо и деньги.

Собственно говоря, звонил я домой не по собственному желанию, а потому, что Папанин убедил — тебе, мол, хочется поговорить. А все это — излишняя трепка нервов. Ни говорить, ни спрашивать не о чем. Прошло ведь всего несколько дней. Ясно, что весь вечер думал только о доме и пребывал в легкой меланхолии. На чорта это нужно.

27 марта. Все эти дни температура ниже 1—3°. Бывает и дождичек и морось. В Архангельске совсем закрыт переезд для грузовиков по Двине на вокзальную сторону. Хорошо, что успели переправить на наш берег прибывшие из Москвы лыжи для самолетов.

В Холмогорах на площадях появились лужи, похожие на маленькие озера. Вчера поднимался Головин для опробования самолетной радиостанции. Оторвался самолет с большим трудом. Снег глубокий, пропитан водой. Местами под снегом вода.

По сегодняшним сведениям, в Нарьян-Маре —2°, в Усть-Цильме —3°, Юшар —16°, Матшар —24°, бухта Тихая —32°, остров Рудольфа —34°.

Весна дальше распространяется на север и настойчиво идет по нашим пятам, догоняет нас.

Наш груз лежал на берегу. Сегодня перевозили его на другую сторону. Везли на самых примитивных санях. Лошади — мелкие клячи. Вброд переходили огромные лужи, стараясь не замочить имущества. Усиленно фотографировали этот этап экспедиции по лужам, на клячах.

Самолеты все стоят на лыжах. Вокруг самолетов груды пустых бензиновых бочек.

28 марта. Мокрый снег, слякоть. Быстро распускается верба. Воспользовавшись небольшим прояснением, с трудом, по мокрому снегу, вырвался Головин. Через четыре часа он благополучно прибыл в Нарьян-Мар. Оттуда Головин сообщает, что посадка на лыжах в Нарьян-Маре очень хорошая.

С половины дня стали грузить самолеты.

У меня груза до 3 500 кг. Вся радиостанция погружена на самолет Молокова, что очень радует; все же я лично нахожусь вблизи аппаратуры.

На машину Алексеева погрузили научный инструмент и приборы, на самолет Водопьянова и Мазурука — палатки, одежду и всякий инвентарь.

Вместо погибших пельменей берем двух свиней, одну телку, 250 яиц, 40 килограммов сыра и ведро холмогорских сливок.

Погрузку закончили в 6 часов вечера.

Завтра утром попытаемся вылететь. На каждой машине запасено 5 200 литров горючего. Если обстановка позволит, то в воздухе будет принято решение лететь прямо до Амдермы, минуя Нарьян-Мар.

Заканчиваются последние работы по подвеске колес под самолетом. Колеса будем тащить за собой.

Получил письмо от жены и фляжку с апельсиновой настойкой. Прочитав письмо, немного загрустил. Бедные наши жены. Их положение куда хуже нашего: мы находимся в центре событий и временами, в работе, забываем даже о доме, они же сидят дома и беспокоятся о нас.

Завтра утром в 6.30 сбор на аэродроме.

Вчетвером все дружно пишем письма.

Вечером небо проясняется. Надеемся на заморозок.

29 марта. Легкий заморозок. Лужи чуть-чуть затянуло. Рано утром в назначенное время были на аэродроме. Грели моторы самолетов; вскоре пошел мокрый снег; видимость совсем исчезла. С трассы плохие сведения. Снег перешел в дождь. Все продрогли и промокли. После пятичасового ожидания полет отложен.

Оставив все наши вещи на самолетах, налегке отправились домой.

Немедленно легли спать, ведь прошлую ночь спали всего 2—3 часа.

С шести часов вечера введены дежурства у телефона. Ветер крепчает, ожидается штормовая погода. Учащаются метеосводки.

Надеемся все же завтра вылететь.

30 марта. Холмогоры — Нарьян-Мар. На сегодня Москва дала для трассы Архангельск — Нарьян-Мар очень плохой прогноз: сплошная низкая облачность, туман, снег и всякая мерзость. Зато Архангельск говорит, что лететь можно. На утро была обещана температура минус 2—4°. Прогноз Архангельска оправдался.

Ясное, хорошее утро. Снег на аэродроме хорошо прихватило, образовался довольно крепкий наст.

С семи утра начали греть моторы. Самолет Н-169 (Мазурука) сдвигали с места трактором ЧТЗ-«Сталинец».

Зашалил один из моторов на самолете Молокова: никак не хочет заводиться. С ним ковырялись долго. Пока возились, подпортился немного наст. В начале рулежки лыжи самолетов стали глубоко зарываться в снег и подымали каскады снега. Потом, при более быстром движении, они все же скользили по насту, не проваливаясь.

Водопьянов сдвинул свою машину с места без помощи трактора. Моторы при этом работали полной мощностью, развивая приблизительно 4 000 лошадиных сил.

К полудню заработали все моторы. Лошади отвезли в сторону пустые бочки, самолеты выруливали на старт. Отличная солнечная погода, довольно сильный попутный ветер, который прибавит нам скорости километров 60 в час.

Мимо нас проскакивает и взлетает Н-169. Лыжи местами идут по снегу, затопленному водой.

В 12 часов 25 минут отрываемся и делаем несколько широких кругов, поджидая в воздухе последнюю машину.

Курс — на Нарьян-Мар. Через 10—15 минут исчезают поселки и

деревни. Лишь очень пристально вглядевшись, можно изредка найти наезженную дорогу. Но, очевидно, тут очень мало ездят — дороги белые, непротаявшие.

Через час пролетаем над каким-то городом. Кажется, это Мезень. Под нами очень быстро исчезает лес. Деревья мельчают. Начинается тундра. Отличный урок географии.

Быстро перескакиваем полосу плохой видимости и погоды. Летим уже над тундрой. Замечаю два чума. От них бегут черные комочки, должно быть собаки. Надо полагать, что гул 16 моторов четырех тяжелых самолетов, летящих сомкнутым строем, основательно взволновал их.

Хотя погода и солнечная и видимость отличная, линии горизонта все же не видно. Облака бросают тени на сияющий снег, ярко блестят обледенелые берега рек, все это на горизонте сливается в сплошную сияющую белесоватую стену. Временами видим самолеты, идущие рядом.

Через два часа налево от нас появляется вода. Какое-то море. Оказывается, штурман не учел ветра, и мы вышли на восточный берег Чешской губы. Был отлив, и много льдин обмелилось на прибрежной грязи. Море совсем чисто от льда, на горизонте оно закрыто туманом. Плавают отдельные, совсем мелкие льдины. Летя над водой, мы установили, что над морем меньше болтает, чем над сушей.

Взяли восточнее и ровно через три часа после вылета из Холмогор очутились над Нарьян-Маром — столицей Ненецкого национального округа.

Аккуратные кварталы. Многие дома еще настолько новы, что дерево не успело потемнеть от суровой погоды.

Ровными штабелями на большой территории сложены доски и бревна местного лесопильного завода.

Аэродром на реке Печоре. Крепкий, хороший снег. Толщина льда 80 сантиметров. Два дня тому назад был дождь, но вообще преобладают морозы в 7—10°.

После короткой беседы с представителями партийных и советских организаций города забрались в замечательно удобные возки и на быстрых лошадях отправились в город, километра за два.

Нас всех устроили в оленесовхозе в одной комнате.

Вскоре пошли обедать. Угощали замечательной семгой, но она была жутко пересолена. Мы страдали от мучительной жажды. На столе стояла водка, однако все, как бы сговорившись, не пили. Молодцы ребята.

Шмидт рассказывал нашим хозяевам, что «через год их снимем с льдины». Будем надеяться, что это намерение увенчается успехом.

Устроились спать. Постелили нам простыни. Последние простыни...

На стене висит громкоговоритель и шепчет московский концерт. Электрическая лампочка немощно мерцает.

31 марта. Нарьян-Мар. Пять минут ходьбы — и уже находишься вне города. Сразу попадаешь на реку. Под ногами приятно

хрустит снег, и бодрящий морозный воздух напоминает о близости Арктики.

На берегу стоят всякие речные посудины. Уже вечереет, появились звезды, мерно и гулко затукала электростанция.

Вечером в школе было общее собрание всех членов экспедиции. С трудом уместились на маленьких школьных партах.

Это первое собрание экспедиции. Надо поговорить об организационных недостатках, выработать дальнейший план работы. Собрание проходит под знаком самокритики.

Коллектив любой экспедиции должен сжиться для совместной дружной работы. Однако авиация так быстро перекидывает нас все ближе к цели, что мы, находясь перед ответственным этапом экспедиции, еще как следует не знакомы друг с другом.

Много еще неполадок. Если мы до сих пор летели над населенными местами, то теперь под нами будет море, и на постороннюю помощь рассчитывать не приходится. Надо особенно тщательно подготовиться к следующему этапу, поэтому бортмеханики просят отложить вылет на три дня.

В заключительном слове Шмидт напомнил, что к полюсу должны пойти все четыре самолета.

Наша экспедиция является делом чести нашей страны, а честь страны мы в обиду не дадим.

Выйдя из школы после собрания, видели первое северное сияние.

Поздно вечером писал письмо домой. Завтра летит в Архангельск самолет.

1 апреля. После утреннего чая отправились в местный универмаг. Учитывая, что город снабжается всеми товарами лишь один раз в году, в навигацию, нужно признать, что ассортимент совсем не плохой. Есть радиолампы, одежда, обувь, мануфактура. В продотделе можно купить трубочный табак и спирт.

Отправились на аэродром, помогали механикам зачехлить моторы. Вечером в единственном кино в нашу честь был устроен вечер самодеятельности.

2 апреля. Вчера вечером получил телеграмму из дому.

Утром ездил на аэродром за нашей новой обувью. В нашем распоряжении несколько лошадей с очень удобными розвальнями. Проехаться на аэродром — удовольствие. На самолете Н-166 (Головина) до сих пор не ладится радиостанция. Без связи дальше лететь он не может, так как теперь путь лежит через море. Поэтому сегодня были мобилизованы все радисты. На машине Головина устанавливается новый запасной передатчик. Провозился с ним до сумерек и основательно промерз. Спасла теплая обувь.

Погода очень неустойчивая. Рано утром пасмурно, затем отличная солнечная погода сменяется пургой, вечером опять тихо.

Сейчас через Баренцово море проходит циклон, за ним от Гренландии следует второй. Нужно нам всей армадой проскочить между ними.

Оказывается, на мысе Желания и на острове Рудольфа у берегов держится 6- и 7-балльный лед. В такое время года — это редкое явление. Очевидно, придется лететь местами над чистой водой.

3 апреля. Вечером партийное собрание экспедиции.

Вопрос один. Дальше мы полетим в экспедиционных арктических условиях, то есть можем рассчитывать только на свои собственные силы. Каждый партиец должен задуматься перед новым этапом экспедиции. Возможно, будут трудности, даже аварии. Наша экспедиция имеет большую партийную прослойку — больше 50%. Не отступать перед трудностями, не поддаваться унынию, быть образцом для беспартийных товарищей, — вот о чем говорилось на собрании.

Ни замечаний, ни дополнений к докладу не было, но это не отсутствие активности, а полное и единодушное согласие с высказанными мыслями.

На каждом самолете выбран парторганизатор.

4—12 апреля. Великое сидение в Нарьян-Маре. Дни похожи один на другой: сегодня — как вчера, завтра — как сегодня.

Выжидали погоду, чтобы махнуть сразу на остров Рудольфа.

7 апреля уже совсем было собрались лететь, все были в сборе, вещи погрузили. Несколько часов просидели на аэродроме, но полет из-за плохой погоды не состоялся.

В Нарьян-Маре запомнилось наше житье в оленесовхозе, кормежка в столовой, бесконечное писание прощальных писем, посещение бани.

Развлечений в Нарьян-Маре было мало. Подолгу сидели в столовой. Свежая рыба и сметана не сходили со стола. Молодой паренек, заведующий столовой, убеждал нас пить портвейн. Неаппетитные бутылки с мутной жижей не внушали доверия. Вероятно, портвейн был заморожен и затем оттаял. В таких случаях теряется крепость. Вид заведующего, однако, этого не подтверждал. Его карманы были набиты бутылками.

12 апреля. Нарьян-Мар — Матшар. Ожидается значительное потепление в северных районах. По радио узнаем, что в Москве температура примерно 7—11° тепла. Мощная теплая волна движется на север.

Очевидно, нам суждено все время убегать от весны, которая и в Москве и в Холмогорах преследовала нас по пятам. Хотя погода по трассе и не особенно благоприятна, но надо лететь, дольше ждать нельзя. Решено лететь хотя бы до Матшара. Весна нас выживает с материка.

Сборы наши стали совсем несложными. Все вещи на самолете, — сунешь в карман мыло и полотенце, и готов.

После прогрева моторов Водопьянов первым пошел на старт.

Хотя аэродром на реке достаточно большой, но самолет долго не отрывался от земли. Груз и свежевыпавший снег прижимали машину

к земле. Местами под снегом уже накопилась вода, и эти места особенно сильно тормозили лыжи самолета при взлете. После долгих и тщетных попыток решили слить у каждой машины по две тонны бензина. После этого Водопьянов хотя и с трудом, но оторвался. Затем ушли в воздух Мазурук (Н-169) и наша машина (Молоков, Н-171). Взлет долгий — 1 минута 20 секунд.

Сверху видны многочисленные следы лыж по снегу.

Самолеты сделали несколько кругов, легли на курс и пошли в западном направлении. День пасмурный, с низкими облаками. Временами идет снег. Через полчаса стали пробивать облака. Испытываешь неприятное ощущение — ничего не видишь, кругом какая-то белая муть. Но зато как хорошо над облаками: причудливые, сказочные, словно сделанные из ваты, сооружения, валы, горы разбросаны по снежной равнине. Изредка показываются просветы. Высоко над головой висят перистые облака. Солнце шпарит во-всю, совсем как в Италии. Не верится, что где-то внизу плохая, пасмурная погода. Тень самолета, окруженная радужным ореолом, скользит по облакам. Крылья самолета намокли, но обледенения нет, солнышко пригревает, и с крыльев капает вода.

Вылетели в 10 часов 35 минут. Часам к 12 облака стали редеть, и под нами показался лед Баренцова моря. Лед молодой и очень мелкобитый. Я не видел ни одного поля, пригодного для посадки, — все мелочь, к тому же разводья и трещины.

К часу дня впереди появилась Новая Земля. Ясно видны мысы, острова и горы вдали. Кончается наше путешествие на сухопутной машине над открытым морем.

К Матшару пришли, придерживаясь восточного берега Новой Земли. Изредка справа от нас видны самолеты Мазурука и Водопьянова.

Новая Земля, покрытая снегом, удивительно однообразна. Зато, когда лучи солнца скользят по этой пустыне, она приобретает какой-то особый фантастический вид. Наверное, именно так выглядят лунные ландшафты.

Вдоль берегов льда совсем нет. Вода покрыта не то подтаявшим снегом, не то салом: ледок тонок, как пена, и похож на кружева.

Ближе к Матшару местность более гористая.

Вот под нами и Матшар. Одновременно виден и мыс Канкрина. Когда-то я здесь бродил. На путь от Канкрина до Матшара, если итти пешком, надо потратить много часов.

Отличная солнечная погода. Видимость на многие десятки километров.

По очереди идем на посадку. Все благополучно садятся. Головин (Н-166) уже здесь. Он вылетел на 2 часа раньше нас. Подруливаем ближе к берегу и выстраиваемся напротив станции.

Среди 27 зимовщиков несколько знакомых.

Немедленно начинается подвозка горючего. Лихо работают собаки.

Сегодняшний полет длился ровно 4 часа — с 10 часов 35 минут до 14 часов 40 минут. От Москвы недалеко, всего лишь 12 лётных часов.

Примерно через час после нашего прибытия показалась машина Алексеева. На ней отказал радиокомпас. Потеряв радиосвязь с землей и другими самолетами, Алексеев вышел в море, так и не зная, где же он находится: то ли в Карском, то ли в Баренцовом. Шли на северо-восток и удалились от Новой Земли на 150—200 километров в сторону. Спас положение Женя Федоров: он определился по солнцу.

Во время полета был забавный случай. С флагманского корабля Мазуруку говорят: «Скажите, какая машина идет рядом с вами». Для того чтобы разглядеть номер, Мазурук начинает приближаться к Молокову. Боясь столкновения, Молоков тщательно уходит от Мазурука. Острили: пристала чужая машина, через три дня считаем своей...

Заснул в той самой комнате и на том самом месте, где начинал свою арктическую работу. Даже щели на потолке — и те знакомые. Был я здесь в 1924—1925 и 1927—1928 годах.

13 апреля. Матшар. Полярники Матшара встретили нас исключительно гостеприимно и хорошо.

Они потеснились в служебных помещениях, предоставив свои комнаты всецело в наше распоряжение. На дверях записки, кто где живет. Кормят превосходно. За обедом с удовольствием съел две тарелки супу. Здесь, в Матшаре, отличный повар. Огромный дядя, красавец, богатырь, 29 лет. На утро были первосортные сочные ватрушки.

С утра штилевая погода, облачно. Солнце греет сквозь облака. На льду пролива лежат нерпы. Можно ходить в одной фуфайке.

Закончили заправку машин горючим. Каждая машина взяла по 20 бочек. Это скучная и довольно трудоемкая работа.

Во второй половине дня начался сильный ветер. Возможно, завтра полетим

Чувствуешь себя как дома, до того здесь все знакомо и хорошо.

Вечером занимались подсчетом первоочередных грузов.

Ну, теперь весна нас не догонит. Наконец-то мы в Арктике.

14 апреля. Вестовой ветер все время усиливается. Пурга настолько сильная, что на расстоянии трех метров ничего не видно. К вечеру пришлось установить дежурство у машин.

Запрещено ходить поодиночке, обязательно вдвоем. От дома к самолетам пробираемся по веревке. Острят: «полярный троллейбус». Молодым по арктическому стажу товарищам эта пурга очень нравится. Говорят о ней с напускным хладнокровием, а у самих горят глаза. Марк Иванович Шевелев, вместо того чтобы отряхнуться от снега в сенях, идет прямо в кают-компанию. Да и не только он. Посмотрите, мол, как нас занесло снегом.

С двух до четырех ночи дежурил с Папаниным и Орловым. Ветер временами свыше 30 метров в секунду. Шквал настолько силен, что проворачивает винты холодных моторов. Машины дрожат мелкой дрожью.

15 апреля. Порывом сильного ветра у машины Алексеева (Н-172) повредило руль. Предстоит довольно большой и в условиях Матшара сложный ремонт. Ветер дует с прежней силой. Лишь вечером он стал немного слабеть, и мы, воспользовавшись временным затишьем, сняли руль и отвезли в мастерскую.

16 апреля. Ночью дежурств у машин не было. Ветер хотя и сильный, но опасений не внушает. После обеда ставили руль на алексеевской машине. Очень холодно на ветру и плохо работать.

17 апреля. С утра начали готовиться к вылету. Ветер 5 баллов, но день солнечный, ясный. Головин (Н-166) вылетел без четверти двенадцать, прошел мыс Желания и в море встретил туман. Вернулся на мыс Желания и в 18 часов сделал посадку. Решено сегодня не лететь.

Полет отменен, все труды пропали.

18 апреля. Матшар — о. Рудольфа. Неожиданно установилась ясная, почти безветреная погода.

На Земле Франца-Иосифа тоже хорошая погода.

Пургой сильно занесло лыжи самолетов. Пришлось прокапывать траншеи. В 19 часов 45 минут первым, как обычно, снялся Водопьянов. Солнце едва зашло за горизонт. Все время светло. Видна заря.

Шли вдоль восточного берега северного острова Новой Земли. Направо Карское море, налево горы Новой Земли. Через 15—20 минут после вылета поднялся туман. Мы пробивались поверх его на высоту 1 700—1 900 метров. Над нами безоблачное небо. Внизу сплошной туман, переходящий в низкую облачность. Одиноко торчат из облаков вершины высоких гор. Туман лежит большими волнистыми выпуклостями, вызванными, очевидно, рельефом местности. Дойдя до меридиана о. Рудольфа, пошли прямо на север. Когда точно это было — сказать трудно. Момент расставания с Новой Землей остался неизвестным — туман и облака.

Вскоре нас нагнала машина Алексеева. Летели в полном составе — 4 машины. Всходило солнце. Самолеты окрасились багровым светом зари.

Мерзнут ноги. Температура воздуха —23°.

Дует в самые незаметные щели. Временами справа видны три самолета. Они как будто неподвижны: висят в воздухе.

19 апреля. Матшар — о. Рудольфа. В начале первого часа ночи под нами вдруг исчезла облачность, и мы увидели лед. Очень много трещин, но есть поля, на которые, в случае необходимости, с известным риском можно сесть.

Вскоре Молоков с улыбкой сообщает, что впереди открылась Земля Франца-Иосифа. С моего места можно смотреть только вбок. Вскоре увидел первый остров — Сальм. Овальная белая опухоль в морском льду — вот и весь остров. Затем острова пошли чаще. Многие из них трудно различимы. Все бело, и лишь ярко освещенные

края обрывающихся у морского льда ледников обращают на себя внимание. Замечаешь плоский остров. Есть и гористые острова, уходящие вдаль, в туманную дымку.

Солнце светит во-всю, кругом изумительно красиво. Видны эскадры айсбергов, застывших во льду.

Долго летим над островами. Наконец слева появляются маленькие дома, открылись посадочные знаки на куполе огромного ледника и знакомые по фотографиям мысы. После двух кругов идем на посадку. В полете были ровно шесть с половиной часов.

Посадка в 02 часа 15 минут.

Приняли нас изумительно хорошо.

Наготове тракторы и вездеходы. На куполе ледника построен теплый дощатый дом. В нем будут жить бортмеханики. Приготовлены крепления для самолетов. Из льда торчат бревна с тросами. Своеобразная растительность. Самолеты к местам крепления подтаскивают тракторами.

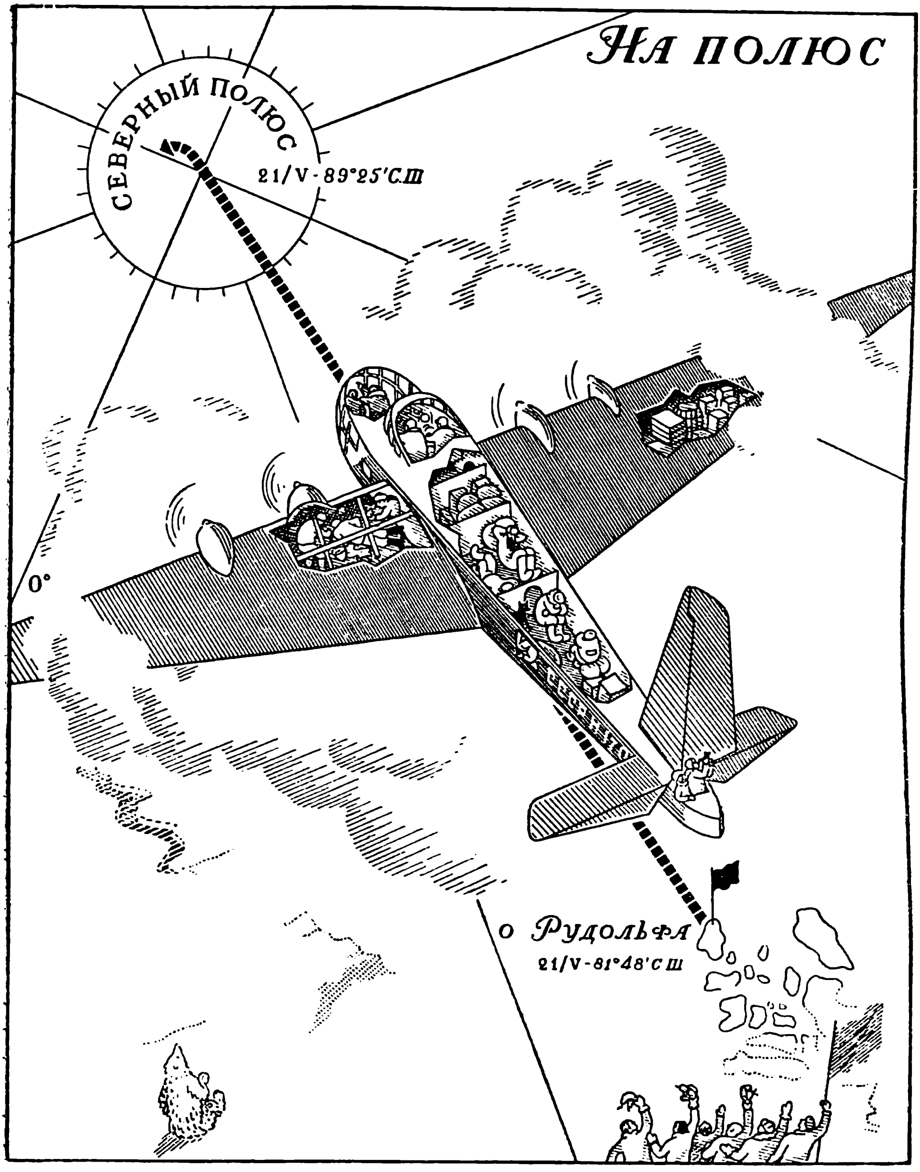
До позднего вечера выгружали вещи и скидывали их в одно место. Надо их еще раз проверить и потом заново распределить по машинам. Провозились до 10 часов.

Солнце сияет всю ночь. Мороз в 23° почти не ощущается. Умилил местный доктор. Он нацепил нарукавный знак с красным крестом. Совсем как на московском аэродроме.

У входа в жилой дом нас встретил огромный белый медведь, повязанный красным галстуком. Его убили всего лишь дня за два до этого и заморозили, поэтому мишка выглядит как живой. Северный «пионер» держит в лапах полотенце с хлебом-солью и большой жестяной ключ с надписью:

«Ключ от полюса».

20—21 *мая. Рудольф — Северный полюс.*
Наконец погода нам улыбнулась. Мошковский с синоптиком Дзердзеевским ходили на высоту 3 000 метров на замечательном самолетике У-2. Дзердзеевский благословляет вылет.

Время послеобеденное, надо стряхнуть с себя легкую истому после хорошего обеда.

У дверей главного дома появляется местный транспорт. Тягач — мощный 60-сильный «Сталинец». К нему прицеплены сани: огромные бревна служат полозьями, поверху они покрыты трехдюймовыми досками. Это скорее плот, а не сани. На этих санях рудольфовцы до нашего прилета перебросили наверх сотни бочек бензина и масла, создав на куполе ледника отличную авиабазу.

«Сталинец» пыхтит в ожидании пассажиров.

Личные вещи давно уже находятся на самолетах. Остались лишь фотоаппараты и зубные щетки. Однако набирается всякий скарб. Штурманы со своими планшетами и астрономическими приборами, радисты со свежезаряженными аккумуляторами размещаются на санях. Что-то забыли — просят обождать. Наконец все в сборе.

Наша четверка обросла, конечно, всякими кулечками и пакетиками. Стараемся побольше напихать в карманы, чтобы потом не разорить наших летчиков. Ведь драка идет за каждые 100 граммов. В карманах у нас и лишние пачки папирос, и питьевая сода, и горсть гвоздей. В наволочке везем селедки, и соседи справедливо возмущены вытекающим рассолом. Мы их успокаиваем: «Если рассол вытечет, самолету будет легче».

Тепло прощаемся с рудольфовцами. Они много поработали над созданием идеальной лётной базы...

Ну, двинулись. Собаки, привязанные для порядка к колышкам, провожают нас бурным лаем. До аэродрома около 4 километров. Дорога идет все время в гору, вверх по мощному леднику. На его куполе расположена самая северная в мире авиабаза, самый северный аэродром.

Путешествие длится около часа, наши сани двигаются отнюдь не скорее пешехода. Свесив ноги, мирно болтаем, покуриваем, отворачивая лицо от холодного ветра.

Солнце и снег ослепляют. Надо надеть очки. Постройки станции становятся все меньше. Мы ползем в гору.

Открывается замечательный вид на юг. Видны острова и угрюмые мысы, расположенные по восточной стороне Британского канала. В море большие разводья, лед мелкобитый, торосистый.

Вдали на горизонте ослепительно сверкают отдельные торосы.

Поднялись чуть выше. Теперь открылась панорама бухты Теплиц-бай. Отсюда многие незадачливые иностранные экспедиции грозились достичь Северного полюса.

Местами «Сталинец» глубоко зарывается в фирновый снег, покрывающий ледник. В предвидении резких толчков часть пассажиров слезает, «Сталинец» под прямым углом выворачивается из снега и опять ползет вперед.

Вот и купол. Сейчас исчезнет из виду радиостанция.

Прибыв на аэродром, идем к самолетам, чтобы рассовать нашу контрабандную мелочь и помочь механикам в приготовлении самолета. Пургой сильно занесло лыжи самолетов. Надо копать для них глубокие и широкие траншеи.

Несколько дней тому назад был снег. На оранжевых крыльях самолетов его пригрело солнышком, и теперь он крепко-накрепко

примерз. Никакая щетка его не берет, а чистить надо. Даже не столько из-за веса, сколько из-за обтекаемости крыла. Человек по 6—8 орудуют у каждого крыла. Вооружившись палками, они выбивают снег из ребристых складок. Шум стоит невероятный.

К концу работы возникло хорошее рационализаторское предложение. Трактор подтащил мощную водогрейку, на крыло подали шланг, и кипяток мгновенно смыл все остатки снега. Густыми клубами валит пар.

Тем временем лихо работает, вызывая общее восхищение, самолет У-2. Этот самолет все время на побегушках, настоящее авиатакси. У-2 доставил Отто Юльевича и тут же улетел обратно на станцию. Вскоре появился Дзердзеевский с последними сообщениями о погоде. На купол наползал туман. Погода явно портилась. Вскоре все кругом закрыло: туман, клубясь, укладывался на купол. Однако имелись успокоительные сведения. «Туман не надолго», утверждал синоптик. Собственно говоря, успокаивать нас не приходилось. Мы уже привыкли ждать и весьма хладнокровно относиться к капризам погоды...

Произведен пробный пуск моторов самолета Водопьянова. Все готово. Дело только за погодой, а она плохая. Все же механики продолжают копаться в моторах. Удивительное племя — авиационные механики. Первыми приходят на самолет, последними его покидают. Кажется, ну вот буквально уже все готово. Но нет. Они все-таки находят какую-то работу: переделывают, улучшают, изобретают.

Первым бортмехаником на Н-170 — Флегонт Бассейн. В 1919 году в каком-то штабе он выпросил бренные останки разбитого самолета, отвез домой и у себя на дворе отремонтировал. Затем долго ходил в штаб, прося кого-нибудь из летчиков опробовать самолет в воздухе. От него отмахивались, как от назойливой мухи: не приставай, мол, с твоим гробом. Тогда Бассейн рассвирепел, сел в самолет и, не будучи пилотом, сам поднялся в воздух, сделал несколько кругов и благополучно сел. Внизу ошеломленные штабисты долго спрашивали друг у друга, кто это летает. Потом для порядка Бассейн несколько дней отсидел на гауптвахте, но за ним укрепилась слава отличного авиатора и механика.

Перед тем как купол покрыло туманом, самолет У-2 доставил со станции — в огромных термосах — горячий ужин из двух блюд. Чтобы не было свалки у термосов, их сопровождал всеми уважаемый Василий Васильевич Курбатов — станционный повар.

Бедный, бедный Жюль Верн! Мы, советские люди, тревожим твой почтенный прах, и ты, возможно, переворачиваешься в гробу.

На самом северном аэродроме мира, на куполе ледника, поднявшегося на 300 метров над уровнем ледового моря, ревут 4 000 лошадиных сил первого самолета, идущего к полюсу. До этого сюда, на купол, трактор привез готовый дощатый дом, сейчас самолет доставил в термосах прекрасный ужин, и его раздает повар в белом фартуке. Вот и придумай что-либо более будничное и вместе с тем более фантастическое.

Ужин, в несколько очередей из-за малого количества посуды, закончен. Единственная пара коек занята. Народу много, мест мало,

хочется спать. Нахожу замечательный закуток между стеной и двумя бочками с керосином. Здесь можно лечь то ли на спину, то ли боком, во всяком случае можно втиснуться. Керосиновая лужа не смущает, ее можно прикрыть резиновым мешком.

Экипаж самолета не спит: время от времени прогреваются моторы. Поминутно открывается дверь. Перекладываясь с бока на бок, слышу разговоры о погоде — погода улучшается, туман рассеивается...

...Никто полным голосом не произнес слова «вылетаем», но в одно мгновение это стало ясным. Казалось, должна была быть хотя бы маленькая суматоха. Ничего подобного.

Плотнее застегнулись. Зная, что и в тихую погоду под струей тысячесильных моторов болтающиеся тесемки больно хлещут по лицу, невольно тянешься руками к ушанке.

Командование решило, что сначала пойдет один самолет Н-170 — самолет Водопьянова. Он должен совершить посадку на полюсе, обставить площадку сигналами и, держа радиосвязь с о. Рудольфа, в зависимости от погоды дать приказ о вылете остальным трем самолетам.

Еще несколько лопат снега выкидываем из глубоких траншей, по которым пройдут лыжи самолета. Пятясь задним ходом, подходят два «Сталинца». Они должны сдвинуть с места примерзший, тяжело груженный самолет.

Погода отличная. Пятый час утра по московскому времени. Где-то далеко к югу над архипелагом держится туман. Остальной горизонт чист, предельно ясен.

Сняты чехлы, механики дают полные обороты, проверяя моторы, — достаточно ли они прогреты. За самолетом вздымается алмазная снежная пыль. Рев моторов заглушает человеческую речь, и, как всегда, именно в этот момент начинаются всяческие дружеские пожелания и напутствия. Если на них ответить словами: «ага, хорошо, обязательно», то, думается, большой ошибки не будет.

Милейший доктор о. Рудольфа желает нас снять. Именно таким я представляю себе приветливых чеховских героев; доктор сам немного похож на Чехова. Однако его фотоаппарата мы боимся. Этот аппарат, очевидно, был последним воплем техники на парижской выставке 1876 года. Светосила его такова, что при ярком солнечном свете нужно крепко держаться друг за друга, чтобы изображение на негативе не было смазано. Поэтому доктор предпочитает снимать группы флегматичных людей.

Водопьянов и Бабушкин уже на своих пилотских местах. Насквозь виден так называемый «Моссельпром» (штурманская рубка). В нем хозяйничает флагштурман экспедиции Спирин.

Пора собираться. Рысью обегаем провожающих. Со всеми целуемся, хотя удовольствие это посредственное — у нас, да и у всех, от мороза усы мокрые, текут носы. Но в таких тонкостях сейчас разбираться некогда.

Из самолета выкинуто для облегчения все, что только можно. Сняты всякие крепления, подставки для приборов, легкие откидные

сидения. Размещаемся втроем в центроплане. Федоров находится впереди, он будет помогать Спирину во время полета.

Сидим на баулах с теплой одеждой. Оставшиеся подходят, вернее, пролезают — сначала в люк, затем между штабелями продовольственных бидонов, через помещение механиков, через пилотское место. Вне самолета остался один лишь второй механик. Он будет следить, как тракторы сдвинут самолет, и по легкой, волочащейся по снегу лесенке влезет в самолет последним, на ходу.

Нам надлежит держать для него открытым люк и стоять на верхней ступеньке лесенки, чтобы ее лапки не соскочили с края люка.

Вот легкий рывок, моторы дают максимальные обороты. В люк каскадом летит снежная пыль. Влезает Гутовский и тут же машет рукой: «Проходите, мол, вперед, а то тяжело пилоту на взлете отрывать машину». Это нам хорошо известно; хотя и не хочется, но надо подчиниться. К счастью, радист Иванов поручил мне попридержать самолетную радиостанцию. Отсюда можно кое-как дотянуться до окошка и наблюдать момент взлета.

Самолет убыстряет бег. Толчки учащаются, внутри все гудит и резонирует. Вот проскочил мимо нас домик, группа машущих руками людей. Поднимаемся ли? Сколько было споров, разговоров и опасений — ведь машина предельно нагружена.

Машина начала свой бег с высшей точки купола ледника. Было решено использовать естественную покатость, чтобы оторвать тяжелую машину. Сейчас два варианта: или оторваться, или с разбегу соскочить с 15-метрового отвесного ледника на морской лед. Мы предпочитаем первый вариант.

Моторы, видимо, отдают все, что могут. Значит, работают 4 000 лошадок. Богатый выезд! Славные лошадки! Но вот толчки стихают. Еще один легонький толчок. Время 4 часа 50 минут.

Итак, мы оторвались, мы в воздухе.

Взлет произведен мастерски.

В самолете радость. Говорить нельзя, всё заглушают моторы, но поднятые большие пальцы и радостные кивки говорят о наших чувствах.

Несколько мгновений — и самолет покинул остров. Под нами большие разводья, мелкобитый лед. Однако — осторожность прежде всего. Водопьянов делает вираж влево. Под нами снова проплывают домики радиостанции. Ну, до свиданья, остров Рудольфа. Теперь долгие месяцы будем вспоминать о таких достижениях культуры, как печка, рукомойники, баня.

Жили мы тут, как сардинки в коробке, но всегда тепло будем вспоминать чудесный коллектив рудольфовцев, споры и сборы в кают-компании.

Пропали из виду домики, самолет постепенно набирает высоту, ложится на курс. «Ложится на курс»... Сухие слова. Голая техника. Самолет стал на победный путь, курс на полюс!

Наверняка радиомаяк уже монотонно бубнит буквы «Н» и «А». Он показывает нам путь.

Десятки полярных станций непрерывно следят за нашим самоле-

том. В Москве волнуются синоптики, давшие прогнозы погоды. От шквалистых ветров предельно нагруженному самолету непоздоровится.

Наши сообщения о самолете доходят до Москвы в течение нескольких минут.

Едва отлетев от о. Рудольфа, плохо его различаем. Ровный ледяной купол покатостью уходит в море, покрытое льдом. А ведь сейчас отличная солнечная погода, видимость предельно хорошая, — и все же остров плохо выделяется на общем фоне льда и неба.

Для облегчения работы пилота нам предложили перейти поближе к центру тяжести самолета. Стоим около механиков. На пультах механиков огромное количество различных приборов. Каждый мотор имеет свои приборы. Ровно и неуклонно стрелки маячат на цифре «1600» — это число оборотов мотора в минуту.

«1600» — абстрактное понятие. Более близок сердцу мерцающий круг трехлопастного винта. Иногда солнце освещает винт, и тогда как бы вспыхивает неугасимое пламя.

Стараешься сжаться, вдавиться в стенку. Чувствуешь себя виноватым обладателем никчемных в эту минуту рук и ног, которые мешают механикам.

Ширшов через окошко с левого борта время от времени фотографирует льды. Интересно проследить, как по мере продвижения на север изменяется их характер. Пока под нами широкие трещины, крупных полей нет. Мы меряем всё на свой аршин: поля такие, что садиться на них самолету было бы скучно.

Механики поочередно исчезают в левом крыле самолета. Потом первый бортмеханик идет к Водопьянову, что-то кричит ему на ухо. Разговор кончается быстро. Бассейн с бесстрастным лицом опять становится у пульта управления. Остальных механиков не видно. Но вот они по очереди появляются. Неурочный спрос на марлю и иод: заливаются многочисленные порезы на руках.

Лишь после посадки мы, пассажиры, узнали, в чем было дело. Вскоре после вылета с о. Рудольфа потек радиатор одного мотора. Это грозило тяжелыми последствиями: перегревом мотора и выходом его из строя.

По очереди в темноте, в невероятной тесноте, лежа вниз головой, голыми руками на 20-градусном морозе механики собирали незамерзающую жидкость тряпкой в ведро и лили ее обратно в радиатор. Эта работа длилась до момента посадки.

Одеты мы тепло. Меховые рубашки с капюшонами, меховые брюки, меховые чулки и меховые сапоги. Но мороз сказывается. Развлекаешься тем, что шевелишь пальцами ног. Топать ногами для согревания их в самолете не полагается.

После двух часов полета нам позволили перейти дальше к хвосту. Расположились на своих пожитках, у заиндевевших маленьких окошек.

Папанин мирно клюет носом. (Общее пожелание выспаться как следует до полета, конечно, не было исполнено.) Ширшов все время записывает характер видимого льда.

Не прошло и часа после вылета с о. Рудольфа, как впереди по курсу появились легкие редкие облака. Затем, дальше к северу, они стали уплотняться. Самолет постепенно набирает высоту. Во втором часу идем уже над сплошной облачностью на высоте 1 500—1 700 метров.

Очень редко открываются маленькие оконца в облаках, и внизу смутно виднеются трещины. Они менее широки, чем в районе о. Рудольфа.

Самолет с трудом набирает высоту, иногда пронзая легкое облако.

Тускнеет солнце. Меняется окраска оранжевого крыла.

Не будет ли обледенения? Не сядет ли переохлажденная влага на крылья стремительно несущегося сквозь облака самолета? Нет, обледенения нет.

С каждым часом опасность становится меньше. Каждый час самолет становится легче.

Мимо нас часто проходят Спирин и Федоров. У обоих в руках астрономические приборы. Открывается верхний кормовой люк самолета. Спирин высовывает полголовы наружу, крепко прижимается затылком к самолету, смотрит в прибор. Однако струя воздуха настолько сильна, что прибор невозможно удержать. Спирин явно недоволен. Он пробирается в самый хвост самолета: из более защищенного люка легче сделать наблюдение солнца.

Истекает шестой час полета. Спирин и Федоров вдруг забегали и оживились.

С сияющим лицом Женя кричит мне в ухо:

— Полюс!

Инстинктивное движение к оконцу. Надо посмотреть, как выглядит, хотя бы сверху, Северный полюс. Увы! Под нами все та же ровная, местами клубящаяся поверхность облаков.

По стенам внутри побежали солнечные зайчики. Самолет делает большой плавный круг, сходит с прямого курса. Скоро посадка.

Сердобольные люди учили нас, как надо вести себя при посадке на неподготовленном аэродроме:

«Упритесь ногами и руками в стойки, но так, чтобы перед физиономией не было никаких предметов».

Поступили согласно этой инструкции. Всем трем хорошо, но у Жени Федорова руки заняты ящиком с хронометрами. Он считает, что лучше разбить лицо, чем драгоценные для нас приборы. Усаживаем его среди мягких баулов, как в гнездышко.

Механики разматывают через весь самолет, от хвоста к пилотскому месту, стальной тросик.

Большими виражами с высоты 2 000 метров уходим вниз. Вот и облака. Меркнет солнце. Освещение становится серым, скучным.

Вдруг в нос ударяет едкий запах горелой резины. Очевидно, у Симы Иванова [1] в самолетной радиостанции короткое замыкание и, судя по запаху, весьма основательное.

---

[1] Серафим Иванов — флаградист флагманского самолета СССР-Н-170 М. В. Водопьянова.

Для того чтобы понять, что значит искра или короткое замыкание на самолете, где кругом в баках много тонн бензина, где сам воздух насыщен парами бензина, нужно побывать на самолете и понюхать гарь.

Продолжаем итти на посадку.

Все еще облака. Когда они кончатся? А может быть, внизу туман лежит на поверхности льда?

На высоте 500 метров выходим из облаков.

Большие поля, гряды торосов, неширокие трещины. Водопьянов осмотрительно выбирает наиболее благоприятное место, делает несколько кругов. Круги сужаются, очевидно пилот уже нацелился на определенное место.

Ну, кажется, идем на посадку.

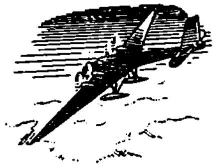
Нет, не посадка, а крутой вираж. Настолько крутой, что дух захватывает. Ждем, что сдвинутся наши крепко привязанные грузы и шарахнут по борту самолета. Виражим уже над самым льдом. Высоко-высоко задирается правое крыло.

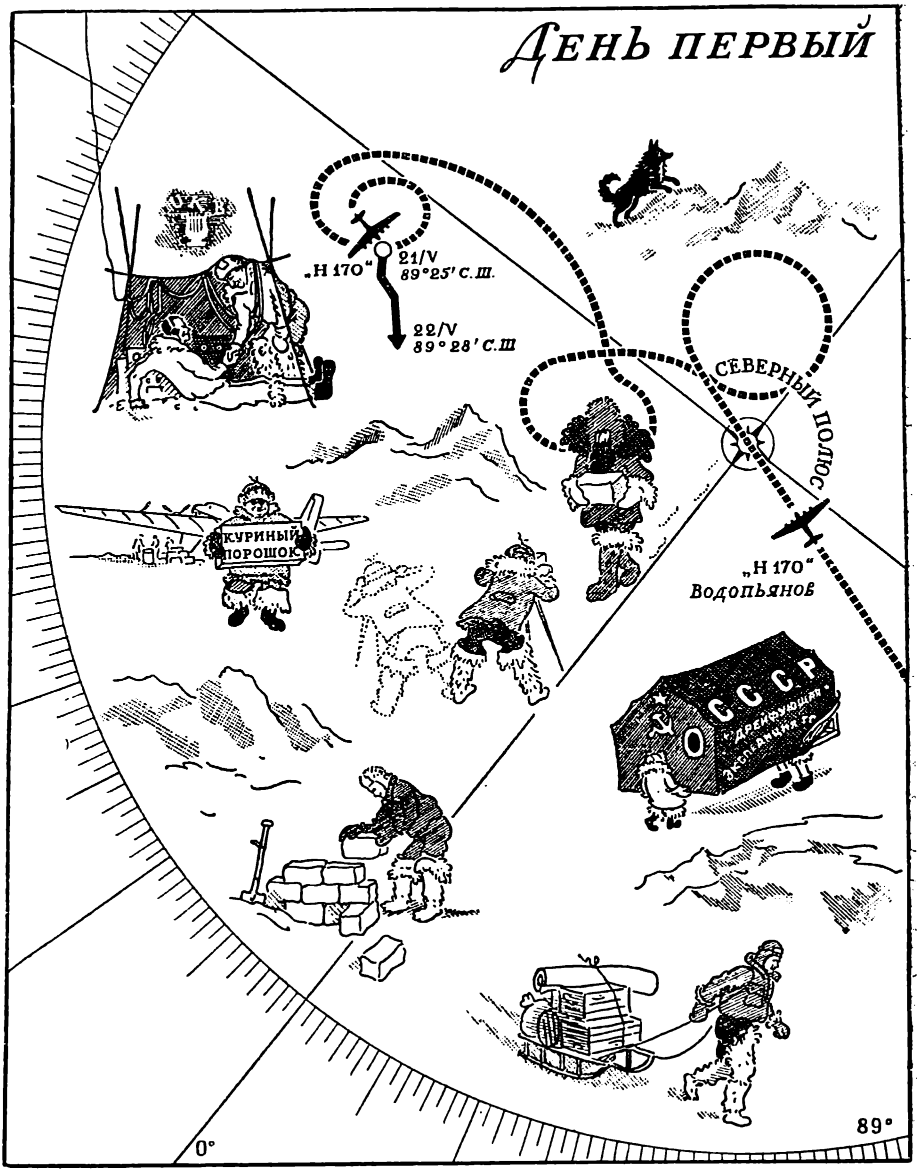
Затем мгновенно самолет выравнивается. Приближаются торосы. Идем совсем низко, всего на высоте 5—10 метров. Что за чорт! Под правым крылом мелькнул огромный торос. Еще ниже, еще...

Моторы сбавили обороты. Посадка.

Маленькая пробежка, всего лишь 240 шагов, и самолет стал.

Ура! Мы на полюсе!

21 *мая. Северный полюс.* Сияющие лица. У люка оживление. Скорее на лед, скорее посмотреть, как выглядит полюс. Первым вылезает кинооператор Маркуша Трояновский. Затем высыпают все тринадцать человек. Спирин и Федоров захватывают астрономические приборы. Солнце хотя и плоховато, но просвечивает сквозь облака.

Как хорошо покурить на Северном полюсе после шестичасового воздержания!

Поздравляем друг друга, восхищаемся деталями полета и посадки. Не верится, что мы на полюсе, не верится, что в такой прозаической обстановке осуществилась столетняя мечта прогрессивного человечества. Однако общее и собственное возбуждение, радостные возгласы, веселые глаза лишний раз подтверждают, что знаменательное событие произошло.

Северный полюс надо обмыть и спрыснуть. Извлекается из самолета бутылка коньяку и несколько алюминиевых кружек. Кружки расставляются на снегу, виночерпием являюсь я. Пробку прячу в нагрудный карман: когда-нибудь буду показывать ее внукам.

Одну бутылку разделить на тринадцать человек — дело хитрое, но так как это только традиция, то претензий на неравное распределение не поступает.

Тост один, краткий, но сказано все. Поднимаем кружки:

— Товарищи, за нашу замечательную страну, за нашего Сталина! Ура!

Дружно гремит троекратное «ура». И кружка холодная и густой от мороза коньяк обжигают, но за такой тост что угодно выпьешь.

На этом закончилась торжественная часть.

Работа, о которой многие месяцы думали, к которой долго, кропотливо готовились, в которой все продумано до всех мелочей, — начинается.

Начинается экзамен, переэкзаменовок не дано и не будет.

Механики закрывают моторы чехлами. Двое подают вещи из самолета. Около самолета растет груда предметов первоочередной необходимости: карты, палатки, кухонная посуда, теплая одежда.

Шмидт и Водопьянов уже потащили первые нарты с грузом к ближайшей гряде торосов. Будущий лагерь уходит от самолета, чтобы палатками не загородить площадку для следующих самолетов.

Сима Иванов потрошит свою радиостанцию. Надо дать связь... Последняя наша радиограмма сообщает, что мы прошли 89-ю параллель. Затем на полуслове связь оборвалась. Передатчик самолета вышел из строя.

Связь, связь — во что бы то ни стало и как можно скорее...

— Ну, что там у тебя случилось, Сима?

— Плохо дело, сгорел умформер.

— Отремонтировать можно?

— Нет...

Вопрос излишний: где уж тут ремонтировать обмотку, которая состоит из сотен метров провода, втиснутого заводом в пазы якоря.

К сожалению, не удалось полностью захватить нашу радиостанцию, специально построенную для дрейфующей станции. Она весит немногим больше полутонны. С нами прибыла только аппаратура, необходимая для пуска станции и минимальной ее работы. Привезли всего лишь один комплект аккумуляторов да небольшой бензиновый двигатель для их зарядки. Ни ветряного двигателя, ни велосипеда с машинкой для аварийного питания передатчика у нас нет.

Рассчитывали, что сразу после посадки связь с о. Рудольфа установит значительно более мощная самолетная рация, а мы не спеша развернем свою станцию. Непредвиденный выход из строя самолетной радиостанции нарушил весь наш первоначальный план. Конечно, на крайний случай можно было попытаться произвести ремонт. Но ремонт отнял бы очень много времени, и почти наверняка можно сказать, что попытка эта так бы и осталась попыткой.

Поэтому я приступил немедленно к развертыванию своей радиостанции.

Аппаратуру уже выгрузили из самолета. Вот они — серые, крепкие фанерные ящики, обитые парусиной: № 1 — основная станция и № 2 — запасная. Ящики с набором инструмента, две складные мачты, зашитые в темнокоричневый коленкор. На каждом предмете крупно написан номер. По списку точно известно, что находится в каждой упаковке. Но ни номера, ни списков не нужно. Все известно наизусть. Спросонок ответил бы, где, в каком ящике, слева или справа, наверху или внизу лежит та или иная деталь.

Без лишних объяснений все в эту минуту понимают, что связь надо дать немедленно и прежде всего.

Папанин и Ширшов помогают мне — ставят небольшую темнозеленую палатку. Спирин и Бабушкин раздвигают мачты, оснащают их такелажем.

Температура низкая, ниже 15°. Пасмурно. Свежий ветерок студит голые руки. Надо спешить, но все-таки следует накрыть и прибрать инструмент; иногда слегка метет. Пустые карманы наполняются веревочками. Бросать их жалко, надо сохранить каждую.

— Веревочка? Дай сюда веревочку, пригодится и веревочка!

Здесь, как нигде, действует арктический закон: каждый гвоздь, если учесть стоимость его доставки и значимость, становится серебряным.

Особенно внимательно во время выгрузки следим за аккумуляторами. Их два комплекта, по две штуки. Один — 12-вольтовый, питающий машинку радиопередатчика, накал передатчика и накал приемника. Другой аккумулятор — анодный. Вес 12-вольтового — 40 килограммов.

Сейчас некогда заниматься удобным размещением приборов, некогда думать об удобствах. Все ставится на снег в палатке. Меховая куртка служит и полом и стулом. Соединять провода, налаживать хозяйство приходится стоя на коленях. Эх, не люблю стоять на коленях!

Не так скоро все налаживается, как хотелось бы. Из-за мелочи — из-за отвертки, из-за бумаги, из-за вольтметра приходится раскрывать все новые и новые упаковки.

Установка станции заняла почти четыре часа. Наконец в четвертом часу дня 21 мая 1937 года включаю машинку передатчика. Аппаратура проверена на о. Рудольфа, осечек быть не может. Заглушенное гудение машинки, спрятанной в ящике, показывает, что все в порядке. Но это только кажется. Не успел я заняться настройкой передатчика, как услышал изменение оборотов машинки, гудение пере-

ходило на все более низкие тона, обороты падали. Вольтметр только подтвердил печальную истину: аккумуляторы сели, разрядились. Это моя ошибка. Я был слишком высокого мнения о качестве аккумуляторов. На о. Рудольфа мы каждый день ждали вылета. Аккумуляторы были заряжены, упакованы, отвезены на аэродром и погружены в самолет. Так они простояли две недели и за это время успели почти полностью саморазрядиться. Опять задержка. Надо притащить двигатель с динамомашиной, распаковать его, установить на снегу и приступить к зарядке аккумуляторов.

У двигателя работает Папанин. Небольшой трехсильный двигатель с воздушным охлаждением дает 3 000 оборотов. Колышки в снегу не держатся. По очереди стоим на раме двигателя и чувствуем себя как во врачебном кабинете: быстрая вибрация двигателя похожа на массаж.

Вытаскиваем мелкие резиновые пробки из аккумуляторов. Раствор щелочи, чтобы лучше противостоял морозам, очень крепок. Это мы отлично замечаем через несколько часов по нашим большим и указательным пальцам, не промытым из-за отсутствия воды.

Часа для зарядки явно недостаточно, но аккумуляторы немного ожили. Пока аккумуляторы еще дышат, можно послушать, что делается в эфире. Приемник включен и работает безупречно.

На о. Рудольфа знают, что больше шести-семи часов мы не можем быть в полете. Однако через одиннадцать часов после вылета, в пятом часу вечера, первое, что я слышу, — это работа радио о. Рудольфа. Значит, там считают возможным, что мы еще в воздухе.

Работают радиомаяки района Карского моря.

Ритмичны и монотонны сигналы. Заунывные, все одни и те же, они звучат и тревожно и тоскливо. За этими сигналами чувствуются живые люди, полные волнения и тревоги.

Довольно слушать. Кроме маяков, ничего нет. Надо пускать передатчик и звать. Звать до тех пор, пока не ответит любая наша станция.

Перед вылетом с о. Рудольфа был точно установлен порядок связи. Каждый час слушают нас на длинных волнах — порядка 600 метров, каждые полчаса на коротких волнах — порядка 60 метров. Одна из этих волн должна пройти до острова Рудольфа наверняка.

Передатчик работает хорошо, ток в антенне есть, волны с особой точностью проверены по графику.

Палатка вся занята аппаратурой. Над головой висят провода. Работать приходится лежа на боку. Ноги не помещаются в палатке и высовываются наружу.

Тут же справа, согнувшись на ящике, неотлучно и молчаливо сидит Шмидт. Завидуешь его внешнему спокойствию. Ни одного нервного замечания, так понятного в этой напряженной обстановке.

Проходит час за часом. Попеременно — слушаю, затем пускаю передатчик. Опять вынужденная задержка. Опять надо подзарядить аккумулятор.

Можно немного размять ноги и застывший левый бок, но ненадолго. Через 30—40 минут снова слушаю, пуская передатчик. Все ра-

ботает отлично, все проверено и просмотрено не трижды, а десятки раз. Занят работой и в то же время собираешь нервы в кулак, подавляешь тяжелые мысли.

Сейчас дело исключительно за связью. Если не будет связи, могут быть непоправимые последствия. Значит, должно получиться. Связь будет.

А Рудольф все время бубнит. Ясно, что сквозь мощные сигналы он не слышит слабеньких вызовов нашего 20-ваттного передатчика. Все остальные радиостанции находятся значительно южнее. Следовательно, там нас слышат еще слабее.

Но вот в 17 часов слышу, как всем предлагается прекратить работу и следить за нами непрерывно на всех волнах.

Остров Рудольфа также прекращает работу.

«Слушаем на всех волнах»...

Однако наши вызовы всё еще остаются без ответа. Опять надо зарядить аккумуляторы. Спустя полчаса останавливаю двигатель. Не терпится. Снова и снова пытаюсь связаться с Большой Землей... Следуют коротенькие вызовы на условленных волнах.

Включая приемник, каждый раз думаешь услышать ответ острова Рудольфа. Сколько требуется острову Рудольфа времени для пуска передатчика? Должно быть, 15—20 секунд... Смотрю на часы. 20 секунд можно подождать. Проходят и 20 и 30 секунд — о. Рудольфа молчит... Опять неудача...

В 21 час 30 минут снова зову: «UKB UKB de UPOL pse kk» («о. Рудольфа, о. Рудольфа, здесь Северный полюс, прошу отвечать»).

Во время работы вдруг совершенно ясное ощущение: сейчас нас услышат, будет ответ. Уверенность так велика, что хочется сказать об этом сидящему рядом Шмидту. Но вызовов были десятки. Неудобно как-то на полюсе в такой момент заниматься черной и белой магией. Лучше промолчать.

Приемник включен...

Быстро, как пуля, появляется в эфире о. Рудольфа. С бешеной скоростью несутся точки, тире нашего позывного. Вот ошибка, вот срыв буквы. В такие минуты даже видавшие виды опытные радисты нервничают и ошибаются.

По всему видно, что нас услышали. У меня по лицу расплывается улыбка. Отворачиваюсь, чтобы Шмидт не видел ее, — ведь пока даются только позывные. Надо подождать, что скажет Рудольф.

Но вот слова:

«Ну и радость тут... Где вы? Давай сюда сообщение».

Шмидт и я жмем друг другу руки.

— Они подождут, пока я напишу телеграмму? — спрашивает Отто Юльевич.

— Конечно, — отвечаю.

Кто говорит, что небесной музыки нет? В полном сознании и твердой памяти утверждаю, что есть еще более прекрасные вещи. Например: установление связи группы людей, находящихся на дрейфующем льду Северного полюса, с родной землей, да еще после двенадцатичасового перерыва.

Пока Шмидт пишет телеграмму, говорю с островом Рудольфа.

Ну, конечно, нас услышал известный эфирный снайпер Коля Стромилов.

Прежде всего отстучал:

— Я — UPOL. Вас ясно вижу. 88!

«Ясно вижу» — наш коротковолновый жаргон. А «88» в переводе на русский язык значит: «любовь, поцелуй».

Дальше сообщаю самое главное:

«Все живы, самолет цел... У Симы перегорела его основная машинка. У меня садится аккумулятор... Пишем радиограмму; лед — мировой»...

Волнуясь и спеша, отвечает Стромилов.

Узнаю подробности тревожных часов, которые провели наши товарищи на о. Рудольфа. Уже наступила ночь. День закончился мрачно, тоскливо. Умолкли обычные шутки. Москва шлет запрос за запросом. Густым туманом заволокло купол, на котором наши друзья уже готовили самолеты, чтобы лететь на поиски.

И вдруг совершенно неистовый вопль Стромилова:

— Слышу!..

В соседних комнатах люди соскакивали с коек, хлопали двери, из соседних домов бежали в нижнем белье, босиком по снегу. В мгновение ока небольшая радиорубка наполнилась доотказа, как московский трамвайный вагон в часы «пик».

Стромилов пишет. Мошковский, изогнувшись, из-под его локтя шепчет вслух каждое записанное Стромиловым слово. Этот шопот слышат все...

Идет телеграмма номер один с Северного полюса. Полюс заговорил. Телеграмма адресована Москва — Главсевморпуть. Рудольф — Шевелеву.

«В 11 часов 10 минут самолет СССР-Н-170 под управлением Водопьянова, Бабушкина, Спирина, старшего механика Бассейна пролетел над Северным полюсом.

Для страховки прошли еще несколько дальше. Затем Водопьянов снизился с 1 750 метров до 200. Пробив сплошную облачность, стали искать льдину для посадки и устройства научной станции.

В 11 часов 35 минут Водопьянов блестяще совершил посадку. К сожалению, при отправке телеграммы о достижении полюса внезапно произошло короткое замыкание. Выбыл умформер рации, прекратилась радиосвязь, возобновившаяся только сейчас, после установки рации на новой полярной станции.

Льдина, на которой мы остановились, расположена, примерно, в 20 километрах за полюсом по ту сторону и несколько на запад от меридиана Рудольфа. Положение уточним. Льдина вполне годится для научной станции, остающейся в дрейфе в центре Полярного бассейна. Здесь можно сделать прекрасный аэродром для приемки остальных самолетов с грузом станции.

Чувствуем, что перерывом связи невольно причинили вам много беспокойства. Очень жалеем. Сердечный привет.

Прошу доложить партии и правительству о выполнении первой части задания.

Начальник экспедиции *Шмидт*».

Едва успев получить квитанцию, сразу принимаю ответ Рудольфа.

«Северный полюс. *Шмидту, Водопьянову, Папанину*, всему экипажу и зимовщикам.

Поздравляем, обнимаем, целуем. Гордимся вами. Счастливы успехом нашей родины. В рубке собрался весь коллектив. С замиранием сердца следим за каждой буквой, выходящей из-под карандаша Стромилова.

Подробности только лично. В эфире не принимаем. Ждем от вас путевку на вылет.

По поручению коллектива *Шевелев, Молоков*».

И тут же начинаются деловые будни.

— Кренкель, давай метео!

— Приборы еще не установлены, могу только дать погоду описательно.

— Надо скорее, сейчас!

— Подождете. Тысяча девятьсот тридцать семь лет после рождества христова никто не знал погоды полюса, потерпите еще полчаса.

— Ну ладно, пока.

— Пока.

На этом закончился первый обмен телеграммами Северного полюса с островом Рудольфа.

Договариваемся о порядке последующей работы. Долго и трудно устанавливалась первая связь. Теперь все пойдет, как по маслу.

Уже прошла полночь. Следующий срок связи назначен в шесть часов утра. Надо еще воспользоваться свободным временем и зарядить аккумуляторы. Все уже спят. Пасмурное небо сеет мелким снежком. Метет порывистый ветер. Холодно от долгого неподвижного лежания на боку в палатке у радиоприборов. Честно заработанный в Арктике ревматизм сильно дает себя знать.

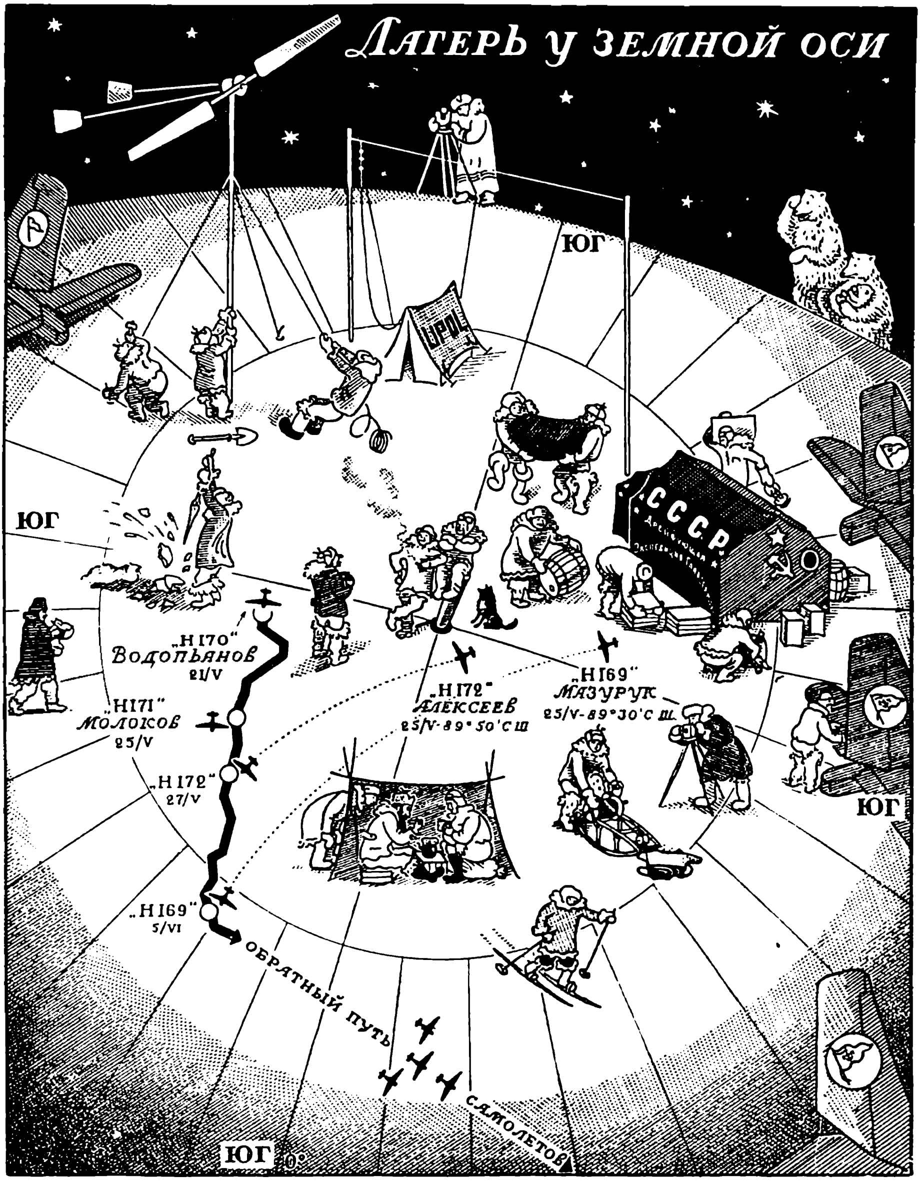
Трудно привыкнуть к мысли, что погреться негде. Все кажется, что вот куда-нибудь забежишь и отогреешься. Но, увы, забежать некуда. Согреться можно либо чаем, либо — напялив на себя побольше теплой одежды.

Кончена зарядка. Очень хочется спать. Но утром надо дать первую метеосводку. Вместе с Папаниным устанавливаем нашу метеобудку, укрепляем в ней приборы.

Даже чаю не пьем — нет терпенья возиться с примусом и ждать. Забираемся в жилую палатку. Рядышком, в спальных мешках, давно уже спят Ширшов, Федоров и неразлучный наш общий друг кинооператор Марк Трояновский. Места маловато, но зато от тесноты быстро разливается по телу блаженное тепло. Хозяйственные мысли и планы путаются с сознанием, что мы на полюсе и все в порядке.

Да, денечек был горячий. Наступает сон.

22 *мая.* Спать пришлось недолго. Уже часа через три разбудили. Все давно встали, тянут меня из мешка — надо передавать первое метео.

Вылезать из нагретого мешка неохота. Но ежели это проделать быстро — не страшно.

Федоров записал в журнал первое метео:

«Северный полюс. 22 мая 06 часов московского времени. Давление 761. Температура минус 12. Ветер 8 метров западный (по гринвичскому меридиану), порывистый. Туман. Солнце просвечивает. Видимость 1 километр. Слабый снег».

Первое метео с Северного полюса! Оно уже принято на о. Рудольфа. Дальше метео наши пойдут на материк и включатся в международную сводку погоды Северного полушария.

До сего времени, составляя эту карту погоды, синоптики пользовались сведениями нескольких канадских и многочисленных наших полярных станций. Неосвещенной оставалась вся огромная территория центрального бассейна Северного Ледовитого океана. Синоптики могли как угодно и что угодно чертить на карте. Где-то за Шпицбергеном, за Землей Франца-Иосифа изобары обрывались. Можно сказать, синоптики буквально — правда, не по своей вине — прятали концы в воду.

С нашим появлением на полюсе положение изменилось. Мы даем точные сведения о погоде. Как их увязать со сведениями других полярных станций, это уж дело синоптиков. Наш маг и чародей по части погоды Б. Л. Дзердзеевский, отлично обслуживавший прогнозами нашу экспедицию, прямо и честно заявил:

— Теперь стало труднее. Раньше чертил всякие линии. Правильно или нет — было покрыто мраком неизвестности. А вот теперь изволь учитывать ваши сведения.

Сегодня Шевелев сообщил, что вчера во время полета на полюс мы попали в «просмотренный» циклон, который двигался от Гренландии на юго-запад. Нет ничего удивительного, что циклон был просмотрен. Его могли заметить только станции Шпицбергена, когда циклон уже достиг их.

Трем самолетам экспедиции, оставшимся на о. Рудольфа, теперь итти к нам на полюс будет значительно легче. Прежде всего им известно, что здесь есть хорошая посадочная площадка. Кроме того, руководствуясь нашим метео, они могут вылететь с Рудольфа даже при плохой погоде.

В случае, если самолеты нас не сразу найдут, решено не тратить драгоценного бензина, а садиться где-либо в районе полюса. Установив затем радиосвязь, будем решать, кто к кому летит на соединение.

Весь день сегодня непрерывно возился с радиостанцией, с двигателем, часто работал с островом Рудольфа. Не успел даже оглядеться, рассмотреть как следует наше ледяное поле, на котором предстоит провести долгие месяцы дрейфа.

23 мая. Стромилов сообщает, что сегодня московские газеты напечатали телеграммы о высадке на полюсе. За газетами очереди. Эх, нам бы одну! Хотя радиостанция еще не развернута полностью, решено дать каждому из 13 первых полюсных жителей по 25 слов. Пиши кому хочешь.

Телеграммы все одинаковы: «Дорогая» — дальше следует женское имя. Пусть радуются и гордятся наши Наташи, Маруси, Ани и Оли.

Одному из нас пришлось писать в два адреса. Своей властью увеличил паек на целых пять слов. Умеешь делить чувства — дели и телеграммы. У Марка Трояновского явно невыгодная знакомая: один лишь адрес требует 11 слов.

Во второй половине дня огромная неожиданная радость. Принял правительственную телеграмму за подписью товарищей Сталина, Молотова, руководителей Партии и Правительства.

Правительственная № 2768. 106 сл. 23. V. 20 ч. 12 м.

Начальнику экспедиции на Северный полюс
товарищу *О. Ю. Шмидту*.
Командиру летного отряда
товарищу *М. В. Водопьянову*.
Всем участникам экспедиции на Северный полюс.

Партия и правительство горячо приветствуют славных участников полярной экспедиции на Северный полюс и поздравляют их с выполнением намеченной задачи — завоевания Северного полюса.

Эта победа советской авиации и науки подводит итог блестящему периоду работы по освоению Арктики и северных путей, столь необходимых для Советского Союза.

Первый этап пройден, преодолены величайшие трудности. Мы уверены, что героические зимовщики, остающиеся на Северном полюсе, с честью выполнят порученную им задачу по изучению Северного полюса.

Большевистский привет отважным завоевателям Северного полюса!

И. Сталин,
В. Молотов,
К. Ворошилов,
Л. Каганович,
М. Калинин,
А. Микоян,
А. Андреев,
А. Жданов».

На четвереньках из палаток вылезали их обитатели, от самолета бежали люди. Шмидт читал ровным громким голосом.

Абсолютный штиль, мягко падает снег.

Такие минуты незабываемы...

А затем начались будни. Весь день Папанин, Ширшов, Федоров и Трояновский долбили лунку во льду. Какая толщина! Работа тяжелая. Наши пешни сделаны малость тяжеловатыми. Все руки отмахаешь. Для того чтобы орудовать лопатой, надо шахту делать довольно широкой. Постепенно она сужалась. После двух метров пришлось перейти на обычный способ, то есть оставить в середине лед нетронутым и ровно, аккуратно углублять кольцевую канаву. Если по неосторожности пробить лед в одном месте, то вода забьет сильным фонтаном и зальет шахту. Лед постепенно серел, и наконец хлынула бурлящая вода. Затем больше часа длинной пешней тыкали в воду, выбивали бабку. Толщина льда 3 метра 10 сантиметров.

Стромилов спрашивает с острова Рудольфа: передавать ли поздравительные телеграммы или прислать самолетами?

Клуб одного ленинградского завода предложил немедленно начать партию шахмат по радио. Чтобы мы не усомнились в серьезности предложения, нам сообщили, что играть будут мастера первой категории. Мы всю жизнь мечтали о таком предложении. Ох, и насмешили!

24 мая. Поземок. Ветер. Порой метет пурга.

На льдине идет бурная заготовка местных строительных материалов. Дом для радиостанции, сложенный из снежных кирпичей, вполне отвечает даже самым придирчивым требованиям строительной техники. Сооружен он общими усилиями всего коллектива. Из тесной и неудобной зеленой палатки, где я работаю скрючившись, вытягивая ноги на снег, переберусь в дом не без удовольствия.

Новый дом опущен на полметра в снег. Крышей служит белый шелковый парашют, кстати сказать, имеющий весьма примечательную биографию и переживший немало злоключений.

Дом разделили на две половины. В одной — машинное отделение, в другой — рубка. Аппаратура будет стоять на снежном ларе, а сидеть я буду на жестяной банке с продовольствием. Суну под руку добрую полсотню папирос и дюжину карандашей — и новая рация готова.

25 мая. Исключительно хорошая погода.

С утра собираются вылететь самолеты с острова Рудольфа. Хочется бродить и работать, как все остальные, но я привязан к приемнику. Лежу на боку и слушаю. Иногда кто-нибудь подходит и через стенку палатки справляется о последних новостях.

В 23 часа 05 минут три самолета вылетели к нам. Незаходящее солнце сияет, как днем, и находится... где же оно находится? На севере? Но ведь мы-то сидим на самом севере! Значит, солнце на юге.

Все громче и громче сигналы самолетов.

Наконец увидели самолет Молокова. Он старательно заходит на обеспеченную площадку. Вдруг под правую лыжу попадается ледяной ропак. Самолет сильно подпрыгивает, но все кончается хорошо.

Ура! Нашего народу прибыло. Рад, что приехал ветряк. Надоело возиться с капризным двигателем.

Позднее выяснилось, что Алексеев и Мазурук сели в разных местах. Посадки благополучны.

Досадно, что они не с нами.

26 мая. Закончили строительство снежного радиодома. Особенными строительными способностями отличился Ширшов. Крыша из белого шелка хорошо пропускает свет. Освещение ровное, как в хорошем фотоателье.

Двигатель укрепили: в ледяном полу сделали лунки и в них вморозили веревки. Монтажные работы не сложные — ткнул палкой в стену и протаскивай провода. Полюс имеет кое-какие удобства!

27 мая. Все дружно помогали ставить ветряк. Самое сложное — это крепить оттяжки. Дорылись до льда и загнали туда железные штыри. Легкий ветерок вскоре заставил ветряк заработать. Загорелась контрольная лампочка. Очень доволен, что могу дать отставку двигателю. Зарядка аккумуляторов идет полным ходом.

28 мая. В палатке Шмидта живут еще Водопьянов, Бабушкин и Спирин. В свободное время увлекаются преферансом. Палатка из шелка земляничного цвета. Любая девушка гордилась бы платьем из такого материала. Когда в пасмурный день просовываешь голову в палатку, то настроение улучшается: внутри всегда солнышко.

Внутрь не приглашают, нет места. Через кишку, которая всегда завязана, чтобы не задувало ветром, просовываешься до пояса и устраиваешься на ногах обитателей палатки. Чувствуешь себя гостем наполовину. Другая половина находится вне палатки.

Кухней завладел Папанин. Она размещена в шелковой прорезиненной палатке. Если изнутри зашнуроваться, то можно нагнать тепло. Так уютно, что не хочется вылезать. Жаль, что места мало. В палатке могут разместиться четыре человека, но не умещаются восемь ног в огромных валенках.

Утром пили свежее молоко. Захватили с о. Рудольфа несколько бутылок. Они, конечно, потрескались. Очищали мороженое молоко от стекла, как крутые яйца от скорлупы. Потом разогревали и осторожно пили, чтобы не проглотить стекла. Жаль, что приходится выплескивать последний глоток.

Прилетел Алексеев.

Посещаем в качестве гостей по очереди все самолеты. Пилоты косо на нас смотрят, так как гости всегда стараются что-нибудь прихватить, не гнушаясь ничем. Инструмент, всякие проволочки, алюминиевые трубы, провода, электрические лампочки — всё мы хотим получить.

Папанин сначала угощал всех замечательной украинской колбасой, но потом, когда нас стали гонять от самолетов, угощение прекратил. Крепились, крепились летчики, а теперь пришли.

Иван Дмитриевич выработал таксу и бодро проводит товарообменные операции: одна колбаса — метр алюминиевой трубы. Все довольны, все смеются.

Сегодня установили свою основную жилую палатку. Довольно скучно голыми руками на морозе управляться с маленькими гайками, но собрали быстро. Ну до чего хорошо в нашей большой палатке после маленьких экспедиционных!

29 мая. По горло заняты хлопотами. Даже для сна почти не остается времени. Отдыхаем урывками.

Все эти дни торопились поскорее освободить самолеты. Теперь, наконец, разгрузка закончена. Пустые самолеты стоят на нашем аэродроме, а мы всё ходим, расставляем и пересчитываем выгруженные ящики и банки. Как будто можно еще что-нибудь выкачать из утробы воздушных кораблей.

Постепенно поселок на льдине обстраивается и обживается. На снежном фоне хорошо выделяется наш жилой дом — черная палатка, обтянутая парусиной.

Собрали ее, свинтили, обтянули чехлом, устлали шкурами. В палатке тепло, уютно. Сейчас пристраиваем к ней снежный тамбур и кухню, — получится очень неплохая отдельная квартира из трех комнат.

Неподалеку поднимается из снега радиорубка, разбито еще шесть палаток.

Таким образом у нас образовался целый городок.

В связи с окончанием первой очереди «строительства» состоялось новоселье. Переехали из легких временных шелковых палаток в «жилой дом». Впрочем, дом сам тоже легок, его можно поднять и унести силами жильцов.

Заработала наша ветровая электростанция. Обдуваемая полярным ветром, она весело машет крыльями, оживляя пейзаж и радуя наше сердце. Станция «сдана в эксплоатацию», она уже зарядила аккумуляторы. Теперь в наших руках имеется неисчерпаемый источник электрического тока для связи.

Пока не улетели самолеты, лагерь очень оживлен. Скоро он опустеет.

Не терпится приступить к исследованию полюса. Федоров и Ширшов ведут уже регулярные астрономические, магнитные и метеорологические наблюдения. Но под нами, под трехметровым слоем льда, начинается непромеренная и неизученная толща воды. Хотим знать глубину океана, взять пробу грунта. А гидрологическая лебедка находится на борту самолета Мазурука. С нетерпением ожидаем его прилета.

Держим связь с Мазуруком. Занимается этим делом Стромилов с корабля Молокова. Изредка слышу дикие вопли Стромилова. Это он меня ругает за пущенный ветряк. Ветряк сильно мешает приему.

30 мая. Наступили будни. Все работы идут строго по плану, нарушаем его только в авральных случаях. Однако, кроме плановой работы, приходится вести «капитальное строительство». Время заполнено доотказа.

Все мы пока что и строители, и товароведы, и грузчики. Сейчас рассортировали все грузы. Распределяем их на нескольких базах, в разных концах льдины. При сжатии льдов мы не должны потерять свои запасы.

Жилой дом снискал общую зависть участников экспедиции. В нем сделаны настоящие койки и столы. Пол закрыт оленьей шкурой, стены утеплены. Участники называют эту палатку «Домом Советов». Это и есть дом советских людей на Северном полюсе.

Мазурука все еще нет. Несколько раз говорили с ним по радио. Летал на поиски его Молоков — вернулся, не обнаружив.

1 июня. Пасмурный день, временами волнами находит туман. Температура воздуха минус 2 градуса, но ветер влажный, и снег отсы-

рел. В снежных радиорубке и кухне стены тоже стали влажными, и мы боимся, что они завалятся.

Пока у нас попрежнему стоят три самолета: Н-170, Н-171 и Н-172 (Водопьянов, Молоков, Алексеев). У экипажа самолетов и у нас расписание дня различное. Наша четверка ложится спать в 1—2 ночи по московскому времени. Встаем в 12 дня и пьем чай или какао. Федорову и мне приходится вылезать из мешка еще в 6 утра. Федорову — для метеонаблюдений, мне — чтобы передать его метео. После этого иногда удается в 7 утра послушать станцию имени Коминтерна, узнать содержание сегодняшних газет. Потом отправляюсь досыпать.

Приемник у нас слабоватый, рассчитан главным образом на телеграфный прием. Поэтому Москва идет очень слабо. Несомненно, осенью, с темнотой, прием улучшится.

Сегодня походим на лыжах по нашему полю. В диаметре оно имеет около километра и представляет собой старую, матерую льдину. По краям идет вал больших, занесенных снегом торосов, свидетельствующих о прежних схватках с соседями. Затем идет вал из сравнительно молодого льда толщиной в 50—70 сантиметров, затем трещина шириною в метр. Эта трещина обходит нашу льдину с трех сторон, и мы находимся как бы на большом блюде. Толщина льда 3 метра.

Льдина, очевидно, надежная и нас особенно беспокоить не будет. Это неплохо. Ведь прожить на ней предстоит минимум девять месяцев.

Сегодня дежурил Петя Ширшов. Изготовлены перловый суп, рисовая каша, черносмородиновый кисель. Сыты и довольны. Вечером удалось на длинных волнах связаться с мысом Желания. Мощность у нас обоих до 20 ватт, а перекрываем около 1 500 километров. Вот что значит Арктика.

Открыли банку с московским тортом — подарок от фабрики питания. Торт замечательный, и в ящике трогательная записка от мастера.

Все хорошо, только вот ноги все время сырые и поэтому мерзнут. Мы уже привыкли быть на воздухе и не замечать весьма прохладной температуры.

Папанин надел сегодня кожаные сапоги, но мне сидеть в них в ледяной радиорубке нельзя.

2 июня. Продолжается мерзкая погода. Пасмурная, временами густой туман. Хотя слегка морозит (температура минус 2 градуса), но снег тает, ветер наметает сырые сугробы. В нашей палатке-доме так хорошо, что не хочется вылезать.

С утра разобрал палатку, служившую нам кухней, и отнес ее подальше от края поля. Перенес туда часть запасного радиоимущества. Это будет резерв на случай утери действующей аппаратуры.

Сначала кухню и радиостанцию думали поместить в жилой палатке. Теперь радио вынесли в снежный дом. Так же поступили и с кухней, которую разместили в снеговой пристройке к жилой палатке.

От этого в доме просторней и чище. Возможно, когда наступят холода, придется рации переезжать в дом, но пока мы поживем в более культурных условиях.

Папанин сегодня дежурный по кухне. Иван Дмитриевич сделал замечательные котлеты из мясного порошка, добавив к ним несколько кусков мяса, пропущенного сквозь машинку.

К обеду прямо на пол, на шкуры, кладется лист фанеры. Рассаживаемся вокруг.

Аппетит у всех зверский. Правда, едим только два раза в день. В час дня — завтрак и чай, в восемь вечера — обед. Обед обычно состоит из трех блюд. После обеда неизменно клонит ко сну, но надо потерпеть до полуночного срока радиопередачи.

От вечного пребывания на свежем воздухе сильно загорели, физиономии стали буквально кирпичного цвета.

Сегодня вместо меховых чулок, которые сильно сыреют, намотал себе суконные портянки. Значительно лучше и теплее. Сырость кругом дает предвкушение арктического лета. Самое лучшее, конечно, легкий морозец. Синоптик на о. Рудольфа обещает улучшение погоды и похолодание на вторые сутки.

С самолетом Мазурука радиосвязь плохая. Это тем более досадно, что мы сравнительно быстро движемся на юг. Скоро минем 89-й градус северной широты. А лебедки все нет.

Мазурук сидит где-то северо-западнее, на расстоянии 70—100 километров. Площадка такая, с которой подняться тяжело груженной машине нельзя. Теперь им приходится расчищать аэродром.

Жаль, что погода задерживает самолет Мазурука, а вместе с ним и всю экспедицию. Люди сидят у нас, расходуют топливо и продовольствие. Надвигается лето с его туманами. А ведь самолетам надо возвращаться на Рудольф.

3 июня. У жилой палатки установили самопишущий прибор для записи скорости ветра. Федоров оборудовал палатку для гравитационных исследований.

Уже получены некоторые интересные научные данные: например, определено магнитное склонение в районе полюса. Оно расходится с прежним теоретическим подсчетом.

Первые наблюдения говорят о значительном преобладании в районе полюса северных и северо-западных ветров. Правда, названия эти здесь звучат весьма условно: практически во все стороны от нас тянется юг. Север — это наш лагерь.

4 июня. Ветер свистит. Он проносит низкие облака, мокрый снег, ледяную крупу. В такую погоду летать нельзя, и прилет Мазурука отодвигается со дня на день.

Истосковавшись по своей любимой работе, Ширшов приспособил вместо лебедки нарты, прикрепив на них барабан с тросом. При помощи этого остроумного сооружения он рассчитывает взять пробы океанской воды с различных горизонтов — от поверхности до глубины в 1 000 метров.

Поселок станции понемногу расширяется. Окончательно оборудованы две палатки — гидрологическая и запасная аварийная радиостанция.

5 июня. Утром вылетел Мазурук.

Все население лагеря внимательно всматривалось в горизонт. Первым заметил самолет Марк Трояновский. Поднялись густые черные клубы от зажженных дымовых шашек. Благополучная посадка и радостная встреча. Оказалось, что для подъема самолета небольшой состав экипажа без отдыха сутками расчищал себе аэродром. Вид измученный, но радостный. Молодцы.

Дружными усилиями быстро разгрузили самолет, и экипаж пошел отсыпаться.

6 июня. Ну, все грузы получены. Самолеты могут уходить на юг, к Земле Франца-Иосифа. Надо торопиться, весна добирается и до полюса.

Знали мы, что останемся вчетвером, но вот последний день наступил все же как-то неожиданно и внезапно.

Все мы хотели написать письма домой, но получилось не так, как ожидали. До последнего момента на коленях кое-как царапали что-то на клочках бумаги, и все это посылалось туда — домой.

На пять часов вечера был назначен митинг в честь подъема флага и торжественного открытия дрейфующей экспедиции станции «Северный полюс».

Вместо трибуны — нарта. Две бамбуковые мачты для флагов.

Короткая речь Шмидта, затем Папанина.

— Флаг поднять!

— Есть флаг поднять!

Взвиваются и колышутся ветром флаги.

Один—государственный, другой—с силуэтом товарища Сталина.

Трехкратный залп из винтовок и револьверов.

Мы все стоим с обнаженными головами и поем «Интернационал». Нам аккомпанирует гул 16 000 лошадиных сил — механики прогревают моторы.

Наступают последние минуты. Со всеми целуемся, обнимаемся и с полной уверенностью говорим: «До свидания». Пилоты суют нам подарки: Бабушкин — колоду карт, Молоков — примус, Мазурук — патефон с пластинками, который он захватил сверх полагающегося груза.

День серенький. Обрывки тумана. Один за другим поднимаются самолеты. Последним уходит Водопьянов. Люк захлопнут. Нас обдает вихрем снега.

Еще один круг над нами, и... самолет пропадает в облачности.

Моторы слышны все слабее и слабее. Наконец становится совсем тихо.

Первые минуты было как-то не по себе. Все-таки не привыкли мы с малых лет вчетвером оставаться на полюсе. Ко всему надо привыкать.

Решили лечь спать не раньше, чем узнаем о благополучном прибытии самолетов на остров Рудольфа.

Спасибо и до свидания, дорогие друзья!

Вслед за ними в Москву товарищу Сталину идет наша телеграмма:

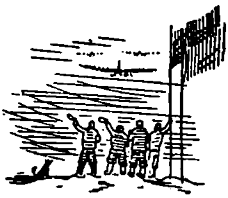
«Дорогой *Иосиф Виссарионович!*

Мы счастливы сообщить Вам, что дрейфующая экспедиция Северного полюса начала свою работу.

Десятки лет лучшие люди человечества стремились разгадать тайны Центрального полярного бассейна. Это оказалось под силу только великой Советской стране, бросившей на овладение Арктикой свою замечательную технику, начавшей планомерное социалистическое наступление на Север.

Дорогой Иосиф Виссарионович, мы бесконечно гордимся тем, что именно нам поручена величайшая честь первыми работать в районе Северного полюса, утверждая величие и могущество Советской страны. Прекрасно снабженные, с огромным энтузиазмом, с неизбывным запасом энергии, мы начинаем свою работу. Сейчас на льдине установлены жилая и рабочая палатки, разбиты базы продовольствия и снаряжения, начаты регулярные научно-исследовательские работы по метеорологии, гидрологии, гидробиологии, земному магнетизму, гравиметрии и изучению дрейфа. Установлена радиосвязь с полярными станциями.

Дорогой Иосиф Виссарионович, здесь, среди ледяной пустыни, на расстоянии многих тысяч километров от родной Москвы, мы не чувствуем себя оторванными от своей страны. Мы знаем и верим, что за нами и вместе с нами — великая социалистическая Родина. Это сознание крепит наши силы, и мы обещаем Вам сделать все, чтобы оправдать оказанное нам огромное доверие».

7 июня. Немного отдохнув, приступили к первому промеру Ледовитого океана. Ширшов все время скучал по своей лебедке. Он затратил на материке много сил и времени на то, чтобы сделать лебедку удобной, легкой и надежной. Вся конструкция собрана из алюминиевых труб, а барабан сделан из лучшей орудийной стали. На этом барабане намотано 5 000 метров двух-

миллиметрового авиационного стального тросика. Чтобы иметь представление, какое давление испытывает барабан, лучше всего попробовать навить веревочку на палец, хотя бы в один ряд! Эту сталь Ширшов доставал в Ленинграде. Хорошо, что какой-то кладовщик согласился отпилить кусок старой пушки.

Для установки лебедки Папанин и Ширшов выстроили сооружение из досок, чтобы было понадежней. Лебедку обильно смазали машинным маслом. Ширшов, вымазанный до ушей, сиял.

Наконец приготовления кончены. Груз, щуп и батометр скрылись в воде. Побежали стрелки счетчика. Быстро слой за слоем сматывался тросик. Слои проложены масляной бумагой.

Предположения о глубине разные. Ширшов из осторожности отрегулировал тормоз так, чтобы скорость спуска не была чрезмерной. Ясно, что все время вчетвером торчим около лебедки. Лишь через 2 часа 40 минут трос автоматически, как это и полагалось ему, остановился. Глубина 4 290 метров! А мы уж волновались — а хватит ли 5 000 метров?

Для проверки три раза приподняли груз на 50 метров — каждый раз трос останавливался на прежнем месте. Ну, значит, все правильно!

Начался подъем. Он длился целых шесть часов. Крутили попарно. Менялись через каждые 400 метров. С непривычки работа показалась тяжелой. Попутно произвели следующее наблюдение (правда, оно относится не только к полюсу): когда крутишь, время тянется медленно, когда отдыхаешь — быстро.

Сегодня наши координаты — 88 градусов 53 минуты северной широты и 22 градуса западной долготы. Сообщаем на материк о первой глубоководной гидрологической станции. Со дна подняли колонку темного зеленовато-серого ила. Под слоем холодной арктической воды, от глубины в 250 метров до 600 метров, обнаружили положительные температуры (на глубине 400 метров — максимум: плюс 0,77 градуса). Затем, от 750 метров до придонных слоев температуры постепенно понижаются. На глубине в 2 930 метров совсем прохладно — минус 0,70 градуса. В придонном слое термометр не выдержал давления (30 атмосфер!) и был раздавлен.

Едва успел передать на остров Рудольфа телеграмму об измеренной глубине океана, как Стромилов отстучал такую записку:

«Пете. Ага, я был прав. *Эзра*».

Последнее слово оставалось за нами. Ответ, адресованный «Рудольф, обеденный стол», гласил:

«Передав глубину океана тут же получили записку Виленского квч ага я был прав квч тчк Бесконечно счастливы что труды всей экспедиции подтвердили правоту Виленского тчк Просим дальнейших гениальных прогнозов тчк *Братки*».

Прогнозы не последовали.

9 июня. Прошла сильная пурга с мокрым снегом. Намело новые большие сугробы. Порывы ветра достигали 20 метров в секунду. Наружные работы сильно затруднены.

10 июня. В первом часу ночи установилась штилевая погода. Над нами безоблачное небо. Солнце нагревает палатку до + 24 градусов, хотя снаружи — минус 5.

В палатке душно, но мы с удовольствием вбираем в себя этот душный воздух — он нам в диковинку. Всю мокрую одежду и обувь поместили на крыше палатки.

Ветер тормозит наш дрейф и движет льдину на северо-восток. Приближаемся к меридиану Гринвича. Возможно, что скоро перекочуем в Восточное полушарие. Средняя скорость дрейфа за 17 суток — 6,7 километра в сутки.

Получил телеграмму от юных «колумбов» из журнала «Пионер». Сегодня ответил:

«С большой радостью прочел ваше приветствие. Сердечно благодарю. Желаю успеха членам общества «Компас» в изучении нашей прекрасной родины. Несомненно, вы подготовите новые отличные кадры исследователей, путешественников, мореплавателей, полярников».

11 июня. Вечером была первая положительная температура на Северном полюсе +0,3 градуса. Туманный безветреный день. Погода сказывается в количестве отправляемых радиограмм: наши ресурсы электроэнергии находятся в прямой зависимости от ветра, от работы ветряка. Запасной двигатель пока что гонять не хочется.

От теплой погоды стены нашей снеговой кухни превращаются в кружево, а радиорубка приобретает некоторое сходство с Пизанской падающей башней.

В «машинном отделении» сквозь старую трещину просачивается морская вода. Будем переносить двигатель.

Замечательно уютно провели вечер за чаем. Слушали патефон. Особенно понравился марш из «Веселых ребят». Патефон — подарок Мазурука — работает отлично.

Договорились следить, чтобы патефонные иголки не падали на наш меховой пол. Иначе музыкальные увлечения могут выйти нам боком, говоря фигурально, и в пятку — фактически.

Козловский поет хорошо.

13 июня. Оживление внесла пролетевшая над нами чайка. Покрякала одобрительно над нами и улетела. Из уважения к достижениям этой чайки, по ней не стреляли. Больше всех волновался Веселый.

Ширшов организовал в палатке гидрохимическую лабораторию и сидит все время за обработкой проб первой глубоководной станции.

На кухне тоже развернули целую лабораторию. Приходится дистиллировать воду. Топить снег нельзя — велика примесь морских солей.

Сегодня на завтрак были свежие яйца, доставленные в мороженом виде.

Ставим снежный дом над прорубью, чтобы работать по гидрологии во всякую погоду.

Весь день обсуждали вчерашнее сообщение о диком предательстве банды Тухачевского. Отправили телеграмму в «Правду»:

«С негодованием услышали мы по радио о подлом предательстве Тухачевского и его банды — холуев буржуазии. В то время, когда каждый советский гражданин готов отдать жизнь за свою родину, эти подлецы покушались на оплот социализма — нашу армию и готовили поражение стране.

Приветствуем приговор Верховного суда. Гордимся нашей отважной разведкой, руководимой Сталинским Центральным Комитетом Партии».

16 июня. Жизнь на льдине бьет ключом. Почти не замечаем бега времени. Каждый новый день начинается стандартно в 6 часов утра: побудкой, метеорологическими наблюдениями и возобновлением работы нашей радиостанции.

Солнце одинаково и утомительно светит круглые сутки. Наступление вечера угадываем только по общей усталости и зверскому аппетиту. Ложимся спать в первом часу ночи.

Ежедневно приходится проверять состояние льда около трех основных баз с продуктами и снаряжением: вдруг они отколются вместе со льдом или канут в трещины.

Сегодня с Папаниным ходили смотреть трещины вокруг нашего ледяного поля. Оказывается, живем мы на острове и окружены каналом шириной от десяти до двадцати метров. Иван Дмитриевич трещину называет «канавой».

Снежная кухня окончательно не выдержала температуры солнца и примусов и растаяла. Будем строить новую.

Всё еще отдыхаем от гидрологии. Ведь двое суток не отходили от лебедки, делали гидрологическую станцию. Всё же верхнюю границу слоя теплой атлантической воды нащупали. Добытые сведения чрезвычайно интересны. Петя занят сейчас их обработкой.

В жилой палатке устроили специальный столик для хранения взятых с глубин проб воды, они не должны замерзать до обработки.

Федоров сделал третье магнитное наблюдение.

Наша собака носится с лаем по ледяным просторам, безнадежно выслеживая медведя. За беспричинный лай и ложную тревогу Веселому крепко попадает.

18 июня. В 4 часа 5 минут из Москвы вылетел Чкалов по маршруту СССР — Соединенные штаты Америки. Надо слушать его с двадцатого часа полета, то есть с полночи на 19 июня.

Обед готовит Папанин. Я залег выспаться для ночного бдения. За самолетом придется следить много часов подряд.

19 июня. Самолет слышен хорошо на волне 25 метров. Иногда слышимость пропадает — самолет работает на коротких волнах и попадает в мертвые зоны. Наблюдение веду непрерывное. Принятое передаю на Рудольф, а тот — дальше на Диксон.

Погода омерзительная. Туман, мокрый снегопад, сплошная низкая облачность. Температура — около полуградуса тепла. Все сыро. У

меня на радиостанции капает с крыши, наружная сырость пробирается сквозь шелковый парашют.

Утром в 5 часов 50 минут зашел на кухню. Вдруг Папанину послышался шум мотора. Я и Женя решили, что это ветерок гудит в трубах палатки, но все-таки наружу вышли. Оказывается, действительно шумит мотор.

Чкалов пролетел над облаками, над нами. Сообщил, что погода отличная. Пролетел он восточнее нас. Мы дико ругались, проклиная низкую облачность и снегопад, которые скрыли от нас самолет.

При ясной погоде Чкалов наверняка увидел бы лагерь и сбросил нам свежие газеты. Не вышло.

Постепенно гул замолк, удаляясь на север. Прямой связи с самолетом не было. Мысленно пожали руки нашим героям-летчикам и от всего сердца пожелали им счастливого пути. Мы, самые северные советские люди, можем подтвердить, что краснокрылый самолет пролетел над Северным полюсом.

Вскоре все полярные рации перестали слышать самолет.

Последним сообщением был рапорт товарищу Сталину за подписями Чкалова, Байдукова и Белякова. Затем с борта самолета передали метео и координаты: 84° северной широты и 110° западной долготы.

Весь день провел за приемником. «RT» не обнаруживается.

Погода отвратительная. Долго нет ветра. Впервые после отлета самолетов запустили двигатель для зарядки аккумуляторов. Пришлось вынести его из снежного домика, так как в «машинном отделении» сильно выступила вода. Двигатель установили на стремянке, разложенной прямо на снегу. К вечеру воспользовался ветром, хотя и слабеньким.

Поздно вечером Москва сняла с меня наблюдение.

Сейчас полночь. Ложусь спать. Устал зверски.

20 июня. Сегодня отличная погода. Ясно, солнце, морозец. Петя и Папанин возятся у лебедки: вторая глубоководная станция. На этот раз глубина 4 374 метра. Прилично! Интересно отметить, как изменились пробы грунта. На первой станции был зеленовато-серый ил, на второй — розоватый. Ширшов предполагает углубление дна на продольной оси океана.

Вторую станцию выкручивали 4½ часа. Трос не выдержал, и в четырех местах лопнуло по одной нитке. Это нас тревожит.

Открыли сегодня бочонок с коньяком. Завтра, как-никак, юбилей — месяц нашего пребывания на дрейфующих льдах. Каждый получил «в личное пользование» по 40 штук конфет «Мишка», а к обеду полкружки коньяку.

В 15 часов Чкалов прилетел в Сиэтль.

У нас ветрено. Гудит ветряк. Полностью зарядил аккумуляторы. Нынешняя погода дает представление о характере будущего лета на полюсе. С мутного неба сыплет мокрый снег. На льдине все мокро. Нет ни одного сухого предмета. Мы продрогли. Усиленный спрос на горячий чай. Нет, явно предпочитаю такой погоде легкий морозец!

21 июня. Месяц прошел быстро. Сложное хозяйство, доставленное самолетами, стало привычным, вполне освоенным. Все приведено в порядок, каждый предмет нашел свое место. Однако мы находимся еще на летнем положении: гагачьи покрышки на жилую палатку не надеты, боимся их испортить сыростью.

Перед отлетом самолетов мы поглядывали на них с вожделением: уж очень много пригодных для нашего хозяйства вещей там находилось. Хозяйственный Папанин грозил отпустить летчиков в одних трусиках. Механики отдавали лишние трубы, провода. Мы ничем не брезгали, все принимали с благодарностью. И все же случилось почти невозможное: один самолет увез нашу сковородку. До сих пор не можем успокоиться.

День чрезвычайно загружен. Ширшов и Федоров шестнадцать часов в сутки заняты научными работами и в общих авралах участвуют лишь в случае крайней необходимости. Я сижу на радиостанции или вожусь на кухне: горд тем, что кормлю весь коллектив и духовной и материальной пищей. Все так называемые наружные работы — осмотр баз, присмотр за грузом и за льдом — лежат на Папанине.

Общий подъем в 6 часов утра. Плотный завтрак — и рабочий день до 10 часов вечера. Обед около 6 часов вечера. Меню обеда самое разнообразное; на первое — супы: гороховый, перловый, борщ, свежие щи, свежая уха. На второе — каша, куриные и мясные котлеты, свежая свинина, рыба, зеленый горошек, охотничьи сосиски. На третье — чай, кофе, какао, компот, кисель. С большой благодарностью вспоминаем Институт инженеров общественного питания, создавший идеальный набор питания.

Коллективы многих фабрик и заводов самоотверженно поработали, чтобы дать нам первоклассное оборудование. Спасибо заводу «Каучук», спасибо инженеру Марии Михайловне Гульбис за отличную палатку. Глубокая благодарность радиолаборатории НКВД за отличную радиостанцию. Спасибо инженеру Перли за отличный ветряк и автоматическую лебедку.

Временами кажется, что мы живем где-то в степи. Однако *водяное* небо в той или иной части горизонта грозно напоминает о коварстве Арктики. Внимательно следим за старыми трещинами. Наше поле настолько мощное, что прямого сжатия, торошения вряд ли можно ожидать. Но несколько пустых нарт все же стоят наготове для переброски баз.

В нашем активе уже две глубоководные станции. Как зеницу ока, бережем пробы грунта. На станциях работаем все вчетвером: общий вес поднимаемого груза около 80 килограммов. Первую пробу поднимали шесть часов, вторую четыре с половиной часа. Наш «доктор» Ширшов озабочен нашим усиленным моционом на свежем воздухе. Как-то он сказал:

— Моя первая помощь, вероятно, будет и последней.

Поэтому мы стараемся его не утруждать.

До сегодняшнего дня получаем огромное количество поздравительных телеграмм со всех концов Союза. Не имея возможности отве-

тить, поблагодарили всех через «Правду». Приложим все силы, чтобы оправдать доверие Родины.

Сегодня разгромили нашу почти развалившуюся снежную кухню и вместо нее поставили большую белую палатку. Получилось очень хорошо и уютно. Теперь обедаем в палатке. И чисто, и тепло, и таскать борщ недалеко.

По случаю месячного юбилея сегодня мы думали полдня отдохнуть, но получилось наоборот. Почти весь день ушел на установку палатки.

В 10 часов вечера узнали, что самолеты нашей полюсной экспедиции благополучно прибыли в Архангельск.

Обедали в двенадцатом часу ночи, но зато в новой палатке-кухне. Поставили в палатке настоящий столик, хотя и жиденький, а на нем бутылку коньяка. Столик этот был захвачен нами с московской таможни, куда он попал как образец. Он раскладывается, как большая шахматная фанерная доска. Четыре ножки ввинчиваются. На столике фирменное название «Frappant», что, по нашим сведениям, означает «ошеломляющий». Действительно, столик ошеломляет нас своей ненадежностью, и мы его в свою очередь окрестили словами, допустимыми только при полном отсутствии дамского общества.

22 июня. Итак, переселяюсь со своей рацией из снежной хижины в жилую палатку.

Вначале занялись оборудованием жилой палатки. Вынесли все имущество и под края палатки подложили доски; снизу и здесь стала пробиваться вода. Лето на полюсе!

После этого принесли обе мачты. Теперь они ориентированы, примерно, на остров Рудольфа. Собрал радиостолик и поместил его в жилой палатке направо от дверей. Столик совсем размяк от сырости.

Рудольф на длинных волнах меня слышит отлично. Вообще в палатке значительно улучшилась слышимость вещательных длинноволновых станций. Лучше слышим станцию имени Коминтерна. Утром буду регулярно принимать обзор газет, в полночь — бой часов Кремлевской башни.

Впервые, хотя и слабо, заговорил репродуктор. Какая-то скандинавская станция передает музыку. На коротких волнах объявились Париж и Лондон.

Разительные перемены в работе рации по сравнению с ее работой в снежной хижине объясняются двумя причинами. Во-первых, правильнее ориентированы мачты и, во-вторых, что более существенно, в палатке сухо; там же была страшная сырость.

Едва только вынес аппаратуру из снежного дома, как рухнула сама по себе снежная стена. Она честно служила мне в течение месяца и как будто благоразумно дожидалась этого момента, чтобы прекратить свое существование.

Вечером получили молнию: в ближайшие дни предполагается беспосадочный полет Громова через полюс. Евгений Федоров назначен спортивным комиссаром Центрального аэроклуба СССР. Женя должен составить специальный акт по переданной нам форме.

Вот шикарный год...

Надеемся хотя бы теперь получить письма и газеты.

Раньше будил Женю просто:

— Женя, вставай.

Теперь:

— Товарищ спортивный комиссар, разрешите толкнуть вас в ваш многоуважаемый бок.

Комиссар встает так же неохотно, как бывший Женя.

23 июня. Научных работ сегодня не было. С утра занялись переноской ветряка. Поставили его у задней стенки жилой палатки. Для креплений выдолбили три глубокие ямы. Особенно неприятно было соединять внизу, на глубине, эти ледяные колодцы. Мелкий лед черпали ковшиком, лежа вниз головой. Установка ветряка заняла весь день. Теперь на первоначальном месте осталась только метеобудка, все остальные сооружения переместились поближе к центру поля.

В таком духе дали телеграмму в газеты, чтобы наши летчики, вернувшись в Москву, не особенно распространялись о том, какую огромную помощь они нам оказали!

Наш замечательный ветряк работает хорошо. Ровный солидный басок его говорка создает ощущение уюта и обжитости.

Полностью зарядив аккумуляторы, я смог наконец всласть поработать с любителями. На двадцатиметровой волне их очень много, на сорока метрах пусто.

Много раз давал вызов «всем, всем», но только после полуночи, когда наши все спали (в 02 часа), мне ответил норвежец из Олезунда. Это моя первая любительская связь. Олезунд на широте Ленинграда, так что связь с нашими любителями будет. Оценка моей слышимости: из девяти возможных — семь баллов.

24 июня. Еще с вечера стал крепчать ветер. Ночью разыгралась пурга. Мы тут совсем избаловались при штилевой погоде. Ветер всего в 15 метров, а нам кажется страшноватым. Плохо спали, прислушивались к порывам ветра. Часто выходили смотреть, нет ли трещин во льду. Палатка хлопает и дрожит. Это создает впечатление сильного урагана и толчков льда. На самом деле ветер не такой уж сильный. Все же приходится и к этому привыкать. Положа руку на сердце, — все мы чувствуем себя немного напряженно и тревожно. Явно — избаловались в штилевую погоду.

Утром, выйдя на льдину, застали зиму. У палаток выросли основательные сугробы снега. Валит мокрый снег; туман, ничего не видно. Наружная температура минус 2 градуса. Одним словом, погода настолько омерзительная, что решили на дворе не работать, занялись кто чем может. Папанин чинит часы, Ширшов и Федоров приводят в порядок свои записи. Кстати, их накопилось уже много.

Валенки снимаем перед палаткой, чтобы не заносить в нее снега.

«Садко» идет на Рудольф. Сейчас он в 12 милях от бухты Тихой, стоит во льду.

25 июня. Встал в половине шестого и пошел с Федоровым к самописцам. Скоро буду сам делать утренние метеонаблюдения.

Наши спали, а я, вернувшись, занялся делами. Основные аккумуляторы включил параллельно, чтобы лучше использовать мощность ветряка. Поставил специальную коротковолновую антенну «американку» для связи с любителями на 20 и 40 метрах. Привел в порядок дневник.

Погода дрянь, туман, сыро, ветер чуть затих. Почти что Гагры...

Очень доволен, что вволю поковырялся в своей радиочасти.

Сегодня мы переходим на круглосуточное дежурство: так лучше следить за льдом и вести дневник погоды. Вечерние и ночные часы — самые лучшие для радио и работы с любителями, поэтому я взял себе дежурство с 11 вечера до 5 утра. Буду теперь ночным сторожем. Жаль только — колотушки нет.

В 18 часов еле-еле была слышна Москва. Сегодня не было ни проверки времени, ни вечернего выпуска «Последних известий». Столица ждет прилета нашей полюсной экспедиции. Затаив дыхание, слушал митинг на Центральном аэродроме. Узнал голос Шмидта, потом диктор сказал, что будет выступать Водопьянов. Сколько ни вслушивался, ни одного слова не разобрал, слышны были только крики «ура». Судя по всему, встреча на Центральном аэродроме была замечательная. Через час Диксон сообщил в своей радиогазете подробности встречи. С аэродрома все отправились на Красную площадь. Автомобили засыпаны цветами. В Москве с утра был большой спрос на цветы. Улица Горького украшена, в особенности здание телеграфа. Эх, хотя бы одним глазом взглянуть на аэродром, на нашу прекрасную столицу! Какое огромное внимание уделяет нашей экспедиции вся страна и товарищ Сталин! Одной жизни мало, чтобы оправдать это доверие.

Наташа, должно быть, была на встрече и наверняка грустила. Ну хоть письмо получила.

Теперь у нас распорядок такой: в 7 часов чай, в 15 часов обед, в 21 час — вечерний чай.

Обедал в девять, когда все пили чай. Возился с антенной «американкой», пока что она дает слабый эффект. За обедом говорили о Москве. Да, Диксон сказал, что экспедиция получила много поздравительных телеграмм. Прочли две: нашу и Чкалова из Сан-Франциско.

26 июня. В полночь делал первое самостоятельное метеонаблюдение. Теперь всегда полночный срок будет моим. Надо успеть все зашифровать за 20 минут, до разговора с Рудольфом.

После этого засел за приемник. В первые часы на 20 метрах хорошо идет Европа, хуже американцы. Затем около трех-четырех часов утра пачками появляются бразильцы. К пяти утра в эфире остаются единичные европейцы и наступают часы засилия американских любителей.

Много раз пускал передатчик и давал «всем, всем», но никто не отвечал. Вдруг услышал французского радиолюбителя и стал его

звать. Француз отозвался. Я ему сообщил, что «здесь Северный полюс; он ответил: «Вас слушает город Реймс». Когда собеседник разобрал, что он первый французский радиолюбитель, с которым я связался, — благодарностям и радости не было конца. Стал искать на нашем небольшом глобусе, но Реймса там не обнаружил. Во всяком случае, это широта Харьков — Киев. Француз упорно добивался, куда послать квитанцию для подтверждения связи. Сказал ему: «Посылайте в Москву».

Затем опять стал звать, но никто не ответил. Все же, куда ни кинь — расстояния большие, а мощность у меня всего только 20 ватт.

В 6 часов 52 минуты на мое «всем, всем» начала громко отвечать какая-то станция. Дело дошло до ее позывного, и я разобрал только первую букву W. Ну, значит, американец. Как назло, сразу в эфир вылезло несколько любителей и заглушили его. Кое-как расслышал конец работы американца и начал звать. Американец мне вторично ответил. Его позывной W2CYS. Пришлось ему рассказать, кто мы такие и где мы находимся. К сожалению, в страшной каше американцев его ответа так и не услышал, не нашел. Досадно, что так глупо сорвана первая связь с американцем. Во всяком случае, мы имеем позывные друг друга и по приезде на материк обменяемся карточками. Судя по находящемуся у меня списку, второй район — это Нью-Йорк и его окрестности.

С утра каждый занялся своим делом. Ширшов благоустраивает снежный домик, построенный над лебедкой. Парашют Водопьянова, честно служивший на самолете, а потом в качестве крыши над радиостанцией, сейчас перекочевал на ширшовский домик.

Из Москвы сообщили, что на банкете в Кремле К. Е. Ворошилов поднял тост за нашу четверку.

Горячо благодарим Климента Ефремовича. Если потребуется, мы высадимся в любом месте, где это будет необходимо, и будем работать не только научными приборами, но и другими, какие понадобятся, судя по обстановке.

После утреннего чая лег спать до полудня. В 12 отработал метео и опять лег спать — разболелась голова.

Вечером ребята пили чай, а я обедал. После обеда вымылся, так как несколько дней этого не делал, и помыл посуду.

День нелепый. То ясно, то туман и моросит дождь. Иногда просвечивают кусочки безоблачного неба. Несколько часов подряд над льдами держится красивая яркая радуга. Температура воздуха около минус 1°. Проваливаемся в мокрый, по-весеннему подтаявший снег. Дежурство несем круглосуточное, благо и солнце (хотя и тускло) светит без передышки.

27 июня. В ночь делал метеорологические наблюдения и приступил к обычному дежурству. Ветра нет, надо беречь аккумуляторы. Радиолюбителей почти не звал.

Эти ночные часы мне очень нравятся. Можно немного сосредоточиться, подумать, помечтать, писать дневник. Днем этого никак не сделаешь: либо подвернется какая-нибудь работа, либо, если выдастся

свободная минута, завяжется какой-нибудь разговор. Ясно, что тут не помечтаешь.

Написал и отправил очередную корреспонденцию в «Правду». В 7 часов утра «Коминтерн» транслирует их в обзоре газет.

Папанин выдалбливает в торосе «ледник» для мяса. Надо хоть как-нибудь уберечь теленка и свинью. 50 килограммов наших ромштексов прокисли еще на самолетах. Начали было их, хотя и с отвращением, есть, но потом бросили, стали кормить ими Веселого. Теперь испортились на радость Веселому еще и 50 килограммов свиных отбивных. Так возникла на Северном полюсе проблема сохранения свежего мяса.

Веселого кормит по утрам сам Папанин. Псу выдаются очередные провонявшие отбивные котлеты. Веселый, перед тем как их съесть, долго ими размахивает — очевидно, проветривает. Умная собака!

Сегодня Петя запустил планктонную сетку на глубину до 1 000 метров. Улов оказался необычайно богатым. Всякие красные моллюски и даже маленькие медузы. Их так много, что забило всю сетку. Оказывается, и на Северном полюсе богатейшая жизнь. Все это — замечательное открытие!

Ширшов сыплет латинскими названиями, а мы, трое, почтительно внемлем и делаем только единственный вывод: величина латинского названия обратно пропорциональна величине любой мелкой твари. Для простоты весь этот улов называем «морскими блохами». Их надо во что бы то ни стало сохранить, а спирт остался на острове Рудольфа.

Возникает очередная проблема — спиртовая.

28 июня. Утром слушал Москву. Слышимость отчаянно скверная, вернее, вообще ничего не слышно, можно только догадываться, о чем идет речь. Вдруг разобрал несколько знакомых фамилий... Стромилов... Либин — начальник полярной станции острова Рудольфа... Затем понял слова: «орденом Красная Звезда»... Значит, награждение полярников. Очевидно, по нашей экспедиции.

В метеосрок, в 6 часов 15 минут, Коля Стромилов поздравил меня, а с чем — не знаю. Поздравил и я его. Только днем Рудольф сообщил нам подробности награждения. Восемь новых Героев Советского Союза: Шмидт, Папанин, Спирин, Шевелев, Алексеев, Мазурук, Бабушкин и Головин. Шестнадцать человек, в том числе все первые бортмеханики, штурманы и мы трое — Петя, Женя и я — награждены орденом Ленина. Радости нет конца. Поздравляли друг друга, особенно Папанина. Теперь и полярники вошли в семью Героев Советского Союза.

Вечером еле-еле разобрал передачу Диксона. Узнали формулировку награждения: за образцовое выполнение задания Правительства и героизм. Откровенно говоря, мы совсем не ожидали, что нас сейчас наградят. Мы ведь только начали работу. Надо работать зверски, чтобы оправдать награду.

Вечером получили первую поздравительную телеграмму. В эфире — шквал поздравлений. А мы в кухонной палатке организо-

3

вали банкет. Ели торт, запивали коньяком, а коньяк запивали лимонным соком.

Сегодня нас совсем не смущает омерзительная погода. По палатке барабанит первый проливной дождь. Вообще с утра дует свирепый норд-ост, палатка содрогается от порывов ветра. Дождь льет часами. Итак, под нами четыре тысячи метров соленой воды, а над нами раскрылись шлюзы пресной воды. Можно сдавать испытание на водяных духов XX века.

Возникла новая сложная проблема — как сушить одежду и обувь. Но все это — мелочи жизни, и сегодня мы их и не замечаем. Радость переполняет нас.

Ночью час от часу нордовый ветер крепчает. Иногда находит густой туман. Вышел из палатки укрыть и прибрать имущество. Жилая палатка отлично выдержала испытание дождем и не промокла. Но ветер доходит до 15 метров в секунду. Антенна и мачта сильно свистят и воют. Надо почаще выходить и посматривать по сторонам. Наверно, этот ветер нас здо́рово потянет на юг, к Гренландии.

Дождь больно сечет лицо. Я вытащил кожаную куртку, а то, надевая меховую рубашку, рискуешь случайно оторвать себе голову.

Сегодняшняя ночь плохая, любителей не слышно. Жаль. В палатке температура плюс 5. Но зато ветер кажется еще более сильным, чем снаружи. Все хлопает, бренчит и содрогается.

29 июня. Отправили телеграмму товарищам И. В. Сталину и В. М. Молотову следующего содержания:

«Дорогие *Иосиф Виссарионович* и *Вячеслав Михайлович!*

Наша четверка с восторгом встретила весть о высокой награде. Впереди нас ждут трудности, но мы твердо знаем, что страна ждет от нас большой работы, что мы окружены Вашей любовью и заботой, вниманием всей страны. Мы приложим все силы, чтобы оправдать Ваше доверие и чтобы при любых обстоятельствах хранить честь нашей Родины».

Ветерок затих, а бурное таяние снега продолжается. Льдина покрылась озерами. Базы высятся на ледовых островках. Перед самым входом в палатку течет ручей шириной в полтора метра и глубиной в полметра. Перекинули доску и балансируем, переходя по ней. Папанин прорубил канаву, чтобы ручей не образовал озера на месте нашей палатки. Канава ведет в прорубь Ширшова. Днем и ночью ручей бежит в прорубь, но воды хватает. Ручей создал большие удобства для кухни. Зачерпнул воды — и готово: ставь чайник.

Водопровод действует хорошо. Я было попытался использовать ручей как канализацию при мытье посуды, но Ширшов поднял шум и заявил, что грязная кухонная посуда забивает чистую науку. Я согласен. Нехорошо, если в научные приборы попадут макароны и остатки борща.

Папанин приводит в порядок наши драгоценные топливные запасы. Пришлось переливать керосин сифоном, потому что помпа не работает. Отсасывая воздух, Папанин основательно наглотался керо-

сина. В течение двух дней мы боялись курить около него, опасаясь воспламенения начальника станции!

Отдыхали от вчерашнего банкета. Есть не хочется, пьем много чая. Папанин сварил щи, похожие больше на наждак, чем на щи, однако ели с аппетитом.

Получаем большое количество поздравительных телеграмм.

«Садко» пришел на остров Рудольфа. Привез бензин и колеса для самолета Мазурука.

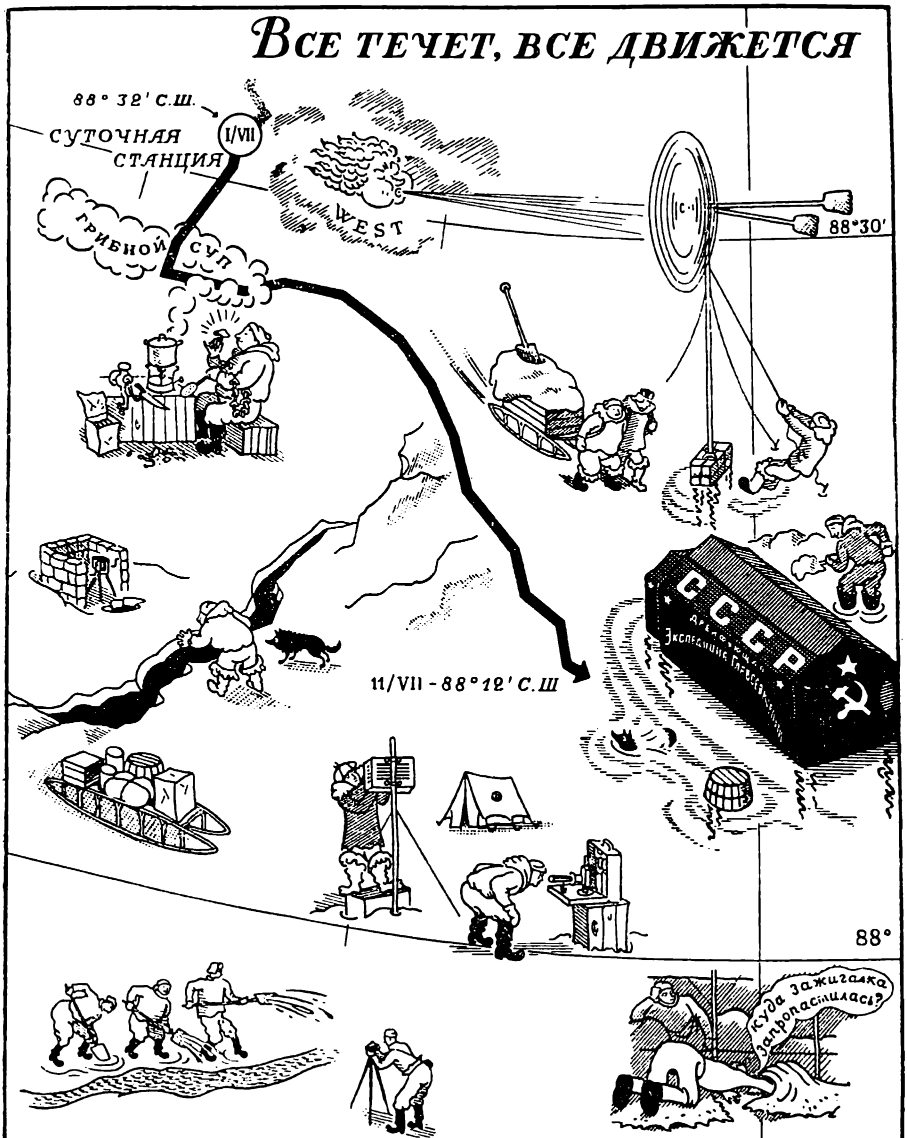
30 июня. Аккумуляторы хорошо заряжены. Вот ночью и поработал с радиолюбителями. Сегодня очень богатый улов: pa0az — Голландия; gi5aj — Ирландия, g6kp — Англия, g5ri — тоже Англия, tf3c — Исландия, u1ad — Ленинград и u1ap — снова Ленинград. Кроме того, еще Северная Америка.

Занятно получилось с ленинградцами. Сначала я услышал работу u1ap и начал его звать. Вместо него ответил u1ad, короче говоря, перебил ему связь. И так как за первую связь с полюсом полагается премия — мой приемник КУБ4, оставленный в редакции «Радиофронта», — то, следовательно, Салтыков выхватил у него еще и приемник. Потом Салтыков свел меня с u1ap. Слышат меня на 5 баллов.

Очень трудно работать с американцами. Они сильно шумят и сидят в куче. Потерять любого из них можно в два счета. Первый американец хорошо расслышал, кто я такой, но разобрать, где он и как он меня слышит, — я не смог.

Днем отличная солнечная погода. Небольшая передышка после бурных ветреных дней.

1 июля. С утра передавал большую телеграмму в четыре адреса: ГУСМП, ТАСС, «Правда», «Известия». Больше тысячи слов. Первые итоги научных работ за время нашего пребывания на льду.

Получилось интересно, обширно и солидно.

Затем занялся с Папаниным переделкой, вернее, полной перестановкой кухонной палатки. Снег по всему нашему полю совсем осел.

Ходить очень трудно, проваливаешься до колен, а внизу вода. Колышки палатку не держат, внутри все перекосило.

Утрамбовали снег и снова подстилали под палатку доски. Колья вбили в лед. Потратили на это больше половины дня.

Вырыли «колодец», то есть, проще говоря, докопались до льда и черпаем воду, которая стоит под снегом. Слой воды, по меньшей мере, десятисантиметровый.

Сегодня совершенно изумительный день. На небе ни облачка, солнце шпарит во-всю. Без очков ни на минуту выходить нельзя, ничего не видишь, сразу начинают болеть глаза. Работали в одних фуфайках и здо̀рово вспотели.

Петя начал суточную станцию. Берет пробы каждые два часа.

Получили телеграмму Политуправления: у нас создается партийно-комсомольская группа в составе Папанина, меня и Федорова. Скоро проведем собрание. Петя собирается подать заявление о приеме его в сочувствующие.

Марк Трояновский сообщает, что кинофильм об экспедиции на Северный полюс скоро выйдет на экран. Здо̀рово. Темпы хорошие. Северные...

2 июля. По натуре я человек непоседливый. Это мое свойство успело проявиться и на льдине. Пожалуй, другой за всю свою жизнь не переменил бы столько квартир, сколько я за один только истекший месяц.

Без всякой грусти вспоминаю первое зеленое «здание» полюсной радиостанции. Недолго пришлось пробыть в этой зеленой палатке, но жизнь в ней запомнилась надолго. Сверху всегда капало. Ноги вытянуть было некуда, приходилось высовывать их на лед.

Счастливая жизнь в роскошном здании, возведенном из снежных пластин, тоже была недолгой. Солнце с трудолюбием, достойным лучшего применения, упорно разрушало мое скромное счастье. По льдине, весело журча, побежали ручейки. Просачиваясь под снег, они сбегались в мой домик. Я работал, подставив под ноги ящик. Мех быстро сырел. Становилось неуютно. Все же я не уходил из домика: думал — похолодает, подмерзнет и можно будет протянуть до темноты.

Однако теплая погода держалась более чем устойчиво, и подвальный этаж радиодома продолжал наполняться водой. Скоро на том месте, где я работал, образовался прекрасный бассейн. Одно время я подумывал даже, не поймать ли нерпу и не посадить ли ее в этот водоем, чтобы можно было впоследствии написать корреспонденцию о самом северном в мире зоологическом парке или о жизни нерпы в неволе. Но нерпы не появлялись, а работа не ждала. И вот я переехал на третью квартиру — в большую жилую палатку.

Мне отведен правый угол; в левом стоит посуда и какие-то ящики Ширшова. После мокрой квартиры в ледовом доме я на новом месте просто блаженствую. Там было холодно, сыро и неуютно. Здесь — тепло и сухо; лежат оленьи шкуры, аппаратура стоит на столике. А справа через иллюминатор падает свет.

Сегодня окончательно размяк снег вокруг так называемого технического склада. К тому же и палатку порвало. Занимаемся починкой.

К обеду Папанин сварил замечательный грибной суп. Прямо объядение. Мы все бисировали.

3 июля. Пасмурно, сыро. Снег мокрый, идет тяжелыми хлопьями. Еще до снега, в ночное дежурство, я успел поставить техническую палатку и убрать в нее все имущество. Теперь могу быть спокойным.

Днем потянул ветерок, удалось немного зарядиться. Получил от одного ленинградского художника, Теплова, несколько радиограмм. Очевидно, это очень впечатлительный человек. В первой телеграмме он просил меня сделать акварелью эскизы лагеря, затем сообщил, что «Северный полюс» в масле уже готов. Теперь сообщает, что по утрам очень волнуется за нас и «всеми мыслями вами каждый вечер своего мольберта я живу только верой ваши успехи привет».

Папанин получил приветствие от ребятишек того дома, в котором он живет. Дмитрич всегда угощал их конфетами.

Уже несколько дней Рудольф пытается организовать радиотелефонную связь. Пускали 300-ваттный коротковолновый передатчик, но ничего не получилось — речь едва слышна, слов не разобрать. Сегодня я посоветовал телефонить на рейдовом передатчике. Мощность его 20—25 ватт. Получилось отлично. Вот что значат длинные волны в Арктике. Включил наш громкоговоритель. Все вчетвером слушали в течение часа специальную передачу. Нам читали газеты за первые дни июня месяца. Газеты почти на $^{9}/_{10}$ заняты нами. Масса фотографий, снимков и статей. Восторженные отклики за границей.

Шмидт в своей статье рассказывает, как товарищ Сталин спрашивал о составе нашей станции.

Яша Либин читал письмо пионерки Антонины Аристовой, адресованное нам и привезенное на «Садко». Девочка спрашивает, как выглядит на Северном полюсе море и очень ли плещут волны. Обязательно напишу в «Пионерскую правду» ответ.

Установление радиотелефонной связи остров Рудольфа — Северный полюс трудно отнести к абсолютным достижениям современной техники. Но нам, четверым, достижение это доставило огромное удовольствие. Рудольфовцы обещают теперь регулярно и ежедневно читать полученные с «Садко» газеты, пока хватит материала. Мы им за это очень благодарны.

Вечером узнал, что совсем недавно собиралась специальная комиссия Академии наук, чтобы изыскать способы улучшения связи с Северным полюсом. Постановили много умных вещей, в том числе постройку мощных длинноволновых радиостанций на Земле Франца-Иосифа и т. д. Эта самая комиссия прислала мне телеграмму с советом поднимать антенну на воздушном змее... и применять волны порядка 20 метров. Если я не знаю, как делать змей, то пришлют рецепт. Ох уж эти ученые! А все-таки спасибо за внимание!

Получил радио с предложением подготовиться к обслуживанию

перелета Громова... Значит, летят. Счастливый путь, Михаил Михайлович!

Интересную новость сообщила Москва. Сегодня из Нью-Йорка вышла американская экспедиция, которая направляется на Землю Гранта к форту Кангер, чтобы изучить возможности полетов через Северную Америку. Состав экспедиции — 7—8 человек. Они берут с собой автожир с радиусом действия в 1 000 километров. «Возможно, американцы посетят на своем самолете дрейфующую экспедицию СССР». Вот было бы интересно! Для этого им придется ставить базы бензина на дрейфующих льдах, что сложно. Ну что ж, пусть американцы пытаются попасть туда, где мы уже находимся.

4 июля. Наконец задул приличный ветер. Зарядка аккумуляторов идет полным ходом. До зарядки ночью связался с Чехо-Словакией. Там меня даже по фамилии знают.

— Кто работает? Не Кренкель ли?

Собеседник спросил наши координаты и, так как ему сильно мешали, задержал меня на 50 минут. Из вежливости я не мог его бросить. Он любезно расспрашивал меня, не надо ли передать какие-либо сообщения в Советский Союз. Видно, любители в диком восторге от связи с Северным полюсом.

Во время зарядки брился, пил чай. Ребятки спят. Дождь сменился мокрым противным снегом. Ну и лето!

Днем отсыпался. Спать приходится «в рассрочку», урывками, нет такого хорошего чувства, как после настоящего сна. Но в мешке все же лучше, чем на дворе. Там — слякоть, ноль градусов, вода под ногами. Бррр...

Днем новость: глубина океана — 3 метра (?!). Изумлялись и недоумевали. К счастью, быстро выяснили, что не то под прорубь подсунулся лед, не то там намерз слой льда в 5—6 сантиметров. Едва успели извлечь обратно вертушку.

В 19 часов снова была «литературная передача» с острова Рудольфа. Для нас читали свежие газеты, ставили пластинки «Веселый ветер» и «Капитан, капитан, улыбнитесь». Слышимость очень хорошая. Рудольфовцы сообщают, что в Москве привились новые выражения:

— Иван Иванович, откуда вы звоните? Дайте ваши координаты...

— Мама, где ты? Дай свои позывные...

— Гражданин, не толкайтесь (в трамвае). Меня дрейфует...

Получили распоряжение ввести дополнительные метеосроки, давать метео через каждые 3 часа. Совсем плохо будет со сном. Ну, если это только на несколько дней, да и кончится письмом от Наташи — я согласен.

Вечером пробовал говорить с островом Рудольфа телефоном. Сделал телефон страшно примитивно: микрофон воткнул прямо в антенну. Несмотря на это, остров Рудольфа слышит меня на четыре балла. Кое-что еще подберу и, пожалуй, удастся наладить телефонную связь. Зимой, очевидно, будет мировая слышимость. Может быть, удастся поговорить с Москвой.

5 июля. День начинается с полночи, когда все ложатся спать. Сегодня вдруг в эту самую полночь потерял мою мировую, любимую зажигалку. Думал, что обронил ее в снег. Перерыл, кажется, весь снег и только после нескольких часов безуспешных поисков нашел ее, подлую, под шкурами в палатке!

Связался с несколькими любителями-европейцами. Обычно любители рассыпаются в любезностях. Но один из них на мое сообщение коротко сказал, что все понял, и сразу пожелал всего доброго. Видимо, не нравится советская экспедиция на Северном полюсе.

На утренний завтрак снова делал яичницу из свежих яиц. Из Нарьян-Мара захватили 200 штук. Теперь они отошли, и, чтобы не попортились, их приходится поедать ударными темпами. Жаль. Хотелось бы сохранить их на полярную ночь.

Пришла временная отмена на дополнительные метеосроки. Очевидно, погода для полета неблагоприятная.

На обед варил замечательную молочную рисовую кашу. Молоко сухое, рис прессованный, а каша на арктической воде получилась отличная.

Принял приветствие от областной куйбышевской конференции работников научных учреждений. Поздравления и отклики идут со всех сторон Союза. Видно, там здо́рово за нами следят и интересуются нашей жизнью.

Написал две телеграммы. Одну из них в «Пионерскую правду»: ответ на письмо Тони Аристовой.

Сегодня читали нам газеты Мазурук и Богданов. Сидим, слушаем и расцветаем улыбками. Зарядка хорошая.

Вечером было открытое партсобрание. Открытым оно называется потому, что присутствовал Ширшов. Решено регулярную партработу отложить до зимнего времени. Сейчас свободного времени едва хватает на сон. Ширшов подал заявление в сочувствующие. Рассказал свою биографию.

6 июля. Греческий философ, очевидно, не подозревал, что его слова «все течет» окажутся верными даже для Северного полюса.

Лето на полюсе — это вечный туман, моросящий дождь, мокрый снег, лужи. Температура — около 0.

Сначала наша жилая палатка стояла на ровном снегу. Теперь снег кругом осел, образо́вались маленькие озера. Все поле состоит из едва заметных бугорков и впадин. Во впадинах скапливается вода, и мы туда проваливаемся. Хотя калоши на валенках достаточно высокие, но скоро и они начнут черпать воду. Наша палатка, по счастливой случайности, стоит на бугре, но тамбур уже в луже. Положили через эту лужу широкую доску и по ней ходим.

Чтобы сохранить снежный бугор, на котором высится палатка, мы занимаемся смехотворной для Северного полюса работой: обкладываем палатку снегом.

Снеговые запасы около палатки совсем иссякли, и нам приходится возить снег издалека на нартах. Никогда не думал, что будем испытывать здесь недостаток снега.

Папанин роет канаву. Он пытается отвести лужу от нашей палатки. Это первый арык на полюсе: из него мы черпаем воду для своей кухни. Передвижение по льдине стало крайне затруднительным. В топких местах положили доски; везде — вода.

Единственное сухое место во всем Полярном бассейне — это внутренность нашей палатки. Она отлично выдерживает проливные дожди.

Научные работы идут полным ходом.

Сегодня знаменательный день: месяц, как улетели самолеты. Месяц живем самостоятельно, без посторонней помощи.

Связался с голландцем, а перед этим с Москвой (с Ветчинкиным). Он меня слышит слабо — 4 балла[1] и много помех. Я его слышал — 8 баллов. Все же это первый москвич. Первая связь полюса с Москвой. Говорит, что шестую ночь ловит меня.

Днем задул хороший ровный ветер. Отлично зарядил аккумуляторы.

Ночью буду спать: Женя проводит суточные магнитные наблюдения и сменит меня.

Сегодня впервые подсчитывал, сколько дней осталось до конца дрейфа. До 1 апреля, оказывается, 267 дней. Все же много меньше года.

7 июля. Утром помогал Федорову закончить магнитные наблюдения.

Два часа сидел у него в палатке и каждые две минуты делал отсчет по двум приборам. Скучное занятие! А Женя делает это ежечасно в продолжение целых суток, когда ведет наблюдение.

Папанин и Ширшов все еще подвозят снег к палатке и обсыпают ее. У дверей выросла целая дамба. Она немного оттеснила лужу от палатки. Поверху положены доски, чтобы не протаптывать снег.

Арык — канава от нашей большой лужи к проруби Ширшова — еще не закончен. Папанин роет его в надежде, что вода все же уйдет.

Погода та же: туман, морось, лужи, сырость. Вечно мокрые и холодные ноги.

Сегодня вспомнил, что всего лишь год тому назад я был на острове Домашнем. И вот опять в Арктике. Северная Земля (включая и Домашний) заняла 15 месяцев. Затем 4½ месяца побыл дома и опять сюда. Мои товарищи, пожалуй, более свежи, чем я. Им уже надоело сидеть на материке, и они рвались в Арктику. Трезво говоря, я должен был бы отдохнуть, но пропустить экспедицию на Северный полюс, пропустить мечту — никак нельзя было. Теперь порой чувствую усталость. Безусловно выдержу — поможет многолетняя тренировка, но все-таки иногда скучновато. Да еще Наташа что-то долго не пишет. Должно быть, сидит на даче и в Москве не появляется.

8 июля. В половине двенадцатого проснулся от разговора в палатке. У нас новость: у расходного продсклада, совсем недалеко,

---

[1] Слышимость определяется по 9-балльной системе. Лучшая слышимость — 9 баллов.

Папанин обнаружил трещину. Если она разойдется, будет отнесена гидрологическая лаборатория и лебедка. Думаю, что этой трещины пугаться не следует, у нас все поле в таких трещинах.

В полдень получил телеграмму от Наташи:

«Восторгаюсь дочкой (понимай, конечно, «дачкой») местность прекрасная комнаты веселенькие кругом тишина порой сильно грущу. Заранее предвкушаю сколько радости получим оба следующим летом крепко целую».

Канава, которую рыл Папанин, оправдала надежды. Вода побежала в прорубь. Однако осталась еще основательная лужа. Втроем, лопатами, старались согнать ее. Я снимал эту водяную пантомиму.

Намечаются места, где скоро будет голый лед. Интересно, много ли снега останется к концу теплого времени. Погода все такая же мерзкая. Днем на 3 часа выглянуло солнце. Женя обрадовался и сделал астрономическое определение. Наши координаты: 88°27′ северной широты и 9° западной долготы. Если одного градуса широты будет нам хватать на месяц дрейфа, мы с таким дрейфом охотно согласимся.

Недавно открыли бидон с продовольствием, который служил подставкой для керосиновой кухни. Очевидно, как-то через крышку туда попал керосин. Продукты не пахнут, но сухари сильно пропитались запахом керосина. Сначала их ели, но уж больно мучительная была после таких сухарей керосиновая отрыжка. Есть не стали. Продукты остались. Приходится печь из муки лепешки на соде. Они пользуются большим успехом. Одно плохо: долго с ними приходится возиться.

В 19 часов — очередная литературная передача с острова Рудольфа. Диктором был Стромилов. То ли он не выспался, то ли по привычке бубнил себе под нос, но половины прочитанного мы так и не разобрали. Обругали его за это. Слушали фельетон Льва Кассиля обо мне: «Его позывные». В музыкальном антракте — пластинки с песенкой и танго из кинофильма «Петер».

Стромилову удалось связаться с аргентинским и бразильским любителями. Я их слышу и зову, но пока безрезультатно.

Сегодня отличный день. Почти безоблачно, легкий западный ветерок, отличная видимость. Ради таких, хотя и очень редких, дней стóит жить в Арктике. Сразу отдохнешь от дождей, ветра и омерзительных туманов.

После обеда подтягивали оттяжки ветряка. Это приходится делать периодически. То ли шелк вытягивается, то ли оседают в лед бидоны, служащие фундаментом ветродвигателю.

По дороге начерпал воды в калоши. Сырые валенки окончательно промокли. Разозлился и снял их, повесил на колья и впервые надел сапоги. В сапогах хорошо, они просторные, надеваются легко и совершенно не пропускают воду, хотя бродишь в ней почти по колено.

10 июля. Сегодня, как и вчера, погода нас балует. То немного высоких облаков, то совсем безоблачно. Ночью каждые полтора часа ходили делать отсчеты по электрометру. Федоров зарядил суточную серию по земному магнетизму.

Ночь — понятие относительное, выясняем его только по часам. На самом деле в полночь на голубом небе сияет солнце и больно смотреть на окружающий снег. Вот и разберись — когда полдень, а когда полночь.

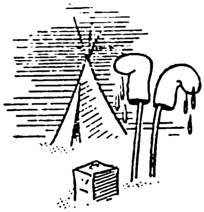
Сейчас для полноты счастья надо только получить письма и пачку газет. Немного же человеку надо! Но это немногое сейчас самое невозможное. Полет Громова должен, конечно, состояться. Только не было бы тумана во время полета над нами. А то ухнут все наши письма. Ведь очень трудно выбрать погоду по такой трассе, как Москва — полюс — США, чтобы везде было более или менее хорошо, а на полюсе в самое паршивое, летнее, время не было бы тумана.

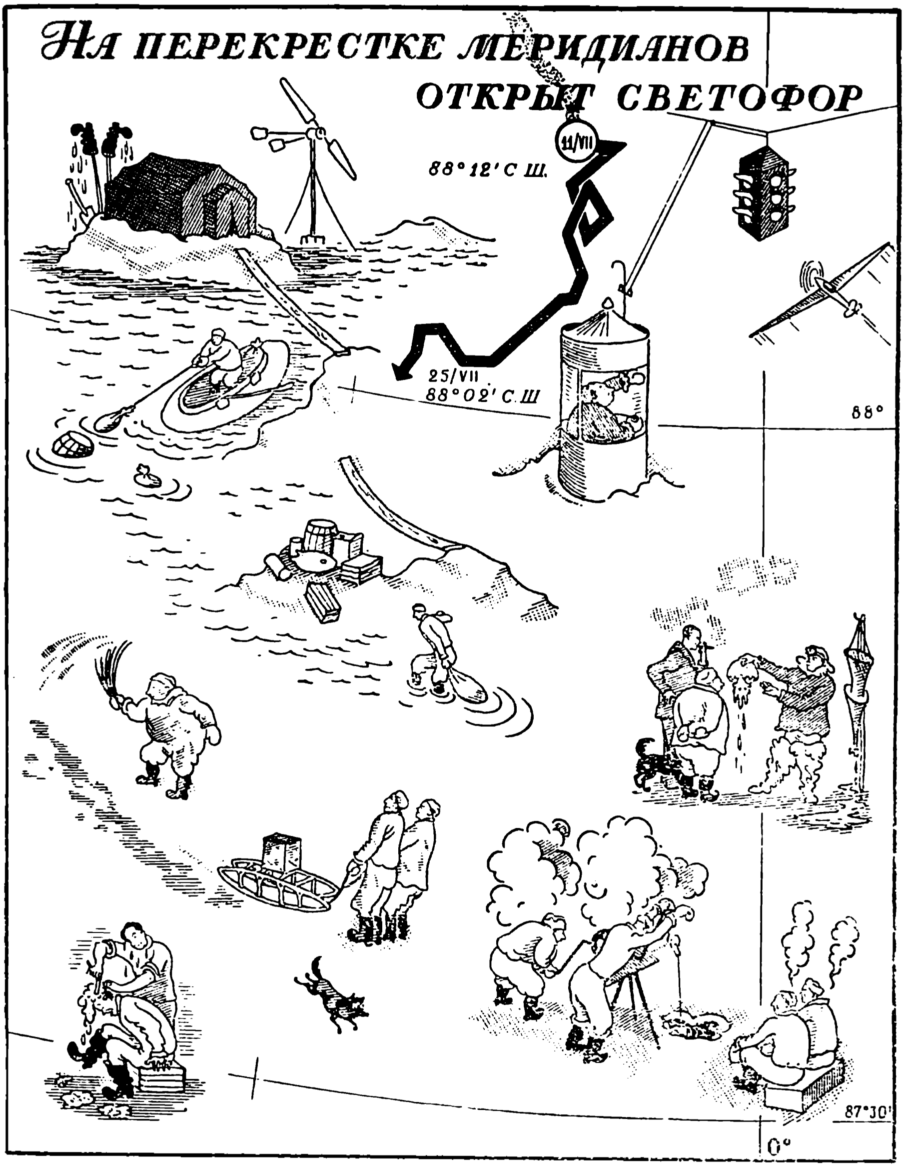
Вечером отшнуровали с Папаниным наш тамбур. Он так сильно осел в снег, что дверь в палатку плохо открывалась. Подсыпали снегу, и теперь стало очень хорошо и удобно.

Ширшов поставил у проруби вигвам, все из того же водопьяновского тормозного парашюта.

Вечером снова литературная передача с Рудольфа. Читали статью Папанина «Сердце Арктики». Забавно сейчас слушать наши предположения о полюсе и работе на полюсе, написанные еще в бытность нашу в Москве. Между предположениями и действительностью получаются значительные расхождения.

Поздно вечером на коротких волнах слышал Лондон, Берлин и Хильверсиум. Везде веселая музыка и приятные женские голоса. Как будто все сговорились и поют только о любви! Да что они, сдельно взялись, что ли?

11 июля. Ночью дежурил Федоров, я спал. Утром встал рано и больше, как обычно, не ложился. Позавтракали вдвоем с Женей все той же яичницей из свежих яиц с охотничьими сосисками. Эти сосиски, несмотря на фольгу, покрылись плесенью. Папанин и Ширшов их не едят, так что они целиком достаются нам двоим. Мы с Женей этим отнюдь не огорчены.

После чая занялся всякими делами. Подтягивал оттяжки мачт. Кругом уже не лужи, а настоящие голубые озера. Сухого снега вовсе нет. Куда ни ступишь, везде вода. Хорошо, что наши сапоги отличного качества и не пропускают воду.

Сегодня получили приветствие от трудящихся Сталинского района Москвы, где чествовали, очевидно, участников нашей экспедиции.

Поздравляем Ширшова — Политуправление сообщило о принятии его в сочувствующие ВКП(б). Петя прикреплен к нашей парткомсомольской группе. Занятная у нас партгруппа — из четырех человек: один член партии, один кандидат, один сочувствующий и один комсомолец.

Но праздник праздником, а Ширшов пока что берет планктон с различных глубин: 3 000, 2 000 и 1 000 метров. Всего надо выкрутить 6 000 метров троса. Этим делом заняты Папанин и Ширшов. Не завидую. С 3 000 метров достали медузу и всякую живность. Вот тебе и безжизненная Арктика!

После работы Ширшов наладил свой прекрасный микроскоп, и мы все по очереди, затаив дыхание, разглядывали интереснейший улов.

Пробы закупорены в баночки и, как все самое ценное, прячутся под изголовье Ширшова.

Но, видимо, нехватит спирта для консервации всех проб.

Погода обычная: туман, морось, временами снежок. Температура около нуля. За прошлую ночь на лужах образовалась ледяная корочка. Это нас радует.

В литературной передаче с острова Рудольфа нам читали статью одного профессора о льдах. Статья написана после прибытия всех наших самолетов на полюс. Изобилие ссылок на Пири, Вилкинса, Стуккерсона и т. д. О нашей экспедиции — ни полслова. Как будто мы забрались сюда, чтобы внести кое-какие крохотные коррективы в «работу» Пири и только. А, по совести говоря, Пири абсолютно ничего тут не сделал. Единственное, что можно подтвердить, — это то, что около полюса есть большие ровные пространства льда. Больше ни в чем ни подтверждать, ни опровергать Пири не приходится. Ведь ни одного конкретного замечания о чем бы то ни было у Пири не найти. Это был чистый спорт.

Рудольфовцы вкратце изложили нам выступление по радио Шевелева. Южнее 80-го градуса северной широты нам дрейфовать не дадут. Если мы на этом градусе очутимся в полярную ночь, нас будут снимать ледоколом. Если весной, то — самолетом с Рудольфа или комбинацией ледокол — самолет.

Поздно вечером получили сообщение о том, что вылет Громова по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка назначен на 12 июля в 3 часа ночи. Как назло, два дня у нас держалась хорошая погода, а сейчас отвратительная, видимости нет, даже облаков не видно, все в тумане. Как бы не улыбнулись нам наши письма из Москвы!

В запасе две темы для большой корреспонденции: в веселом духе обложить парикмахера при гостинице «Москва» за всученную нам

никудышную машинку для волос и всерьез обругать профессора за его статью. Первую тему хочу взять себе.

Сегодня новые координаты: 88°12′ северной широты и 3° западной долготы.

12 июля. Ночью передал дополнительные метеосводки для перелета Громова. Эх, двинулись к нам наши письма. Дойдут ли только? Утром в 6 часов слышал очень слабо Москву. Весь утренний выпуск был посвящен вылету Михаила Михайловича Громова.

После утреннего чая спал урывками: каждые 3 часа Женя меня будит для передачи метео. Спал с перерывами до 6 вечера в предвидении длительного наблюдения за самолетом.

К вечеру Папанин развел в бидоне краску, и трое наших орлов пошли рисовать на ледяном поле два громадных ядовито-желтых круга диаметром по 150 метров каждый, чтобы самолет легче мог найти место лагеря. Среди трещин, разводий и торосов очень трудно разглядеть палатки, особенно в пасмурную погоду. Долго и усердно малевали круг, разбрызгивая веником краску. Промокли. Воды под снегом так много, что чуть было не начерпал ее сапогами. Работа тяжелая. Хотя на нартах стоял один лишь бидон с краской, но даже троим трудно было тащить его по раскисшему снегу. Двое тащат нарты, а третий, как священник, кропит снег веником. Проклятая краска! Она настолько въедлива и летуча, что мы теперь все ходим перемазанные. За что ни возьмешься — все в краске.

Я зарядил кассеты и фотоаппарат. Может быть, удастся снять самолет. Погода плохая, но барометр неуклонно лезет вверх — значит, есть надежда, что самолет нас увидит.

В палатке приятно пахнет луком: Иван Дмитриевич сортирует начавшие прорастать головки.

По расписанию я должен начать наблюдение с 11 часов вечера.

13 июля. После окончания сегодняшней серии «живописных» работ все, кроме меня, легли спать. В палатке — тишина.

Остров Рудольфа сообщил, что в 22 часа над станцией был слышен шум моторов. Следить за самолетом очень трудно. Данилин не придерживается расписания, является, когда ему удобнее, и работает очень мало: всего лишь 1—2 минуты.

Впервые, и притом с оглушительной слышимостью, принял самолет в 02 часа 05 минут. Записал:

«Привет завоевателям Арктики — *Папанину, Кренкелю, Ширшову, Федорову*
Экипаж самолета N 0-25 — *Громов, Данилин, Юматев*».

Ответил на условленной волне: «Взаимный привет советским орлам».

В это время Папанин, Ширшов и Федоров дежурили вне палатки, только я непрерывно сидел за приемником. Федоров как спортивный комиссар приготовил форму акта. Акт надо передать в Москву, а оттуда этот документ, заверяющий прохождение самолета над полюсом, пойдет в Международную авиационную федерацию.

Погода пасмурная, сплошная облачность, но высокая, местами просвечивают кусочки голубого неба. Над облаками наверняка погода отличная, ветер слабый.

Томительно проходили часы. Ждали с минуты на минуту шума мотора, ждали, что он вызовет нас и затребует координаты, но ничего этого не было. Жаль. Громов мог бы пройти под облаками, они были достаточно высоки.

Однако самолет пошел строго по Рудольфу и, боясь «оступиться» и потерять ориентировку, никуда не сворачивал, направляясь прямо на полюс. После достижения полюса сообщения шли с 110 и 120-го меридианов, то есть по продолжению меридиана острова Рудольфа. А мы находимся значительно западнее, в сторону Гренландии.

В 5 часов утра наши легли спать. Я продолжал наблюдение за эфиром. Слышал несколько раз самолет. Узнал, что наше приветствие было принято в бухте Провидения и на Уэллене.

В 12 часов 15 минут место самолета — 74° северной широты и 120° долготы. Следовательно, он идет по пути чкаловского перелета.

Какая-то мощная станция всю ночь бубнила всякие подробности о перелете. Самолет такой же, как у Чкалова, — NO-25. Один мотор. Горючего 6 тонн, должно хватить на 13 000 километров. Посадка будет сделана в подходящей точке Северной Америки. Заранее пункт назначения не указывается.

Каждый час работаю с островом Рудольфа. Сообщаем друг другу о том, что самолет не слышим. Раз прилег на полу и проспал целый час.

Эх, старалась, старалась Наташа, а письмо проскочило мимо и укатило в Америку! Следующий раз надо адрес писать разборчивей. А пролетело оно где-то мимо нас всего лишь в нескольких десятках километров. Экая досада!

С горя раскрыл одну из трех последних пачек папирос «Ява».

14 июля. С утра заступил на кухонное дежурство — вероятно, до 1 августа. Занялся чисткой кухни, расставил все на свой вкус и, зарядив огромную порцию теста, стал печь на соде лепешки. В тесто всыпал около десятка куриных порошков: они у нас почему-то не пользуются успехом. А с толченой курицей и лепешки сытнее и муки меньше идет. К сожалению, в общее тесто бухнул случайно немного муки из пропахшего керосином бидона. Едва ощутимый запах керосина в лепешках почувствовал один Федоров, но и он дипломатически промолчал. Папанин и Ширшов едят и хвалят. Я молчу и радуюсь, что лепешки исчезают.

Папанин оставил мне в наследство «свежие» щи. За ночь они сильно густеют; приходится время от времени подливать воду и подсаливать. Это и есть настоящий «неразменный» суп, который едим по четыре-пять дней. Повару удобно и хорошо, но публика не в энтузиазме. Кроме того, Иван Дмитриевич наварил гигантскую порцию гречневой каши. Подаю ее во всех видах — и в натуральном и с куриным порошком (мое изобретение, вкусно!), но истребить ее никак не можем!

После обеда работали на лебедке, брали глубоководную станцию. Чтобы натрузка на трос была немного меньше и поднимать было легче, Ширшов подвесил груза на 7 килограммов меньше обычного. К сожалению, это новшество основательно сказалось на результатах промера. Плохо реагировал автоматический тормоз. Шесть раз «стучались» о дно и никак не могли точно установить, когда щуп достиг дна. Сошлись на том, что глубину можно считать в 4 160 метров. Обидно: после 4 часов напряженной работы щуп подняли, и оказалось, что в нем нет пробы грунта. Вряд ли пробу вымыло во время подъема. Так же невероятно, что тут скалистое дно. В общем, подъем дал только температуры на различных глубинах. Глубины и пробы грунта нет. Придется сделать еще промер, так как этот подозрителен. Без расписки со дна моря промер не примем.

Крутили лебедку попарно, как обычно, по 400 метров. Мне нужно было уйти на рацию и поэтому с Петей авансом выкрутил подряд 800 метров. Промокли оба до нитки. Папанин не пожелал отставать и выкрутил с Федоровым 1 200 метров.

Москва благодарит за четкое обслуживание перелета и просит «набираться сил для выполнения нового задания». Недоумеваем. Не собирается ли Громов лететь обратно тем же путем из Северной Америки в Москву?

С огромной радостью узнали о рекорде Громова. Рады, что наши сведения о погоде помогли перелетам славных советских летчиков.

На перекрестке всех меридианов светофор открыт. Добро пожаловать.

Мой почитатель, художник Теплов, тоже откликнулся восторженной телеграммой:

«Сбылась моя мечта на великой сталинской трассе Москва — Северный полюс — Америка пролетел наш советский художник славный авиатор Юмашев горячий привет».

15 июля. Ночью было первое серьезное сжатие на южной окраине нашего поля. Сравнительно молодой лед метровой толщины нагромождался широкой грядой, местами высотой до восьми метров. Это самые высокие торосы в нашем районе. Толчков не чувствовали, ведь наше поле — несколько квадратных километров при средней толщине в три метра — весит несколько десятков миллионов тонн и обладает огромной инерцией. Мы довольны льдиной, однако бдительности не теряем, круглые сутки следим за старыми трещинами.

Огромные голубые озера объективно очень красивы, но если из них приходится вытаскивать десятки бидонов весом по 50 килограммов каждый и при этом сапоги оказываются чересчур короткими, то на природную красоту внимания не обращаешь. Каждый бидон продовольствия, каждый бурдюк с керосином несчетное количество раз прошел через наши руки. Эта дополнительная нагрузка крайне утомительна, тем более что ход научных работ изменить нельзя. Мы двигаемся, и по пути дрейфа приходится равномерно наносить глубины, делать суточные серии, магнитные, гравитационные и другие наблюдения.

Вот и сейчас, во время ночного дежурства, перетаскивал запасную базу № 2. Она совсем в воде. Бурдюки с керосином плавают, бидоны с продовольствием просто утонули. Нужно было перенести базу на бугорок метров за 15. Таскал больше двух часов. Таскать нелегко. Ноги почти по колено в воде, скользят по льду, промокли. После каждого бидона останавливался и ждал, пока успокоится сердце. Всего доставил 35 «мест» и каждое по 50 килограммов. Подконец догадался керосиновые бурдюки не поднимать из воды, а тащить их вплавь, хотя бы полпути. Теперь база на сухом месте, все в порядке.

У Папанина и у меня что-то очень часто болит голова. Глотаем пирамидон. Ширшов предполагает легкое хроническое гриппозное состояние. Головная боль не настоящая, а какая-то колющая и ноющая муть, особенно при физической работе. Ладно, приедем на материк, там подремонтируемся.

Папанин перебрал лук и чеснок, зашитый в запасных валенках. Отходов мало, лук отлично сохранился. Щи ел с сырой луковицей. Хорошо.

Вот только — два месяца не читал ни одной книги. Нехватает времени даже для сна. Единственным нашим ежедневным чтением является надпись на палатке: «Дрейфующая экспедиция Главсевморпути».

В последние дни начались заморозки. Возможно, что это наступление зимы. Наконец-то из людей-амфибий превратимся в более нормальных, сухопутных, а не земноводных.

16 июля. За ночь на лужах образовалась ледяная корка. Сегодня утром несколько раз ударил ковшом, чтобы пробить лед.

В полночь минимальный термометр показывал минус 2,4. Это, возможно, уже наступление зимы. Предстоящая война с холодом не страшит, а радует: очень уж надоела нам вода и сырость.

Наше место — 88°08′ северной широты и 3°16′ западной долготы. Дрейфуем, грубо говоря, по одному градусу в месяц. Двигаемся по направлению к Гренландии.

Отличный день, солнце, штиль. В палатке температура дошла до 26° тепла. Наружная температура около нуля, ледок на лужах и не думает таять.

На обед сделал жиденький перловый суп, надоели кашеобразные борщи и щи. На второе попробовал сильно размочить и поджарить куриный порошок пополам с мясным. Есть можно, но невкусно.

Петя получил телеграмму от профессора Кленовой. Просит прислать описание пробы грунта дна для доклада на Международном геологическом конгрессе.

17 июля. В ночное дежурство два с половиной часа подряд жарил лепешки. Нажарил 60 штук. Теперь не придется открывать новый бидон, чтобы доставать сухари.

Температура положительная. В 5 часов утра — дождь.

В 5 часов 57 минут связался с французским радиолюбителем, опять-таки из Реймса. Он по позывному узнал меня. Слышимость

5 баллов. Любезно предложил передать мои сообщения в Москву. Мощность его передатчика — 28 ватт.

Последнее время с любителями совсем не работаю. Нет ветра для зарядки аккумуляторов и жаль аппаратуру.

За ночь торосы к югу от нас изменили свою форму, стали немного приземистее. Очевидно, разошлась трещина и часть торосов обвалилась. Нет времени туда пройти и сделать снимки.

Днем опять завертелась наша лебедка. Решили сегодня повторить промер и обязательно нащупать дно. Следующий промер будет уже южнее 88-го градуса северной широты. Глубина (место 88°08′ северной широты и 3° западной долготы) оказалась 4 395 метров, наибольшая для наших станций.

Погода пасмурная, плохая видимость, все время моросит. Однако у лебедки этой сырости не замечаешь. Крутили посменно по 400 метров. В конце смены от всех валит пар. Работали в одних фуфайках. К шести часам вечера подъем закончили. На этот раз в щупе хорошая колонка грунта. Проба очень интересная. Верхний тонкий слой кофейно-коричневого цвета. Нижний слой — пепельно-серый.

Ширшов отправил описание проб грунта профессору Кленовой для сообщения Международному конгрессу геологов.

Вечером едва-едва расслышал Москву.

В «Последних известиях» сообщили наши координаты и погоду. Очевидно, за неименем других материалов сообщают хотя бы наше место.

18 июля. На обед сварил суп «андалюз», проще говоря, рисовый суп, заправленный томатом. На второе лапшевник.

Вечером говорил с голландским радиолюбителем. Отлично слышали друг друга. Он узнал меня по позывному.

«Я рад иметь связь с вашей знаменитой экспедицией. Имеете ли вы какие-либо сообщения к передаче? Не могу ли я сделать что-либо для вас?»

В голландской газете он уже прочитал сегодняшнюю нашу сводку погоды. Вот не думал, что голландские газеты будут сообщать о погоде на полюсе. Видимо, за границей тоже внимательно следят за нашей работой. Спросил меня также: «Знаете ли вы, что ваш самолет побил мировой рекорд, пролетев Москва—Сан-Франциско?» Ответил.

19 июля. На ночном дежурстве мыл кухонную посуду. Затем попробовал по Наташиному рецепту сварить кофейный ликер. За неимением спирта пришлось варить на коньяке. Угостил подошедшего Ширшова и попросил его не говорить остальным, так как готовил сюрприз к 21-му, ко дню нашего двухмесячного пребывания на льду. Совсем забыл, что в жилой палатке отлично слышны все кухонные разговоры. Папанин выскочил к нам на кухню в одной рубашке. Ясно, что и он попробовал ликер. Из остатков гущи сварил себе кофе.

В полночь были, как назло, облака всех трех ярусов, а потом все затянуло туманом. Облаков во время метеонаблюдений мы не любим,

это осложняет и удлиняет составление телеграмм. Ветер норд-ост, туман, паршивая холодная морось. Пробирает холодом до костей. Неуютно. На юге гряда торосов уменьшается, а на востоке сильно торосит. За несколько часов ночного дежурства гряда значительно выросла. Как выдержит наше поле? Вместе с тем сегодня наблюдали интересное явление: несмотря на крепкий продолжительный ветер, вертушка не отмечает дрейфа льдов. Затем дрейф начался, но вскоре опять остановился. Вряд ли можно думать, что до самой Гренландии все море забито льдом. Вернее всего, где-то вблизи господствует ветер другого направления, от этого дрейф идет толчками и образуются огромные торосы по краям нашего поля.

С Рудольфа самолеты должны были доставить нам 3 бидона спирта для консервации живых тварей, которых Ширшов вылавливает из океана. Кроме того, спирт нужен для медицинских целей, да иногда и стопочку пропустить не вредно. И вот получилось так, что весь запас спирта оставили на Рудольфе. Медицину и выпивку можно отложить, но живность из океана надо сохранить во что бы то ни стало. Ведь это уникальные экземпляры, представляющие огромный интерес для науки.

Думали, гадали и решили спирт перегонять из коньяка. Прошлой ночью Ширшов приступил к этой «работе». Я не мог спокойно смотреть на такое варварство и отворачивался. А какая богатая тема для корреспонденции! Одно название чего стоит. Например: «Высшая форма самоотрешения на полюсе, или перегонка коньяка на спирт во имя сохранения морских блох для мировой науки». Сам знаю, что даже «Вечерка» не возьмется за такую игривую тему, и поэтому не пишу.

Результаты перегонки вполне удовлетворительные. Из 0,6 литра коньяка получается 0,3 литра спирта. За утренним чаем опробовали продукцию по маленькой рюмочке, закусили луковицей, салом и сухарями. Эх, какая красота, прямо по жилкам побежало. Сразу согрелись.

Комиссия приняла и одобрила продукцию Ширшова. Хорошо, что вблизи нет милиции, а то бы пришлось отвечать за нарушение государственной монополии.

20 июля. Поутру самолично поднимал вертушку[1] с глубины 500 метров. Это заняло полчаса.

Дрейфа нет. Ветер стих, и погода отличная. Ровная, высокая, спокойная облачность, слабый ветерок, хорошая видимость. Отдыхаешь в такие дни.

Утром наготовил побольше горячей воды, побрился, капитально помылся, затем мне Федоров побрил голову. Слезы текли в три ручья. Этой бы бритвой в июле месяце в тропиках масло резать, а не голову

[1] Весьма остроумный прибор гидрологов — вертушка — применяется для определения направления и скорости течения. Легкий пропеллер, вращаемый силой течения, через определенное число оборотов освобождает небольшие свинцовые шарики, которые скатываются по желобку в магнитной стрелке внутрь компасной коробки, указывая направления течения.

брить. Однако вытерпел бритье всей головы. Правильно говорят французы: «Чтобы быть красивым, надо страдать». Если пословица верна, то я немного не дотянул до Аполлона. Когда моешься один раз в месяц, начинаешь ценить некоторые навыки культурного обихода. Затем помыл голову Жене, — он тоже наводит красоту. Приготовил обед. Грибной суп заготовил дня на четыре. На второе — яичница со свежим луком и горячее молоко из порошка.

Вечером сменили белье — носили его с самого Рудольфа, два месяца.

21 июля. Принес с базы и открыл бидон с основным запасом табака. Достал сигареты и сигары. Весь табак нам явно не израсходовать. Ведь брали табак из расчета, что все четверо будут курить нормально. На самом деле курю только я один.

Впервые за два месяца у нас настоящий выходной день, за исключением, конечно, обычных метео и радиосводок, которые проводились точно по расписанию.

Папанин и Ширшов спали до обеда. За обедом — грибной суп. рисовая каша на чистом молоке, чай с тортом и кофейным ликером моего изготовления. Курили сигареты «Тройка» и «Кавказ» и чувствовали, что сегодня действительно знаменательный день и праздник. После обеда устроили граммофонный концерт, прокрутили все наши пластинки. Выбор не ахти какой.

Итак, два месяца на льду; начинает бледнеть челюскинское двухмесячное сидение в лагере на льдах Чукотского моря. Четыре месяца вне дома. Еще два раза по четыре месяца, и, пожалуй, уже будет точно известно, когда будем дома. Под музыку сегодня каждый мечтал о своем. Наверняка все четверо думали о доме.

22 июля. Забыл вчера записать. В радиогазете Диксона сообщалось, что в начале августа американское военное и авиационное ведомство организует перелет Северная Америка — Северный полюс — Москва. Летит Маттерн. Самолет двухмоторный. Видимо, здóрово американцев заели перелеты Чкалова и Громова.

Солнце прогуливается, прячется за облаками. Давно нет ветра, и аккумуляторы не заряжаются. Сегодня «центральный телеграф» Северного полюса прекратил прием частных и корреспондентских телеграмм. Передаю только метео.

У нас крупная неприятность. Заграничные бесшумные горелки на примусах оказались чересчур нежными. Из шести штук — две уже вышли из строя. Починить их нельзя, у нас нет серебряного припая. Хорошо, что летчики подарили нам два советских примуса с двумя запасными горелками. До сих пор, главным образом, и работали советские примусы, но теперь горелки забились. Если их не исправить, будет почти катастрофа. Подумать только: горючего хоть залейся, а примусов нет. Неужели придется воду и пищу греть на керосиновой лампе? Отопление сделаем на фитилях. Копоть в палатке будет, конечно, адская, будут наверняка сверкать только глаза и зубы. Эх, подвели нас заграничные штучки, чорт их побери.

Сегодня ели бывшие свиные отбивные. Иван Дмитриевич как будто восторгается, но в горло они не лезут, запашок сильный.

23 июля. Во время дежурства занимался прожиганием накипи в примусных горелках. Сначала орудовал примусом и маленькой паяльной лампой, но ничего не получилось. Пламя чересчур слабое, дрянь внутри горелки не отожглась. Тогда достал большую паяльную лампу. Это зверь на полведра. Горит так, что сидеть рядом страшновато. Ревет, человеческого голоса не слышно.

В кухонной палатке стало сразу жарко. Скинул фуфайку, да и то вспотел. На шум прибежал Папанин в одном белье. Ура! Победа. Прожег горелки. Теперь все в порядке. Вот где, на Северном полюсе, пригодились познания, полученные в слесарне еще в 1920 году.

Мы все очень рады. Нашли, наконец, выход из глупейшего положения. Кстати, и большая лампа горит отлично. Для разгрузки примусов зимой будем на ней топить снег.

Последние три дня утром хорошо слышу Диксон. Он передает наши телеграммы на Рудольф, а я перехватываю и потом даю на них квитанцию Рудольфу.

Начал читать роман Вилли Бределя «Испытание».

На третье к обеду сделал яичный грог. Сушеное молоко, яичный порошок, сахар и коньяк. Всем очень понравилось.

24 июля. Передаю только метео, да и то не знаю, как теперь дотяну до ветра. Уже несколько дней стоит безветреная погода, гнилой антициклон. Барометр ни вверх, ни вниз. Ветерок 1—2 метра. Кое-как раскрутил ветряк, машет он, болван, крыльями, но для зарядки напряжения не дает.

Телеграмма от Бронтмана. Я просил его сообщить нам московские новости. Он честно и толково прислал 92 слова. В Москве теплынь, сносят Страстной монастырь. По каналу ходят пароходы, в том числе «Радист Кренкель». Кинофильм об экспедиции появится в августе.

Бронтман пишет:

> «За вами следит вся страна, люди переживают лужи, сжатия и дрейф. Пишите больше, пусть Петя и Женя пишут о научных результатах, а то тут уже появились знатоки».

Вот как. Уже знатоки появились. Высказал нашим специалистам свою точку зрения. Они хотя и молодые, но не могут отбросить полностью скверную привычку ученых старой закалки. Вникают они в свои наблюдения, в материалы и совершенно не учитывают, что миллионы людей хотят знать об этих работах, хотят видеть ощутительные результаты. То, что через пять лет появятся книги о нашей работе и эти фолианты будут читать сотни ученых во всем свете, сейчас мало кого интересует. Надо дать сейчас хотя бы предварительные выводы. А Женя и Петя боятся, как бы их не упрекнули в упрощенчестве. Надо больше популяризировать нашу работу, рассказывать о первых результатах нашего дрейфа. Условились, что будем больше писать в газеты. Следует учитывать возможные неприятности

с нами, тогда хоть предварительные научные выводы дойдут до Большой Советской Земли, и труд наш не пропадет даром.

И. П. Мазурук на Рудольфе получил телеграмму от Шевелева:

«Сигизмунд летит по тому же маршруту около первого августа. Навстречу ему летит Маттерн. С вашим планом согласен, но учтите, что, возможно, придется оказывать помощь».

Сегодня усиленно занялись фото. Хотя и облачно, но светло, хорошо, почти штиль, тепло, ходим в одних фуфайках. Ширшов спустил в большую лужу байдарку, а Папанин накачал наш надувной клипербот и тоже спустил его в лужу. Плаваем по нашим внутренним морям и озерам. У гидрологической проруби образовался водоворот: туда устремились потоки из озер. Папанин и Ширшов делают из досок сложное гидротехническое сооружение, чтобы водоворот не подмыл лебедку. На льдине наведены мостки.

Наши базы высятся буквально на ледовых островках. Перед самым входом в палатку течет бурный ручей. На этом ручье мы провели испытание наших пловучих средств — байдарок, надувного резинового клипербота, способного поднять тонну груза. Весь флот показал отличные качества. Попутно изучили фарватер ручья: в некоторых местах весло не достает дна. Ну и лето.

Обилие пресной воды облегчило кухонную стряпню, позволяет значительно экономить горючее, которое раньше обильно тратили на растопку снега. Однако этот потоп все же сильно надоел.

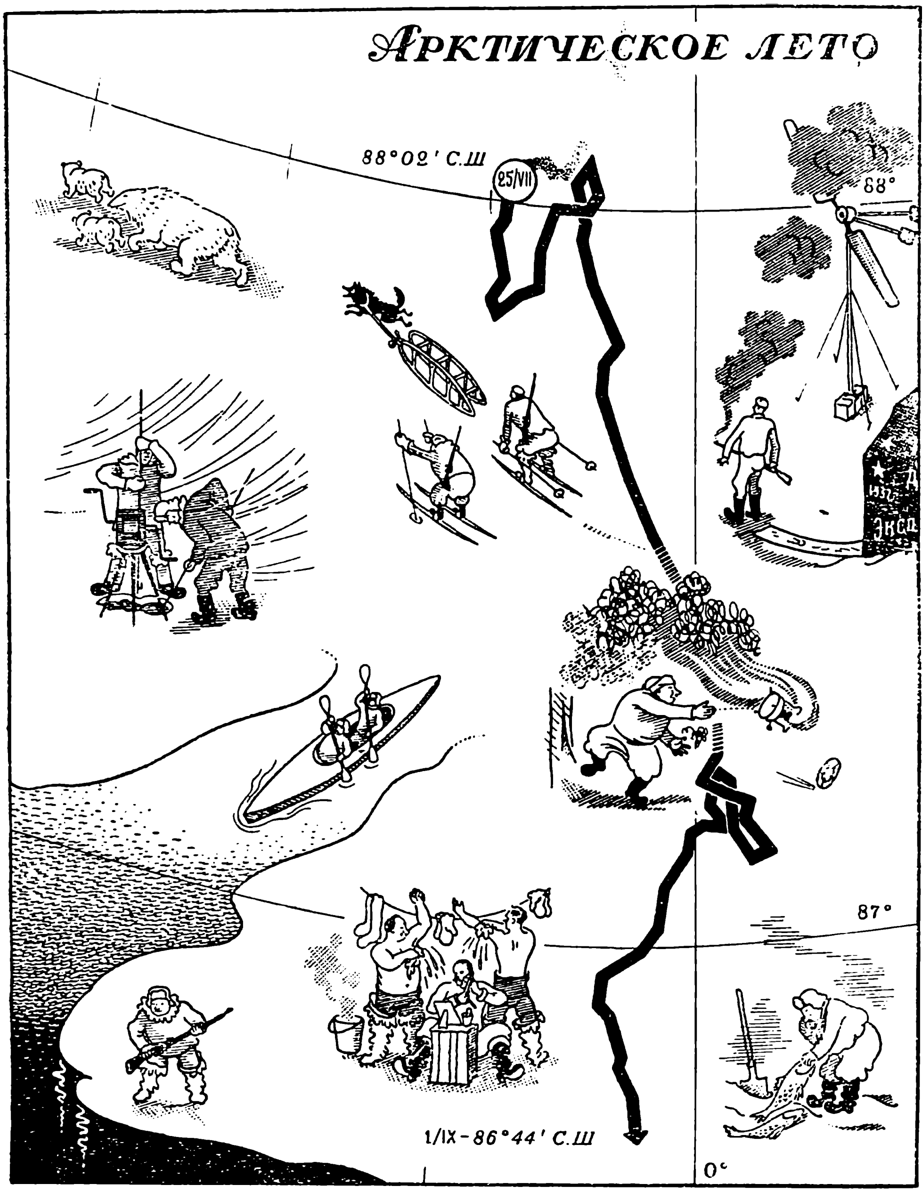
С большим трудом произвели очередную засыпку палатки снегом: его приходилось искать по всему прилегающему району и возить издалека на нартах. Наша палатка высится пока на ледяном пьедестале, принимаем все зависящие от нас меры, чтобы его сохранить.

Сплошной туман мешал Федорову сделать астрономические наблюдения. Лишь сегодня Жене удалось установить место нашей льдины: сейчас мы находимся на 88-м градусе 3-й минуте широты и 6-м градусе западной долготы — наша льдина попрежнему в «чужом» полушарии. Последнее определение было 16-го числа. За десять дней продвинулись к югу только на 4 мили. Это хорошо. Видимо, дрейф в основном зависит от ветра, а ветра-то и не было.

На обед варил щи. Супы Дмитрича, в особенности щи, я совсем не могу есть: они густы и крепки. Секрет оказывается простым: на большую кастрюлю надо класть всего лишь два брикета, и тогда получаются нормальные съедобные щи.

Папанин отправил телеграмму Шевелеву и Леваневскому. Просит сбросить два примуса и 20—30 штук горелок для примуса, и обязательно — советских.

25 июля. За последние сутки озера и лужи нашли где-то сток, и пресная вода значительно спала. Снегу на льду почти нет, немного его осталось лишь около торосов. Сильно тает лед. Анкера для радиомачт вышли сантиметров на 40 из льда.

Вчера совершенно вытаяла одна оттяжка, другие держатся на перемычках толщиной в два пальца. Сама мачта ушла на полметра в

лед, так что теперь она может стоять даже без оттяжек. Интересная деталь: любая бумажка, самая малюсенькая щепочка, случайно брошенная на лед, глубоко, на 20—30—40 сантиметров, втапвает в лед. Валялась около палатки бумажка от плитки шоколада. Теперь на этом месте образовалась такая дыра, что туда свободно входит нога. Особенно красиво втаивают в лед бечевки. Получается группа столбиков. Толщина их в точности соответствует петлям брошенного вервия.

Хотя солнечных дней мало, но лучи пробиваются к нам сквозь облака. Наша черная от природы палатка сильно порыжела.

Ширшов вчера ловил планктон на 1 000-метровой глубине. Оказывается, там наступила пора так называемой биологической весны, начинается цветение водорослей.

После утреннего чая занялся вместе с Папаниным обсыпкой палатки, привезли 15 нарт снега. Нарты тяжелые, едва вдвоем сдвигаем с места, а снег чудной, почти сплошная вода; пока довезешь, руки устают и сердце колет. К полудню закончили эту работу. Хотя бы дней на десять хватало этой засыпки. Когда же начнутся заморозки!

Жарил содовые лепешки. На сливочном масле жарить плохо. Оно сильно горит и чадит. И все же открывать новый продовольственный бидон до первого августа не хочется. У нас весь провиант есть, кончились только сухари. Неужто из-за одних сухарей открывать бидон? Вот и мучаюсь с лепешками. На беду получаются они очень вкусными. Прошлый раз нажарил 60 штук, думал, что хватит на 4 дня, а слопали в полтора дня.

26 июля. Мать пишет из Кисловодска:

«Твои телеграммы получила быстро через 36 часов они вызвали сенсацию тчк отважной четверке все шлют поздравления приветы тчк мой ответ произвел на почте конфуз просили подробный адрес я предлагала медвежий переулок».

И в самом деле, сочувствую телеграфисткам — в справочниках станция «Северный полюс» и почтово-телеграфное отделение при ней вряд ли значится. А раз не обозначена, значит и нет таковой...

«Вечерняя Москва» приветствует «Сталинскую четверку, работающую на полную пятерку», и сообщает новости: 150-сильный буксир «Радист Кренкель», окрашенный в ослепительно белый цвет, заканчивается строительством в пермской судоверфи, сейчас находится в стадии испытаний, в августе вступит в эксплоатацию, 26-го — встреча Чкалова; завтра — старт и финиш скоростных воздушных гонок по маршруту Москва — Севастополь — Москва...

27 июля. Испытывали керосиновые лампы. Пользы от них мало, температура в палатке поднимается очень слабо. К тому же и резервуары маленькие, только на 6 часов. А ведь гореть им круглые сутки. Надо будет что-нибудь придумать.

Утром начал было передавать метео, да не успел, — окончательно скисли аккумуляторы. Только после этого ветер как бы сжалился надо мной. С большим трудом раскрутился ветряк, и часа три заряжали аккумуляторы. Затем снова затихло. Во всяком случае, каждый

из нас успел послать по одной телеграмме домой. Корреспонденции в газеты придется отложить до следующего ветерка.

Папанин и Ширшов отправились на байдарке в прогулку по пресным озерам к северу. Путешествовали долго по системе озер и лишь в двух местах переносили байдарку через перемычки. Веслом дна на озерах никак не достать.

Пока наши путешествовали, я помогал Жене делать магнитные вариации. Сидишь без сапог на чистых оленьих шкурах в розовой, веселой палатке и каждые 4 минуты делаешь отсчеты по двум приборам. И так несколько часов подряд. Потом даже куриный порошок кажется вкусным.

28 июля. От Наташи получил сразу две телеграммы:

«Ежедневно радуюсь красоте участка сейчас занята налаживанием спортивной площадки скоро начнем посадку фруктовых деревьев. К сожалению верх все еще не окрашен очевидно совсем готова дача будет только к твоему приезду. Крепко целую».

И вторая:

«Редко бываю городе поэтому так нерегулярно отвечаю твои телеграммы. Сейчас приехала налаживать дачную мебель очень хочу встретить тебя исключительным уютом придется поработать всю зиму дети прекрасно выглядят все мы очень поправились целую».

Дачное строительство Наташу, видимо, сильно увлекло. Написал, чтобы до моего приезда воздержалась хотя бы от проводки на дачу метро.

Весь день, часов 12 подряд, крутился ветряк. После долгого перерыва наконец зарядил доотказа аккумуляторы. Вечером все четверо строчили корреспонденции в газеты, а то очень уж долго мы молчали.

29 июля. Ночью валил мокрый снег. Температура нулевая.

Погода — хуже и не придумать. Омерзительная слякоть, сырость, туман, порывистый резкий ветер. Поверх одеял брезентовый плащ, чтобы не промочить верхней меховой одежды. Болит голова. Несколько раз глотал спасительный пирамидон.

Пока аккумуляторы пустовали, как-то не тянуло садиться. Ну, а теперь у меня полный заряд, как не соблазниться. Передал на Рудольф 700 слов корреспонденции и снова подзарядился.

Сердце радиста радуется: можно пошарить по эфиру и поискать дальних радиолюбителей.

До часу дня работает Европа, Америка спит. Эфир в это время пуст. Лишь изредка слышны матерые зубры эфира. Шансов на связь мало, но в случае удачи это будет дальняя связь.

Радиолюбители всех стран отлично осведомлены о нашей экспедиции. Многие любезно предлагают свои услуги — передать что-либо в Москву. От всех любителей идут приветы и поздравления. Зато есть и такие, которым, при встрече в эфире, с адской вежливостью сообщаем лишь оценку слышимости. На запрос, кто мы, где мы, — отвечаем: «Советская экспедиция на Северном полюсе».

В 13 часов 55 минут на общий вызов мне ответил «К6». Позывной редкий, посмотрел в список, оказывается — Гавайские острова. Ох,

вот это здорово. Банджо, гавайский молодчик и Северный полюс. Хорошо...

Гавaец меня слышит на пять баллов и все отлично разбирает, а тону моего передатчика дал самую лучшую оценку. Для верности спросил у него фамилию. Представился — мистер Тролез из Гонолулу. Его мощность 125 ватт. Погода в Гонолулу теплая, безоблачная, температура 80 градусов по Фаренгейту.

О нашей экспедиции он знает из газет. Выразив радость по поводу того, что связался со мной, стал спрашивать, в какие часы я преимущественно работаю (он скажет другим станциям, чтобы за мной следили), какие у меня были самые дальние связи. Ответил ему, что пока он является самой лучшей и самой дальней моей связью. Беседа шла отлично, без единого переспроса. Длилась связь 50 минут. Наконец мистер Тролез из Гонолулу сказал, что ему надо итти спать. Мистер Кренкель с Северного полюса пожелал ему спокойной ночи.

Занятно смотреть на наш школьный глобус. Ох, и далеко же эта самая Гонолулу. Почти 8 000 километров. Но и там, оказывается, знают о нашей экспедиции. Любительские связи — отличная пропаганда советского строя.

Аппетит приходит во время еды. Налюбовавшись глобусом, опять засел за приемник. Кто такой «vk2»? Оказывается, Южная Австралия. Нет, пожалуй, не дотянуть, слабоват наш передатчик, всего лишь 20 ватт. Однако чем чорт не шутит, почему не стукнуть вызова. Стучал четыре минуты, австралиец не отвечал. Правда, он дал знак розыска: «Кто меня зовет?», но после вторичного моего вызова совсем не явился, замолк. Думал, что связь сорвалась. Немного терпения! Через полчаса опять натыкаюсь в эфире на этого австралийца. И бубнит он громче, чем в первый раз. На этот раз он ответил на мой вызов. Ясно и хорошо слышу свой позывной. Австралиец, видимо, балованный. Он сообщает: «Вас слышу слабо, разбираю только три балла, плохие условия. До свиданья». И все. Милый ты братец, не знал, с кем работаешь. А то, пожалуй, из шкуры полез, а стал бы мне отвечать... Ну да ладно, все равно связь состоялась.

Мой передатчик имеет мощность 20 ватт, нельзя же требовать, чтобы он обслуживал уличные громкоговорители Южной Австралии. Перекрыто 15 000 километров. Южнее остается только мыс Горн, Тасмания и Новая Зеландия. Жаль, что у передатчика нет рук, хочется их пожать.

Связь, конечно, рекордная. Любопытна она для оценки распространения радиоволн при малых мощностях. Всего лишь 20 ватт, и хватили до Южной Австралии. Пожалуй, теперь «умри Денис, лучше не напишешь». Разве что связаться с любителями мыса Горна, Тасмании и Новой Зеландии? На это мало шансов, не ахти как много там любителей. Да и расстояние немногим больше, чем до Южной Австралии. Вряд ли овчинка стоит выделки. Хожу именинником, принимаю поздравления, и даже голова перестала болеть.

Вечером написал об этих делах корреспонденцию в «Правду». Кстати, рассказывал о любопытной карте, которую вычертил Женя.

Из-за отсутствия астрономического определения он не может делать магнитные и другие наблюдения. Сидит в палатке и обрабатывает материал.

Вычислив среднюю скорость и силу ветра, Федоров нанес их на карту дрейфа. Получается замечательно интересное и пока что почти полное совпадение дрейфа с ветром. Неужели у нас ветровой дрейф?

Вечером разговаривал со Стромиловым.

Яша Либин будущей весной собирается на самолете полететь в глубь Ледовитого бассейна и сесть на 85-м градусе на один-два месяца, чтобы провести там такую же работу, какую мы делаем сейчас. Из Москвы дали на это согласие. Осенью ледокол доставит необходимое оборудование.

На Рудольфе ждут не дождутся, когда пролетят Леваневский и Маттерн. Сразу после этого рудольфовцы хотят на 15—20 дней уйти на Белую Землю [1] для детальной ее съемки.

30 июля. В семь часов утра слушал Москву. Последние дни на коротких волнах; хотя есть сильные помехи, но Москва слышна громко, почти все разбираю.

В «Обзоре газет» читают наши корреспонденции. Сообщение с Северного полюса газеты печатают, не выпуская ни одного слова. Напрасно только редакционные правщики добавляют всякую отсебятину. Получается порой и смешно и глупо, а идут заметки за нашими подписями.

Например, к нашей фразе о том, что снег для засыпки палатки приходится возить издалека и его мало, одна газета добавила, что «мы собираем весь снег в районе Северного полюса». Так как станция находится на 88-м градусе северной широты, то читателям остается думать, что с нартами в поисках снега мы бегаем за 200 километров к полюсу. Нашу фразу о том, что стараемся сохранить ледяной пьедестал палатки, газетчики тоже переделали: «делаем героические усилия, чтобы сохранить» и т. д. Очевидно, мы способны исключительно только на героические усилия, будь то чесание спины или размышление в открытом поле в ожидании морского зайца. К заметке об испытании керосиновых ламп примазали испытание керосиновых печек, которых у нас и в помине нет. Ну да ладно. Сколько ни вози газетчиков в Арктику, они, повидимому, так и не научатся писать правильно.

Утром жарил последнюю порцию лепешек. Работа нудная, а едят лепешки с молниеносной быстротой. Сегодня, наконец, открываем бидон и переходим на сухари.

С Иваном Дмитриевичем прожигал горелки примусов. Бензин у нас содержится в резиновой таре, и внутри горелок образуется осадок серы. Видимо, бензин растворяет ее из резины. В головках надо выжигать серу. Нас это дело сильно беспокоит. Будем изобретать самодельную керосинку.

---

[1] Один из самых северо-восточных островов архипелага Земли Франца-Иосифа. Открыт Нансеном во время пешего похода к Северному полюсу. До сих пор не посещался человеком.

31 июля. Сегодня опять разговаривал с гавайцем, мистером Тролезом из Гонолулу. Уже и к нему дошли наши корреспонденции о недостатке снега и таянии льда. В американском преломлении это значит, что «мы находимся в опасности». Пришлось успокаивать собеседника, заверив его, что на наш век льда хватит. Действительно, для полярников лед уподобляется хлебу насущному. Если кончится лед, придется переквалифицироваться на управдома.

Связался с новым австралийцем: «vk2dg». Город Абермайн. На нашем паршивеньком глобусе такого города вообще нет.

Поставил, вернее сменил, одну лампу в приемнике. Он стал теперь работать лучше.

В августе организуется всесоюзное соревнование советских радиолюбителей по установлению связи с полюсом.

1 августа. Ночное дежурство начал с передачи большой телеграммы Федорова в «Комсомольскую правду» о нашей радиостанции. Потом засел за подсчет средней для июля месяца температуры. Выстроил целый батальон цифр, когда вдруг залаял Веселый. Выбежал из палатки. Оказывается, пес лает на летающую вдали чайку.

Дождь барабанит по туго натянутой крыше, ветер воет в оттяжках, ритмично стучит ветряк... Товарищи нежатся в теплых мешках. Только я, неприкаянный, копчусь на рации.

Часа в три ночи Веселый снова бурно и неистово залаял. Я вышел посмотреть, в чем дело. Смотрю, у клипербота, рядом с северной нашей базой, спокойно ходит медведица с двумя медвежатами. Топчутся на месте, обнюхивают базу. Ребята явно рождения 1937 года. Подошли они с северо-запада. Видимо, их интересовал крутящийся ветряк.

Всунул голову в палатку и кричу:

— Медведи!

Схватил винтовку. Медведи меня увидели и повернули обратно, стали уходить.

Дожидаться наших было некогда, и я решил стрелять. Расстояние большое, медведи бежали галопом, подпрыгивающий зад медведя вообще не является хорошей мишенью. Так я в них и не попал, хотя стрелял семь раз.

Бросился вдогонку. Папанин и Ширшов помчались на лыжах. За ними черным шариком сыпал Веселый. Привязанный к нарте, он долго волочил ее и наконец оторвался.

Долго бежали, переходили вброд озера. Иногда на высоком торосе медведи останавливались и смотрели на нас; стрелять нельзя — далеко. Погоня оказалась неудачной. Так и ушли медведи, скрылись в тумане, растворились среди торосов.

С беспокойством ждем возвращения Веселого. Усталый пес вернулся только через три часа.

Появление медведей — это большая сенсация. Очевидно, даже на полюсе медведь находит питание, иначе заботливая медведица воздержалась бы от таких далеких семейных прогулок.

Папанин долго ругается:

— Надо было не стрелять, а нас подождать...

— Где же тут ждать, когда медведи стали уходить.

На обратном пути поскользнулся на середине озера, окунулся в ледяную воду и зашиб при этом колено. Вздумал выливать воду из сапог, улегшись на спину и задрав ноги кверху. Вода побежала в кальсоны... Бр... В общем, у нас настоящая водолечебница.

В палатке переоделся.

Ветер крепчает, к утру достиг штормовой силы. Ветряк работать не хочет, автоматически складывается от порывов ветра. Палатка то гудит, как барабан, то дрожит — неровен час, улетит. Лепит мокрый снег. Потом пошел проливной дождь. Единственное, что не промокает в лагере, — это наше настроение. В такую погоду только заниматься чисткой кухни да мойкой посуды. К счастью, сегодня на 15 дней сдаю кухню Папанину.

Ветер действует на нервы, как-то напряженно себя чувствуешь. Южный ветер гонит нас на северо-восток, чему мы очень рады. Нам не хочется в полярную ночь очутиться южнее 85-го градуса. Дрейф достиг небывалой скорости: 20 километров в сутки. Внимательно следим за льдом. Куда нас несет? Где же происходят сжатия?

Папанин осматривает свежее мясо, спрятанное в торосах. Оно оттаяло и стало совсем не таким свежим, как хотелось бы. Пришлось наружный слой обрезать. На обед готовили котлеты. Хотя они не такие уж свежие, но вкусные.

Обсуждался вопрос, как это мясо, старательно погребенное в огромную глыбу льда, могло испортиться.

Пришли к правильному, но, к сожалению, позднему открытию. Лед пропускает солнечные лучи, а так как солнечный свет у нас круглые сутки, то темное мясо стало нагреваться. Надо было накрыть лед брезентом.

Пусть будущие домохозяйки Северного полюса усвоят этот благой совет.

2 августа. Итак, подошел разгар не особенно знойного для района Северного полюса лета. Средняя температура июля +0,2 градуса. Наиболее высокая температура + 1,7. Кстати, на Рудольфе средняя температура воздуха за июль + 0,8.

Солнечного удара мы не опасались. Зато обилие воды позволило нам понять все опасения и тревоги Ноя, когда он искал причала.

Температура лета была только температурой таяния льда. Пусть не восхищаются работники холодильников: очередная порция свежего мяса ведь все же испортилась. Сожалеем, что наши медвежьи отбивные котлеты скрылись в тумане.

Ночью больше двух часов передавали большую телеграмму о научных работах за июль. Как назло, после передачи этой телеграммы, после большого расхода энергии ветер стих. Придется опять экономить аккумуляторы.

К утру замечательная, безоблачная погода, почти штиль. Палатку хорошо нагрело и высушило.

Интересные происшествия творятся в эфире. С 18 часов 1 авгу-

ста пропала всякая слышимость на всех диапазонах коротких волн. Не слышно ни одной, даже самой мощной станции. Точно такое же затмение было совсем недавно — с 20 до 25 апреля — на Рудольфе. Тогда Рудольф потерял связь даже с Диксоном. Вместе с тем значительно улучшилось прохождение длинных волн. Станция имени Коминтерна (Москва) слышна отлично.

После обеда в шестом часу вечера вчетвером слушаем далекую, дорогую сердцу Москву. Замечательно читают стихотворения два пионера. Ребята сетуют на свой возраст, им тоже хочется исследовать «белые пятна», даже согласны подождать, пока вырастут.

Имена пионеров — Коля и Сережа Бибины. Стихи мы полностью восстановили по памяти.

И мы хотим на полюс,
Где стужа и мороз,
И мы хотим пощупать
Земную ось.
Но вот покамест вырастем,
Все полюсы откроют,
Пройдет десяток лет —
И «белых пятен» нет.
Мы ставим вам условие:
Мы ждать согласны, но
Оставьте нам с Сережей
Хотя одно пятно.

Благодарим за стихи. Крепко заочно жмем руки обоим пионерам. Рады, что растет наша смена. Но боимся, что «белых пятен» скоро совсем не будет. Сереже советуем учиться на начальника аэровокзала «Северный полюс».

Слушали «Последние известия», лекцию партучебы и концерт.

Диксон читал сообщение о моей связи с гавайцем и о наших медведях. Папанин перенес кухонную палатку: пол совсем перекосило. Сейчас палатка стоит на ровном месте, стала свободной и удобной. Ширшов ходил смотреть лед. К северо-востоку трещина разошлась до 40 метров.

Координаты лагеря: 88°00′ северной широты и 4° западной долготы.

Ветром нас отбросило на 11 миль по прямой линии к северо-востоку. Это хорошо!

3 августа. Изумительная погода, безоблачное небо, почти штиль. Папанин и Ширшов погрузили на нарту резиновую байдарку и снова отправились в поход по нашей старой трещине. Трещину развело в широкую полынью, местами до 70 метров. Темная вода, крутые живописные берега торосистого льда создают чудесную картину. Я зарядил киноаппарат и стал снимать экскурсию. На самом интересном месте что-то в аппарате заело, и пришлось перейти на фотографирование.

Неожиданно в полынье вынырнул крупный морской зверь. Вот как далеко на север они забираются. Стали за ним следить и к концу дня с большим удовлетворением отметили троекратное появление

морского зайца. Иван Дмитриевич часами выстаивает на кромке, надеясь его убить.

Услышав на полюсе в день высадки чириканье птички, мы не поверили своим ушам. Существовало твердое мнение, что центральная Арктика безжизненна. Потом мы увидели пуночку. Вскоре штурман Ритсланд ее поймал. Несколько дней она жила у нас в палатке.

Петя Ширшов на своих гидробиологических станциях несколько раз вылавливал целые ушаты медуз и всевозможных рачков. Сегодня мы увидели потребителя этой мелочи — морского зайца. Папанин все же его подстрелил, но, к сожалению, течением утащило зайца под лед.

Явно рушатся старые теории о крайней бедности растительного и животного мира центральной части Полярного бассейна. Мириады микроскопических водорослей покрывают местами льды и придают им красную и желтую окраску. Совсем недавно мы отметили наступление биологической весны на больших глубинах. Даже с глубины 2 000 метров Ширшов выловил маленькую медузу. Чайки и пуночки летают довольно часто. Появление медведицы с молодыми медвежатами вначале поставило нас втупик: чем она питается? Теперь морской заяц внес ясность.

Круговорот жизни замкнут. Места здесь совсем не такие пустынные, как думали раньше. Центральная Арктика оказалась неплохо населенной!

4 августа. Перенес палатку и радиоимущество на другое, более ровное место. Это заняло около трех часов. Затем помог Папанину перенести хозяйственный склад.

Погода неважная. Туман и морось.

Несколько дней назад мы были на 87°53′ северной широты. Сильным южным ветром нас откинуло на север. Последние сутки удерживается слабый южный ветер. Нас попрежнему отодвигает на север. Сегодня координаты лагеря: 88°04′ широты и 3° западной долготы.

Итак, болтаемся около 88-го градуса.

Плохо идут короткие волны. Любителей совсем не слышно. Зато попрежнему на длинных волнах хорошо слышна станция имени Коминтерна.

5 августа. Папанин разрыл ледяную глыбу, где хранится наша «свежая» рыба — 8 больших рыбин. Прибежал в палатку совсем расстроенный: из ледника, когда он его открыл, потянуло вонью.

Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что рыба хотя малость и попахивает, но не совсем испортилась. Тщательно ее промыли, на обед была уха и жареная рыба. Не особенно она вкусная, да и крепко солить приходится, но есть можно.

6 августа. Каждый месяц празднуем две даты: 21-го — день высадки на полюс и 6-го — день отлета самолетов, начало «самостоятельной» жизни и работы. В такие дни моемся (под «малое декольте»!) и бреемся. Вот этим делом я и занялся во время ночного дежур-

ства. Сбрил усы, которые растил еще с 1 мая. Рыжая растительность — одна грязь. Без усов лучше и чище.

Вспомнил отца. В свое время я очень сетовал на плохой рост усов. Отец посоветовал мазать губу снаружи голубиным, а изнутри куриным пометом. Голубиный тянет, куриный толкает волос. Кажется, я пренебрег этим средством.

Свежий западный ветер. Ветряк идет хорошо. Но тока нет; очевидно, загрязнился коллектор. Надо проверить. Жаль, пропадает хороший, ровный ветер.

Временами идет снег, подмораживает, тогда снег хрустит под ногами.

На востоке попрежнему сильно разведена полынья, чернеют «береговые» торосы.

После бритья и мытья стало удивительно хорошо. Сварил себе черного кофе.

Утром втроем занимались налаживанием ветряка. Надо было найти неисправности. Лазил наверх. Работать неудобно, того гляди, свалишься. Руки мерзнут. Осмотрел динамо, там все в порядке. Прочистил кольца, с которых снимается ток, и колодку, куда подходит кабель. Тоже в исправности. И потом, наконец, выяснилось, что неисправен... кабель.

Этого я никак не ожидал. Сейчас включили другой кабель, и ветряк отлично дает зарядку.

В 18 часов в «Последних известиях» Москва сообщила: «На Северном полюсе продолжается похолодание». Далее шли подробности о нашей погоде. Короче говоря, специальных телеграмм мы не посылали, а это расшифровываются метеосводки. Да, кончаются хляби, начинает хрустеть под ногами снег.

Послал Наташе радио. Когда Наташин день рождения? Конечно, снова забыл. То ли 18, то ли 26 августа?

7 августа. Ночью связался со шведским любителем «sm5uw». Это мой первый швед. Что-то он много наговорил, но у меня трещал приемник, не все понял. Швед много читал о нас и очень надеется, что мы «там» сможем хорошо прожить. Ну, пусть надеется!

Утром послал телеграмму в «Вечерку» о стихах ребят, слышанных по радио: «Оставьте нам с Сережей хотя одно пятно».

Днем занимался выяснением причины треска приемника. Трещит, подлый, только на 20-метровом любительском диапазоне. Ветер ровный, хороший, ветряк работает отлично, тут бы работать да работать с любителями, а приемник трещит. Менял батареи, лампы, антенну, но безрезультатно. Очевидно, все дело в атмосферных разрядах.

Третий день заморозки порядка 1—2 градусов. Выпал и держится свежий снег. У Ширшова замерзает вертушка, он ее отогревает, опуская на глубину 400 метров. Там атлантическая вода и температура плюс 0,75 градуса.

Сегодня Федорову удалось сделать астрономическое наблюдение. За последнюю декаду наша льдина описала своеобразную петлю и оказалась на том же месте, где была 30 июля. Координаты, вычислен-

ные Федоровым: 87°56′ северной широты и 3° западной долготы. Мы всё еще «за границей», в Западном полушарии. Сейчас свежий и ровный западный ветер гонит нас на юг и юго-восток.

8 августа. Заморозки порадовали нас лишь несколько дней. Сейчас опять ноль градусов, сыро, туманно, идет мокрый снег. После обеда принесли в палатку примус, чтобы избавиться хоть на час-другой от сырого, промозглого воздуха.

Кубатура палатки небольшая. Сразу стало тепло и уютно. Развесили под потолком гирлянды перчаток, носков и прочих принадлежностей нашего неприхотливого туалета.

В 3 часа дня связался с американцем: «w7eqz», но связь слабенькая, неважная. Наших советских любителей совсем не слышно.

9 августа. Ночью перехватил от Диксона телеграмму Ширшову, в которой сообщалось, что его жена вчера родила дочь. Сердечно поздравил Петю. Он последние дни сильно волновался.

Ежемесячно в первых числах посылаем на материк большую телеграмму о научных работах за прошедший месяц. Первый раз телеграмма была послана в адрес ТАСС, редакций «Правды» и «Известий». «Комсомольская правда», корреспондентом которой является Федоров, смертельно обиделась. Она, мол, еще тогда, когда остальные газеты молчали, занималась вопросами Арктики. И «неужели даже коллективные телеграммы нельзя посылать в наш адрес». Теперь решено — научные отчеты посылать только в адрес ТАСС.

Маленький Женя Федоров почти ровесник нашему дрейфу. Сегодня на материк послана директива от большого Жени:

«Сыну внуши основы нравственности. За девчонками бегать не допускай. Против курения не борись. Учи грамоте».

10 августа. Не день, а 22 несчастья.

Утром Ширшов начал брать глубинные пробы воды по различным горизонтам до 4 000 метров. Стал спускать батометры. Вдруг задула сильная пурга с мокрым снегом. Снегом залепило тормоз лебедки, ветер сильно задергал трос. Это грозило обрывом троса и приборов. Ветер все усиливался, и в конце концов дрейф настолько убыстрился, что трос накрепко прижало к нижнему краю нашей проруби. Получился небывало большой угол сноса, порядка 35—40 градусов. Ширшов попытался оттянуть трос через блок на другую сторону проруби, но тот от нижнего края льда не отошел.

Тогда вдвоем стали баграми проталкивать вниз посылочный грузик, который закрывает батометры. Хотелось все же сохранить пробы, а потом, зная примерные температуры воды на разных глубинах, сравнивая их с полученными температурами, можно было более точно вычислить угол сноса троса в воде. Тоже ничего не вышло. Никакими усилиями груз протолкнуть не удалось. Поднять наверх батометр не смогли. Пришлось оставить в воде 2 000 метров троса и 4 наших самых лучших батометра, прикрепленных к нему. Они ждут, пока замедлится дрейф. Станцию на сегодня отменили. Ширшов говорит,

что он слышал, как батометры задели за меридиан Гринвича: мы сейчас проходим через него.

Только окончили сетовать по поводу сорванной станции, вдруг у Папанина во время чистки вспыхнул в руках примус. Всю кухонную палатку забило сильным пламенем. Верх палатки стал коричневым. Хорошо, что Иван Дмитриевич не растерялся и выбросил горящий примус. Но из-за ветра палатка была наглухо застегнута. Выталкивая примус, Папанин сжег волосы на руках. К счастью, волдырей нет.

После обеда ветер еще усилился. Пришлось крепить палатки пешнями и кольями. Федоров закрыл на сегодня все свои научные учреждения. Отпустив оттяжки палаток, он придавил свою кабину вместе со всей наукой нартами.

Теперь Женя ветра не боится. Мой технический склад еще держится.

Давление безудержно падает. К полуночи достигнут минимум — 736. Все палки, лопаты, ломы пущены на укрепление ветряка. Ветер вест-норд-вест 12—15 метров, но порывы бывают сильнее 20 метров.

У Ширшова порвало его палатку, сделанную из водопьяновского тормозного парашюта. Навалили на нее много всяких тяжелых вещей.

Игриво подпрыгивая, помчался наш надувной клипербот. Его пронесло ветром по всему полю. Клипербот перескочил через гряду старых торосов, затем через полынью шириной в 40—50 метров, покрытую мокрым снегом, даже снега не продавил, а оставил лишь след и застрял на другом берегу. Теперь наш клипербот находится на соседнем поле. Достать его нельзя, надо подождать, пока стихнет.

В палатке весьма неуютно. Несмотря на крепления, она вся дрожит. Парусина туго обтягивает каркас, но хлопает пушечными выстрелами. Вся скрипит, гудит. Хочется выскочить и оглядеться. Снаружи чувствуешь себя спокойнее, по крайней мере видишь, что́ кругом делается.

Вечером изъял из аптечки горчичный порошок. Будем делать самодельную горчицу.

Бронтман прислал большую телеграмму, вторично сообщает, что сносят Страстной монастырь. В ответ надо будет ему телеграфировать последнюю новость, что мы дрейфуем в районе Северного полюса. Сообщает, что в Москве похолодало и что много новых улиц залито асфальтом.

Беляков просит сообщить, в котором часу мы слышали шум мотора.

Ночное дежурство было неуютным. Ветер продолжает мчаться со скоростью 12—15 метров в секунду. В палатке не сидится. Каждые полчаса выскакиваю на льдину. Все трещит и колышется, а тут еще надо прислушиваться к каждому незнакомому шуму. Вдруг начнет колоть нашу льдину?

Получил от Натши телеграмму:

«Дорогой мой непромокаемый товарищ. 18 августа мы станем однолетками. Будущем соглашусь на твое старшинство».

Милая моя Наташенька! Вот опять твой день рождения, и меня снова нет в Москве.

Написал Асе телеграмму, в которой прошу ко дню рождения Наташи купить огромный букет красных роз и с запиской «от таинственного незнакомца» вручить ей. Думаю, что она догадается. Если получит букет, то наверное сообщит мне.

За эти дни нас крепко двинуло. Наше новое место: 87°45′ северной широты и 3° западной долготы. Скоро мы пересечем меридиан Гринвича, будем в родном, в нашем, в советском полушарии.

Ветер дует не ослабевая. Временами набегает пурга, валит снег. После дежурства лег спать, но порывы ветра были такими сильными, что, прислушиваясь к ним, никак не мог заснуть. Так и провалялся в мешке. Очень скучно вылезать из мешка, в мешке тепло, хорошо. А вылезешь, сразу обдает холодом, да к тому же надо итти делать метеонаблюдения. В палатке у нас температура держится от плюс 2 до плюс 5 градусов. Руки мерзнут.

12 августа. Всё тот же упорный ветер в 6 баллов. Временами начинаешь нервничать.

Жене снова удалось зацепить солнце. Потрясающее дело! Вечером мы были на 87°32′ северной широты и 1° восточной долготы, а сейчас наше место 87°20′ северной широты и 0 долготы. За сутки прошли 12 миль (20 километров). Вот это дрейф! С острова Рудольфа говорят, что, очевидно, мы увидимся осенью. Да, таких колоссальных скоростей никто не ожидал. Словно верстовые столбы, отсчитывает мили вертушка, опущенная в глубину моря. Так нам, пожалуй, и градусов и льду нехватит на полярную ночь. Много говорим на эту тему. Дрейф совсем не отрадный!

У Ширшова тоже неладно. С этакой скоростью мы проскочили места, где он по плану должен был делать глубоководную станцию и промер глубины. Петя очень огорчен.

Получил три большие телеграммы об условиях соревнований советских коротковолновиков по установлению связи со станцией «Северный полюс». Осоавиахим создал специальный штаб, но, к сожалению, сразу внес в это дело много бюрократизма. Даже инструкцию развели на 750 слов. Тут и 1, и 2, и 3-й разделы, и аз, буки, веди и т. д. Самое интересное, что соревнование началось 1 августа, а телеграмму об этом я получил сегодня. Немедленно ответил, что начинаю работать с 12-го числа по 20-е включительно. Работать буду ежедневно от 22 до 05 часов московского времени. Это очень хорошее начинание, оно всколыхнет наших радиолюбителей. Боюсь только, что результаты соревнования будут слабыми из-за малой мощности моего передатчика.

Пришлось поспать на два часа меньше. Вместо полуночи встал к 22 часам. Советских любителей пока не слышно, только иностранцы.

13 августа. Работа с любителями сорвалась. В первом часу ночи узнал от Рудольфа о вылете самолета Леваневского. В Москве

стало легче работать синоптикам: они теперь отлично соображают в отношении погоды. Ветер у нас стихает, барометр ровно и хорошо полез вверх. Соответственно уменьшился дрейф, и трос в проруби отошел от нижнего края. Наконец-то удалось вытащить из воды трос и батометры, за сохранность которых мы так боялись. Они 60 часов проволочились в воде.

Полчаса слушал самолет и работал с Рудольфом, затем на полчаса пустил ветряк для зарядки. Пока работал ветряк, я помогал крутить лебедку. Так и прошло все ночное дежурство.

Более двух суток не отвечает на вызовы бухта Тихая. Радист Вознесенский все время нерадиво исполнял свои обязанности. Нам уже приходилось обращаться в адрес начальника полярной станции бухты Тихой с просьбой приструнить радиста. Недавно выяснилось, что наши телеграммы он преспокойно уничтожал и начальнику не вручал. Точно так же он уничтожил ряд телеграмм Шмидта и Либина. Узнали об этом, лишь когда самолеты с Рудольфа побывали в бухте Тихой. Два дня тому назад Вознесенский был последний раз на вахте, и вдруг Тихая замолчала более чем на двое суток. Только сейчас Стромилов сказал, что Вознесенский умер (?), радиорубка испорчена. Какой-то радист из метеорологов пытается ее наладить. Подробности пока неизвестны. Думаю, что это какое-то грязное дело, а смерть подозрительная. Всякие бывают мерзавцы на белом свете [1].

С полуночи начал слушать самолет Леваневского. Первый раз услышал его в 2 часа 48 минут, он звал Москву. Каждый час я сообщал свои наблюдения на остров Рудольфа. Иногда самолет попадал в мертвые зоны для волны 27 метров. Тикси, Амдерма и другие станции хорошо слышны. Судя по их сводкам. самолет хорошо принимается на наших восточных станциях.

В 13 часов 45 минут было радио:

«Пролетаем полюс. Достался он нам трудно. Начиная середины Баренцова моря все время мощная облачность высотой до 6 000 метров. Температура минус 35. Стекла кабины покрыты изморозью. Встречный ветер местами . . . километров в час».

В 14 часов 32 минуты ряд станций принял телеграмму № 19:

«34 правый крайний из-за маслосистемы идем на 3 очень тяжело идем в сплошных облаках 28—4 600—92».

Речь шла о том, что один из 4 моторов вышел из строя. Начиная с 15 часов никто больше «РЛ» не слышал.

Уже в шестом часу вечера получено распоряжение Москвы усилить наблюдение за эфиром.

Предложил Москве сделать следующий опыт: точно на волне самолета я дам общий вызов и скажу свой позывной, а все станции должны сообщить о слышимости моих сигналов в Москву. Этим самым можно будет установить, проходит ли сейчас волна 27 метров из района Северного полюса. Москва согласилась. Я тут же дал вызов. Через несколько минут услышал, что бухта Тикси хорошо разо-

---

[1] Радист полярной станции бухты Тихая Вознесенский, симулировавший смерть, оказался вредителем, был впоследствии арестован и предан суду.

брала мои сигналы. Следовательно, если бы самолет работал, его наверняка услышали бы. Хорошо, если испортилась только радиостанция. Проходит час за часом, а связь отсутствует. Все станции начали слушать и на других, запасных, волнах.

Вечером Москва сообщила, что самолет (если он в полете) должен выйти из слышимости наших станций и скоро можно ожидать сведений от американцев. У всех нас более чем убийственное настроение.

Я существую исключительно на черном кофе, которое заботливо варит Дмитрич.

14 августа. В шесть часов утра Москва сообщала, что в Северной Америке по нашей просьбе мобилизованы все телеграфные, военные и любительские станции. Все слушают. Возможно, Леваневский появится. Наши северные станции тоже все слушают.

В семь часов утра лег поспать, больше терпеть не мог. Сорок часов без сна — тяжелая штука. Подконец слушал стоя, чтобы не заснуть. Уши болят от длительного сидения с телефоном.

Днем получено расписание, на каких волнах слушать. Вскоре после этого из Главсевморпути запросили, возможна ли посадка самолетов на нашей льдине, какие работы нужно для этого сделать и в какой срок.

Наша тройка пошла осмотреть возможные аэродромы. Отправили следующий ответ:

«Поле сохранилось полностью известном вам виде. Поверхность местами стала бугристой, небольшие впадины, лужи. Одном направлении посадка есть, ищем другие направления. Большие лыжи при посадке пройдут. Опасаемся только за хвостовой костыль. Сесть можно небольшим риском. Полагаю, у нас необходимо создать базу горючего, также исходную точку».

Опять каждый час работаю с Рудольфом. Условился: если я «РЛ» не услышу, то на вызов Рудольфа не буду отвечать. Надо экономить аккумуляторы.

Сегодня изумительная солнечная погода. Почти штиль, к вечеру температура упала до минус 4 градусов.

Мазурук на Рудольфе. Ожидая указаний, он готовит самолет. Конечно, правильно делает.

Весь день только и разговоров, что о Леваневском. Как его будут спасать? Больно ему не везет. Жаль его и его товарищей и страшно обидно. Все осложняется тем, что неизвестно место, где его искать. Точных координат во время полета он не давал, а теперь с часу на час сотни радиостанций следят, когда заработает его радиостанция и даст точное место, но она молчит. Вот где нужно радио.

В 11 часов вечера слушали сообщение Правительственной комиссии. Приняты меры по спасению. Ледокол «Красин» получил приказ забрать с мыса Шмидта три самолета и итти с ними к мысу Барроу (Аляска). Оттуда «Красин» пойдет возможно дальше по меридиану на север. Самолеты будут работать со льда, а «Красин» будет для них базой. Пароход «Микоян» идет к «Красину», чтобы передать ему полный запас угля. Самолет, находившийся в бухте Ногаево, получил

распоряжение лететь к «Красину». На Диксон посылаются два самолета. В зависимости от хода спасательной операции — они пойдут или на восток, или на запад. На остров Рудольфа летят наши три самолета. Летчики: Водопьянов, Молоков и Алексеев. С Рудольфа они перелетят к нам и, создав здесь базу горючего, будут летать от нас по направлению к Аляске.

Размах операций огромный. Рудольф не слышал этого сообщения. Сначала я рассказал вкратце, а потом, когда в рубке собрался весь народ, меня попросили передать все подробнее.

На Рудольфе, на леднике, хорошо можно садиться на колесах. У нас тоже лучше на колесах, чем на лыжах. К сожалению, мы съехали здóрово к югу, льдину может выкинуть к кромке.

15 августа. Все время провожу за приемником. Слушаю на волне 27 и 55 метров. Уши болят от наушников.

Погода сегодня на редкость хорошая. Почти безоблачно, легкий морозец. Дмитрич, Петя и Женя ходили на лыжах разыскивать новые аэродромы. Результаты хорошие. Когда подмерзнут все лужи, будет совсем хорошо.

Аккумуляторы сели; каждый раз при передаче метео боюсь, что связь прекратится на полуслове.

Еще с вечера был опущен трос для промера и взятия пробы грýнта. Погода продолжает быть изумительной, сияющей. Мы как-то хорошо приспособились и за 2½ часа подняли весь трос.

На материк сообщили, что у нас безветрие, ведем слуховое наблюдение.

Вечером отличная погода, безоблачно. Только мы ходим хмурые.

17 августа. Аккумуляторы совсем выдохлись, мы взялись налаживать двигатель. Он крепко пострадал от усиленной работы в первые дни пребывания на полюсе, когда гоняли его зверски. Тогда еще отвалилась головка от стержня. Это очень редкая поломка, и поэтому запасного клапана в комплекте не было. Бортмеханик Сугробов сделал резьбу и кустарно починил. При учете 3 000 оборотов в минуту и высокой температуры эта починка с самого начала внушала мало доверия.

Сегодня запустил с Дмитричем двигатель, началось все хорошо, но затем плохо стало работать динамо. Решил поставить новое. Надо отсоединить соединительную муфту к двигателю, но муфта насажена так крепко, что никакими силами ее не снять. Пришлось с нового динамо взять только медные щетки и на этом закончить «капитальный ремонт».

Пустили, все пошло хорошо, а ровно через 10 минут внезапно остановился двигатель, да еще с очень подозрительным шумом. Очевидно, сломался тот же клапан и теперь внутри каша из разных обломков. Разбирать его не стали, а решили ставить новый двигатель. Надо старый отвязать от лестницы, снять двигатель с рамы. Наконец новый поставлен, но при первой же заводке соскакивает заводной тросик. Переставили еще и тросик со старого двигателя.

Наконец все налажено. Начав работу в час ночи, только к шести часам утра приступил к зарядке. Все-таки хоть и много повозились, но сделали.

На материке сейчас только и думают о Леваневском. Там, конечно, трудно учитывать, что мы не являемся обычной полярной станцией с машинным отделением и специальным механиком, что наша работа во многом зависит от ветра. Если замолчит обычная станция, то горе невелико: осенью придет пароход, все сменит и починит. А мы молчать не имеем права.

Для Леваневского надо сделать все возможное и даже невозможное. Но ветра, как назло, нет.

18 августа. Твой день, Наташа, твой день рождения.

С половины дня начался восточный ветер. Успел как следует зарядить аккумуляторы. Но Наташа в этом году осталась без поздравительной телеграммы ко дню рождения.

Печальное событие последних дней — пропажа самолета Леваневского — все перевернуло вверх дном.

Все мы хмуры, опечалены.

Десятки станций, и я в том числе, продолжают (все еще продолжают) часами внимательно слушать. Все еще теплится надежда: может быть, заработает радиостанция Леваневского. Но проходят часы и сутки, ничего нет.

Ночью во время дежурства ветер усилился. Шевелится наша палатка. Укрепил ее снаружи. Видимость плохая. Идет крупная морось, временами дождь. Температура минус 0,8. Капли дождя замерзают на палатке и антенне, все предметы покрылись ледяной коркой. Так скользко, что трудно держаться на ногах. Дмитрич всю ночь не спал, прислушиваясь к ветру. Я ходил на базы, поправлял растрепавшиеся от ветра брезенты.

Все думаешь: как сейчас живут шестеро человек экипажа Леваневского?.. А может быть, в торосах лежит только груда обломков? Грустно, обидно и жалко.

Ходил на восточную кромку нашего поля. Большая полынья совсем закрылась льдом. Немного наторосило, не выше человеческого роста. Ходил туда главным образом для успокоения нервов. При сильном ветре всегда чувствуешь себя очень неуютно. Все кажется, что на нас начинает двигаться ледяной вал. Посмотришь на мощный барьер старых торосов и успокаиваешься.

У меня сегодня самые скромные желания: попить чаю и съесть кусок черного хлеба, хотя бы без ничего. Хлеб и овощи...

В 3 часа утра выпил две кружки какао и съел 3 сухаря. В час дня опять две кружки какао и 2 сухаря. В 6 вечера миска борща и несколько ложек гречневой каши. Запиваю кружкой чаю. Так как кружку не сполоснул, то чай мутный. Часов в 11 вечера, должно быть, выпьем еще по кружке чаю с сухарями. Вот и все наше «меню». Так изо дня в день. Кушаньем все это никак назвать нельзя, но голод утоляется. А не все ли равно чем: сухарями, супом, кашей или, если не хочется возиться с примусом, то просто плиткой шоколада. В ку-

хонной палатке страшно тесно. Посуда немытая. Жалеем примусы, и поэтому кипяток у нас драгоценность.

За что ни возьмешься, от жира выскальзывает из рук. Копоть, керосин и бензин. Всякие посторонние вещи, инструменты, продукты. Повернуться — и то трудно в палатке. Сыро, холодно, палатка хлопает от ветра. Ясно, что в такой обстановке не хочется делать ватрушки и пончики с малиновым вареньем, которого, кстати, и нет. Хорошо уж то, что и я и Дмитрич регулярно делаем обед из двух блюд. В такой обстановке невольно помечтаешь о кусочке самого простого, обыкновенного черного хлебушка. Ах, как не ценишь такие кажущиеся пустяки в Москве!

С половины дня на всех диапазонах на коротких волнах ничего не стало слышно. Полное непрохождение коротких волн. У Рудольфа нет связи с Диксоном, и метео идет кружным путем через мыс Желания. Даже мощных станций не слышно, где уж тут услышать маленькую рацию Леваневского, даже в том случае, если она работает. Все же продолжаем слушать.

Настроение у нас подавленное. И всё же, как ни больно, надо смотреть на вещи глазами истории. Разве поблек подвиг Амундсена от того, что смелый исследователь без вести погиб в арктической пустыне? Это не Геростратова слава, нет. Герострат сжег храм Артемиды и остался в памяти людей как варвар. А имена Седова, Баренца, Скотта, Амундсена, Леваневского потомки будут вспоминать с благодарностью, с волнением и уважением. Они открывали новые пути человечеству и, погибая в борьбе со стихией, защищали жизнь, силу и величие человека — властелина природы.

«Безумству храбрых поем мы славу», писал Горький. Храбрецы смотрят на жизнь своими глазами. Смерть страшна им, когда она бессмысленна. Пусть и в возможной гибели Сигизмунда и его товарищей есть частица бессмысленности, частица наших слабостей. Но их труд и подвиг входит в одно из славнейших завоеваний советских людей как неотъемлемая и даже, быть может, необходимая часть. Завоевание Арктики — это фронт, а потери на фронте неизбежны. Они будут, конечно, уменьшаться с ростом наших знаний, нашего опыта. Но будут, как был «Челюскин»...

Сталин учит нас ценить ту кровь, которая не прошла даром, которая дает свои результаты. Вырастут в недалеком будущем на трассе великой советской воздушной магистрали из Москвы в Америку города и авиапорты. И памятники Леваневскому будут стоять на площадях этих городов. И подвиг его не забудется и не пройдет даром.

19 августа. Спокойный день. Телеграмм с материка нет. Ежедневно в «Последних известиях» сообщают наши координаты и метео. Это верный признак того, что дрейфующая станция живет, здравствует и имеет регулярную радиосвязь.

Почти штиль. Видимость 50 — 100 метров.

Изредка моросит дождь. Одним словом, привычная летняя погода Северного полюса.

Получил позывные Маттерна, он будет искать Леваневского со стороны Аляски. Позывной «kh8ja», волна 52,07 метра.

20 августа. Погода — штиль, морось, дождь, туман, видимость все время плохая.

Продолжаю следить за эфиром. Все еще теплится надежда, что радио у Леваневского заговорит.

На аэродромах надо сбить несколько основательных торосов, что займет дней пять. Самолеты задерживаются из-за плохой погоды. Возможно, наш аэродром будет использован самолетами, работающими со стороны Америки. Но все же до нас далеко, найти нас тоже не легко. К Земле Франца-Иосифа можно выйти по маяку, да и сам архипелаг занимает 150—200 километров. Найдешь любой остров, а потом добирайся до Рудольфа. Наш лагерь найти неизмеримо труднее. Малюсенькая палатка, затерянная среди высоких торосов, трещин. Нужно исключительное мастерство штурманов.

Москва напомнила, что завтра исполняется три месяца существования дрейфующей станции. Сообщили, сколько километров мы прошли. Значит, не забывают нас, следят за нами.

21 августа. Прошло четверть года со дня нашей высадки на полюс. Это уже хороший срок! Засыпая, развел в мешке целую арифметику с календарем. Из Москвы мы улетели пять месяцев назад. Через месяц — полгода. 29 августа будем отмечать сто дней нашего пребывания на льду. Это тоже хорошая дата!

7 ноября будет, очевидно, половина нашего сидения. Предстоит самая тяжелая пора — ночь и мороз. Зато мы уже привыкли к обстановке. Приятно, что с наступлением светлого времени нас будут снимать. Из района полюса мы уйдем, опустимся к самому Шпицбергену и как полярная станция потеряем свое значение. Все эти расчеты и подсчеты показывают, что я немного устал. Сказывается то, что я не отдыхал после Северной Земли и изрядно соскучился по дому, семье, уюту.

Утром расчищали аэродром. Обед был праздничный: перловый суп, «свежая» рыба, молочный кисель и ликер. Рыба явно не свежая. Восторгались ею мало, ели и того меньше. Больше понравился молочный кисель. Сварил ликер. В коньяк подлил немного воды, лимонного соку и много сахару. Кое-как отбил коньячный вкус. Напиток пользовался успехом.

22 августа. Из-за «экватора», то есть внеочередных телеграмм по связи с Леваневским, совсем прекратилось поступление телеграмм с материка. Да и мы только сегодня, после десятидневного перерыва, послали домой по одной маленькой телеграмме.

Получил от Наташи телеграмму:

«Спортивное готово увлекаюсь теннисом трепани за будущее заставлю побегать».

Что такое за таинственное «трепани»? Рудольф дружески консультирует, говорит, что это «тревоги». Только сейчас, через 12 ча-

сов, понял, что это, возможно, «трепещи, заставлю побегать». Так уж и быть, трепещу!

Получил от Аси телеграмму, что заказ на букет роз выполнен. А я и забыл об этом. Надо поблагодарить Асю за выполнение заказа.

Хорош вид у «таинственного незнакомца». Явись я в моем теперешнем виде, Наташа наверняка меня прогнала бы. Небритый, две недели не умывался. Белье свыше месячной давности, руки в копоти, одежда предельно засаленная, блестит и воду не пропускает. Хорошо хоть, что к копоти тоже можно привыкнуть. Помню, во время моих прежних возвращений, входя в нормальную комнату, я всегда поражался чистотой и порядком, огромными размерами комнаты. Это было после обычных станций. А здесь, на полюсе, все так тесно и примитивно, что, вернувшись, придется, наверное, долго привыкать к употреблению самых обычных предметов культурного обихода.

После утреннего чая пошли все вчетвером расчищать аэродром. Он, примерно, в километре от палатки. Одну дорожку на север — юг сегодня закончили.

В полдень вернулся делать метео.

Жене удалось два раза «схватить» солнышко. Наши координаты: 87°14′ северной широты и 1° восточной долготы. На семь миль продвинулись к северу. Это хорошо, в полярную ночь было бы весьма неприятно оказаться чересчур далеко на юге.

На обед была уха, но я предпочел есть старый перловый суп. На второе — рисовая каша на молоке.

23 августа. В половине пятого слушал передачу о возвращении Громова, Юмашева и Данилина после перелета Москва—Северный полюс — Америка. От имени ЦК партии и Совнаркома СССР на вокзале их приветствовал О. Ю. Шмидт.

24 августа. На материке выходной день. У нас хорошая погода, солнце. Мороз до 5 градусов.

Новые координаты — 87°09′ северной широты и 1° восточной долготы.

Теперь у нас две хорошие аэродромные дорожки. По границам развеваются флажки. Внимательно следим за продвижением спасательной экспедиции. Только вчера самолеты вылетели из Москвы в Архангельск, а сегодня вечером благополучно прибыли в Амдерму. Темпы отличные.

26 августа. Последние дни прошли в напряженной работе. Приводятся в порядок аэродромы. Работа эта тяжелая и изнурительная. Стаявший снег открыл на месте старых торосов ледяные бугры, весьма опасные для самолетов.

Трое — Дмитрич, Петя и Женя — работают на аэродромах по 16 часов в сутки. А я в единственном лице представляю всю научную и обслуживающую часть экспедиции: делаю метеонаблюдения, передаю их, спускаю гидрологические приборы, вертушку, слежу за

эфиром и варю обед. После работы на аэродроме даже изрядно надоевшие нам продукты кажутся очень вкусными.

Последние дни северный ветер быстро гонит нас на юг. Следующие координаты будут, очевидно, неприятным сюрпризом.

На восточной стороне поля идет сильное торошение. Торосы растут до высоты в 6—7 метров. Обильно падает снег, изменяя привычный вид поля.

Первая метель обозначила будущие сугробы.

Идет зима.

Сегодня Ширшов перекочевал из своей палатки, которую затопило водой. В жилой палатке ему отведен стол. Теперь на потолке над радиостолом красуется наша полярная карта. В долгие ночные дежурства можно любоваться Полярным бассейном, нашим местом и далекой Москвой.

27 августа. Ночное дежурство прошло быстро. Дул крепкий ветер. Надо было делать зарядку, а ветряк отчего-то забрыкался. Четыре раза ставил лестницу и взбирался наверх, но так ничего и не добился. Тока нет.

Утром, вместо того чтобы лечь спать, все занялись ветряком. Погода никак не благоприятствует работе. Сверху снег, внизу метет, и мелкий снег сразу тает на рубашках. Опять подвела проклятая токоснимающая колодка. Щетки должны пружинить, а их забило водой, вода замерзла и щетки не доходят до коллектора. Через 3 часа ветряк отлично работал. На восточной кромке продолжается торошение. Ломает и торосит однометровый лед. Много красного и желтого льда, льдины покрыты колониями микроводорослей и дают богатый материал Ширшову. Весь день менялся облик гряды — идет торошение.

Между кухней, жилой палаткой и ветряком образовались свежие сугробы высотой до одного метра.

С трудом, так как не спал, заставил себя итти готовить обед. Одежда мокрая, снег сыплет за шиворот, посуда грязная, холодная. За час состряпал гороховый суп и яичницу.

В бухте Тихой ураганом разломало самолетик У-2. Теперь Мазуруку не на чем вернуться на остров Рудольфа. Зверобойный бот «Нерпа», который пошел было в Тихую за Мазуруком, затерло в 9-балльном льду около острова Джексон.

Самолеты стоят в Амдерме, погода не позволяет лететь дальше.

28 августа. Ночью Дмитрич долго не мог заснуть, и мы с ним устроили ночное кейфование. Он принес в палатку чайник и наш замечательный сыр. Ночное дежурство прошло быстро.

Ветер начинает постепенно стихать, погода улучшается.

Сегодня радиопередача «Для Северного полюса».

Москва слышна слабовато, но слова все можно разобрать. В 17 часов начался детский концерт. Выступала со стихами 5-летняя Галя. Читали радио Папанина в журнал «Колхозные ребята». Читали мой отклик на стихотворение Коли и Сережи Бибиных.

Затем полторы минуты говорила Ирочка. Совсем уже взрослый,

сочный голос. Говорила очень хорошо, ясно, не волнуясь. Соскучилась на даче, хочет в Москву. В школу будет ходить одна, так как школа напротив. В Доме пионеров хочет заниматься рисованием. На даче хорошо отдохнула. Там приблудился серый сибирский кот, теперь он будет жить с нами. (Радуйтесь, Эрнст Теодорович, колхоз расширяется еще за счет серого сибирского кота!) Ирочка сообщает, что стала совсем взрослой. Мама будет шить ей новую шубу, из старой она уже выросла. На даче так хорошо поправилась, что ей даже разрешили купаться. (Где они там, несчастные, купаются? Неужели в этой канаве по пути к Молокову?)

Второй выступала Люся. Голос не изменился. «Пистолет»[1] тоже хорошо пищала, но волновалась и немного спотыкалась. Перешла во второй класс с отличными отметками. На даче было много кустов, хорошо было играть в прятки, но мама велела (о, эти мамы!) повыдергать эти кусты, и негде стало прятаться. «Мама мне многое не позволяет делать. Например, лазить по деревьям. Вот ты приедешь, тогда мы вместе будем лазить!»

Я рассмеялся. Вот именно об этом мечтал всю жизнь. Молодец Люся, что лазишь по деревьям. Обязательно полезем вдвоем. Люся без меня скучает, но терпеливо ждет, так как знает, что «мы делаем большое дело».

Это выступление обеих моих девочек было большой радостью и зарядкой. Если тут будет тяжело и холодно, то мысль о них будет согревать.

Выступал Алик Ширшов. Ему 5 лет. Говорит чуть ли не басом.

29 августа. Написал Ирине и Люсе о том, что восхищен перспективой лазанья по деревьям. Рекомендовал выбрать удобное крепкое дерево и наверху привязать корзину пива. Иначе не полезу. И обязательно тайком от мамы.

На острове Диксон работает новая смена, еще не привыкшая, поэтому связь с Рудольфом, а следовательно и с нами, немного ухудшилась. Мои телеграммы взял замечательный радист на мысе Желания — Саша Абрамчук. Тот самый, который принимал мои телеграммы об открытии станции на острове Домашнем в апреле прошлого года.

Вчера с вечера похолодало. Около 8° мороза. Это сказалось и на температуре в палатке. Было совсем морозно, минус 2°.

Ширшов жалуется, что ему очень трудно работать с гидрологическими приборами на ветру и морозе. Отдали ему нашу большую кухонную палатку, а кухню переселили в маленькую розовую шелковую палатку. Будет очень неудобно, но ничего не поделаешь.

Передал статью Ширшова о нашем дрейфе. Анализ дрейфа дает весьма любопытную картину.

Женя часто колдует над своими двумя картами — пути дрейфа и пути ветров. Первое время обе кривые были геометрически подобны. Это позволяло предполагать ветровой характер нашего дрейфа.

---

[1] «Пистолетом» у нас в семье зовут младшую дочь Люсю.

Но чем дальше, тем больше новостей открывается в механике дрейфа.

В июне и июле ветры все время меняли направление, выписывая, судя по карте Федорова, сложные петли. Дрейф тоже петлил, но все же сохранял генеральное направление на юго-восток, правда, со скоростью меньшей, чем в мае. Следовательно, наша льдина, как и весь поток паковых льдов, выносимых из Полярного бассейна, находится под действием постоянного водного потока — течения.

Женя и Петя уже измерили направление и скорость этого течения. Направление — юго-восток, скорость — полторы мили в сутки. Постоянно ли оно, или сезонно — покажет будущее.

Установлена также зависимость скорости дрейфа от скорости ветра. Ветер со скоростью один метр в секунду вызывает движение льдов со скоростью в тринадцать сантиметров. Силы, возникающие от вращения земли, так называемые силы Кориолиса, отклоняют направление дрейфа примерно на сорок градусов вправо от направления ветра.

Движущиеся льды увлекают с собой некоторые поверхностные слои воды. Те в свою очередь вызывают движение нижележащих водных слоев. Даже при скорости дрейфа в одну десятую метра в секунду такие дрейфовые течения захватывают воду на глубинах до 25—30 метров. Правда, уже глубже 50 метров они незаметны.

Во всей этой сложнейшей механике предстоит разобраться. Благодарная задача для работников науки...

30 августа. Как обычно, после ночного дежурства, в 5 часов утра спускал вертушку. Мороз около 6°. Мокрые руки очень хорошо чувствуют мороз. Что будет впереди, при 30—40 градусах?

Занимался киносъемкой. Снимал работу на лебедке. Отныне лебедка будет закрыта палаткой. Затем снял облицовочные работы. Бугор, на котором стоит палатка, обтаял, и края его стали покатыми. Если мы начнем натягивать зимние чехлы, то, во-первых, нам негде будет стоять во время работы, а, во-вторых, палатка может съехать. Поэтому делается полуметровый карниз. Снег месится в воде, и из этого материала на морозе лепится облицовка.

Упорно приближаемся к Шпицбергену. Надо завести с Баренцбургом один контрольный срок работы. Запросил завградио, какие у них есть длинноволновые передатчики, и попросил назначить час.

Самолеты из-за погоды сидят в Амдерме.

31 августа. Женя иногда посылает в Ленинград научные сводки. Они изобилуют хитрыми словами и цифрами. Ясно, что в пути сводки эти страшно перевираются, и в ответ приходят почти каждый раз просьбы о повторении.

Сейчас лежит очередная сводка на 400 слов. И нелегкая меня дернула несколько дней назад за обедом высказать сомнение в целесообразности посылки сводок. Женя сразу же обрушился на меня.

— Если с нами что-нибудь случится, ты сам говорил, что надо

сохранить хотя бы результаты наших работ, переданные по радио, — заявил он.

Доводы веские, с ними нельзя не согласиться. Я немедленно отступил, но Женя чуточку обиделся.

Утром вертушка за 20 минут сделала 400 оборотов. Это очень много. Все шарики упали в третий сектор. Значит, с большой скоростью идем на юг. Весь день скорость дрейфа возрастала и к вечеру достигла 650 метров в час.

Из-за ветра наружных работ не было.

Ширшов хорошо устроился в своей палатке. Теперь хоть не так стынут приборы.

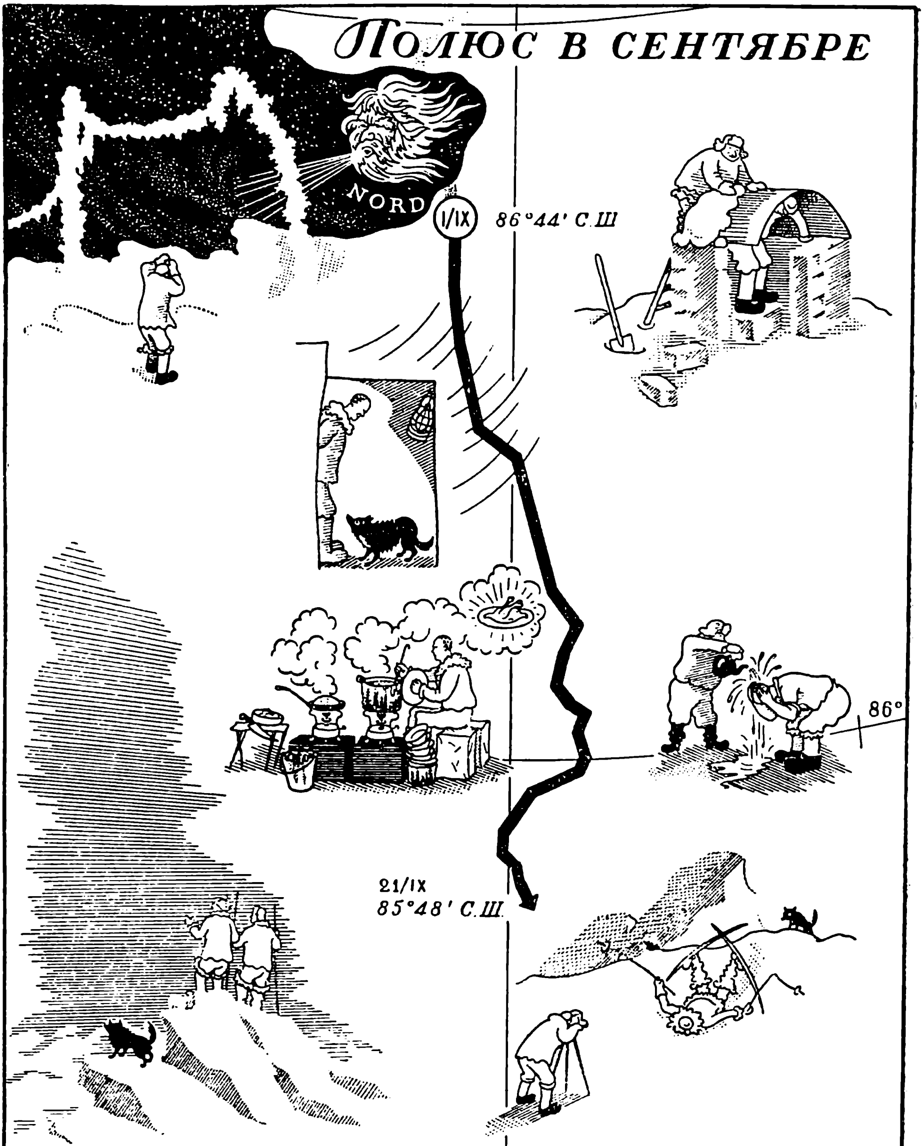
Сегодня мучаюсь руками, вернее, пальцами. Они не обморожены, а озноблены. Стали толстые, припухлые, выросли какие-то твердые большие шишки, и самое мучительное — страшно чешутся. Это от сырости.

Из большой банки перекладывал в маленькую табак. 33 пачки «Золотого руна» и 16 пачек «Флотского». Хватит до конца экспедиции или докурить не удастся? А может быть, зимовка окончится, а табак останется? Лезут в голову такие нелепые вопросы. А всё — из-за того, что впереди неизвестность.

Приспособился стряпать в маленькой палатке. Не так уж страшно. Варил рисовую кашу на молоке. Начал новый бидон с продовольствием. В нем была дырка, и заплесневели 4 пачки сухарей, молоко и яйца. Досадно!

Пища у нас какая-то смешная. Есть можно, а все же еда по объему очень невелика. Всё концентраты. Вместо хлеба — сухари. Вот и нет ощущения сытости, полноты в желудке. Видимо, с детства надо приучаться к концентратам.

1 сентября. Итак, сегодня первое сентября. На материке осень, а у нас начало зимы. Ночью занялся вмораживанием в лед креплений для ветряка. Мороз около 8 градусов.

За последние дни метель отлично заровняла наши аэродромы. Морозы сковали летние озера, крепко прихватили снег.

Несколько дней назад я пожаловался Рудольфу на то, что мы

четверо сильно страдаем от ознобления рук. В ответ на это получили подробное наставление от рудольфовского доктора. Надо делать теплые ванны с таннином и без оного, мазать себя какой-то мазью, спать в перчатках, по утрам смывать мазь мыльным спиртом и так далее. Тут же радио Либина и Стромилова:

«Исполнение нашего № 3120 немедленно радируйте — 0900000001 *Либин Стромилов*».

Это явное передразнивание стиля писаний всеми нами ненавидимого В.

Вчетвером состряпали ответ:

«Либину Стромилову. Ваш № 0900000001 принят частичному исполнению тчк первое отсутствует ванна второе таннин неизвестен третье буде спирт обнаружится зпт хотя бы мыльный тире употребим внутрь. *Братки*».

Ответ в точности составлен в духе и стиле В. На Рудольфе при чтении нашей телеграммы, очевидно, царило веселье.

2 сентября. С вечера держался густой туман и полный штиль. Веревки и провода покрылись толстой бахромой замечательно красивого инея. Затем как-то сразу туман рассеялся. Выглянуло солнце и засияло на безоблачном небе. Час от часу погода становилась лучше.

Разбудил Женю, он давно не определялся. После утреннего чая я никак не мог заставить себя лечь спать, соблазняла погода. В конце концов пошел гулять на лыжах. Вышел на ближнюю восточную кромку и пошел вдоль нее.

Лед разводит. Там, где еще недавно были торосы, теперь образовался канал, забитый ледяной кашей и молодым льдом. По берегам высятся остатки торосов. Они ослепительно сверкают и блестят на солнце. От них падают густые синие тени. Сначала хотел было погулять всего только часок, но потом увлекся: решил обойти все поле вдоль его границ. На север от нашей палатки виднелись грозные валы торосов. Но стоило подойти поближе, и оказалось, что валы эти всего лишь в $1\frac{1}{2}$—2 метра высотой. Как обманчиво освещение в Арктике! В тумане даже маленькая ледышка нередко кажется огромным торосом.

Сопровождал меня Веселый. Температура 10° мороза. Снег хрустит под лыжами, лыжи замечательно скользят. Взбираюсь на высокий торос отдохнуть, покурить и полюбоваться окружающим видом. Насколько хватает глаз — кругом поля, поля, поля, усеянные торосами самых разнообразных очертаний. Торосы уже занесены свежим снегом. Звенящая, почти гнетущая тишина.

И красиво и страшновато. Ох, как нехорошо очутиться в такой обстановке без радио, без продовольствия. Вот и я — иду, думаю, а сам все время не теряю из виду нашей палатки и тоненьких иголок радиомачт. Как они мизерны с расстояния одного километра.

В палатке, когда ты окружен разными предметами, занят работой и следишь за часами, чтобы не пропустить какого-нибудь срока наблюдений, некогда вдумываться в наше положение, некогда посмотреть

на него со стороны. А во время одинокой прогулки невольно приходят новые мысли и лучше уясняешь себе всю необычайность нашей экспедиции.

Обойдя северную кромку, я стал «спускаться» на юг по западной стороне. Хотя все время видел мачты, но как-то, случайно, потерял ориентировку. Решил, что поле я уже обошел, хотя мачты почему-то очутились чересчур далеко от меня. Это удивило. Опасаясь внезапного тумана, пошел домой. Оказывается, обошел только половину окружности нашего поля. Вернулся к лагерю с запада. Прогулка длилась три часа. Основательно устал и вспотел. Даже волосы стали мокрыми.

Чуть только немного обсох, вышел с Дмитричем и Петей на кромку — с киноаппаратом. Снимал ходьбу на лыжах через торосы. Ширшов решил съехать с одного пологого ропака, но упал, что мною и снято. Снял также трещину. Папанин видел морского зайца, который головой пробивал пятисантиметровый молодой лед.

В полдень Рудольф не взял наших метео: самолеты экспедиции по розыскам Леваневского вылетели из Амдермы и находятся в воздухе, Рудольф нас принимать не может.

Быстро вымыл посуду, заправил обед и, выпив кружку какао, лег спать. Возможно, придется обслуживать самолеты. За варкой обеда присматривал Папанин.

Только в 6 часов вечера самолеты сели на мысе Желания. Летели они из Амдермы свыше 7 часов. Видимо, условия очень плохие. Над мысом Желания летели на высоте в 50 метров при тумане и снеге.

Вечером мы приступили к подъему очередной пробы грунта. Глубина 4 293 метра.

Опять нас отнесло к югу. Широта 86°40′ и долгота 1°30′ западной — 14 миль от прежнего места.

Папанин с трудом крутил лебедку — видимо, ему тяжело из-за сердца, хотя сам он об этом ничего не говорит. Освободили его от последних полутора тысяч метров и отправили ставить чайник. Да, сердцу крепко достается от этой четырехчасовой работы у лебедки. И колет и ноет. Но идет все же значительно легче, чем в первые разы.

Ночью Москва сообщила, что за блестящий перелет Москва — Северный полюс — Северная Америка Герой Советского Союза Громов М. М. награжден орденом Красного Знамени, а его товарищам Юмашеву и Данилину присвоено звание Героя Советского Союза.

3 сентября. На ночном дежурстве мерз нестерпимо.

Белье мокрое от пота, устал от лыжной прогулки и лебедки. На дворе минус 12, в палатке минус 2. Каждый час делал отсчеты электрометра. Спал до двух часов дня. Затем готовил обед.

Холода заставляют нас постепенно переходить на зимнее положение. Кухонная палатка, водруженная над прорубью, позволяет Ширшову вести его мокрые и холодные работы по гидрологии в сравнительно удовлетворительных условиях. Но зато кухня временно раз-

местилась в совсем крохотной палатке. Когда приходит время обеда, мы вчетвером едва втискиваемся в нее.

После сегодняшнего обеда занялся вместе с Папаниным лепкой новой кухни, которая будет примыкать к жилой палатке.

Ручей, текущий у дома, занесен снегом и поэтому, к счастью, еще не промерз. Его воду мы раньше использовали для питья, теперь это наша каменоломня и цементный завод. В проруби, как в чане, замешиваем снег с водой. Две доски поставлены на ребро, пространство между ними набиваем мокрым снегом. Через час, два — это звенящая ледяная стена. Ее можно наращивать и выше. Очень хорошие стены.

Работали с небольшими перерывами до 2 часов ночи. Сильно устали. Зато рядом с жилой палаткой вырастет роскошная поместительная кухня. Солнечная погода позволила Жене снять все наши работы киноаппаратом.

Ледяные стены кухни по крепости своей больше похожи на блиндажи. Будем переименовывать наше поселение на американский манер: «Форт четырех» либо «Форт ветров». Если ледяное строительство себя оправдает, заменим все палатки сооружениями из местных и пока что не дефицитных стройматериалов, иначе ветры сильно рвут и треплют палатки, надоело вечно их чинить и ремонтировать.

В ближайшие дни теплую оболочку из гагачьего пуха натянем на жилую палатку и затем объединим палатку и кухню общей крышей...

Надо ложиться спать. Давно что-то не писал в «Правду». Ничего не поделаешь. В связи с хорошей погодой бесконечно много работы, да к тому же при 3—5 градусах мороза много не напишешь, мерзнут руки.

День совершенно изумительный. Штиль, безоблачно и 14 градусов ниже нуля. Как драгоценные камни, блестят едва двигающиеся лепестки инея. Не верится, что тут бывает вообще плохая погода. А Рудольф закрыт туманом. Наружная температура у них минус 2 градуса. Странно, что такая большая разница в погоде.

4 сентября. Петя и Женя ночью работали на круглосуточной станции, я отсыпался. С полудня с Дмитричем опять занялись кухней. Погода прекрасная — штиль, безоблачно, 13-градусный мороз. Строительство продолжалось 12 часов с небольшим перерывом: помогали Ширшову поднимать батометры с 4 000 метров.

В жилой палатке температура минус 3° — это совсем неприятно. Сидишь, сохнешь и подмерзаешь.

Еще недавно великанские размеры наших валенок, снабженных к тому же глубокими калошами, казались нам смешным недоразумением. Но теперь они завоевали полное признание. Ноги, одетые в меховые чулки, свободно проходят в эти богатырские снаряды и обретают там долгожданное тепло. Очень удобны рубашки из меха молодого оленя (пыжика) и штаны из нерпичьей шкуры. Превосходны мешки из волчьих шкур. У волков мех густой и теплый, а главное, не так сильно лезет волос, как у другого зверья. И все же кусочки наших спальных мешков приходится довольно регулярно вылавли-

вать из супов и чая. Употреблять волчью шерсть внутрь — не рекомендуется.

Пол жилой палатки тоже меховой. Его устлали шкурами оленей. После работы приятно посидеть, поджав ноги, или полежать, отдыхая на этом мягком, плотном мехе. Совсем как на зеленой мураве у берега реки или на лесной полянке где-нибудь в подмосковных дачных местах. Да и льдина наша последние дни дрейфует не спеша, как дачный поезд. Только дачников нет.

5 сентября. Ночью спал. Ширшов продолжал работать по гидрологии.

Заканчивали лепку снеговой кухни. Помогал Женя, дело шло очень быстро.

У одной из радиомачт вморозили анкера, затем залили водой оттяжки ветряка и его фундамент. Местные стройматериалы хорошо идут в дело.

Мы всегда рады штилевой погоде: замедляется дрейф, спокойно идут научные и хозяйственные работы. Но при безветрии — стоит ветряк, нельзя заряжать аккумуляторы. Приходится сокращать переписку и умерять корреспондентские аппетиты; на материк отправляются только метео.

Ну, а сегодня пошли в ход наши резервы.

Легкие бензиновые двигатели оказались, к сожалению, мало надежными. За 3 месяца на них работали всего 6 часов во время трансарктических перелетов. Да и то из двух бензодвигателей один вышел из строя. Второй мы сохраняем на черный день. Откровенно говоря, в механике мы разбираемся слабее, чем Леонардо да Винчи, и поэтому немножко боимся двигателя, а он нас. Все-таки винтиков так много, а нас только четверо. Предпочли пользоваться ручным динамо.

Эта динамомашинка имеет ручной и ножной привод. Лучше крутить руками. Педали для ног мы сняли, поставили ручки. Стихийно организовалась из четырех человек артель корреспондентов Северного полюса под вывеской «Личный труд». Сами пишем, сами крутим динамо, сами передаем. Пробным камнем явилась статья Дмитрича «Сто дней» — 1 200 слов. Три «двигателя» непрерывно сменялись. После передачи всей артелью пили чай: «двигатели» — для возмещения истраченной влаги, радист — для согревания.

В общем, результаты отличные. Текст очередной радиограммы «выкручивали» Папанин и Федоров; метеосводку будет «вертеть» Ширшов.

На Рудольфе ничего не заметили. Если бы я в конце не сказал, что работаем ручным приводом, они так бы и недоумевали, откуда у нас столько энергии. Я очень рад — теперь безветрие нам не страшно.

Женя определился: 86°37′ широты и почти никакой долготы. Мы находимся как раз на гринвичском меридиане.

Сегодня обновлял оленьи чулки. Они идут для валенок. В палатке буду надевать опорки из валенок.

6 сентября. Строительство ширится; сегодня лепили ледяной дом для хозяйственного радиосклада. Работа шла очень споро.

Петя и Женя раздвинули наконец границы обследованных пространств и наших владений. В течение всего лета мы были буквально прикованы к лагерю, не могли отойти хотя бы на несколько километров от лебедок, радиостанции, теодолитов и прочего хозяйства. Более или менее дальние экскурсии совершались только нашими приборами на четырехкилометровую глубину океана в погоне за всякой живностью и пробами воды. Зато сегодня Ширшов и Федоров ушли на лыжах на соседние поля за 12 километров к северо-востоку от лагеря.

Вернулись поздно. Рассказывают, что мы на нашей льдине живем как в раю, спокойно и хорошо. Всего лишь в 10 километрах от лагеря идет область сильнейшего торошения. Ледовые нагромождения достигают 8 метров высоты. На собачьей упряжке не проехать. На лыжах и то трудно пробираться. Легко заблудиться; идешь как в лесу, теряешь ориентировку. Ребята видели вывороченные недавно льдины трехметровой толщины размером 4 и 8 метров.

Оказывается, сжатие может ворочать и трехметровый лед. Это неприятная новость.

Все это двигалось и трещало лишь несколько дней назад. Снег еще не успел замести зеленоватые и голубые изломы вывороченных и вздыбленных льдин. Широкие трещины, набитые мелким льдом, едва схвачены поверху тонкой ледяной пленкой. Петя и Женя взбирались повыше и оглядывали окрестности.

Хаос торосов тянется на много километров, пока хватает глаз. Самолет, попытавшийся совершить в таком районе посадку, чувствовал бы себя явно неуютно.

По соседству, километрах в шести от станции, на обширном старом поле, покрытом сглаженными обветрившимися буграми, обнаружили пресное озеро 200 на 400 метров. Несколькими выстрелами пробили двадцатисантиметровый лед. Измерили глубину. Оказалось — 2½ метра.

Какая же должна быть толщина всей льдины, если при такой глубине озера лед не протаял?

Кругом широкие разводья, схваченные молодым льдом.

Решено сделать несколько вылазок для осмотра окрестностей.

После обеда хотел лечь спать, но пришлось передавать большую статью Дмитрича. Передавал с ручной динамомашинки. Крутили поочередно в течение двух часов.

7 сентября. Сутки за сутками тянется сплошной вечер. Солнце все ниже склоняется к горизонту и проходит, почти касаясь синеющих остриев торосов.

Сидеть без движения во время ночного дежурства очень холодно. В палатке 2—3° мороза. Чтобы согреться, выложил полстенки радиосклада. Запыхался и после этого с трудом поднял 300 метров троса на лебедке. Тепло чувствуешь только в мешке или во время работы.

Днем продолжали лепить радиосклад. Возводили закругленную часть от стены к будущей крыше. Я стал внутри, держал на спине

выгнутый лист фанеры, а Папанин набрасывал поверх фанеры тонкий слой мокрого снега. Когда этот слой заледенеет, мы его утолстим.

Обед мастерил Папанин. У Дмитрича закоренелая южная привычка каждый суп сдабривать поджаренным салом. Странно, сало и колбасу в холодном и сыром виде я переношу хорошо, а поджаренные в рот не лезут. Заставил себя съесть суп, но потом раскаялся. Болел живот.

На Рудольфе плохая погода. Пожалуй, самолетам у нас и не бывать.

8 сентября. На ночном дежурстве передавал часа полтора подряд большую телеграмму о результатах научных работ за август. Рудольф просил через две-три сотни слов делать перерыв на несколько минут, чтобы пошуровать печку.

Печка! Простое, старое, как мир, нехитрое сооружение, на которое в материковых условиях не обращаешь внимания, так же как на воздух, на свежеиспеченный хлеб. А тут с любовью и нежностью представляешь себе: подмигивает огонь сквозь дырки в дверце, потрескивают дрова. Как будто само уже слово «печка» излучает тепло.

У нас ниже нуля. Работать на ключе приходится в перчатках. Замерз. Надо заняться физической работой. Пошел мастерить купол радиосклада. Внутрь вставил большой лист фанеры и подпер его изнутри пешнями. Получилась форма будущей крыши. Затем осторожно стал накладывать мокрый снег. Уже через час сверху образовалась тонкая ледяная корка. Со стороны фанеры снег еще мокрый, так что лист хорошо отстал. Момент был опасный, ждал, что вся постройка обрушится, но обошлось хорошо. Получился замечательный купол. С каждой минутой снег подмерзает, и спустя несколько часов крыша звенит.

В полдень отличная погода. Солнце и 15 градусов мороза. В доме совсем прохладно. Нет, надо поскорее переходить на зимнее положение, натянуть обе гагачьи покрышки. В новой ледяной кухне стены уже готовы и ждут лишь покрытия, которое должно соединить палатку и кухню одной крышей.

На всякий случай сказал Рудольфу, что в шесть часов вечера, может быть, я не отвечу, если не закончим возню с переездом, — пусть не волнуются.

Работа шла быстро. Сначала всё вынесли на лед. Образовалась целая свалка. Осторожно перенесли радио. Когда сняли верхний брезентовый чехол, на каркасе осталась лишь легкая парусина. Вчетвером натянули гагачьи покрышки. Замечательно выглядит стеганый голубой шелк на солнце, на снегу. Словно кибитка какого-то богатого хана. Поверх надели основной верхний чехол и изнутри все зашнуровали. Разложили резиновый пол, листы фанеры и оленьи шкуры в два слоя. Снаружи края посыпаны снегом.

Свою койку я тоже зашнуровал снизу шелком, а то веревки порвались, и я спал как в корыте. Последним внесли радиостол, и к половине шестого все уже было готово.

После шести пообедали. Затем принесли в жилье примус и стали пить чай. Я пил в спальном мешке, надо поспать до ночного дежурства.

9 сентября. Возводится крыша ледяной кухни. В ледяные стены врезаны легкие доски. Это — стропила. Поверх лежит брезент. Он пришит к стропилам, а кроме того, чтобы его натянуть, выполнена сложная конструкция. Веревочки захвачены за петли, петли вморожены в наружные стенки кухни. Сделано три маленьких оконца в разные стороны.

Крыши кухни, тамбура и жилой палатки соединены наглухо — зашиты материей так, что никакой снег сюда не попадет. Пол врублен в лед. Крыша немного наклонена. В высокой части палатки я могу стоять во весь рост.

Плохо только то, что тамбур совершенно загородил мое оконце у стола радиостанции. В палатке стало темно. Женя срочно наладил освещение в своем метеоуглу: вечером у него загорелась первая трехвольтовая лампочка.

Начинает попахивать близкой полярной ночью. В 2—3 часа по московскому времени заметно ослабло освещение. Чувствуется, что скоро зайдет солнце. В нашем районе уже есть суточный ход солнечного освещения, есть ночь и день. По приблизительным подсчетам Жени, на нашей широте солнце впервые зайдет за горизонт 17—18 сентября.

10 сентября. Вчера впервые зажгли керосиновую лампу. Она будет теперь гореть до февраля. Вакантную должность «ламповщика Северного полюса» принял на себя Папанин.

Полярная ночь не за горами, но приближение ее нас не тревожит. Однако, на всякий случай, на трех нартах устроили аварийные базы продуктов, горючего, одежды, палаток; на специальной нарте — второй комплект радиостанции. В случае внезапного сжатия льдов или трещины мы сумеем быстро перебраться на другое место. Если погибнут две базы — останется третья. Правда, поводов для такого опасения у нас пока нет: наша льдина попрежнему крепка; но предосторожность необходима.

Ночью мастерил ступеньку для входа в тамбур. Материал: снег и вода.

Ходил смотреть трещину, или, как ее называет Папанин, «канаву». Трещину немного развело. Начинается западный ветер.

После утреннего чая прожигал на большой паяльной лампе примусные головки. Встал Папанин и помог их проковыривать. Одну горелку прожигали три раза, никак ее не могли прочистить. Проклятая сера, она сильно засоряет горелки.

Перетащили кухонную утварь и «мебель» из маленькой палатки в новую кухню. Пол застелили фанерой. В юго-западном углу Папанин вморозил несколько толстых досок и устроил слесарный верстачок. Тут находится весь инструмент. Нехватает только токарного станка — можно было бы принимать всевозможные заказы. Повсюду

полочки для всякой кухонной утвари. Другой угол — северо-западный — занят горючим и ламповым хозяйством. Под потолком висят все наши 6 фонарей «летучая мышь». Чтобы попасть в жилую комнату, надо пройти тамбур и кухню. Здесь снимаем валенки.

Два дня тому назад открыл совершенно новый бидон с колбасой. Я ем ее во-всю, другого мяса у нас нет. Мясной порошок всем надоел, а куриный забраковали единодушно. Сколько его ни мочи — он все почему-то как песок. Эх, свеженькую бы сейчас курочку. Авось придется все это еще попробовать.

Папанин вчера ел колбасу, но ему она не понравилась. Петя совсем не ест ее, боится. Так что целый бидон идет в нашу с Женей пользу.

11 сентября. Полностью закончили строительство и оборудование новой кухни. Теперь нам не страшен ни ветер, ни снег. По случаю новоселья вспомнились все злоключения нашего кухонного цеха.

В первые дни нашего пребывания на полюсе некогда было заниматься такими, на первый взгляд прозаическими, мелочами, как правильная постановка питания. Каждый ел когда и как угодно.

Обедов настоящих не было, многие продукты оставались неиспользованными. Проще было согреть чайник и закусить чем-нибудь всухомятку. Кухня, вернее — два примуса, помещалась в маленькой розовой шелковой палатке. Даже в пасмурные дни там было веселое освещение и, несмотря на десятиградусные морозы, тепло. Нехитрой стряпней здесь утолялся голод экипажа водопьяновского самолета и нашей четверки.

С прибытием экипажей остальных самолетов пропускная способность нашей кухни оказалась недостаточной. Каждый самолет завел свою столовую. Мы вчетвером перешли на самообслуживание.

До экспедиции мы думали, что наша кухня будет помещаться в одном из углов жилой палатки. Увидев воочию, как много места требует приготовление пищи, какая грязь при этом разводится, мы отказались от стряпни в жилой палатке.

Поэтому сразу же после устройства жилой палатки Ширшов пристроил к ней большую, поместительную кухню из снежных глыб. Деятельное участие в этом строительстве принимали летчики и механики экспедиции.

В Москве думали, что на полюсе климат более суров, чем оказалось в действительности. Между тем день ото дня становилось теплее и теплее. Вот уже ноль градусов, затем положительные температуры, потом туман и дожди. Такова была наша летняя погода.

В результате толстые и прямые стены кухни под влиянием теплой погоды и пара от наших кастрюль стали постепенно оседать и покосились. Скоро мне пришлось готовить обед, согнувшись в три погибели. Наконец верхняя часть стен совсем протаяла и превратилась в кружева. Мы пытались было ремонтировать кухню, но без морозов ничего не могли сделать. Пришлось опять разместить ее в шелковой палатке, предназначенной вначале для гидрологии.

Она была поставлена около входа в наше жилье. Однако лето продолжалось, продолжались и наши мытарства с кухней. Весь снежный покров лагеря и даже 30—40 сантиметров поверхности льда растаяли. Чтобы не очутиться в озере пресной воды, каждые десять дней обсыпали палатки снегом. Со временем это становилось все труднее, так как снег надо было возить издалека на нартах. В конце концов обе палатки высились на подставках уцелевшего льда высотой в полметра.

Бурная речка, образовавшаяся от таяния снега, найдя выход к проруби Ширшова, стала мимоходом подмывать фундамент кухни. Нам надоело подвозить дефицитный на Северном полюсе снег, и мы перенесли кухню немного дальше — на ровный лед.

С наступлением заморозков Ширшову было тяжело работать на ветру без палатки. Его тонкие механизмы моментально застывали. Пришлось возвратить ему палатку, сильно прожженную и пострадавшую от ветров. Это было в конце августа.

Крепкие морозы еще не наступили, и строительство новой ледяной кухни все откладывалось. Без малого две недели кухня ютилась в розовой палатке. Во время обеда мы держали миски на коленях, так как всю площадь пола занимали наши огромные валенки.

Надолго запомнится строительство ледяной кухни в 10—15-градусные стойкие морозы. Постепенно вырисовывались контуры нашей кухни. За ночь стены превращались в звенящие ледяные монолитные глыбы, без малейших трещин, так неприятных при пурге, когда снежная пыль проникает всюду. С утра снова начинались работы. Вот уже стены были готовы, пол немного врублен в лед, но готовить пищу в кухне мы все еще не могли. И только когда натянули обе гагачьи покрышки на жилую палатку и покрыли весь «жилкорпус» ледовой крышей, получилась замечательная квартира из двух комнат: теплой — жилой и холодной — кухни. Нехватает только водопровода и телефона. Вместо водопровода пользуемся остатками ручья, вместо телефона отлично действует радио. Имеется и электрическое освещение. Правда, напряжение не городское, в 120 вольт, а всего лишь в три вольта. Обязанности люстр исполняют лампочки карманных фонарей.

Первый же ветер убедил нас в отличных качествах нашей кухни. Стены не шелохнулись, только глухо гудела наша крыша.

Когда я говорю — кухня, то понимаю, что это звучит несколько претенциозно, но для нашего скромного хозяйства на льдине постройка из льда была вполне достаточной. Все заведение состоит из двух примусов и двух фанерных ящиков (превращенных копотью в черное дерево), служащих нам буфетом и складом продовольствия. Тут же стоят четыре жестяных бидона с крупой и всякой всячиной. Эти же бидоны являются одновременно креслами. Кроме того, мы располагаем многочисленной алюминиевой посудой.

В кухне находится фанерный складной столик — один из немногих предметов заграничного происхождения. Он предназначался, видимо, для пикников на более умеренных широтах, но попал на Северный полюс. Столик, как я уже писал, носит марку, означающую в

переводе не то «ошеломляющий», не то «поражающий». Действительно, дрянь ошеломляющая. Столик поражает нас своей зыбкостью и ненадежностью. Этому деревянному представителю Запада все чаще приходится выслушивать крепкую речь по своему адресу.

Наше пребывание на дрейфующей льдине мы должны максимально использовать для проведения наиболее полных научных наблюдений. Поэтому мы с Папаниным полностью освободили Ширшова и Федорова от кухонных и хозяйственных работ. Каждый из нас стряпает по очереди (по две недели). О том, как мы готовили и что ели, очень ярко рассказывает в своем дневнике Иван Дмитриевич.

Восточный ветер сильно гонит нас на юг. Иногда часовая скорость дрейфа доходит до 780 метров в час. В среднем за прошлые сутки проходили в час по 600 метров. Следующее определение будет опять сенсационным.

Выработалась своеобразная привычка. Если один сядет писать в газеты, то обязательно пишут и все остальные. Пишем «залпом» — все вдруг. Сегодня о гагачьих покрышках и подготовке к зиме писали в «Правду», «Вечерку», «Комсомольскую правду», «Известия», «Ленинградскую правду» и ТАСС. Обычно все телеграммы переписываются ко мне в радиожурнал.

Прошлую ночь, несмотря на довольно сильный ветер и семиградусный мороз, у нас в палатке температура была плюс 7°. Правда, такая теплынь держалась только под потолком. Можно писать, руки не мерзнут, и все это от маленькой керосиновой лампы, которая стоит у меня на столе. Каждой заливки лампы хватает на 21 час, а гагачьи покрышки отлично держат тепло. Очень приятно заходить к нам в дом после, скажем, осмотра ветряка или мачты. Тепло, светло и уютно. Правда, и первое, и второе, и третье в небольших дозах, но мы стали нетребовательны.

Раскрыли очередной бидон с продовольствием. Жаль, что пропадают куриные порошки, шоколад с куриным пометом (это наше название) и очень много супов. Остальное съедаем. Остается почти все какао, у нас едва хватает сахара. Кофе также из-за нехватки сахара остается. И все же ни одна полярная экспедиция не имела такого рациона питания. Мы отказались от классического пеммикана и шоколада, которые так быстро надоедали прежним экспедициям. А наши концентраты питательны и позволяют разнообразить еду.

12 сентября. В первом часу ночи, лежа в своем меховом спальном мешке, случайно принял из Парижа трансляцию концерта приехавшего туда на гастроли Краснознаменного ансамбля песни и пляски. По всей видимости, вернее — слышимости, ансамбль выступал в большом концертном зале. Ему много аплодировали, кричали «браво», «бис». Некоторые номера бисировались по нескольку раз. Хотя я и не люблю пения, но голоса чудесные, и поэтому слушал с удовольствием.

Слушали передачу также Ширшов и Папанин. Мы радовались вдвойне: к нам доносились знакомые родные песни и крики бурного восторга людей, приветствовавших наш ансамбль.

Утром Рудольф был занят и телеграммы у меня не брал. Выручил Саша Абрамчук на мысе Желания. Он принял мою корреспонденцию и передал ее дальше на Диксон.

К полудню прояснилось. Жене удалось «схватить солнце». Хотя мы ожидали всяких сюрпризов, но новые координаты даже нас поразили. За шесть суток продрейфовали к югу на 25 миль, почти 45 километров. Вот это дрейф!

Наверное, сейчас в Москве крепко задумываются — оставлять ли нас на полярную ночь, или нет. Мы очень успешно поработали. Скоро будем на 85-м градусе и вступим в «жилые» места. Очевидно, в воронке между Гренландией и Шпицбергеном дрейф значительно ускорится. Это легко обнаружить, наблюдая, как наша льдина все быстрее мчится на одних и тех же скоростях ветра. У нас нет желания удирать отсюда, но надо быть готовыми к возможным опасностям.

Наши новые координаты: 86°08′ северной широты и 1° восточной долготы. Мы находимся примерно в 350 километрах от полюса.

К вечеру небо совсем прояснилось. Замечательно красиво освещение, хотя вокруг пустынно и грозно. Легкий поземок усиливает мрачность пейзажа. От действия летнего солнца побелели наполовину занесенные снегом нарты.

13 сентября. На ночном дежурстве читал замечательную книгу Стендаля «О любви». Много в ней занятных и умных вещей, но здесь, на льдине, эту книгу читать не следует, в наших условиях она просто вредна.

Сегодня ясная, почти безветреная погода. Солнце. Решено вечером измерять глубину океана и брать пробу дна.

К работе приступили после шести вечера. Стараемся освободить от кручения лебедки Дмитрича — у него шалит сердце. То пошлем его слушать «Последние известия», то пораньше попросим чайку приготовить, а сегодня просто с Ширшовым сжулили. Папанин в паре с Федоровым крутили по 300 метров, а мы тоже как будто по 300, а на самом же деле передвигали стрелку и крутили по 400 метров.

Успешно опробовали новую осветительную конструкцию. Две большие лампы «молнии» впаяны в один общий большой бак. Работает этот светоагрегат отлично. Пили чай в светлой и теплой палатке. Блаженствовали, скинув меховые рубашки при температуре плюс 27°. На морозное время теплом мы обеспечены.

Океан сильно «обмелел». Глубина здесь (86°08′ северной широты и 1° восточной долготы) — 3 767 метров. На 526 метров меньше, чем при прошлом промере, который был всего лишь на 32 мили севернее. Грунт — коричневый ил. Возможно, что начинается подъем морского дна. Ведь недалеко берега Гренландии и Шпицбергена.

Крутить уже привыкли. Закончили весь подъем за три часа.

Петя наблюдал сегодня вечером резкое колебание воды в гидрологической лунке. Лунка покрылась тонким слоем льда, в котором пробито отверстие для троса. Вот из этого отверстия неожиданно и

выплеснулась вода. Затем уровень воды сильно колебался, словно кто-то встряхивал весь океан. Где-то, очевидно, происходило сильное торошение. Один сильный толчок был замечен Женей на подвешенных гравитационных маятниках. Волна толчка прошла с северо-запада на юго-восток. Такой толчок отмечен у нас впервые.

14 сентября. На ночном дежурстве снова крутил с Ширшовым лебедку. Делали глубоководную станцию на 3 500 метров. Крутили 3 часа в одних фуфайках, несмотря на 15-градусный мороз. Погода штилевая. В полночь своим нижним краем солнце чуть касается горизонта. Солнце огромное, багровое, просвечивает сквозь осевший на горизонте туман. Сфотографировал солнце несколько раз; может быть, что-нибудь и получится.

Работали до утра. Утреннего чая не ждал, лег спать.

За обедом третий день едим грибной суп, на второе — лапшевник на молоке и на третье — вчерашний молочный кисель. Сугубо диэтический обед. После лапшевника решил подкрепиться колбасой.

Днем отличная погода. На антенне и других предметах густо осел иней. Выглядит это очень красиво.

Узнал, что Махоткин на самолете снял состав станции с мыса Оловянного и доставил зимовщиков на мыс Челюскина. Значит, Оловянный обезлюдел, зимовка законсервирована. Жаль! Наверное, все мое имущество на Оловянном пропадет. Особенно жаль «полярную библию» — книгу Гельвальда. Да и вещей памятных там много осталось.

Вечером мастерили радиосклад. Сначала думали все хозяйство поместить в одном ледяном складе, но вещей оказалась целая куча. Дмитрич просчитался. Решили строить еще и радиосклад.

15 сентября. Чудесный медленный закат солнца. Заходит оно что-то между часом и двумя ночи. Само солнце закрыто низкой, густой пеленой тумана, но ярко освещено все небо. Отдельные легкие облака горят, как золотые. Тишина. Голубой хрустящий снег. Видимость на десятки километров. Резко на голубом небе выделяются мохнатые, покрытые толстым слоем инея мачты. От мороза изредка трещит лед. Слабого южного ветерка, едва заметного, оказалось достаточно, чтобы началось движение в ближайшей трещине. Позвякивая и ломаясь, шуршит молодой лед.

Несмотря на такую чудесную обстановку и погоду, чувствую себя нервно. Все к чему-то прислушиваюсь, часто выскакиваю из палатки. Шалят нервы.

Достраивал сегодня крышу радиосклада. Строил ее по кускам, с перерывами, чтобы мороз успел схватить своды из мокрого снега. К шести утра склад был совершенно готов.

В огромной кастрюле сварил на 3—4 дня борщ. На второе снова мясные порошки с зеленым горошком и на третье — лапшевник. В июне я каждый день грел большую кастрюлю с водой и перемывал всю посуду. Однако подготовка воды для мытья посуды ни меня, ни Дмитрича не увлекала. Вскоре перешли на большой медный чай-

ник, затем на маленький алюминиевый. Теперь чайная посуда совсем не моется, у каждого есть свой персональный красный небьющийся стакан, а на мытье тарелок и ложек хватает одной миски воды.

Моется первая тарелка, затем вода переливается в следующие — и все в порядке. Суп теперь приходится греть, откалывая куски от замороженной глыбы. Трудно разогревать кашу в кастрюле, она пригорает и плохо тает. Хорошо хоть кухня удачно оборудована и никакой ветер не мешает.

Папанин весь день строил второй ледяной склад. Хотел ему помочь, но он сказал, что сам справится. Женя построил себе дом в 3 дня. Дмитрич хочет перекрыть его рекорд и построить склад еще скорее.

16 сентября. Снова чудный закат при безоблачном небе. Температура понизилась до минус 18½°, но в палатке хорошо и тепло — плюс 10°. Солнце зашло на западе и часа три-четыре шло под самым горизонтом. На небе стоит высокий солнечный столб. Взошло солнце на севере, в пятом часу утра. Таким образом, почти четверть окружности своего пути солнце проходит за горизонтом.

Сидел ночью и мучился. Вот летят к нам самолеты. Не совсем к нам, но, во всяком случае, могут к нам завернуть. Надо подготовить письмо Наташе, но что-то не пишется. Пожалуй, лучше всего послать Наташе дневник.

Рано поутру, часов в 6, хорошо слышна станция имени Коминтерна. А через час, в семь — ни слова не понять. Очевидно, радиоволны лучше проходят в темноте, и с появлением солнца прием ослабевает.

Сегодня хотя и солнечная погода, но все время держится слабый туман.

Днем полчаса разговаривали с Шевелевым. Он говорит по телефону, мы отвечали телеграфом. Шевелев говорит, что улетали из Москвы более уставшие, чем прилетели после нашей высадки; всех замучили с докладами. Москвичи летом очень волновались, не растает ли наша льдина.

Для испытания телефона были пущены две граммофонные пластинки. Слышно было замечательно, так что завтра попросим поставить «говорящие письма» наших жен. Вряд ли там сообщаются большие тайны.

Шевелев интерессовался состоянием и размером наших посадочных площадок и характером погоды за последнее время. После разговора Папанин и Ширшов ходили осматривать аэродром и вечером дали подробную телеграмму Шевелеву.

Днем Папанин лепил второй склад. Крышу Дмитрич делает по новому способу. Первый раз она обвалилась, и пришлось ее воздвигать заново.

Совершенно забыл, что Шевелев говорил и о нас. Если к марту мы далеко продвинемся на юг, то за нами пойдет «Ермак» с двумя самолетами. Если будем вне сферы «Ермака», снимут самолетами либо с Франца-Иосифа, либо со Шпицбергена. Очень рады, что в

связи с быстрым дрейфом нет паники в Главсевморпути и нас не собираются тащить отсюда в полярную ночь. На радостях к обеду сделал блинчики, а Петя завел патефон.

17 сентября. Ночью задул восточный ветер с постепенным заходом на север. Я дважды лазил на ветряк. Плохо работают, засоряются проклятые щетки.

К утру мороз упал до 7 градусов. Началась морось, затем пошел снег, и все закрыло пургой. Густо валит снег, временами ничего не видно в расстоянии 20 метров. Чуть ли не на глазах растут сугробы.

Рудольф угощал нас во время обеда пластинками с приветами от знакомых и родных. Включили «говорящие письма» от редакций «Комсомольской правды», «Известий», «Вечерки» и ТАСС. Сидишь, из-за пара не видишь собственной миски и слушаешь родные голоса. Слушали, конечно, все четверо. Папанин оставил постройку очередного цельноледяного склада. Федоров выполз из комфортабельного ледяного домика своей обсерватории. Ширшов оставил в покое вертушки. Все с наушниками, молчаливые, сосредоточенные.

Мне адресованы четыре письма: три от Наташи и одно от матери. Наташа написала на обороте, что голос не ее и она не в особом восхищении от достижений граммофонной техники. Действительно, голос непохож, но местами получается хорошо. Наташа сообщает о здоровье детей.

18 сентября. С вечера дрейф достиг скорости 800 метров в час. Сильный нордовый ветер временами задувал с дикой силой: скорость ветра доходит до 15 метров в секунду. Валит снег, рвет пурга.

Ближайших торосов не видно. Уже сумеречно, темновато. Каждые 20—30 минут выскакиваю из палатки. Посматриваю — нет ли каких-нибудь изменений, прислушиваюсь — нет ли шума от торошения. Ветер гудит и свистит в антенне, в оттяжках мачт. Нет, ничего не слышно! По новым сугробам, которые намело длинными языками вокруг палатки, бредешь обратно. Чтобы проникнуть внутрь, надо отстегнуть клапан наружного тамбура. Застежки тугие, в рукава набивается снег, пальцы коченеют. Едва успеешь немного подсохнуть и согреться, опять надо вылезать, осматривать льдину. И так шесть часов подряд. Реально представляешь себе, как несется огромный массив ледяных полей со скоростью 800 метров в час и что тут может произойти, если по тем или иным причинам начнется сжатие. Снова хожу кругом. Из-за пурги ничего не видно, только палатка вздрагивает. Хорошо хоть, что после зимнего переустройства она больше не хлопает при ветре.

Веселый умудрился пролезть под застегнутой тряпкой в тамбур и расположился на фанере. При первом моем появлении у него был очень жалкий, виноватый вид. Весь он как будто выражал немую просьбу: «там ветер и холодно, не гони меня, пожалуйста». Ясно, что он был оставлен. Тогда пес осмелел и с фанеры перебрался на ступеньку перед входом в жилье. Ступенька укрыта оленьей шкурой, ему тут лучше. Когда я выходил из жилья, он поднимал голову, и дверь

его задевала. Потом Веселый понял, что голову поднимать не следует. При моем появлении пес умно подмаргивает глазами и виляет хвостом.

К утру ветер затих. Открылось почти безоблачное небо. Сквозь пелену метущего снега багрово светит солнце. Пурга выдохлась, и лишь тонкими струйками снега курятся сугробы и торосы.

Пили чай в жилой теплой палатке. Масло, сыр и паюсная икра, оттаяв, приобрели совсем новый, чрезвычайно приятный и позабытый нами вкус.

Когда ветер затих, нужно было срочно лезть на ветряк и чистить контакты. Затем пустил зарядку и помог Папанину вытащить из сугробов наши нарты с различным добром. Вдвоем их едва выручили. Снег раскалывается пластами и глыбами и таинственно синеет.

Ветряк работает хорошо, ручная динамо испытана. Теперь мы можем позволить себе роскошь делать для примусов смесь на $^5/_8$ из керосина и только на $^3/_8$ из проклятого, с серой, бензина. Примусы ревут, как черти, и мы надеемся, что головки после очередного прожигания будут работать дольше. Только бы двигателем пользоваться не пришлось.

Обед приготовил быстро. Чтобы не мыть мисок и не тратить воды, каждый получил не только именной чайный стакан, но и миску.

19 сентября. Ночью штиль. Оглушительно слышен Лондон, Берлин, Рейкьявик. Субботний вечер. Поэтому везде танцуют, и не до двух часов ночи, как обычно, а до четырех. Слушал, закурил сигару. Курю по одной — в дни получения от Наташи телеграмм, но тут не утерпел. Вдруг в шесть часов вечера получил две телеграммы в рекордно быстрый срок. Обе телеграммы шли всего лишь 9 часов, отправлены они сегодня утром. Наташа сообщает, что в Москве золотая осень, вчера ездила с Ириной собирать грибы и получила огромное удовольствие.

Наташа любит ходить по грибы, а я никак не пойму, в чем тут прелесть, надо будет как-нибудь пойти в лес. Захватить бутербродов, хорошей закуски, пивка и попробовать собирать грибы.

20 сентября. Вчера было очередное астрономическое определение. Наше место — 85°52′ северной широты и 0° долготы. Сидим как раз на меридиане Гринвича.

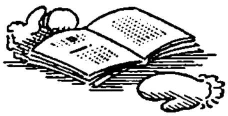
Одна мачта совсем согнулась в дугу. На ночном дежурстве перетянул обе мачты и очистил антенну от инея. Через два часа снова навис иней, как будто бы его и не чистили. За все годы работы на Севере мне не приходилось видеть такого обильного и густого инея.

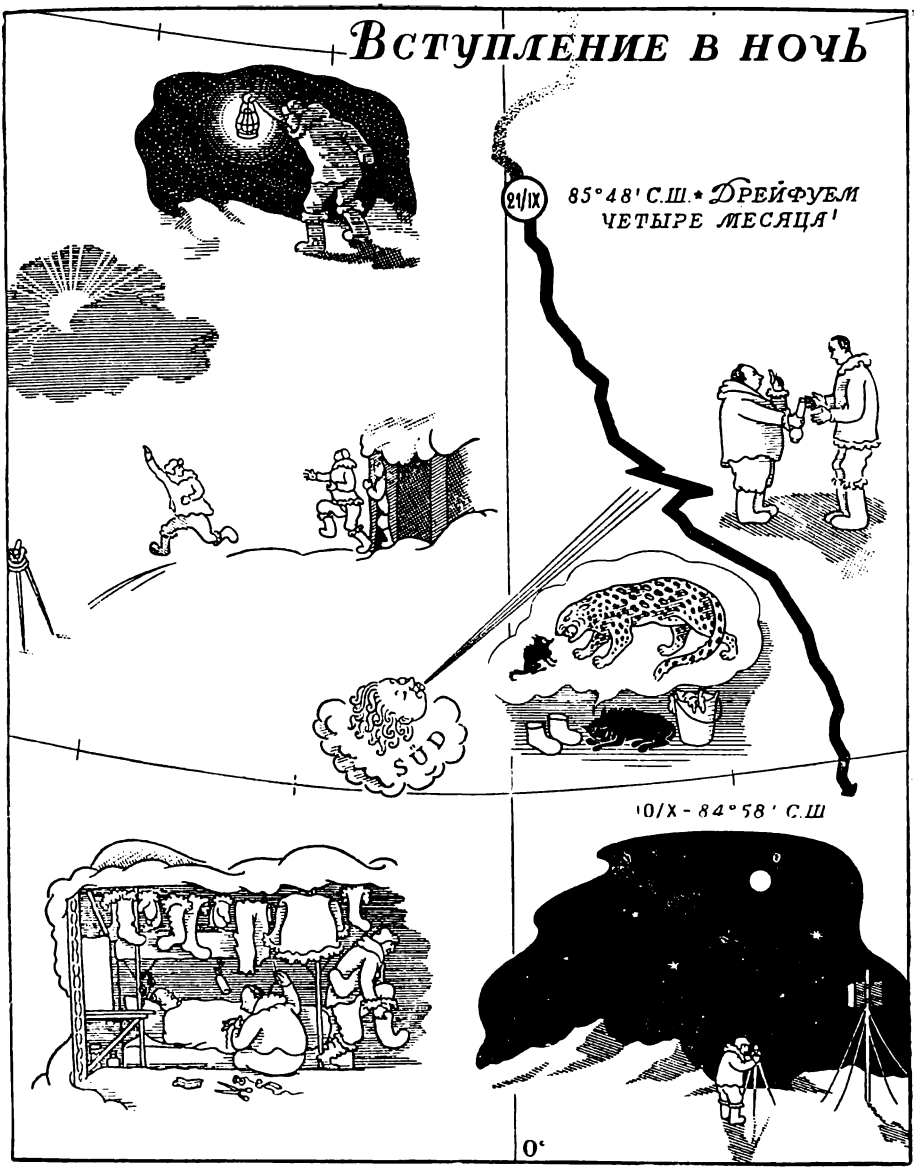
Завтра юбилейный день — четыре месяца пребывания на льду. Ради такого торжественного случая помылся и почистил зубы. А на самом деле не так уж страшно. К неумыванию привыкаешь очень быстро. Побрился. Вот это наслаждение! Нагрел большой чайник и умылся в одной рубашке на ветру при 15 градусах мороза. Храбрился, но не вытерпел и в конце концов залез в тамбур. Чувствую себя именинником.

Утром с Рудольфа ушел в воздух самолет Мазурука. Долетев до 84°, он встретил туман и вернулся обратно. Вчера летал Вилкинс с базы Алквавик. Вылетел он в снегопад при видимости в полмили. Достиг 86-го градуса. Летел выше 400 метров. Почти все время туман. Иногда самолет обледеневал. Он все время имел хорошую связь с базой. Шел зигзагами, пытался нырять. Мешал туман. В полыньях на севере уже образовался лед. Для лодки Вилкинса, если он вынужден будет сесть, это грозит гибелью.

После полудня открыл палатку и мой бывший радиосклад. Перенес свое имущество. Хорошо, что отдельный склад построен для остального инвентаря, иначе не уместиться. В жилую палатку притащил всякое добро для налаживания освещения: лампочки, провод и прочее.

Вечером надел чистое белье и меховой комбинезон вместо истрепавшихся брюк. Комбинезон очень удобен: спине тепло, а руки свободны. Сменил свой радиотелефон, в нем где-то ослаб контакт. Начал читать книгу Павленко «На Востоке». Хорошая книга, читаю с увлечением.

21 *сентября.* Сегодня — тройной юбилей: полгода со дня вылета из Москвы, четыре месяца на льду и равноденствие.

Дрейфуем быстро, всем приятелям сообщено, что на-днях будем на 85-м градусе.

По случаю юбилеев полагается пышный обед. Мы завозились, и

обед не состоялся. В конце концов удовлетворились рисовым томатным супом, но томата набухали туда без меры, и к вечеру все страдали изжогой. Пили соду, закусывали вареной грудинкой и селедкой. Из селедок вытек весь рассол. Пытался их оживить в новом маринаде, но они все расползлись, осталась лишь каша да кости. Придется их выбросить.

Спирин по телефону с Рудольфа рассказал, что 23 августа на банкете в Кремле к нему подошла незнакомка, попросила у него клочок бумаги и написала: «Кренкелю — от таинственной незнакомки». Для передачи она вручила красный цветок. Цветок сейчас находится у Спирина на Рудольфе. Кто она, не велела говорить. Спасибо, родная Наташа!

22 сентября. Вчера день был каким-то особенным, необычным. Во всем чувствовался юбилей. Чистое белье, все бритые, разговоры, соответствующие настроению. Все это, вместе взятое, несколько выбило из колеи. Смотришь на привычное, знакомое окружение какими-то другими глазами.

Сегодня прочел несколько страниц из Нансена о его возвращении после неудачного похода к полюсу.

Как прост и мужественен этот человек! Его книгу «В стране льда и ночи» следовало бы назвать «Испытанием». Великим испытанием человеческой отваги. Читаешь, а в мыслях рисуются пустыни льдов и два человека, идущие среди них. Люди идут вперед, все вперед и вперед, изнемогая, но не отступая. Иногда к вечеру так хочется спать, что глаза закрываются сами собой. Люди спят на ходу и просыпаются, только падая на лыжи. Тогда они останавливаются. После ужина двое идущих позволяют себе маленькую роскошь: они приготовляют изысканный напиток, воду такую горячую, какую только можно вынести. В кипятке расползается порошок сушеной сыворотки. Вкусом такой напиток напоминал кипяченое молоко, и люди находили его чрезвычайно укрепляющим: он согревал с головы до пяток...

25 дней длился поход к Северу. Среди льдов, в спальных мешках им грезились почему-то рождественские ужины с прекрасным жареным гусем. Потом двое смелых — Нансен и Иогансен — шли обратно. Они оба были настоящими учеными и исследователями. В тридцатиградусный мороз, укрывшись в мерзлом мешке, отогревая собственным телом мерзлое платье и обувь, они занимались обработкой наблюдений, перелистывали страницы логарифмических таблиц, записывали цифры, выводя их больными, обмороженными пальцами. Когда свежел ветер, они укрывались в жалкой палатке. Когда путь преграждали полыньи (им не было конца, со всех сторон путешественников преследовали темные отблески воды, казалось — весь лед растрескался), они вместе с собаками впрягались в нарты. Терпение, упорство и терпение. Таковы первейшие добродетели полярника.

От 86-й параллели Нансен и Иогансен повернули на юг, к Земле Франца-Иосифа. Прошел май, июнь. Близилось полярное лето. Земли все еще не было. Голодали собаки. Через день одну из собак убивали. Убитую — с кожей и шерстью — рубили на куски. Это была

пища для остальных собак. Люди тоже не смели есть досыта. Они берегли провиант...

Перелистываю и перечитываю страницы этого замечательного дневника. Лагерь Томления. Походы на каяках. Медвежьи охоты. И наконец свершилось великое чудо, которому люди уже перестали верить. «Земля видна!» Много месяцев продолжалось путешествие по этой земле. Томительно тянулись дни в зимней снежной берлоге (разве можно сравнить ее с нашей замечательной хижиной!). Весна. Новые утомительные походы и, наконец, фантастический финал: неожиданная встреча с англичанином Джексоном на мысе Флоры среди хаоса льдов.

Эти скитания были незаурядным подвигом. Но, главное, Нансен сумел их описать. А сколько не менее смелых походов совершили наши советские люди! Кто знает о них? Как жаль, что наш полярный народ скупится на рассказы. Многие боятся, как бы их не упрекнули в нескромности. Напрасно.

Советские люди развеяли многие арктические легенды. Они, в частности, упразднили самое понятие о зимовках.

«Даже на Северном полюсе жить прекрасно!» могут с гордостью сказать наши люди.

Вот теперь колхозные ребята села Павельцево Дмитровского района шлют нам большое спасибо за то, что мы написали в пионерской газете о Северном полюсе (они читали нашу телеграмму вслух), и просят написать про всякие интересные случаи. Ребята задают кучу вопросов: если идет дождь, могут ли растаять льдины? Если льдина не может растаять, не даст ли она трещин? Можем ли мы плавать в резиновой лодочке? Как поживает Веселый? Приходили ли к нам медведи, какие и что с ними сделали?

Северный полюс потерял ореол таинственности. Он стал обжитым пунктом нашей планеты.

Сейчас пятый час утра. Все спят. Люблю я эти ночные часы. Отдыхаешь и роскошествуешь в мечтах и мыслях. Я все время дежурю ночным сторожем. Дмитрич доказывает, что я устал и меня надо сменить. Но я буду стараться во что бы то ни стало остаться ночным сторожем. Хотя разговаривать и не с кем, но дело спорится. Сплю днем.

Пока я сегодня отсыпался, Ширшов и Федоров ходили на лыжах в юго-западном направлении километров за пятнадцать. Поля ровные, вроде наших. В двух местах обнаружили площадки, вполне пригодные для посадки тяжелых самолетов.

Я занимался проводкой телефонов к каждой койке.

В 14 часов 30 минут слушали Рудольф. Три раза просил изменить волну, но Рудольф упорно не понимал, и почти весь разговор вышел впустую. Жаль, бо́льшую часть передачи мы не поймали.

23 сентября. Луна высоко стоит на востоке. Собирался писать дневник, но вместо этого слушал до 3 часов утра радио. Затем читал «На Востоке» Павленко. Воздушный бой и налеты на Токио описаны захватывающе.

Барометр сильно упал, а ветра не было. Потом барометр так же быстро пошел вверх.

Провел низковольтное освещение для Пети: красный свет керосиновой лампы режет глаза и не дает ему работать.

В 6 часов вечера раз восемь повторял метео Рудольфу. Там пурга, и остров никого не слышит.

Сегодня новые координаты: 85°44′ северной широты и 1° восточной долготы.

24 сентября. Ночью работал Женя. Я в предвидении похода по льдам лег спать, но с непривычки долго не мог заснуть. С трудом заставил себя встать и пойти отработать утренний метеосрок. Потом забрался в мешок, лежал и с неохотой ждал, что Папанин скажет: «Ну, одевайся, пойдем гулять». Вечером Дмитрич сознался, что он боялся такого же предложения с моей стороны. К счастью, валил густой снег, поэтому прогулка не состоялась.

Спал почти до вечера, да и то не выспался. Страшный какой-то нападает сон.

Поздно вечером жарил лепешки на сале, в котором упакованы колбасы. Нашел секрет, как быстро делать лепешки. Тесто должно быть жидким, должно литься. Жир надо сильно кипятить на примусе, так, чтобы он клокотал, как бешеный. Тогда дело пойдет быстро, даже на 20-градусном морозе.

Сегодня было ясно, и температура опустилась до минус 23. Гренландский климат. Хотел было привезти на нартах кое-какое снаряжение для кухни, но один не справился. Снег настолько рыхлый, что нарты совершенно не скользят. Пришлось звать на помощь Папанина.

По исчислению Ширшова, мы прошли уже 85°42′ широты. Ширшов вечером брал пробы, начиная с 1 000-метрового горизонта. На 10—15 сотых повысилась температура воды. Навстречу нам идут все более мощные потоки атлантической воды. Если раньше положительные температуры начинались с 300 метров, то теперь с 200. Петя объясняет все тем, что мы приближаемся к проходу между Гренландией и Шпицбергеном.

Завтра снова будем мерить глубину и брать пробу грунта.

Ночью оглушительно шумел Будапешт и как раз на волне Рудольфа. При всем своем огромном желании Рудольфа не мог расслышать. Три раза стучал, просил удлинить волну, но он, очевидно, меня тоже не слышит. Так метео и осталось непереданным. Это первый случай срыва связи.

До дневного срока волновался. Однако на этот раз связь состоялась. Получил телеграммы от родных. Как всегда, в одной из них таинственная головоломка: «обещала 9 часов». Только сейчас догадался, что речь идет о моих двух телеграммах: «обе дошли 9 часов».

Очередной промер океана дал глубину в 4 025 метров. Значит, прошлый раз мы миновали какой-то подводный бугор. Сегодня особенно тяжело было выкручивать трос. Льдина сильно дрейфует. Обычно Ширшов для промера выбирает погоду с минимальным дрей-

фом. Но за последнее время даже при штиле нас несет так быстро, что, повременив с промером сутки-другие, можно пропустить установленный от промера до промера интервал в тридцать миль.

Отговорить Дмитрича от кручения лебедки не удалось. Поэтому мы с Петей снова пустились на обман. Подконец отправили Папанина готовить обед, чтобы он не обнаружил нашего жульничества.

Вечером температура упала до минус 26 градусов. Для сентября температура приличная. Чувствуется близость Гренландского ледника: в советской Арктике таких температур в сентябре не бывает.

Как всегда при морозе, ясное небо. Видел первую звездочку. Луна на ущербе.

26 сентября. После промера океана Ширшов сразу организовал станцию до глубины 3 000 метров, чтобы обе пробы — грунта и воды — далеко не раздвигались. На ночном дежурстве в 3 часа ночи начали подъем батометров, а к 6 часам утра закончили. После каждой 1 000 метров отдыхали. От нас, как от лошадей, валил пар.

Лучше всего крутить лебедку вдвоем с Ширшовым. Он крутит ровно и легко для партнера.

Работали с фонарем. В гидрологической палатке ночью совсем темно. К утру пошел густой снег и посвежел ветер. Пустил ветряк на зарядку.

Вчера вечером, хотя солнце едва поднялось над горизонтом, Жене все же удалось два раза «зацепить солнце». Наши новые координаты — 85°33′ северной широты и 1°50′ западной долготы. Стромилов говорит, что по поводу наших координат на Рудольфе все ругаются. Да и в самом деле, дрейф сумасшедший. Гонит во все лопатки. Последние дни ветер тянет с юго-запада. Казалось бы, нам надо дрейфовать на северо-восток. Ничуть не бывало. Мы все время энергично, и притом довольно быстро (400—700 метров в час), дрейфуем на юг или юго-восток.

Полагаем, что на течениях сказывается близость «воронки» между Шпицбергеном и Гренландией. В ближайшие дни приходится ожидать еще большего ускорения дрейфа. Неужели на 80-м градусе будем к Новому году?..

У каждого из нас свои сроки наблюдений и работ, поэтому мы спим в различное время. Собираемся вместе только во время обеда — около трех часов дня. Да еще поздней ночью.

Я как бессменный ночной сторож бодрствую от полуночи до шести утра. Без десяти шесть бужу Федорова на первые утренние метеонаблюдения.

— Ночью сегодня до 26 нагнало, — сообщаю Жене по секрету.

Уже на ходу, по пути в тамбур, Женя влезает в валенки. Метель заслоняет и без того сумеречный свет.

Быстро осмотрены приборы, сделаны отсчеты. Уже через несколько минут Женя снова внутри. Как приятно вернуться в теплый жилой домик. Расположившись на коленях у приборов, он принимается за составление очередной сводки. Книга с метеошифром предельно затрепана. Но обозначения таких привычных явлений, как туман, снег,

полная облачность, мы помним наизусть, и заглядывать в книгу не приходится.

В шесть часов пятнадцать минут тоненьким голосом остров Рудольфа требует метео. Привычно щелкаю переключатели передатчика, ровным баском гудит машинка. Нарушая все правила радиослужбы, обмениваюсь с радистом острова Рудольфа Стромиловым всеми новостями, подробно рассказываю ему, что я слышал ночью по радио. Передаю метео.

Тем временем Женя Федоров уже вскипятил чай, нажарил целый ворох колбасы. Пьем чай в жилой палатке, иначе от мороза масло, икра, сыр становятся трудносъедобными. Размачиваем сухари, чтобы оживленным хрустом не разбудить Папанина, который, по собственному выражению, спит, как заяц.

Иногда утренний чай прерывается проверкой хронометров или внезапно появившимся солнцем, требующим немедленных астрономических наблюдений.

После завтрака Федоров уходит в свой ледяной «кабинет» или остается в палатке, зарывается в тетради, справочники, таблицы, карты и что-то вычисляет. Для меня наступает блаженный момент: залезаю в спальный мешок. Жаль, что нет стихотворного таланта: следовало бы написать восторженные оды на наши спальные мешки, керосин, хорошо горящие примусы.

Около девяти часов встают Папанин и Ширшов. Оба они не связаны жесткими сроками, и поэтому у них есть возможность понежиться в мешке. Ширшов, чтобы приучить себя быстро вставать, подвесил над головой плитку шоколада. Тот, кто будит его, одновременно пускает секундомер. Если через пять минут ноги Ширшова не коснутся пола, — шоколад меняет своего владельца.

Просыпаясь и еще не открыв глаз, ясно слышу, что Папанин бодрствует: гремит жесть — делаются подносы всяких форм и размеров. Гудит паяльная лампа — прожигаются засорившиеся примусы. Скрипит снег — значит, неугомонный Иван Дмитрич что-то откапывает. Горючее, базы, лампы, все переделки — круг неутомимой деятельности Папанина. Даже тогда, когда ледокол уже будет дымить около нашей льдины, Иван Дмитрич наверняка еще будет хлопотать по хозяйству, торопясь лишний раз получше протереть какое-нибудь ламповое стекло.

Ширшов целыми днями пропадает в своей палатке над прорубью. Он возится с бесчисленными скляночками, химикалиями, ступками. Мы дружески подшучиваем над его кокетством: почти каждые две недели он слегка смазывает лицо водой; а мы не рискуем — опасаемся неравномерных полос на лице. Перепачканный в масле и тавоте, с посиневшими от ледяной воды руками, Петя сияет — он накапливает интереснейшие материалы.

Очень трудно разогревать замерзшую кашу и суп так, чтобы ничто не подгорело. К блюдам предъявляются два основных требования: погорячей и желательно поменьше расходовать керосин. Исполнив это, дежурный повар получает хорошую оценку. После обеда часовой отдых, затем возобновляются научные работы.

Очень уютно у нас за вечерним чаем, часов в десять. Федоров уже спит, чай пьем втроем. Основные темы разговоров — Испания, Китай, Москва. Над каждым изголовьем висят наушники. В половине двенадцатого регулярно слушаем Москву. Прием громкий и отчетливый.

Выхожу делать очередные метеонаблюдения. При ясном небе особенно ощутителен мороз. Радует спокойный свет луны, мерцающие звезды. Горизонт закрыт морозной мглой, ветра нет — значит, ночное дежурство будет спокойным и из мешка Папанина не будет раздаваться неизменный вопрос: «Как ветер?»

Оглушительно слышны почти все станции Европы. Сегодня ночью опять трудно проходила связь с Рудольфом. Его заглушает музыка из Будапешта.

Каждый час осматриваю лагерь. Угадываю в темноте знакомые торосы. Тяжелым канатом повисла антенна, покрытая шубкой неимоверно толстого инея. Скулит во сне наш пес Веселый, должно быть — он видит страшный сон. Кругом звенящая тишина, изредка треснет где-то лед. Как будто все замерло. Но эфир грохочет музыкой на все вкусы, и наверняка вертушка, опущенная в воду в пять утра, опять покажет значительный дрейф нашей льдины на юг, несмотря на безветрие.

В половине шестого слушаю бодрый марш из Москвы. Ужасаюсь словам руководителя утренней гимнастики: «Откройте форточку, наденьте трусики». Рекомендуемую водную процедуру мы проделываем в единственно доступной нам форме — пьем горячий чай.

27 сентября. Наша последняя широта 85°33′. Максимальная высота солнца над горизонтом — 3 градуса, что сильно затрудняет Федорову астрономические определения. Однако на помощь уже приходят луна и звезды.

Медленный закат часами освещает ночное небо.

Первые звезды светят робко. Морозы разогнали так надоевшие нам туманы. К вечеру прекращается очередная пурга. Наша льдина густо покрыта снежными застругами и похожа на море, застывшее в момент наибольшего волнения. Дрейф за последние дни шел скачками. Где-то сопротивляются льды, где-то происходят торошения и сжатия колоссальной силы. Ветер стих. Ветряк не работает. Но гряды торосов всё дымятся тоненькими струйками пурги.

Зима и темнота все больше вступают в свои права. От солнца осталась горбушка. С 1 октября из-за темноты прекратим давать в наших метеосводках определения видимости и облачности.

Снегопад и пурга нам теперь не страшны, так как все имущество, вплоть до веревочек и щепочек, упрятано в надежные ледяные склады.

Под толстым слоем льда находим еще жалкие остатки нашего бывшего ручья, что ускоряет стряпню на кухне. Скоро «водопровод на полюсе» закроется, придется растапливать лед.

Вместо брюк и рубашек надели меховые комбинезоны. Голыми руками уже нельзя долго работать. Прекратила работу наша фото-

графия, киноаппарат получил длительный отпуск. Привыкаем к желтоватому свету керосиновой лампы.

Теперь мы надолго прикованы к черному домику, запрятанному среди торосов.

Ветер тормошит парусиновую крышу кухни, шелестит снегом по брезентовым стенам нашего дома. Но внутрь он не проберется, не попадет.

Этот ветер — пришелец издалека. Совсем недавно он гулял над Гренландией. Могучим панцырем ледника одета эта пустынная северная земля. Вот где раздолье лыжникам. По склонам ледникового купола наш буйный юго-западный гость мчался вместе с вихрями снежной пыли. Через узкогорлые фиорды он вырвался в море и помчался к нам. Валы торосов расчесывали его густую снежную бороду, туманы над зелеными разводьями слепили его глаза. Долго, очень долго ветер искал нас среди льдов. И нашел. Перевалив через гряду торосов, гренландский гость наткнулся на наш домик. Шаловливо перебирая струны антенн, он запел бравурную гулкую песнь. Это песнь о просторах, о снегах и льдах. Прислушиваешься, и кажется, что поет скрипка в руках гениального маэстро. И вдруг сорвался наш Эол и помчался куда-то дальше. Оборвалась песнь. Да и радисту северополюсной экспедиции пора возвращаться из романтических путешествий на грешную землю...

После чая занялся работой с вертушкой. Блок-счетчик, через который переброшен трос, сильно обмерзает. Приходится греть его горящей тряпкой, намоченной в бензине.

До сегодняшнего дня все шло гладко. А нынче, только я начал водить тряпицей, вдруг стальной тросик оборвался... Я обмер. На мое счастье, Ширшов вчера не чистил проруби, и отверстие основательно замерзло, стало очень маленьким. Вертушка упала поперек проруби и не провалилась. Я бросился ее поднимать, вцепившись в нее, как коршун.

Вчетвером охали, ахали, обсуждали, как это у нас случилось. Вторая вертушка работает плоховато. Потеря вертушки была бы очень досадным происшествием. Строили всякие догадки о причинах обрыва троса, договорились до того, что цинк и медь образуют термопару, из-за чего разъедается материал троса. Я рад, что все кончилось благополучно.

Вечером привел в порядок анодный аккумулятор. Вынул из склада новый радиожурнал — четвертый по счету. Минимальная температура сегодня минус 29,3 градуса.

Тревожит то, что по бокам палатки появилась сырость. На самой парусине оседает снег, а по боковым трубкам каркаса стекают капельки воды. До пола они не доходят, замерзают в пути. Сырости мало, ничего пока не испорчено. Терпеть можно.

29 сентября. До четырех часов утра бодрствовали втроем. Поэтому и завтракали против обыкновения шумно. Пили чай, писали дневники. Ветер немного ослаб, отлично работает ветряк. Все аккумуляторы заряжены доотказа.

На льдине намело большие сугробы. Снег настолько плотный, что нога не проваливается.

За последние сутки дрейф шел скачками. Впереди что-то тормозит наше поле. Сильный южный ветер, по вычислениям Ширшова, отодвинул нас всего лишь на одну милю к северу. Зато довольно значительно двинуло на восток. Наши координаты сегодня 85°27′ северной широты и 3°10′ западной долготы.

Под снегом и льдом наш ручей все еще не замерз, но он сообщается с прорубью Ширшова. В ручей пробралась морская вода. Пили не чай, а густой раствор английской соли. Придется растапливать для кухни лед.

Старая сухая анодная батарея послужила нам изрядно и честно. Правда, последние дни она давала только 75 вольт. Вечером включил 130 вольт от свежезаряженного аккумулятора. Результаты отличные. Все станции криком кричат.

В Москве продолжается декада лауреатов международного конкурса пианистов. Снова слушали передачу из консерватории: транслировали концерт Якова Зака. Мысленно представляешь себе залитый светом строгий зал с портретами композиторов по бокам. Зал уже включен. Слышна предконцертная суета: покашливание, стук откидных кресел. Наступает тишина, и вот залпом сухого треска взрываются аплодисменты. Встречают концертанта. Он наверняка во фраке с белым галстуком, он долго садится, расправляя фалды фрака. Если вылезли манжеты, они поправляются великолепным медленным жестом. Очевидно, нельзя начинать концерт, выбегая вприпрыжку и сразу садясь за рояль.

Жене пришло время ложиться спать, но наушники он затягивает к себе в спальный мешок. Папанин слушает, одновременно пришивая тряпочку к короткому фитилю керосиновой лампы. Ширшов мечтательно смотрит в потолок. Совершенно не разбираясь в хитрых музыкальных названиях, мы с восхищением слушаем мастерское исполнение. Вот концерт окончен. Бурные аплодисменты вознаграждают Якова Зака. Исполняются вещи сверх программы. Часть восторженных слушателей вскакивает со своих мест и толпится около эстрады. Более спокойная публика, никак не поддающаяся действию музыки, бодро идет штурмовать гардероб.

За вечерним чаем обсуждаем концерт и вспоминаем Москву. Высказываются предположения, что во всем зале не было ни одного небритого слушателя, было много женщин и пахло душистым мылом, запах которого мы уже забыли.

На Диксон случайно попал номер севастопольской газеты, посвященный Папанину. Ребята прочли его нам. В Севастополе прошло детство и добрая половина жизни Дмитрича. Об этом «южном» отрезке жизни нашего начальника тепло рассказывают статьи его отца и товарищей по гражданской войне.

30 сентября. Ночью у нас уже совсем темно. На Рудольфе началась пурга. Решили с Женей немного изменить наше с ним расписание. Для того чтобы получить возможность хотя бы вечером

посидеть всем вместе, послушать радио и попить чайку, Женя будет дежурить до полночи и делать ночной метеосрок. Потом начинается моя вахта. Женю буду будить в 8 часов утра. Теперь до обеда я буду спать. 8 часов подряд. В полдень метео будет передавать Женя. Он практикуется и привыкает к передатчику. Если у Рудольфа будет много телеграмм, Женя меня разбудит.

Сегодня после обеда привел в порядок кухню. Немного отмыл кастрюли, кое-как выскреб железкой фанерный пол. Жуть, сколько грязи! Разобрал новый бидон с продовольствием: достал сахар, так как уже два дня пьем чай с морсом и сухим компотом. Чтобы отметить конец сентября, нажарил содовых лепешек. За вечерним чаем кейфовали вчетвером.

Днем прямо на юге показалось солнце. Небо все заволокло облаками, и открытой осталась узкая полоска над самым горизонтом. Поэтому мы увидели только нижнюю половину солнечного диска. Солнце — огромное, красное, на нем резко вырисовываются зубцы дальних торосов. Быстро прокатилось наше солнышко по горизонту и так же быстро село в далеком море. Возможно, что это последнее солнце, которое мы увидим в этом году.

Рудольф передал, что у него есть для меня письмо от журнала «Радиофронт». Просят обязательно участвовать во всесоюзной любительской эстафете, которая состоится 6 октября. С коротковолновым движением у нас на материке попрежнему неблагополучно. Работа идет только в штабе соревнования по установлению связи с Северным полюсом.

А я с нашими любителями не работаю и — жаль — не скоро смогу этим заняться.

1 октября. Спокойное ночное дежурство. Слабенький ветерок. Решил серьезно засесть за писание дневника. Вспоминаются интересные эпизоды, а записать их все не соберусь. Писать могу только на ночном дежурстве, когда можно сосредоточиться, но как писать, если до 5 часов утра лезет в наушники замечательная музыка? Выключать не хочется, все равно потом буду томиться. Вот и уходит весь писательский пыл на крохотную дневниковую запись.

Оказывается, писать дневник — это отнюдь не удовольствие, а тяжелый и довольно утомительный труд. Сегодня твердо решил слушать передачи только до 2 часов ночи, а затем садиться за работу. Обязательно буду назначать себе какую-то норму и не по времени, а в определенном количестве страниц.

В полдень радиосрок отработал Женя. Затем вместе с Ширшовым отправился посмотреть соседние поля к югу от лагеря. Я встал по новому расписанию в 5 часов вечера. Вдруг пришла из Москвы радиограмма, что во время передачи арктического выпуска «Последних известий» будут выступать Наташа и жена Ширшова. Жены Дмитрича и Жени прислали телеграммы. Каждые пять минут либо я, либо Иван Дмитриевич выскакивали посмотреть, не идут ли наши экскурсанты. Очень было обидно за них. Они хотели вернуться к 7 часам вечера, но пришли только к восьми, когда передача закончилась.

Ширшов очень расстроился. У него вообще сегодня неудачный день: он утопил часы в проруби.

Да, о передаче. Сначала была прочтена телеграмма Папанина о зверях и жизни на полюсе, затем мой очерк «Сутки на полюсе». Он был напечатан в «Правде». Я взял радиожурнал и следил за тем, что выпущено или вставлено. Не пропущено и не добавлено ни одного слова. Это для меня большая радость.

Выступала Наташа, она предупредила, что простужена. Действительно, голос хрипловатый. Потянуло домой, в спокойный домашний уют.

2 октября. Южный ветер сначала приостановил наш дрейф, а затем, словно нехотя, продвинул нас на северо-восток. Наше местонахождение — 85°22′ северной широты и 3°18′ восточной долготы. Никак не можем распрощаться с 85-й параллелью.

Южный ветер пригнал к нам теплый воздух. К вечеру было всего лишь 6 градусов мороза.

Теплынь. Только нудный ветер и поземок напоминают об Арктике.

3 октября. Утром Москва передавала сообщение Правительственной комиссии по розыскам С. А. Леваневского. Так как обследована только американская часть Арктики и амфибии из-за замерзания воды дальше летать не могут, в Москве уже подготовлен и в ближайшее время вылетает новый отряд, состоящий из четырех тяжелых самолетов. Самолеты летят на остров Рудольфа и оборудованы для ночных полетов. На каждом самолете по два пилота. Среди них: Бабушкин, Мошковский, Фарих, Пивенштейн.

Остров Рудольфа этой передачи не слышал, пришлось мне все рассказывать. Москва запрашивает остров Рудольфа, где они собираются разместить 20 человек. Очевидно, во всех комнатах придется строить второй ярус общих нар.

Страна ничего не жалеет, чтобы спасти людей. Лишь бы нашли Леваневского.

Очевидно, самолеты будут летать всю ночь, пользуясь луной и тихой погодой.

Вилкинс тоже изъявил согласие летать в полярную ночь. Наше правительство закупило ему большой самолет на лыжах.

Днем дул сильный западный ветер. Еще вчера на севере было в о д я н о е небо. Сегодня втроем ходили смотреть. На старой трещине, на северной границе, образовалась большая полынья шириной метров 300—400. Тянется она на несколько километров к северо-западу, теряясь в темноте.

Даже волны по ней ходят.

4 октября. Наташа просит сообщить, какие сорта яблок я люблю. Она собирается засадить небольшой фруктовый сад.

Тут же ответил, что больше всего люблю антоновку и прошу оставить в саду немного места для чайного стола, а то при своем рвении Наташа может насадить столько деревьев, что и неба не будет видно.

Совсем плохо стало работать с вертушкой. В палатке темно, «летучая мышь» закопчена и светит слабо. Поневоле при зарядке вертушки приходится орудовать голыми руками. От холодного металла сразу мерзнут и коченеют пальцы. Потом их не согреть. Чуть коснешься палатки головой, за шиворот со стенок летит иней. Блок-счетчик приходится прогревать.

Горящая тряпка с бензином страшно коптит, и потом целый час отплевываешься.

Второй день обучаю Дмитрича игре в шахматы. Шахматы его сильно заинтересовали.

Женя снова придумал рационализацию. От теодолита в палатку проведен микрофон. Женя делает отсчеты по звездам, а я, сидя в палатке, записываю их. Раньше ему приходилось орудовать с часами, записной книжкой и карандашом на жгучем морозе.

5 октября. Итак, сегодня на нашей широте солнце окончательно заходит. Наступает полярная ночь.

В жилой палатке нововведения. Метеоящик перекочевал под гидрологический столик Ширшова. На его старом месте — всякие кастрюли и чайник, так как замерзающий суп и кашу очень долго греть. Не так жаль горючего, как жаль примусы. Из этих же соображений под потолком подвешено ведро со льдом.

Лед медленно тает, и вода идет на чай и обед.

Внутри палатки довольно тепло — 10 градусов выше нуля. Правда, не только тепло, но и весьма тесно: в палатке размещены 4 койки, стол, радиостанция, гидрохимическая лаборатория, метеоприборы, небольшой текущий запас продуктов. Передвигаться нужно осторожно, согнувшись и раздвигая головой развешанные на веревках меховые чулки, рукавицы и рубахи.

Сегодняшнее наше местонахождение — 85°05′ и 5°43′ восточной. Неудивительно, что на Рудольфе ругаются по поводу нашей скорости. Скоро позади останется 85-я параллель.

Вечером опять с телефоном на ушах сидел у хронометра и записывал отсчеты звезд, которые снаружи по микрофону диктовал мне Женя.

Вечером ни с того ни с сего вдруг лопнуло стекло у лампы на радиостоле. С этими стеклами сплошное несчастье!

Когда палатку утепляли и надели на нее гагачьи покрышки, у меня на рабочем месте стало совсем темно: оказался закрытым иллюминатор. Иван Дмитриевич выдал мне «осветительную аппаратуру»— десятилинейную керосиновую лампу, которую мы потом и прозвали радиолампой. Кое-как она освещала мое рабочее место. Но беда в том, что часто лопались стекла. В этих случаях Иван Дмитриевич смотрел на меня с таким упреком, что я чувствовал всю тяжесть совершенного мною преступления и скромно просил:

— Дай, Митрич, еще одно. Право, я не виноват!

Иван Дмитриевич давал, но каждый раз с предупреждением:

— Смотри, Теодорыч, это последнее.

Когда лопалось очередное стекло, я уже не просил — думал, что

больше нет. Но вдруг на лампе оказывалось новенькое стекло, даже с соломинкой внутри.

— Откуда, Иван Дмитриевич?

— Последнее, Теодорыч, последнее. Правду говорю...

Сегодня попытался приспособить для освещения «летучую мышь». Папанин принес ее, чтобы обогреть. Петя задел фонарь и разбил вдребезги. Придется приладить к моим аккумуляторам маленькие лампочки, которые горят в карманных фонарях. Они, правда, светят не ярко, но зато я не буду чувствовать над собой вечной угрозы «последнего» стекла.

Кстати, этими лампочками-крошками уже довольно прилично электрифицированы другие отделения палатки[1].

6 октября. Ночью снова похолодало. Ясное небо, звезды, штиль. В полночь ожил лед. Нажимают соседние поля. С ближайшей восточной трещины слышен шум торошения. Ломается молодой 40-сантиметровый лед. Торосит его со звоном. Сильное торошение происходило и на северной кромке. Оттуда доносятся глубокие вздохи, как будто кто-то тяжело дышит, стонет.

Звон разбитого стекла, пыхтение паровоза под куполом вокзала, затем глухой, сильный удар, звук сбрасываемых реек, визг собаки, крик ребенка, отдаленная стрекотня пулемета — все эти звуки рождаются от перегруппировки огромных ледяных полей. Чтобы немного переместиться, поле должно сбросить оковы молодого льда.

Порой на несколько минут все стихает. Потом начинается заново. Издалека доносятся треск, писк. Дрейф замедляется до полной остановки, и лед начинает говорить на всех голосах. Иногда резко и громко трещит как будто под самой палаткой. Кажется, что рушатся ледяные стены кухни. Вскакиваешь, словно шилом кольнули в сердце. Освещая дорогу фонарем, смотришь под ноги, нет ли трещин. Нет, пока нет.

Веселый совсем сбился с ног и охрип. Он пытается отвечать лаем на все эти ледовые передвижки.

Сжатие продолжалось до утра, семь часов подряд. Бо́льшую часть ночи провел вне палатки. Все прислушивался к шорохам.

Несмотря на безветрие, двадцатисемиградусный мороз весьма чувствительно хватает за уши.

В полдень метео передавал Женя. У Рудольфа было много телеграмм, и поэтому разбудили меня. Принимал радиограммы сонный, сидя в спальном мешке, и затем сразу завалился спать дальше.

Среди радиограмм — несколько адресованных мне. Каждая из них по-своему интересна, некоторые даже забавны. Занятно, когда ближайшие родственники посылают телеграммы в высокопарном стиле: «Пламенный привет отважной славной четверке». Лелею на-

---

[1] Когда таймырцы и мурманцы пришли на льдину, они нашли целый ящик таких лампочек. Кстати, среди керосинового хозяйства Ивана Дмитриевича нашлись еще два десятилинейных стекла к моей лампе, но это были действительно последние стекла...

дежду, что по возвращении домой меня там будут называть попрежнему.

Петя сегодня делал промер и намеревался взять пробу грунта. Ожидать резкого уменьшения глубины не приходилось. Поэтому решили до 4 000 метров сматывать трос быстро, а затем лебедку притормозить, чтобы хорошо работал тормоз. Неожиданно на 3 500 метрах лебедка остановилась. Предполагая, что заел тормоз, Петя от руки смотал еще метров 50. А потом оказалось, что глубина здесь всего лишь 3 500 метров. Лишний трос лег на дно и образовал колышки (петли). Щуп от большой скорости, очевидно, глубоко врезался в грунт. Поднимая его, оборвали тросик. Подъем шел очень быстро и легко, но радости было мало. Утеряны груз, щуп для грунта, два (маленький и большой) батометра и грузик для закрытия батометра.

Вместе с батометрами на дне моря остались и термометры, наглухо к ним прикрепленные. К тому же мы не получили пробы грунта и замера придонной температуры. Все это очень досадно. Хорошо хоть, что случилось такое происшествие на восьмом по счету промере, а не раньше.

После обеда Ширшов опустил вертушку на 300 метров для измерения дрейфа. Поднимали Папанин и Женя. Подняв, увидели, что на вертушке нет коробочки. Вот уж «пришла беда — отворяй ворота». Бросились в палатку, надеясь, что коробка осталась на столе и Петя забыл ее привернуть, однако нигде ее не обнаружили. Значит, еще одна потеря. У нас есть вторая коробка, но для контрольных работ надо обязательно работать двумя вертушками.

Все очень огорчены. Папанин решил изготовить такую коробку на месте. Производится мобилизация всех наших ресурсов меди, всяких винтиков и т. д. Сделать коробку довольно трудно, так как материала подходящего у нас совершенно нет. Приходится снимать ненужные части с других приборов. Инструмента тоже нет. Иван Дмитриевич очень увлекся и подробно рассказывает, как собирается сделать эту коробку: если сделает, будет молодец.

Вечером Москва сообщила, что вторая лётная экспедиция по розыскам С. А. Леваневского в 15 часов 37 минут благополучно приземлилась в Архангельске.

7 октября. Женя и Ширшов работали ночью. Ширшов всю ночь спускал тросик, чтобы взять глубоководную станцию с 3 500 метров. Опускал долго, так как трос местами обветшал и его пришлось ремонтировать, вплетая новые куски. Я все время находился в боевой готовности, чтобы помочь при подъеме, но так до 6 часов утра подъема и не было.

Когда все было спущено, оказалось, что замерз нижний край лунки и даже грузик («почтальон») не хочет пройти вниз, чтобы закрыть батометры.

В шесть утра Рудольф сообщил, что в 3 часа вылетел Водопьянов. Следил за работой самолетной рации до момента посадки самолета на Рудольфе — в час дня. Водопьянов не только был на полюсе,

но перемахнул его, долетев до 88-й параллели в сторону Америки. В районе полюса довольно хорошая видимость. Мазурук дежурил на Земле Александры, чтобы в случае плохой видимости на Рудольфе обеспечить посадку Водопьянова у себя.

Самолетная радиостанция Молокова держала связь с Мазуруком, находясь на куполе Рудольфа.

Утреннее метео Рудольф взять у меня не смог. Меня заглушал работающий маяк. То же самое произошло в полдень. С трудом повторял метео по нескольку раз, передал сведения на мыс Желания.

Сегодня снова лопнуло стекло у одной большой лампы. Это неудивительно — лампы горят круглые сутки.

8 октября. Днем Женя хотел сделать серию магнитных наблюдений, но они не удались: маятники сильно раскачивало. Очевидно, поле наше испытывает толчки, хотя звуков подвижки ни с одной стороны не слышно.

От Рудольфа принял, расписался и отправил тут же обратно радиоэстафету в ознаменование 20-летия Великой Октябрьской революции. Вот ее текст:

«Ты принимаешь эстафету в ознаменование 20-й годовщины Великой Октябрьской революции. Эстафета дана в сердце Страны Советской — Москве. Эстафета проходит по цветущей Советской Украине, солнечному Закавказью, хлопководческому Узбекистану, орденоносной Татарии, промышленному Уралу, житнице страны — Сибири, дальневосточным рубежам Союза, Великому северному морскому пути, Северному полюсу, колыбели революции — городу Ленинграду. Да здравствует двадцатилетие Великого Октября! Вперед, к новым победам под знаменем Ленина—Сталина!»

Вечером взбирался на ветряк и заранее почистил щетки, чтобы не лазить туда, когда будет ветер.

9 октября. Папанин засиделся за дневником, и вот мне и ему одновременно захотелось глотнуть рюмочку коньяку. Почему — неизвестно. Ни единой капли не брали в рот вот уже больше месяца. Закусили колбасой.

На льдине выработался особый ритм жизни. Этот ритм хотя порой и скучен, но лучше его не нарушать.

Станция на нашей шпицбергенской угольной концессии в Баренцбурге никак не может обнаружить мои сигналы. Или там плохие радисты, или плохие приемники. Во всяком случае, связь со Шпицбергеном необходимо будет наладить в ближайшее же время.

Утром поднялся ветер. Пришлось вылезать из спального мешка. Папанин, засыпая крышу снегом, повредил проводку. Пока я нашел повреждение и исправил — разгулялся и долго не мог заснуть. Потом пришлось принимать телеграммы от Рудольфа. Сидя в мешке, принимал и ругался.

Рудольф по телефону сообщил, что синоптик Дзердзеевский, на основании наших метео, сделал интереснейшее открытие. Раньше предполагали, что циклоны, идущие с запада в центральную часть

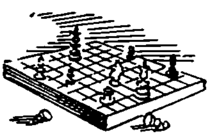
Полярного басейна, исчезают где-то на востоке. Теперь установлено, что циклоны не исчезают, а, описав круг в Полярном бассейне, возвращаются обратно.

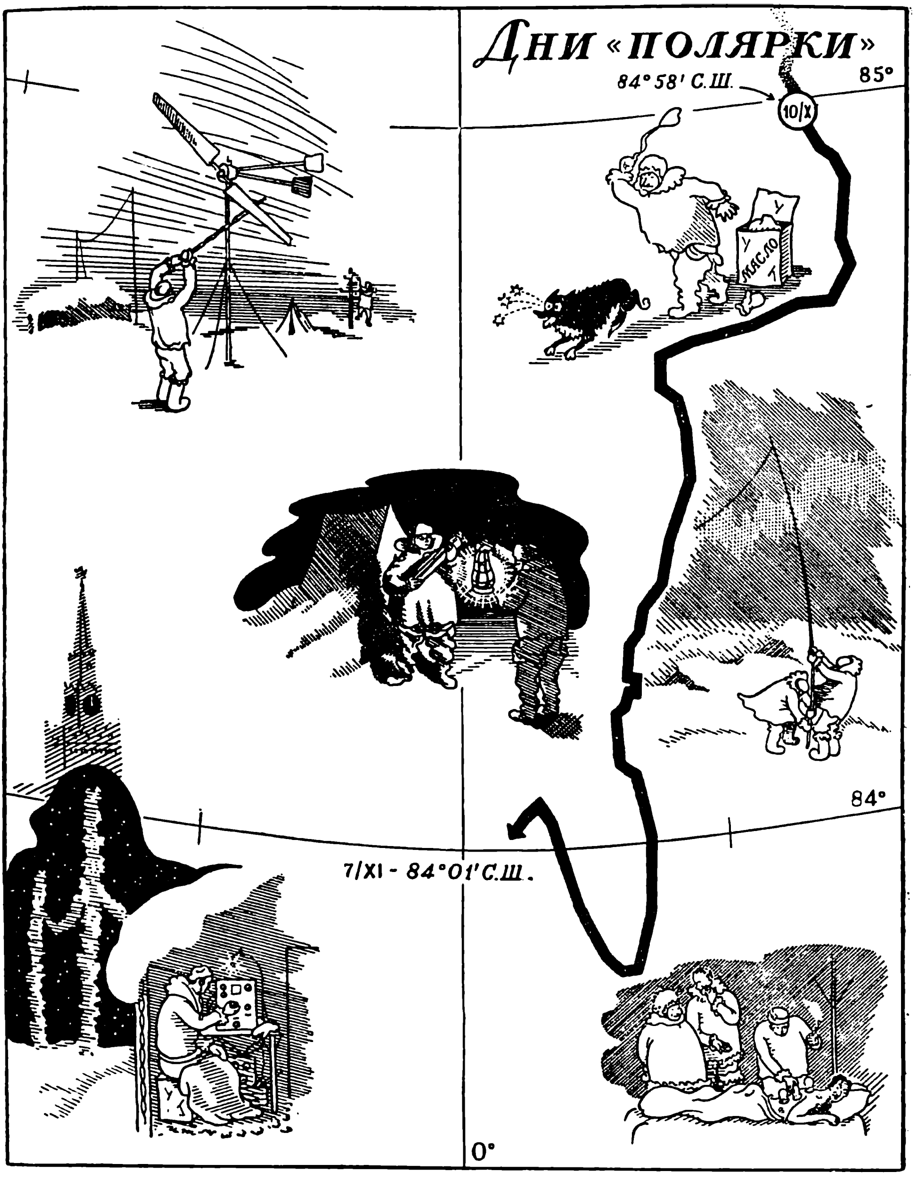
Узнали подробности полета Водопьянова. Полет был очень тяжелый. Водопьянов в темноте поднял перегруженную машину весом в 25 тонн. Не было ни звезд, ни солнца, ни луны. Летели по маяку и компасу. Местами шли бреющим полетом. Обстановка была такая сложная и тяжелая, что экипаж несколько раз обсуждал вопрос, не повернуть ли обратно. Решили пролететь еще десять минут и так потихоньку добрались до полюса.

В районе полюса все были рассажены для наблюдения. На льду видели много «самолетов», но при ближайшем рассмотрении они оказывались... трещинами.

Обратно летели очень быстро, с попутным ветром. Скорость — более 200 километров в час. Долго не могли разглядеть самолет Молокова на куполе. Он слился со снегом, а поиски занесенного снегом самолета очень трудны.

Водопьянов собирается лететь при лунном освещении. Мы горячо поздравили экипаж Н-170.

10 *октября.* На Диксоне не то непрохождение, не то авария на радиостанции, поэтому сегодня Рудольф не берет от меня телеграмм. Наша «почта» — выходная.

Днем по телефону говорил Либин. Рассказывал, что у них на Рудольфе туговато с топливом и продовольствием. Все необходимые грузы на «Русанове». Он уже подошел к кромке льда, видит остров

Гуккера, но дальше не идет — держат льды, забившие все проливы в архипелаге.

11 октября. Ночью читал Горького. Много раз уже перечитан этот томик. Но каждый раз находишь в нем новое очарование.

Почему-то мало у нас известны ранние рассказы Горького. Это быстрые, стремительные записи о встречах в дни скитаний по родной стране. Какие замечательные, могучие люди встречались ему на пути! Многие наши нынешние писатели разучились искать и находить таких людей, хотя их стало больше. Бледнолицые тени бродят по страницам романов и повестей. Вот и перечитываешь (в который раз!) знакомые рассказы великого землепроходца.

Написал и задумался. Землепроходца? Так у нас зовут путешественников, открывателей новых земель и стран. А ведь Горький тоже открыл новую землю. Он открыл русского человека, простого человека из народа.

...Я люблю свои ночи, одинокие дежурства. Это мой отдых. Читаю и думаю, иногда пишу. Дневник пишется медленно. Неизбежно повторяются одни и те же события. Описывать их надоело. В конце концов точно так же работают на десятках полярных станций. У них, правда, под ногами более устойчивая почва. Но порой и у нас забываешь, что ходишь по трехметровому льду, а под ним три с половиной тысячи метров холодной и к тому же соленой воды. Окунуться бы? При одной мысли об этом стало прохладно. Бррр...

Вечером Женя принес новые координаты. Наше место — 84°53′ северной широты и 6°42′ восточной долготы.

Итак, мы прошли 85-й градус. На потолке висит карта. Меридианы упираются в круг, образуемый 85-м градусом. До мая 1937 года этими местами мало кто интересовался. А теперь каждый пионер знает счет на градусы, знает, что такое дрейф.

Рассчитывая дрейф приблизительно на 10 месяцев, мы считаем 85-й градус половиной нашего пути. Это совпадает и со временем — через 10 дней отметим пять месяцев дрейфа. Выясняется средняя скорость: один градус широты — за один месяц.

За последнее время дрейф ускорился. Наступает вторая, более тяжелая половина нашего дрейфа: морозы усложняют все работы, темнота действует на нервы, приближаемся к огромной «мясорубке», образуемой берегами Гренландии и Шпицбергена. Однако светлое время не прошло даром. Мы приобрели большой опыт, привыкли к жизни на дрейфующей льдине. Все это позволяет нам вести научные работы по плану. Мировая наука получит разгадку Северного полюса из рук советских полярников.

Надвинулась долгая ночь; на севере ее зовут «поляркой». Ночи у нас стали ясные.

Надо выходить каждые полчаса; кроме дневника погоды, ведем теперь еще подробную запись северных сияний.

13 октября. Спал в три приема по три часа. Много скопилось корреспонденций для передачи. Иван Дмитриевич удивляется моей

способности моментально засыпать и высыпаться «в рассрочку». Для радиста это, пожалуй, хороший профессиональный навык.

Несколько дней назад мы просили Москву рассказать, что сделано летом по плану реконструкции столицы. Сегодня в арктическом выпуске «Последних известий» сообщили, что в следующий раз на эту тему выступит главный инженер по реконструкции Москвы. Такое внимание нас растрогало.

Сообщались данные о положении судов. Подтвердились наши наихудшие опасения. У мыса Челюскина застрял караван во главе с «Литке». Женя Гершевич налаживает аварийные станции. Между пароходами «Моссовет», «Ильмень» и другими протоптаны тропинки, по ним ходят люди с мешками продовольствия и угля. И «Садко» застрял, к нему на помощь идет «Ермак». Дедушке ледокольного флота тоже туго приходится в тяжелом льду, который притом уже скован молодым. И лед тяжелый, и угля мало. В известной мере вся эта тяжелая история является расплатой за «шапкозакидательские» настроения. Лед надо одолевать по всем правилам военной тактики и стратегии: с разведкой, обеспеченным тылом для отступлений, во-время войти в лед, во-время уйти.

У нас для этого есть все в руках. Нужны только хорошие и честные руки.

14 октября. Пароходы «Пролетарий» и «Рошаль» болтаются у кромки льда недалеко от острова Гуккера. Один из них зашел в лед и обломал кончики лопастей. Наркомвод сразу испугался и приказал держаться кромки, в лед больше не заходить. Грузы в Тихую должен теперь перебросить «Русанов».

Надо нам поскорее на Севере создать свой транспортный флот. А то люди не умеют плавать во льду и пугаются...

В полдень меня разбудил Женя. Надо было принимать телеграммы. Одна из них от жены. Телеграмма напомнила о том, что скоро наш семейный юбилей. Уже больше месяца перелистываю календарь и считаю дни до 15 октября. Листок 15 октября я знаю наизусть: картинка — дирижабль на причале, на обороте — заметка «Сон ребенка». Надеюсь, завтра Ася от моего имени преподнесет Наташе букет цветов.

Ночью передал на Рудольф большую телеграмму о научных работах в сентябре. За месяц льдина прошла по прямой 80 миль со средней скоростью 2,7 мили в сутки. Отчетливо чувствуется приближение Атлантического океана. Толщина слоя воды с положительными температурами увеличилась почти на сто метров. Помимо других работ, были проведены наблюдения над течениями, возникающими в верхних слоях моря под влиянием дрейфа льда. Результаты этих наблюдений настолько любопытны, что решил записать их к себе в дневник.

«Ветер, действуя на поверхность льда, приводит его в движение. Как мы отмечали, направление дрейфа льда уклоняется от направления ветра вправо примерно на 40 градусов, под влиянием так называемой силы Кориолиса, возникающей вследствие вращения земли.

Движение льда в свою очередь приводит в движение воду поверхностного слоя.

Глубина, на которую проникает действие дрейфа льда, зависит от скорости и продолжительности дрейфа. Например, при установившемся дрейфе со скоростью 0,10—1,13 метра в секунду дрейфовое течение отчетливо выражено до глубины 25—35 метров; лишь в редких случаях при этой скорости дрейфа оно захватывает слои воды, находящиеся на глубине до 50 метров. Скорость нового течения с глубиной быстро уменьшается. Так, на глубине 5 метров скорость течения составляет от 65 до 100 процентов скорости дрейфа льда, на глубине же 25 метров она обычно не превышает 20—30 процентов. Любопытно, что под действием того же вращения земли и это течение уклоняется вправо от направления дрейфа примерно на 20—40 градусов. Другими словами, при ветре, дующем на юг, на глубине 15—25 метров возникает течение, идущее на запад-юго-запад, то есть направленное почти перпендикулярно к ветру. Дрейфовое течение открывается сравнительно скоро после начала дрейфа льда, но так же быстро прекращается с его остановкой. Таким образом, продолжительный дрейф увлекает за собой только воду поверхностного слоя.

В то же время несколько глубже возникает течение, идущее в обратном направлении. Это обратное течение мы неизменно наблюдали при продолжительных дрейфах льда. Максимальная скорость обратного течения и наибольшая его устойчивость бывают обычно на глубине 50—75 метров. Однако в случаях продолжительных быстрых дрейфов обратное течение захватывает более мощный слой, находящийся на глубине от 35 до 125 метров. В отличие от дрейфовых течений, возникающих в поверхностном слое, обратные течения более устойчивы.

Появляется обратное течение через некоторое время после начала дрейфа (через 12—35 часов). Но после остановки дрейфа льда это течение не прекращается и продолжается довольно долго. Например, после быстрого дрейфа 10—13 августа (когда нас несло на юго-восток со средней скоростью 0,3 метра в секунду) обратное течение было заметно на глубине 75 метров до 18 августа.

Тогда же мы наблюдали максимальную скорость обратного течения, достигшую 16 августа на глубине 50 метров 0,28 метра в секунду. Обычно скорость обратного течения не превышает 0,10 метра в секунду, то есть несколько меньше средней скорости дрейфа, вызвавшего течение».

За всеми этими мудреными выкладками нетрудно обнаружить самое любопытное: природа не терпит нарушения равновесия, однажды установившегося в море.

Сдвинулось это равновесие под влиянием дрейфа, и сразу возникли течения, обратные силе извне.

16 октября. Вчера так и не собрался писать дневник. Придется этот день считать прогульным. Что скажешь о нем? День как день. Тьма. Северное сияние. Искрится снег. И т. д. и т. д.

Утром сегодня откуда-то сорвался свирепый норд-ост. В темноте при бешеной пурге ничего не видно. Шага два-три еще можно пройти, а потом оглядываешься, как бы не заблудиться. По самым скромным подсчетам, ветер дует примерно баллов в восемь. Прислушиваешься — и ничего, кроме визга и воя пурги, не слышишь.

Очередная связь с Рудольфом не состоялась. Снег и пурга вызвали в антенне сильный заряд, даже искра проскакивала. Приемник трещит.

С трудом в пространство отстучал метео. Вдруг оборвался фал (провод) у ближней к палатке мачты. Занялись ремонтом, а это на ветру с пургой — занятие непривлекательное. Надо было спустить мачту, для этого — вырыть вокруг нее глубокую яму в снегу, добраться до льда. Роешь, а тут на твоих же глазах яму заносит снегом. Мачта стояла с лета, глубоко ушла в лед. Долго мучился, наконец отпилил ее ножовкой. Поднимать мачту помог Женя. Обед готовил Папанин.

Обычно тускло горевшие из-за недостатка воздуха лампы сегодня светят очень ярко. Ветер хорошо вентилирует палатку. Внутри и тепло и светло.

Несмотря на пургу — отличное, спокойное самочувствие. Никуда ведь от пурги не уйдешь. Сиди и спокойно жди, пока она кончится.

17 октября. Сколько ни бился, а утром так и не мог записать показания в метеобудке. Запомнил — и записал в палатке. Однако в шесть утра передать метео не пришлось. Прием совершенно невозможен.

Днем хорошо спал. Яркие лампы и тепло создают уют. Палатка содрогается от порывов ветра. Выходил только на метеосроки да взял снегу для чайника.

Вечером удалось определиться. Ожидали более южных координат. Оказывается, нас продвинуло к югу всего лишь на три мили: широта 84°40′. Зато сильно толкнуло на запад: была долгота 6°42′, стала 3°38′. Опять приближаемся к меридиану Гринвича.

18 октября. Получаем десятки телеграмм от организаций с просьбой написать статьи в праздничный октябрьский номер. Мне прислали заказ из Тулы.

Ветер стих. Я успел зарядить аккумуляторы. Сегодня безветреная лунная ночь. Полная яркая луна осветила новые двухметровые сугробы.

Впервые мы не имели связи 18 часов подряд. Теперь все восстановлено.

19 октября. Ночью спал. С утра занялись приведением в порядок обеих радиомачт. Вместе с Папаниным откапывал нарты и клипербот. Ходили на трещину смотреть, как поджало лед: днем все еще держатся довольно светлые сумерки.

Прибрали в одно место лыжи, палки. Поработали хорошо. Лег спать после обеда до вечера и не успел выспаться.

20 октября. Сегодня девятый по счету промер. Глубина 3 680 метров. Ширшов решил взять двадцатую гидрологическую станцию. Он долго возился в своей закопченной гидрологической палатке. Много времени и труда отнимают сейчас каждый промер и станция.

Для промера надо к концу троса подвесить на шелковой веревке груз. Над ним — батометр для взятия пробы воды придонного слоя.

Неизменно капризничает тормоз лебедки: он плохо работает на морозе.

Гидрологическая лунка забивается и сверху и снизу. Пресная вода, заполнявшая лунку летом, теперь замерзает на границе с морской, более холодной водой. Этот молодой лед частью всплывает наверх в виде шуги, частью намерзает на нижнем краю лунки. Внизу, на глубине, образуется карниз льда, постепенно закрывающий просвет лунки. Пешней карниз не сбить. Глубоко: три метра. К тому же ничего не видно. Мы уже привыкли, что 15-сантиметровый лед Ширшов выколачивает наощупь, либо длинным шестом, либо четырехметровой дюралевой трубой. Работа утомительная и долгая. После такой подготовки начинается станция. Работа с холодной водой на морозе доставляет мало удовольствия. Мокрые пальцы прилипают к металлу. Отдирать их удается, жертвуя кожей. Стремясь сохранить тонкий трос, Ширшов придерживается правила: кашу маслом не испортишь. Поэтому лебедка и гидролог обильно покрыты вязким машинным маслом, приправленным вдобавок копотью. Сколько потребуется воды, чтобы отмыть эту полярную грязь?

Возился, возился Петя, и... сорвалась станция. Снова засвистел над палаткой ветер, забесновалась пурга. Усилился ветер — значит, ускорился дрейф. Станцию на 3 000 метров пришлось отложить.

Когда обедали, вдруг непривычно затарахтел ветряк. Я испугался. Неужели выкрошились зубья шестеренок? Выскочил наружу.

Палатки и ледяные домики стоят теперь в ложбинах, их окружают высокие сугробы. Только под самыми стенами ветер выдувает узкие желоба.

Вечером слушал Москву. «Коминтерн» передает отклики в связи с назначением дня выборов в Верховный Совет СССР. 12 декабря! Это будет памятный день. Где-то мы будем к этому дню?

21 октября. Несмотря на ветер, взбирался на ветряк. Шестерни целы, опасения, к счастью, не оправдались. Вероятнее всего, нарушилась балансировка крыла. Снимать крыло не стал, чересчур холодно работать на ветру.

Барометр идет ровно и даже поднимается. Несмотря на это, все время держится упорный северо-западный ветер. Вчера координаты были 84°28′ северной широты и 3°38′ восточной долготы, сегодня уже 84°23′ и 3°26′. За сутки 6 миль — скорость основательная.

22 октября. В полночь получил телеграмму от Наташи:

«Благодарю за цветы. Сейчас всем колхозом гриппуем. Поэтому цветы были особенно приятны».

Даже телеграмма из дому не смогла рассеять мое поганое настроение и утихомирить нервы. Вчера был пятимесячный юбилей нашего пребывания на льду. Я даже не побрился — настолько ничего не хочется делать, наехала на меня апатия. Остальные все побрились и помылись.

Днем взбирался на ветряк: засорились щетки. Он немного тарахтит, но зарядка идет хорошо.

После долгого перерыва слушал любителей. Связался с «ve5ld». Для начала собеседник шикарно заявил: «Здесь Арктика!» Ответил ему, что «здесь тоже Арктика». Это оказалась пушная фактория компании Гудзонова залива на острове короля Вильяма. Американец много расспрашивал. Передал ему привет для эскимосов. У него температура плюс 5°, а у нас — минус 22°. Затем связался с англичанином.

Вечером заспорил с Ширшовым на принципиальные темы о полярной работе. Эх, на всем сказывается плохое настроение. Разговорная свалка вскоре закончилась. Настроение от этого улучшилось.

23 октября. У ветряка заржавел вал, на котором сидит крыло. Тесно пригнанные подшипники долго не желали лезть через эту ржавчину. Сегодня удалось снять крыло. Всё протерли и смазали. Крыло внесли в палатку и отогрели. Исправили, кстати, балансировку, которая сделана была очень небрежно.

Опять около 25 градусов мороза. Полный штиль. Поэтому лампы в палатке горят плохо. На середине палатки — ноль градусов, на полу — минус 5—7°.

Ночью дико мерз. И так неохота дневник писать, а тут еще руки, как ледышки.

25 октября. Дал всем выспаться до половины одиннадцатого утра вместо 9 часов. Затем поставили очень быстро ветряк и пошли вчетвером гулять на восточную трещину. Перелезли на соседнее поле, лазили по торосам, ходили по застывшей трещине, стреляли из нагана. В полдень еще держится сильный рассвет, но луна уже светит во-всю. Странное освещение — смесь дневного с лунным.

После обеда Женя и Ширшов ощущали толчок поля. Это редкое явление. Где-то опять происходят сжатия. Любопытно, что толчки ощущаются только в штилевую погоду. Поблизости лед ломает, а у нас тихо.

Дни нашей жизни похожи друг на друга, как две капли воды. Но стóит лишь отойти на несколько метров от жилища, как сразу чувствуешь всю необычайность окружающей обстановки.

Летом за несколько километров на льдине выделялась самая приметная деталь — винт ветряка. А теперь, в долгую полярную ночь, маяком будет служить маленькая лампочка на верхушке ветряка.

Мерцающий свет луны бродит по матово-белым плотным сугробам. Из трещин, от черных расщелин медленно поднимается к звездному небу темный дым испарений. Отойдешь на сотню метров, и не видно лагеря — скрылся ветряк, пропали в неверном свете луны

торчащие дыбом нарты и шесты. Среди черно-угольных теней, которые лежат у подножья каждого сугроба, трудно найти темное пятно нашей палатки. Да и тонкие спицы мачт не разглядеть.

Когда стихает ветер, затихают совсем льды. Тишина. Где-то я вычитал образ «гулкая тишь» и смеялся над ним. А вот тут такая тишь. Каждый шорох звучит грохотом. Треснуло вдалеке старое поле, не выдержав нажима дрейфующих громад. Хрустнул на трещине молодой лед. Заскрипел полог палатки, покрытый инеем. И каждый звук летит далеко, далеко.

Трудно поверить, что в этой глубокой тишине живут и работают люди. Кажется, нет и не может быть ничего живого в этой белой, изумительно спокойной равнине.

А жизнь есть. И люди не чувствуют себя отрезанными от далекой родной земли. Они зовут ту далекую землю — Большой Землей.

В свободные часы слушаем широковещательные станции. Мы отлично слышим радиостанцию имени Коминтерна. Регулярно следим за всеми выпусками «Последних известий по радио».

Наш надежный приемник — это неиссякаемый источник радости и бодрости. Слова из далекой Москвы, пролетев полярной ночью над холодными и опасными ледяными полями, не остывают. Две миниатюрные мачты и натянутый между ними обветренный бронзовый провод останавливают эти слова: «Стоп, Москва, милости просим, здесь самые северные советские люди».

Слова послушно бегут по проводу. В полумраке тонут фигуры моих товарищей. Слушают все внимательно, так как потом начинается обсуждение. Мы отлично знаем всех дикторов по голосам. Всем четверым особенно нравится голос диктора Радиоцентра Головиной. Подсчитываем, когда она снова будет на вахте, и ждем этого часа. Спорим на тему: можно ли по голосу узнать, кто говорит — блондинка или брюнетка.

Радиодень начинается в 5 часов 35 минут. Мои друзья спят. Над мешками вьется пар от их дыхания. Слушаю все подряд: первый урок гимнастики, первый утренний выпуск, опять гимнастика. Испуганным простуженным голосом из обсерватории имени Штернберга сообщают, что с последним коротким сигналом будет ровно 6 часов московского времени.

«Пионерская зорька» меня тоже интересует. Вполне согласен, что ребятам не надо класть на трамвайные рельсы посторонние предметы. Это очень и очень нехорошо. Затем идут объявления торговых и других организаций. Сравнительно мало волнует возможность ремонта и обмена пианино и роялей. Зато обильное слюнотечение вызывает перечисление разных сортов хлеба. Никогда не подозревал о существовании такого огромного количества их. По возвращении обязательно перепробую все сорта. Ох, как надоели сухари, какая от них изжога. Приходит время завтрака. Засунув пятерню в рот, Женя старательно вставляет вывалившуюся пломбу. Остальные молчаливо курят, наблюдая за этим привычным зрелищем, и подают всегда одни и те же дружелюбные советы.

Судя по времени, на Большой Земле наступает день. Москва едва

слышна. В шесть часов вечера слышимость опять возрастает. Внимательно, очень внимательно прослушиваем курс истории.

Затем начинаются концерты на все вкусы. Ближе к ночи слышимость непрерывно улучшается. Отчетливо принимаем передачу большинства, даже маломощных, европейских станций.

С одной стороны плохонький духовой оркестр маломощного государства наполняет эфир бессмертными волнами «Голубого Дуная», с другой стороны — что-то убедительно доказывают на непонятном языке.

От десяти до двенадцати у нас время споров, анекдотов, новостей. Веселое время ужина. Опять в ход идет наша валютная единица — плитка шоколада. Теперь споры идут по поводу координат. У горячего чайника и ярко горящих ламп, пока Женя вычисляет координаты, заключаются пари.

— По такому ветру должны мы потерять семь-восемь минут, — авторитетно заявляет Дмитрич.

Подразумеваются, конечно, минуты широты. Вмешиваюсь:

— Чем ручаешься? Ставь плитку!

Валютная единица шлепается на бланк карты.

Вскоре Женя сообщает новый «адрес» льдины. Отъехали восемь миль, но в сторону. Капут шоколаду, Дмитрич...

Вечерний чай мы стараемся закончить до половины двенадцатого, до передачи «Последних известий». Их слушаем всегда.

С особенным нетерпением ждем мы этот выпуск сейчас. С Большой Земли доносятся к нам горячие речи на предвыборных собраниях, взволнованные голоса говорят о великом подъеме советского народа, о горячей любви к Родине, к Партии, к великому Сталину. Страна выбирает свой Верховный Совет.

Затем идут обычные сообщения. Температура воздуха в Сочи вызывает глубокий вздох зависти. Как хорошо там — можно сушить раскисшие, промокшие вдрызг меховые чулки, брюки, рубашки.

Боем часов Кремлевской башни заканчивается наш день. Трое залезают в мешок. В пятнадцать минут первого очередной срок работы с островом Рудольфа. Пришлось в этот срок отказаться от приема радиограмм — мешают Будапешт и Хабаровск.

Дальше начинается время легкой музыки, танцев. Как будто сговорившись, все станции на разных языках воспевают лунные ночи, чарующие улыбки, объятия, любовь. Эти голоса с далекой земли слушаешь не всегда с удовольствием. Вылезаешь из палатки. Мороз, ветер быстро отрезвляют.

Радиостанция Люксембурга передает архимодную танцовальную музыку. В перерывах сообщается, что принцесса Маргерит советует всем женщинам пользоваться изобретенным ею кремом. Способ употребления: вы смазываете на ночь лицо; наутро вас никто не узнает — настолько вы похорошели... Принцесса—танго—крем. «Жизнь диктует свои железные законы», сказал Остап Бендер...

Четвертый час ночи. Нормандская радиостанция дает международную передачу. Диктор проникновенным голосом заканчивает ее замечательным пожеланием: «Всем плавающим и вахтенным на семи

морях света — счастливого пути, скорейшего возвращения. Служителям маяков — спокойной, без тумана, ночи. Больным — облегчения в их страданиях. Всем, всем, всем — спокойной ночи и счастливых снов». Красивая, постепенно замирающая мелодия, — Европа заснула.

На Востоке начинается новый день. Последние звуки колыбельной песни Европы сливаются со звуками утреннего марша Новосибирска.

В Москве у микрофона иногда выступают наши жены и дети. Заранее предупрежденные об этом, мы волнуемся, — какова будет слышимость, не помешает ли пурга? Но обычно слышим наших подруг отлично. Не смотрим друг на друга, чтобы не помешать товарищу полностью прочувствовать эти радостные, слегка грустные мгновения.

Однажды из-за плохих условий приема не расслышали наших ребят. Все-таки отправили сообщение об отличной слышимости. Было очень досадно, но не хотелось огорчать детей.

Голосами друзей и товарищей, голосами незнакомых, но близких нам людей, голосами жен и детей к нам обращается Родина. Горячая любовь, трогательная забота помогают нам в нашей повседневной трудной работе.

26 октября. Поток предпраздничных телеграмм все увеличивается. Пионеры, просившие оставить им «белое пятно», получили наш ответ, и все ребята Трехгорки им завидуют. Теперь юные радисты пионерского клуба Трехгорки прислали привет «всем папанинцам, всем белым медведям, всем ветрам Северного полюса». В Ленинградском дворце пионеров ребята построили свой «Северный полюс». Юные зимовщики этого «полюса» просят прислать им пожелания к празднику. «Вечерняя Москва» печатает в октябрьском номере рассказы счастливых людей. Просят прислать рассказ «самого северного счастливого человека». Попутно сообщают: Москва готовится к празднику, чистится, прихорашивается; магазины переполнены покупателями.

У нас подготовка к празднику отнимет немного времени. Пока что сегодня в ночное дежурство вместе с Ширшовым выкручивал на лебедке глубоководную станцию с 3 000 метров. Ширшов говорит, что объем работ по гидрологии, уже выполненных, не уступает любой специальной экспедиции на специальном судне. А ведь там имеются моторные лебедки, лаборатории, много людей, у нас же всего лишь четыре и двигающих и движущихся единицы.

У Папанина несколько дней болит голова. Он съедает по 5 таблеток пирамидона в день, но толку никакого. Дмитрич решил, что «простудил» голову, и теперь носит огромный меховой капор. Думаю, что головные боли у всех нас объясняются хроническим недостатком воздуха в палатке.

27 октября. Ночью снова крутил лебедку с Ширшовым. Брали глубину. Наше место — 84°12′ северной широты и 2°51′ восточной долготы. Глубина — 3 257 метров. Океан начинает мелеть.

Лебедка крутилась на редкость хорошо и легко. Поэтому не будили Папанина и Федорова. Под самый конец, когда оставалось метров 700, Женя сам проснулся и пришел. Утром приятно поработать на лебедке: прогреешься и разомнешь косточки. После лебедки у меня как рукой сняло кислое настроение последних дней.

Ночью мечтал о хорошем бифштексе, чайной колбасе, французской булке, миногах и... стопке водки. До того размечтался, что к утреннему чаю нарезал сосисок и сделал с ними яичницу.

Несколько дней стоит штилевая погода. Передаю только метео. Много телеграмм в предпраздничные номера газет уже записаны в журнал и дожидаются очереди.

Не знаю, сумею ли дотянуть аккумуляторы до ветра. Барометр резко идет вниз.

Кстати, день сегодня юбилейный (для меня). Ровно год назад я прибыл на «Сибирякове» с Северной Земли в Архангельск. Пристали в 5 часов утра. Рассветало. В 8 уже был в городе. Запомнилась первая парикмахерская. Обычная убогая, провинциальная парикмахерская. Но там было тепло, светло (горели еще лампы) и пахло одеколоном. Чувствовал себя, как в раю. А тут еще — через двое суток Москва...

В вечернем выпуске Москва сообщила, что французский президент посетил наш павильон на Международной выставке в Париже. Интересовался арктической работой и осматривал точную копию «палатки Папанина».

28 октября. Задремал, сидя за приемником, перед самым метеосроком. Хорошо, что Папанин меня окликнул. Зато я в благодарность дал всем выспаться до полудня.

У Федорова ноет бок. Ширшов определил у него «жесткое дыхание». Чтобы положение не ухудшилось, Женя не выходит из палатки. Вчера ночью ставили ему горчичники, но, очевидно, горчица выдохлась. Сегодня днем Петя, к всеобщему веселью, лепил ему на спину банки. Банки не держатся. Мы шутим: «Больной худой, суповое мясо третьего сорта».

29 октября. Ровно год назад подъезжал, возвращаясь с зимовки на Северной Земле, к Москве. В темноте всматривался в знакомые дачные места. Хватило (это заранее было запланировано) выдержки сдать вещи на хранение, зайти в вокзальную парикмахерскую, а уже затем пешочком, по утренней, еще сумеречной Москве, пойти домой. Пришел что-то около 8 часов. Все спали, горело электричество.

Мало, очень мало побыл я дома. С 29 октября по 22 марта. Надеюсь теперь посидеть дома чуть побольше...

30 октября. Надо газетчиков обязательно обучить метеорологии и синоптике. Тогда они знали бы, что на полюсе безветрие. Шлют и шлют заказы со всех сторон! Некоторые вообще считают нас какими-то «свадебными генералами». Почему, например, спортивная

или курская газета обязательно должна иметь «пару слов» от нас? Нам не жалко, но ведь ветра нет.

Ветряк уже давно собран и поднят. Пять дней ждем, что задует какой-нибудь приличный норд-ост. Наконец рассердились, втащили ручную динамо и решили работать с ее помощью. Тогда Борей смилостивился. Ветерок задул сразу крепкий и ровный.

Однако машинка вначале проворачивалась с трудом. Мороз 32 градуса. Ясно, что застыло масло. Полез наверх и влил керосин. Хорошо написать «полез», а все это на ветру, при 32 градусах мороза. Холод пронизывает брюки, меховые рубахи, леденит тело. Три часа палкой помогал раскручиваться ветряку. Много раз бросал, но больно уж хорош ветер. От напряжения заныли ноги, руки и брюшной пресс.

Наконец ветряк пошел. Началась хорошая зарядка.

С утра Петя занялся добыванием дистиллированной воды. Она нужна ему для химической лаборатории. Но в мороз на кухне не усидишь. Петя крепился, потом бросил все, ушел в палатку и засел за английский язык. Теперь мы знаем новое средство от мороза.

Женя натянул на себя малицу и мерзнет в своей ледяной обсерватории. Температура в домике — наружная. Немудрено, что хозяин при появлении гостей не выказывает особых признаков радушия. Сегодня, примерно через каждые полчаса, вдалеке раздавался сильный и звонкий гул. Особенно ясно толчки ощущались внутри палатки. Парусина резонирует. На воздухе гул слышен хуже. Все же впечатление такое, что километрах в двух палят из трехдюймовых. Напряженное нервное состояние. Ходили с Папаниным на восточную трещину. Там все мертво и спокойно. Значит, торосит где-то подальше, на северо-восток от нас.

Отстучав часть газетных телеграмм, в 4 часа вечера завалился спать до полуночи. Не обедал. Вечером наружная температура минус 36 градусов...

31 октября. Ровный хороший ветер. Можно заняться радиолюбителями. Удалось зацепить трех разных американцев, затем, попозже — шотландца.

Хорошо принимал Куксин на Рудольфе. Сплавлял ему наши корреспонденции сериями по 500—600 слов. Вечером в арктическом выпуске передавали речь товарища Сталина на приеме работников угольной промышленности и металлургии.

1 ноября. Ночью было много телеграмм. Наши дожидались, пока я закончу, спать не ложились. Стали пить чай и «бричковать»: так у нас обычно называются вечерние «чаевые» разговоры. Хорошее настроение у всех — дожили до первого ноября.

Оглушительно гремел Рейкьявик (Исландия), и даже были две русские пластинки: «Дуня, давай блинов с огнем» и «Мусенька родная». Пел какой-то конкурент Вертинского. Занятные пластинки...

В 4 часа утра Петя и Женя заснули, а мы с Дмитричем допивали начатую бутылочку коньяка. Затем Папанин стал писать поздрави-

тельные телеграммы. Утром, пока ветер не стих, я успел подзарядить аккумуляторы.

Все довольны экспромтной встречей ноября.

Встреча — встречей, но у меня появился гнойный нарыв. Он очень мучит. И сидеть и лежать неудобно. В 4 часа дня я заснул, спал до ночи и не обедал.

Погода тихая, ветерок чуть-чуть. Вечером Женя определялся. За последние сутки мы ушли к югу на 7 миль... Миновали 84-ю параллель. Наше место сейчас — 83°55′ северной широты и 3°10′ восточной долготы.

Странно, что при западном ветре льдина продвинулась не на восток, а на запад.

В лагере — новая мода. Вместо валенок с высокими калошами все носят теперь «тапочки». Так названы огромные обрезанные валенки. В них тепло и сухо. В палатке сидим в меховых чулках, а когда надо выходить, надеваем «тапочки» прямо на чулки. Ноги всегда в тепле.

Без ветра совсем плохо горят лампы. В нижнем этаже жилой палатки температура минус 3—5 градусов.

2 ноября. Получил извещение о том, что первый съезд нашего профсоюза работников Северного морского пути избрал Папанина и меня в члены ЦК союза. Это очень радостное сообщение.

Одновременно сообщили, что на Рудольфе образуется избирательный участок по выборам в Верховный Совет. Участок объединяет нас, Рудольф, Тихую и экипаж самолетов.

Много поздравлений к празднику. Получил с Диксона замечательную телеграмму от М. И. Кругловой.

«Мне вспомнился далекий вечер, — пишет она, — когда у нас, сидя на диване, Вы развивали, как мне казалось, несбыточные мечты о путешествии на пловучей льдине, о жизни в палатке с примусом и коптилкой вместо лампы. Я слушала, и мне было жутко. Арктика для меня была тайной, я не верила в возможность осуществления такой смелой мысли. Но вот, как в сказке, через несколько лет сбылось Ваше желание. Теперь это уже действительность, реальность, Вы на льдине. Скажите, счастливы ли Вы? Конечно, да. Ведь так приятно, когда мечты сбываются. Привет. Пусть ярче всем вам четырем светит полярное сияние».

Глубоко трогает это приветствие. Вспомнился давно забытый разговор. Мы тогда ели замечательное печенье и пили чай из чистых стаканов. Ни первого, ни второго здесь нет, но зато есть глубокое удовлетворение и радость осуществленной мечты.

Мария Ильинична теперь полярница, и сама понимает, что Арктику можно любить. Сердечно поздравил ее с наступающим великим праздником.

Утром вскипятил чай. Что может быть прекрасней этого горячего душистого напитка! Пили и хвалили наших прадедов, освоивших замечательное китайское зелье.

В дневной срок Женя сделал метеонаблюдения и сам передавал сводку на Рудольф. Я отсыпался. Вечером мне доложили о всех происшествиях дня: 1) Веселый подбирался к полуторапудовому куску масла, его застали на месте преступления. Мелкий воришка нака-

зан. 2) Петя написал статью для «Ленинградской правды», выдохся, что дальше писать — не знает. 3) Было северное сияние, не произвело впечатления, здесь оно выглядит блекло и тускло.

Приступил к работе.

3 ноября. Вчера аккумуляторы снова почти иссякли. Приготовлена ручная динамомашина. Трое моих товарищей спят. По первому сигналу они встанут, и тогда придется скинуть меховые рубашки и крутить.

Но сигнала пока что нет: остров Рудольфа передает большие телеграммы. Записываю и с волнением перечитываю их. В Карелии и Белоруссии Иван Дмитриевич выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

...Наконец работа закончена.

— Дмитрич! Получай телеграммы...

В первые минуты волнение подавило даже радость. Однако пора ложиться спать. Но только мешок Папанина еще долго подозрительно шевелится. Не окликаю Дмитрича в надежде, что он заснет. Под утро раздается из мешка приглушенный голос: «Теодорыч, никак не могу заснуть. Все думаю. Давай выпьем немножечко коньяку». Снимается со стены висящая на веревочке бутылка, натревается сало, начинается разговор.

От трущоб и нищенских лачуг Севастополя до Северного полюса Иван Дмитриевич прошел длинный, но прямой путь. Папанин был слесарем. Мы трое с осторожностью относились к этому заявлению. Однако, когда была утоплена круглая чрезвычайно сложная коробочка гидрологической вертушки, — он блестяще сдал «экзамен». Тисками ему служили колени. Через несколько дней точная копия коробки была готова.

Что он еще умеет делать? Не терять бодрости в самой сложной обстановке. Чинить все — от бронепоездов до примусных горелок. Но основное умение — это подавать пример в работе и увлекать своим энтузиазмом людей. Не щадя себя, он удивительно бережет вверенных ему людей и заботится о них. Иногда просыпаешься, — это Папанин поправляет твой сбившийся мешок.

Во время подготовки экспедиции в Москве, после дня, наполненного тысячами хлопот, он не забывал купить конфеты — Дмитрич знал, что детвора его дома ожидает уже дядю Ваню у ворот. Бывший грозный комендант крымской ЧК не забывал своих маленьких друзей-соседей.

Папанин все получил от революции и все революции отдаст. Должником Папанин не будет...

Днем, воспользовавшись тихой погодой и вполне приличным рассветом, я забрался в радиосклад. Вход совсем закупорило снегом. Лопата такой плотный снег почти не берет. Пролез сквозь дырку, пятясь назад, как рак. Взял большой аварийный передатчик, собрал в один ящик всякую мелочь и запасные части, связал все и положил на нарту. Это и будет наше аварийное радио.

В 17 часов передавали из Москвы детский концерт. Выступали

обе дочери: Ира и Люся. Говорили бойко. Ира учится отлично и увлекается графикой. У Люси новое платье, а мама обещала купить ей такой же портфель, как у Иры.

4 ноября. Папанин написал ответы собраниям избирателей, выдвинувших его кандидатуру в депутаты Верховного Совета. Мы его искренне поздравляем. За обедом нельзя было отказать себе в удовольствии распить бутылку коньяку. Закусывали сухарями, икрой и сыром. Ширшов пошел опускать тросик для очередного промера, а я завалился спать.

Сегодня начался восточный ветер, и сразу ускорился дрейф. Трос в лунке прижало к краю и заморозило. Теперь его ни поднять, ни опустить. Подо льдом болтается 2 000 метров. Надо ждать, когда прекратится дрейф.

Вечером связался с Аляской, Англией и Францией. Ветер крепчает. Прислушиваемся к порывам. Неуютно поскрипывает палатка.

5 ноября. Продолжается сильный восточный ветер. Сравнительно не холодно, температура всего минус 15 градусов. Все время пурга, ничего не видно, темнота.

При ветре легко работать с любителями. Сегодня исключительно хорошая слышимость. Быстро установил связь с девятью американцами. Некоторые меня слышали на 7 баллов. Только закончу с одним, никого не зову, а меня уже вызывает другая станция. Все собеседники из 8-го и 9-го районов. Эти районы охватывают добрый десяток штатов — Огайо, Мичиган, Пенсильвания, Нью-Иорк, Западная Виргиния, Иллинойс, Индиана, Канзас, Айова, Северная и Южная Дакота, Кентукки, Висконсин, Колорадо, Миссури, Миннезота, Небраска... Страна Фенимора Купера и Джека Лондона. И все же, жалеючи аккумуляторы, связь пришлось прервать.

6 ноября. Ночью занимался точкой трех бритв для всеобщего прихорашивания. Утром варил кофейный ликер и нажарил кучу лепешек. В палатке, у метеостола, и на дворе, у метеобудки, горят маленькие двухвольтовые лампочки. Заменил патроны к ним и устроил такую же лампочку у радиостола. Наше керосиновое солнце из-за недостатка воздуха порой совсем затухает. Во время приема депеш нельзя прочесть, что пишешь.

Получили очень интересный запрос от Управления полярных станций. Задают всякие практические вопросы, касающиеся оборудования и снаряжения нашей экспедиции. В чем дело?

Опять работал с любителями. Удалось установить, пожалуй, самую дальнюю связь — с Новой Зеландией. Беседовал с нашими любителями в Свердловске и Ленинграде. Обменялись поздравлениями к празднику. Сверх того, связался с пятью американцами, одним шотландцем и одним голландцем.

Долго работал с любителями и спал только четыре часа. К 11 часам вечера меня разбудили. Все наводили красоту: брились, стояли на коленях над тазиком, умывались (до шеи) и меняли белье. Заме-

чательное самочувствие после мытья, бритья и чистки зубов. Жители Большой Земли лишены возможности ощущать всю полноту этого удовольствия. Разве только маленькие неисправимые замарашки составят исключение.

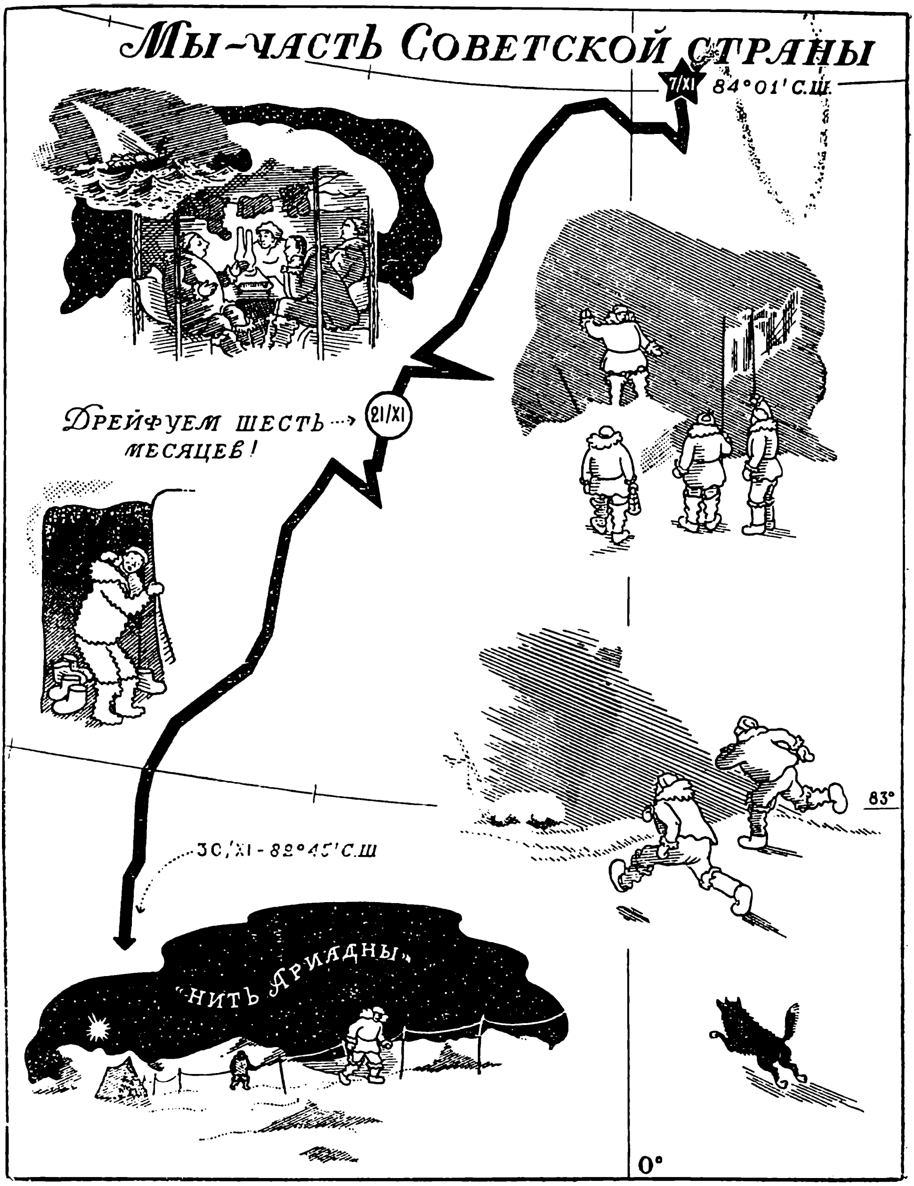
Закончив торжество умывания и поздравив друг друга с праздником, сели ужинать. Два тесно сдвинутых бидона прекрасно заменили стол. Сгущенное молоко, три сорта конфет, лепешки вместо сухарей, торт, ликер, украшали стол и услаждали взоры. Очень дружно и хорошо провели время ужина.

Грохотал Рейкьявик. Он передает всякие хорошие пластинки. Затем все заснули, а я остаток ночи дежурил. Ходил по нашему старому бугристому ледяному полю.

Восточным ветром нас крепко сдвинуло на северо-запад. Движемся на север. Вот здорово. Если прежние координаты были 83°49′ северной широты и 3°26′ восточной долготы, то теперь стали 84°02′ широты и 57′ долготы. На 14 миль к северу!

Завтра — великий праздник. Затих ветер. По звездному небу снова расползается зеленое пятно полярного сияния.

7 *ноября.* Еще с вечера — в канун праздника — стала затихать трехдневная пурга. На дворе установилась ясная, морозная погода. Температура минус 32 градуса. Штиль. Поэтому в палатке тоже морозно, лампы не горят почти совсем. Это неприятно: при писании мерзнут пальцы.

На потолке обильными пятнами выступает иней, а в воздухе еще

носится приятный запах одеколона. Это — воспоминание о вечернем бритье. Каждый из нас отважно использовал свой горячий паек натурой — чайник воды. Хотя примусы рассверлены и работают почти на чистом бензине, подогрев воды занимает много времени. 32 градуса мороза, — надо их перебороть. Поэтому горячую воду использовали всласть.

В середине палатки — остатки предпраздничного ужина. Стол составлен из двух пустых бидонов, на одном не помещались все яства. Попрежнему тускло горят лампы, температура в палатке ниже нуля. Углы палатки тонут в темноте. Нахлобучиваю меховую шапку.

К 9 часам все были на ногах. Я уже сделал метеонаблюдения. Спешно пили чай, чтобы успеть послушать речь К. Е. Ворошилова. Включили Красную площадь. До нас донеслись далекие шумы праздничной Москвы. Отчетливо слышали передачу парада, грозный рокот танков, артиллерии. Временами прием ухудшался, но речь любимого наркома обороны слышали отчетливо. Климент Ефремович, говоря об успехах нашей Родины, упомянул и нас. Это большая, огромная честь.

Потом, когда замолкла далекая и родная Москва, мы тоже вышли на демонстрацию. С двумя флагами, вчетвером шли через угрюмые гряды торосов к трещине. Где-то страшно далеко чуть алела заря, но она не затемняла яркого блеска звезд. Ветер едва шевелил шелк наших знамен. Подошли к высокому торосу. Дмитрич забрался наверх и произнес короткую, но глубоко прочувствованную речь. Троекратным залпом приветствовали славную годовщину. Зажгли магниевую ракету. Колоссально много света. Ракета ослепительно вспыхнула, отогнала холодную темноту арктической ночи. От ее света зажглись белые грани торосов, заискрился снег. Заиндевевшие от мороза, мы стояли недвижные и притихшие, стараясь подольше сохранить эти торжественные, памятные минуты.

Нас четверо. Кругом на тысячу километров необъятные льды, море и ночь. Неудержимым потоком, сталкиваясь и напирая друг на друга, движутся громадные ледяные поля. То сужаются, то расходятся извилистые разводья черной воды, зажатые меж льдинами. Когда меняется направление ветра, с гулом и грохотом наползают на наше поле соседние льдины, растут высокие валы торосов. Уже свыше семисот километров по прямой прошла наша льдина. Уже месяц как ушло за горизонт солнце. Но мы не одиноки. Мы живем и мыслим вместе с советским народом, вместе с ним всегда чувствуем заботу и внимание Партии и великого Сталина. И если вражьи эскадрильи поползут к нашим границам, мы будем так же спокойно и уверенно работать на любом посту, куда нас пошлет, какой нам доверит страна.

Погасла ракета. Глаза долго не могут привыкнуть к темноте. И где-то вдалеке кажется — еще не замолкло эхо нашего салюта, взорвавшего вековую тишину Арктики.

Днем снова слушали радиостанцию имени Коминтерна. Наше приветствие передавали по Морзе, а потом его прочитал писатель Вишневский.

В 6 часов вечера принял телеграмму от связистов города Охи на Сахалине. Вот ее текст:

«По постановлению предвыборного общего собрания связистов Охи на Сахалине, обращаемся к вам, славному связисту нашей Родины, с просьбой дать согласие баллотироваться в депутаты Совета Союза по Приморскому избирательному округу. Президиум собрания».

Это — лучший и почетнейший подарок к празднику.

Поздно вечером слушали концерт для полярников. Потом Папанин рассказывал о грозных годах гражданской войны, о Севастополе, о боях красной повстанческой армии в тылу последнего белого барона, о том, как темной осенней ночью, укрывшись в мешке из-под муки, на фелюге контрабандистов пробирался он через Черное море, а затем, переодевшись нищим, шел через Турцию, чтобы доставить товарищу Фрунзе донесение о действиях красных партизан...

Ночью на дежурстве пришли разные мысли о нашей зимовке. О. Генри когда-то написал: «Если вы хотите поощрить ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в хижине размером восемнадцать на двадцать футов. Человеческая натура этого не выдержит». Помнится, у Мирбо среди ужасов китайского сада описана такая же пытка. У другого писателя есть рассказ «Муха». Содержание его несложно. Четыре человека жили в хижине на севере. Вокруг не было ничего живого. И вот как-то к ним залетела живая муха. Ее заперли в консервной банке. Муха, обыкновенная муха, стала предметом заботы, смыслом жизни четырех взрослых людей. Люди ревновали друг друга к мухе. Случайно один из них открыл банку, и муха улетела. Его убили.

Что ж, полярная история знает такие «трагедии». Они не так уж неправдоподобны. Но вот у нас тут тоже четыре человека, и хижина наша тоже имеет не больше, чем восемнадцать на двадцать футов. Но не только муха, даже живой слон не способен, кажется, нарушить наше душевное равновесие.

Узы тесной дружбы связывают нас. И нет в этом ничего удивительного. Точно так же дружно и бодро жили бы на льдине и другие советские люди. Ведь мы не одиноки, за нами вся страна, вся Родина.

Родина! Какое светлое и большое слово. Родина — это я сам, и мои друзья, это наши семьи и дети, это дороги в жизни, и мы ходим по этим дорогам как хозяева. Родина — это наши поля и сады, и птицы поют для нас в этих садах, и цветут цветы, и обильно плодоносят хлеба. Родина — это вся моя страна. И каждый из нас готов отдать всю свою жизнь и кровь до последней капли, чтобы и впредь росла слава Родины, ее благосостояние и могущество, чтобы дети наши росли в прекрасном саду социализма, как цветы. Родина! Партия! Сталин! Эти слова стали едиными в сознании советского человека. Родина наша — цветущий сад, а Сталин — великий садовник в этом саду. Он пестует людей и бережет их, он зовет их на подвиги во имя жизни и будущих поколений. Вот почему так хочется жить и жить; жить, чтобы бороться; бороться, чтобы побеждать.

На Северной Земле мне пришлось работать на полярной станции вдвоем с механиком Колей Мехреньгиным. Это, пожалуй, самая маленькая по составу зимовка во всей истории Арктики. Как жаль, что у нас не мог побывать О. Генри. Ему пришлось бы написать посмертное опровержение к собственным произведениям. Мы не ловили мух, а энергично и плодотворно работали, да иначе и быть не могло. Такова привычка советского человека. Сталин, Партия воспитывают в народе настойчивость, выдержку, ясность цели и мужество сердца. А все это делает наш народ творцом и победителем. Мы — часть, маленький коллектив сынов народа. И нет причин отрывать наши дела и чувства от чувств, стремлений и борьбы народа...

Сейчас буду передавать очередную метеосводку. Подходим к 84-й северной параллели. Все нормально. Поехали на юг.

8 ноября. Папанин долго ворочался, кряхтел, никак не мог заснуть. Мне не хотелось расспрашивать его, да и без вопросов понятно, какие мысли его волнуют. Наверное, перебирает в памяти всю свою жизнь...

Днем рудольфовцы говорили с нами по телефону. Шевелев рассказал свой план снятия нас со льдины. Он считает, что льдину слишком быстро гонит на юг, мы скоро попадем в район сильно разреженных льдов и поэтому нет смысла продолжать наш дрейф, рискуя самым существованием станции. Он за снятие нас в декабре. Мы сразу запротестовали. Нет нужды в такой поспешности, тем более в полярную ночь. На льдине все устроилось отлично. Места мы проходим попрежнему неизученные.

Шевелев довольно быстро согласился с тем, что снимать в декабре нас надо только в случае крайней необходимости, когда мы сами поднимем этот вопрос.

Очень надеемся, что нас будут снимать не самолеты, а ледокол. Пусть хотя бы подошел поближе «Ермак» и легкими самолетами стал работать от кромки льда. Что-то не особенно хочется после окончания дрейфа летать на далекие расстояния. На ледоколе надежнее, а самое главное — можно все вывезти, ничего не бросать. Это значит — пришли как хозяева и ушли точно так же. Ну, а в общем, была бы наша работа хорошо сделана, а потом видно будет.

9 ноября. Чуть было опять не утопили груза при очередном промере. Ширшов собирался до глубины 2 500 метров опускать груз побыстрее, а затем замедлить. К счастью, закапризничал тормоз, и лебедка стала крутиться медленно. Глубина всего лишь 2 382 метра. Поднимали вчетвером. Потом Папанин и Женя легли спать, а Ширшов опустил батометры на 2 000 метров. В 8 часов утра вдвоем выкрутили их.

Сегодня что-то тяжело было крутить, хотя и неглубоко. Бастовало сердце.

Гидрологию надо было продолжать и дальше, но начался восточный ветер, убыстрился дрейф. Прорубь сильно обмерзла. Вниз батометры едва пролезают. Как это ни печально, но сегодня договорились

делать новую большую прорубь в трехметровом льду и переносить палатку Ширшова. Ждем первой луны и тихой погоды.

10 ноября. Восточные ветры за последнее время участились. Обычно они приносят с собой сравнительно теплый воздух (около 10—15 градусов), пургу, снег, полную облачность. Результат остовых ветров — быстрый дрейф нашей льдины на северо-запад, к берегу Гренландии. Это нас радует, так как позволяет задержаться и производить научные работы в малообследованном районе.

При штилевой погоде постоянный дрейф неизменно влечет нас к югу со скоростью 2—4 миль в сутки.

Каждый день теперь в ночной срок принимаю целую кучу (10, 15, 20) поздравительных телеграмм. Сегодня получил двадцать пять. С Большой Земли шлют нам всякие теплые слова, а у нас крепчает холодный ветер. Пурга, темно, ничего не видно.

После утреннего чая коллективно писали сообщения о нашем оборудовании. Немного поработал с любителями. Зацепил двух шведов. Один чуть не рассыпался от счастья, сказал, что долго за мной гоняется, что Швеция очень нами интересуется, и т. д., и т. п.

Обедал в мешке. Ох, скучно при ветре.

Потом, когда день прошел, при всем своем огромном желании не мог вспомнить, что было сегодня необычного, примечательного. Даже радиожурнал — эта напоминающая веха — не помог мне. И так большинство дней и суток. Днем сплю, ночью бодрствую. Сейчас одинаково темно все время. К 9 утра ставлю чайник и бужу остальных. Затем — хорошее и приятное время за общим чаем и блаженные минуты залезания в мешок. Тепло и мягко. В шесть вечера меня будят к обеду. Обедаю в мешке и опять сплю.

11 ноября. Три самолета второй экспедиции по розыскам Леваневского летели на Рудольф в сумерках, да еще в густой туман. Неудивительно, что они не нашли Рудольфа и сели на одном из островов Земли Франца-Иосифа. Решение было, конечно, благоразумным. Но теперь уже прошло порядочно времени, а самолеты так и не знают, на каком из островов они сидят. Определиться не удалось. Звезд не видно.

Ночью сегодня на Рудольфе зажгли прожектор. И тогда выяснилась потрясающая новость: самолеты увидели луч прожектора почти на ближайшей горке... Все склонны думать, что самолеты сидят на самом о. Рудольфа. Вот каковы причуды Арктики. Сидят люди на соседнем куполе, две недели не могут определиться, отлеживаются в снежных хижинах.

При первой же хорошей погоде к самолетам пойдут тракторы. Разве можно в таких условиях летать к нам? В два счета машины могут потеряться, а потом, в случае непредусмотренной посадки, ищи-свищи их во тьме, средь чиста поля.

Ширшов получил сообщение о том, что его кандидатура в депутаты Совета Союза выдвинута организациями Днепропетровска.

Сегодня радио не слушал, поставил на зарядку все аккумуляторы.

Все время ветер (норд-ост, 7 баллов) и пурга. Ничегошеньки не видно.

12—18 ноября. Надоело писать дневник. Не о чем писать, дни похожи один на другой. Только извне кое-когда приходят новости. Да и прохлада в нашей палатке не располагает к писанию.

Что было за эти дни? Начиная с 13-го числа — полнолуние. После темноты и пурги очень хорошо побродить вокруг палатки в спокойный лунный день. На наше счастье, держится замечательная погода. Преимущественно штиль, совершенно безоблачное небо, на котором круглые сутки маячит луна. Мороз около 30°.

17 и 18-го хотели пробить во льду новую прорубь для гидрологических работ Ширшова. Размеры ее: два с половиной на два метра. Не прорубь, а двуспальная индийская гробница.

Луна светила так хорошо, что работали без фонаря. Чтобы не толкаться, долбили посменно, попарно. Я был в паре с Женей. Пешни наши страшно тяжелые. Их тяжесть быстро чувствуется в плечах.

К концу второго дня углубились более чем на полтора метра. Вдруг случилось несчастье. Кто-то из нас ткнул пешней в трещину, и тогда в прорубь стала сочиться вода. Стояли мы и с грустью созерцали, как вырывается снизу эта подлая темная жидкость и сводит на-нет всю нашу тяжелую работу.

Мучились, мучились и решили организовать гидрологический «хутор». Будем брать станции на самой кромке нашей льдины, на трещине, в трех четвертях километра от лагеря. В самом деле, зачем каждый раз биться с расчисткой проруби, когда у нас есть готовое «окошко в подводный мир». Правда, это окошко затягивает молодым льдом, который достигает толщины ½ метра и выдерживает тяжесть человека, но пробить такой лед все же нетрудно.

Сегодня (18-го), пользуясь штилем и луной, отрыли, а частично оторвали палатку Ширшова и лебедку. Нагрузили нарты и пошли к месту будущего «хутора». На трещине лед всего лишь 40-сантиметровый. Теперь ни при каком дрейфе трос не будет прижиматься к нижнему краю, а значит, и Петя не будет больше мучиться, пропуская сквозь узкое горло проруби сростки троса и вечно ремонтируя поврежденные пряди.

Есть опасение, что во время станции может начаться сжатие, но Петя теперь будет быстро заканчивать работы, а делаются станции не чаще, чем раз в 6—7 суток.

Перед оборудованием «хутора» Папанин подремонтировал палатку. Больше 5 часов провозился с иглой при 30-градусном морозе. Ширшов остался работать на всю ночь. Ночью я пошел его проведать. Отнес фонарь. При луне хорошо видны следы, но в темные ночи можно, пожалуй, заблудиться. Особенно в пургу. Для пробы Ширшов стрелял, но в палатке, несмотря на штиль, мы ничего не слышали.

Отныне гидрология стала у нас кочевой наукой. После каждой станции все снаряжение будем отвозить назад на основное трехметровое поле.

Недавно мы послали в Москву просьбу — в день нашего полугодового дрейфа организовать по радио концерт с участием джаза Утесова. Вначале прибыл ответ: концерт будет в 9 часов вечера. Затем вторая телеграмма сообщила, что программа увеличивается, поэтому начало концерта переносится на 8 часов. С нетерпением ждем, чем это нас порадуют. Шесть месяцев дрейфа — хороший срок.

Большой и маленький Жени Федоровы обменялись любопытными телеграммами. Маленький Женя из Ленинграда сообщил:

«Милый папа, завидую тебе. Мама меня понимает, чистит и моет нос, уши и прочее. Бабку и няню люблю гораздо больше. Ты, наверно, тоже. Мне сшили меховой спальный мешок, буду спать на балконе, как на льдине».

Принимая во внимание, что младший Женя — ровесник дрейфа, понятно восхищение отца.

Большой Женя ответил:

«Замечательный сынок. Столь ранняя грамотность свидетельствует об исключительном развитии мышления. Сказывается отцовская кровь. Надеюсь, скоро начнешь учиться в университете, будешь подталкивать маму. За спанье на балконе маму похвали. Мы тоже забрались в мех и выставили носы на мороз».

О носах, в порядке литературного ажиотажа, Женя явно преувеличил. Во всяком случае, никакого удовольствия в высовывании носов на 30-градусный мороз не испытывали.

В ночь на 16-е был в ударе и за два часа без всяких черновиков написал большой очерк о нашей палатке и быте. В шесть утра этот очерк ушел на о. Рудольфа.

19 ноября. 21 ноября мы празднуем полгода нашего дрейфа. По этому случаю получили приветственную телеграмму от коллектива работников библиотеки имени Ленина. Мы в ответной телеграмме пригласили их в гости. Чтобы облегчить им эту задачу, мы указали наш точный адрес. Предупреждали: собираясь на полюс, обязательно надо захватить свежие газеты.

Итак, наш адрес. Пройдя по восточному берегу Гренландии, сверните с одного из северо-восточных мысов на лед и пройдите еще около 200 километров — здесь вы найдете нас. Наша последняя широта — 83 градуса 30 минут — такова, что мы уже не можем с полной достоверностью именоваться самыми северными людьми земного шара.

Север Гренландии остался позади нас, возможно — по унылому ее берегу бредет одинокий охотник-эскимос.

Последний сильный ветер образовал широкие трещины и новые гряды торосов, но сейчас полная луна намного облегчает ходьбу по снежным застругам. Эти заструги меняются с каждым ветром, и их изучаешь главным образом своими боками, падая и спотыкаясь.

Наш лагерь заметен на расстоянии 10—15 метров. Драгоценным камнем светится ледяная обсерватория Федорова: это горят внутри лампочки карманного фонаря — Женя наблюдает. Вокруг палатки широкий проход. В пургу здесь не особенно уютно. Мелкий снег быстро мчится в этих траншеях и пробирается сквозь плотнейшую одежду. Немного позади — сугроб, а еще дальше — ровный снеговой покров.

Шаги по плотному, звонкому снегу и наши реплики по поводу попадающихся заструг слышны издалека.

Наша палатка похожа на кулич, обильно покрытый глазурью. Одиноко торчит одна изюминка — черный изолятор антенны. Тамбур плотно застегнут тройной дверью-фартуком. Пройдя внутрь, застегните его, иначе фартук будет хлопать. Площадь тамбура вся занята четырьмя парами так называемых «тапочек». В каждой из них можно смело купать двухмесячного младенца. Пролезая сюда, нагнитесь пониже, иначе получите за шиворот солидную порцию снега. Налево расположена кухня. Здесь мы побываем в другой раз.

Снимите обувь и стряхните веником снег. Это делается на ледяной ступеньке, покрытой мехом. Здесь долгое время нам мешал ходить пес Веселый. За нездоровое любопытство, проявленное к ящику с маслом, он изгнан отсюда.

Резиновая дверь на меховой подкладке открывается с трудом. Ее держит сильная резина, укрепленная за стойку палатки. Полугодовой опыт научил нас ловко проходить в дверь даже с горячим чайником и кастрюлями. Кстати, раз навсегда надо покончить с определением нашего жилища, как палатки. Это настоящий жесткий дом, у которого лишь крыша матерчатая.

Летом в доме мало вещей. Зимние условия потребовали значительного увеличения их количества. Постепенно привыкая к этому, мы и сейчас находим наше жилье просторным.

Каждый из нас усвоил свой «катехизис» одевания. У меня следующие правила: садясь в мешок, не ударься головой об острый угол стола; надевая фуфайку, не опрокинь пепельницы и пузырьков Ширшова; встав во весь рост, берегись острой гайки на потолке; надевая брюки, не опрокинь правой ногой лампы, а левой не выбей из рук Ширшова его «письменного стола». Каждый из нас имеет свой письменный стол — кусок фанеры.

Среди необъятных просторов Арктики мы топчемся на трех квадратных метрах. Это все, что осталось после размещения вещей. Мы не ощущаем ни запаха керосина, ни запаха сырых оленьих шкур. Давно уже привыкли к оленьей шерсти. Наш доктор уверял нас, что проглоченный волос может вызвать апендицит. После этого стали из супа вылавливать большие комки шерсти, не обращая внимания на более мелкую «расфасовку».

Направо от входа в наш «дом» — стол радиостанции. Внизу аккумуляторы, инструменты. Налево от входа — на стене висит ящик, гордо именуемый буфетом. На полу — ящики Ширшова с пробами воды. На них несколько прокопченных кастрюль с нехитрым обедом. Тут же примостились хронометры. Продольные стенки до конца заняты двухъярусными койками.

В ногах Ширшова на веревочке висит потрепанный портфельчик. Смотрите на него с уважением. Здесь хранятся тайны Северного полюса. Это — осуществление мечты человечества. Для нас — это полгода напряженной жизни, многие часы тяжелой физической работы. Лучше потерять собственную голову, чем этот старенький портфельчик.

Между койками — зыбкий стол, занятый лабораторией. Над столом висит жестянка, предохраняющая потолок от жара ламп. Моя обязанность засыпать эту жестянку звонкой, промерзшей колбасой. Мы перещеголяли московский «Гастроном» — у нас горячая колбаса имеется в любое время суток. Горячая колбаса вызвала у Федорова некоторые ассоциации, в результате чего на лаборатории Ширшова, очень похожей на ларек Моссельпрома, появилась надпись: «Пива нет».

У каждого из нас есть свой уголок, где хранится всякая мелочь. Особенно много ее у Папанина. Он спит на веревочках, проволоках, тетрадях, спичках, книгах. Все это необходимо иметь под руками.

Днем лампы стоят на середине палатки, и мы, как огнепоклонники, мостимся вокруг них. Прикасаться к стеклам строго запрещено. Это прерогатива главного «жреца» — Папанина.

Немногие свободные места на стенах увешаны оружием, фонарями, связками книг. Покосившись набок, на веревке висит наша аптека в маленьком ящике. Ширшов мужественно защищает остатки марли, весь запас которой разошелся на хозяйственные надобности.

Недавно Федорову ставили банки. Пахло горелым спальным мешком. Благодарные за развлечение зрители не скупились на советы. Время лечения прошло весело, и пациент исцелился главным образом смехом.

Серебрятся инеем стены палатки, тускло горят лампы, но крепкий коллектив горит на работе, жизнерадостен и весел. Одну из любимых пластинок мы немного перефразировали: «Дрейфовать в далеком море посылает нас страна».

20 ноября. Дмитрич вчера во время установки на трещине гидрологической палатки простудился. Сегодня у него болит горло. Кое-как уговорил его не вылезать из мешка, и во второй половине дня втроем пошли поднимать груз с очередной глубины — 3 450 метров. Сростки троса теперь не задевают льда. Подъем идет быстро и споро. Весь промер закончили за три часа.

Обратно бежали рысью, так как Папанин вздумал проверять на дворе большую паяльную лампу, и мы струхнули, думая, что горит палатка. Выяснили: бежать до палатки надо восемь минут.

Луна нас все балует. Несколько дней полнолуния совпали с безоблачной погодой. Зато морозец изрядный — 30—35 градусов. При полном штиле ничего страшного нет, но стóит потянуть совсем слабенькому ветру, и начинает мерзнуть лицо, даже сквозь одежду чувствуешь холод.

21 ноября. Шесть месяцев дрейфа. Впервые движение льда использовано как средство передвижения, использовано для плановой научной работы, охватывающей огромный, совершенно неисследованный район центральной части Полярного бассейна.

Наш дрейф на льдине несравним ни с одним из предыдущих дрейфов. Все они были вынужденными, аварийными. Все силы и помыслы людей были обращены на спасение жизни, никакой научной работы

не велось. Не является исключением и 284-дневное пребывание на льду охотничьей партии американца Стуккерсона. Научных материалов его поход не дал. Но даже срок — 284 дня — мы надеемся перекрыть, чтобы и по этому пункту быть на первом месте.

Долго сидел и говорил с Женей. Перебираем дни нашей быстротекущей «кочевой жизни»...

Хорошо, на всю жизнь, запомнился день, когда первый оранжевый самолет опустился в сердце белой пустыни, был поднят флаг и льдина стала уголком нашей Родины. Шли дни. Морозный солнечный май сменился теплым июнем. Промчалось дождливое лето. Нас теснила вода. Мы обрадовались первым сентябрьским морозам и стали поеживаться в октябре. Отступали назад градусы широты.

— И какие градусы! Немало замечательных жизней окончилось на этих параллелях, — сказал Женя.

Мы торопились собирать богатейшую научную жатву. На материк в кабинеты ученых синоптиков и в штабы героических перелетов непрерывно летели наши метеосводки. Часами пыхтели мы у грязной промасленной лебедки, выкручивая километры троса, побывавшего на дне океана.

Ушло солнце. На звездном небе то и дело теперь разгораются зеленые огни северного сияния. Зачастили морозы, холодный металл приборов обжигает голые руки.

За шесть месяцев сделано 13 определений магнитных пунктов с последующими суточными наблюдениями магнитных колебаний. Измерена сила тяжести в 11 пунктах. Проведены многочисленные наблюдения над атмосферным электричеством. Дрейф с предельной точностью нанесен на карту. Действуя ручной лебедкой, измерили глубину в 11 местах, добыли пробы грунта. Проведены гидрологические работы, по своему объему и качеству равные работам специальных гидрологических экспедиций. Собраны уникальные экземпляры животных микроорганизмов. Зарегистрировано появление птиц, тюленей и медведей. Регулярно ведутся метеонаблюдения и наблюдения за северными сияниями. Таков краткий перечень произведенных и производимых нами работ.

Иногда Женя Федоров вытаскивает свою карту и с удовлетворением рассматривает нанесенную на ней зигзагообразную линию, испещренную разными цветными точками. Это места станций, пунктов наблюдений. Все ниже и ниже опускается по карте эта линия нашего дрейфа.

Карта разрисована на четырех больших листах, покрытых географической сеткой. Синие кружки — это гравитационные пункты, здесь определена сила тяжести. Красные кружки — промеры глубины. 8 ноября, когда неожиданно глубина океана уменьшилась до 2 380 метров, мы предполагали, что льдина подошла к склону материковой ступени, идущей от Гренландии. Велико же было удивление, когда, отнесенные дрейфом еще ближе к Гренландии, мы снова обнаружили глубину, равную 3 500 метрам. Стало быть, льдина только пересекла подводную возвышенность, на целый километр поднимавшуюся над дном океана. Рядом — красные кружки, чуть меньшие по размерам.

Это гидрологические станции, прорезавшие всю толщу океана от Северного полюса до выхода в Гренландское море. Теперь наука знает, как под слоем холодной арктической воды добирается до самого полюса теплое атлантическое течение. Красные треугольнички — биологические станции. Они позволили нам покончить со старой сказкой о безжизненности Северного ледовитого океана. Зеленые кружки отмечают места магнитных наблюдений.

Рассматривая карту, вспоминаешь весь пройденный путь.

Наша льдина движется уже вдоль Гренландии, оставив позади северные ее мысы. Интересно сказывается влияние близких берегов Гренландии. От полюса до 84-го градуса льдина прошла, изменив свою ориентировку север — юг всего лишь на 15 градусов. Ноябрь дал отклонение от первоначальной ориентировки на целых 45 градусов. Ледовый поток, несущийся из Полярного бассейна в Атлантический океан, своим правым флангом соприкасается со скалистыми выступами суши. Правые края ледяных полей тормозятся. Задержка передается от одной льдины к другой, и в результате каждая из них в отдельности медленно поворачивается по часовой стрелке. Наше поле тоже поворачивается. Бывшая восточная трещина стала уже южной.

Известный интерес для нас представляет судьба экипажа китобойного судна «Ганза», раздавленного в октябре 1869 года на 70-м градусе около Гренландии. Экипаж дрейфовал на льду до мая следующего года и пересел на шлюпки на 60-м градусе северной широты. Это позволяет предполагать, что и мы будем двигаться на юг в сравнительной близости к восточным берегам Гренландии.

После вечернего, вернее ночного, чая Ширшов опять ушел брать станцию с глубины 2 500 метров. Договорились, что ровно через полтора часа я приду ему помогать. Попросил Папанина разбудить меня и прикорнул. А Дмитрич тем временем пошел к Ширшову, помог ему крутить, затем вернулся и только к утреннему метеосроку разбудил меня. Я очень рассердился и сказал об этом Папанину.

После метеосрока помог Ширшову разобрать палатку и перевезти весь инвентарь на основную льдину. Теперь эти перевозки, установка и разборка будут повторяться каждый раз при взятии станции. Сейчас, при штиле и лунном освещении, перевозка «хутора» прошла быстро, но как мы будем проделывать это в абсолютной темноте — не знаю. Фонари «летучая мышь» ни к чорту не годны. Аккумуляторных фонарей надолго нехватит. Кроме того, сейчас довольно паршиво на 35-градусном морозе развязывать плотно затянутые узлы оттяжек. Руки мокнут от снега и моментально деревянеют. Надо смотреть в оба, чтобы не отморозить пальцев. А как будет в пургу? Нет, лучше об этом не думать.

Придя домой, занялись чаепитием. Вечером — праздничный концерт.

Вишневский читал биографический очерк о Папанине. Затем включили Петрозаводск. Избиратели говорили о своем кандидате — Дмитриче. Выступали жены. Наташа немного волновалась. Да и мы не с меньшим волнением слушали родные, любимые голоса. Если

чего-либо от волнения не расслышишь, — ничего, запомнят и расскажут потом товарищи.

Сидели во время передачи за нашим столом — деревянным планшетом, который стал буро-коричневым от грязи и копоти, — и не замечали, как остывал чайник. В палатке прохладно — ветер ослаб: значит, нет вентиляции, и лампы горят совсем тускло. Я все время подстраивал приемник. Вынимать руки из теплых меховых рукавиц неохота, а надо. К счастью, слабая вначале слышимость потом быстро улучшилась.

В концерте выступал джаз Утесова. Его транслировали из Ленинграда через Москву.

— Я вижу вашу очаровательную улыбку, Иван Дмитриевич, — сказал Утесов.

Он прав. Но улыбается не только Дмитрич, улыбаются все наши четыре небритые, закопченные физиономии, выглядывающие из-под меховых капюшонов. К потолку, покрытому густым слоем копоти от ламп, как курение жрецов, поднимается облачко пара нашего дыхания. На крыше искрятся белые пятна инея. Свисают с потолка провода телефонных трубок, шнурки, на которых сушатся наши носки, рукавицы и рубахи. Привычная обстановка.

Сидим притихшие, молчаливые и слушаем, как диктор, заканчивая передачу, ласково говорит:

— До свидания, родные.

Барометр идет вниз. Облака заволакивают небо. Крепчает ветер. По плотной поверхности сугробов ползут легкие струйки поземки — близится пурга. А мы пишем ответную телеграмму. Гадаем: дойдет или не дойдет она к ночному выпуску «Последних известий»? У нас снова кипит чайник. Не хочется залезать в спальный мешок. В палатке так уютно, хотя температура отнюдь не может конкурировать, скажем, с Черноморским побережьем. Нам не холодно. Родина снова обогрела нас голосами далеких и вместе с тем таких близких людей.

В ночном выпуске «Последних известий» слышим нашу ответную телеграмму — благодарность за концерт. Телеграмма шла до Москвы всего лишь 1 час 40 минут. Не так уж далеко лежит наша пригородная деревня.

Долго сидим, разговариваем. Курим сигары, и время течет незаметно.

22 ноября. Днем Рудольф читал нам письма, которые доставили самолеты. Письма с надписью: «Вскрыть и прочесть по радио». Включены все наушники, но очень мешает концерт из Хабаровска.

«Ермак» находится в 60 милях от бухты Тихой. Будем надеяться, что он освободит из ледового плена «Русанова» и другие корабли.

23 ноября. Погода резко изменилась. Облачно, темень. Небывалая температура: всего лишь восемь с половиной градусов холода.

В семь утра, чтобы не мешал Хабаровск, опять говорил Рудольф. Всех разбудил. Слушали в мешках. Какая-то англичанка прислала восторженное письмо. Она почитает только Нансена, но, во всяком

случае, желает нам успехов. Письмо от учительницы из Ташкента. Просит написать ученикам 9-го класса, чтобы лучше занимались. Извиняется за обращение «милые зимовщики». Это, мол, позволительно, так как ей 67-й год. Гордится за Россию и подписывается: «Старая русская женщина». На Рудольфе переводят с английского письмо, адресованное «профессору Папанину».

А северный ветер все крепчает. Под утро начались хорошо слышные в палатке глухие удары на восточной (теперь уже южной) трещине. Все сильнее сказывается близость берегов Гренландии. Наше поле поворачивается вокруг своей оси, меняет ориентировку север — юг. Прошлые сутки поле развернулось по часовой стрелке на целых восемь градусов.

Весь день громыхает канонада. Удары следуют друг за другом через несколько секунд, а порой сериями. Усилился ветер, и все время валит снег. Пурга в полном разгаре. Абсолютная темь, за три шага ничего не видно. Неуютно сидеть и прислушиваться к таким ударам. Хочется хотя бы своими глазами видеть опасность, а тут сиди и слушай вой ветра, шуршание пурги, громыхание льда.

25 ноября. В два часа ночи решили вдвоем с Папаниным сходить на южную трещину, посмотреть, что там делается. Ветер семь баллов, пурга, небо закрыто. Все тонет в быстро несущемся снеге.

Плотно подпоясались, чтобы не набило под рубашку снега. Хотел было пустить ветряк, свет его лампочки мог нам помочь при возвращении, но ветер оказался чересчур крепким, ветряк автоматически закрылся. У обоих на груди фонари.

Заметили, что ветер дует как раз в спину. Быстро в темноте дошли до трещины. На наше поле лезет молодой метровый лед. Наш трехметровый лед местами треснул и слегка покрошился под тяжестью навалившихся валов. На самой трещине никакого шума не слышно, возможно — относит ветер. Ну, а наша палатка стоит на льду и отлично резонирует на все, даже самые далекие звуки.

Во всяком случае, судя по шуму, мы ожидали увидеть большие изменения на нашей трещине. Пошли немного вдоль трещины, сначала вправо, затем влево, и решили возвращаться. Старых следов не нашли. То ли мы их проглядели, то ли их снегом занесло. Повернулись лицом прямо к ветру и пошли на палатку. У Папанина есть склонность всегда забирать вправо. Учитывая это, я пошел левее. Вскоре миновали гряду торосов. Всё как будто в порядке. Идем, идем, а знакомые предметы не попадаются. Загасил фонарь. Черных силуэтов лагеря не видать. Только далеко вправо маячит фонарь Папанина. Временами и он исчезает в снежной пурге.

По времени мы уже прошли палатку. Подошли друг к другу и решили итти обратно на трещину, чтобы оттуда снова искать лагерь — «танцовать от печки». Прошли немного обратно и вдруг наткнулись на метеобудку. Вот радость! Значит, где-то близко палатка.

Погасив фонари, на этот раз увидели силуэт палатки. Мы стояли с северной стороны метеобудки. Оказывается, мы прошли где-то сов-

сем близко от палатки и случайно набрели на нее на обратном пути, выйдя к ней с задней стороны. Через минуту были дома, — но проплутали, оказывается, около 40 минут. Палатка, лампы и тепло показались особенно милыми и уютными.

К утру канонада, продолжавшаяся почти сутки, стихла. Ночь была тревожной. Порывы ветра, треск льда, абсолютная темнота и шелест пурги.

Вечером удалось определиться. За сутки продвинулись на 11 миль к югу.

26 ноября. Ветер совсем затих. Утром в семь часов снова по телефону с Рудольфа говорил Яша Либин. Пришлось будить наш народ. Зато в это время нет никаких помех от Хабаровска и других станций.

Яша читал статьи из газет.

Прибыл запрос из Днепропетровска. Просят прислать коллективную статью о Ширшове; он зарегистрирован кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Днепропетровска.

Вечером новое определение: пересекаем 83-ю параллель. За сутки слопали тринадцать миль. Такого быстрого дрейфа еще не было...

27 ноября. Ночью, как обычно, мерз. Руки в меховых рукавицах. Вдруг ни с того ни с сего зашалило сердце. Прошиб холодный пот. Посидел, и вскоре все прошло. Вот еще новое дело...

Утром опять говорил по телефону с Рудольфом. Сначала приветствовал нас штурман отряда Шелыганов. Тот самый, который снимал нас со льда после гибели «Челюскина». Просит Женю сообщить подробно о магнитных отклонениях в районе полюса. В декабрьские лунные ночи собираются лететь на поиски Леваневского.

Два раза подряд не было арктического выпуска. Сегодня сообщили о жизни на зимующих пароходах и ледоколах. На судах проводится предвыборная кампания. Идет текущий ремонт, успешно проходит техучеба.

«Садко», «Седов» и «Малыгин» дрейфуют на севере моря Лаптевых. «Литке» с караваном пароходов зимует в проливе Вилькицкого. «Ленин» с пароходами у о. Бегичева. Бот «Смольный» отстаивается в 500 километрах от Тикси. «Красин» зазимовал в районе бухты Нордвик. «Ермак» никак не может дойти до бухты Тихой, чтобы выручить застрявшие там «Русанов», «Пролетарий» и «Рошаль». Да, вредители потрудились. Ах, сволочи...

Ширшов и Папанин привезли сегодня лебедку. Надо подготовиться к станции. Срезали 1 500 метров троса и поставили новый, последний запас. Сращивал Ширшов в палатке. Трос пропустили сквозь стенку, лебедка стояла на кухне.

За сутки продрейфовали 7 миль. Итак, только за трое последних суток ушли к югу на 32 мили... Страшно сообщать в Москву новые координаты.

К вечеру совсем стихло. На небе открылись звезды, разгорелось легкое сияние. Температура — минус 34 градуса. В палатке посре-

динс — минус 4, а на полу — минус 7 градусов. Скучно писать: мерзнут пальцы.

28 ноября. Тихая морозная ночь. Температура все та же — минус 34 градуса. Без дела особенно долго вне палатки не задержишься. Изредка хрустит вдалеке лед. Звезды сегодня как-то по-особенному ярко светят. Очевидно, где-то в высоте держатся тонкие облака. На севере сияние. Нет ни лучей, ни пятен — кажется, что по всему небосклону расползлось зарево далекого пожара.

Ходили втроем — Папанин, Ширшов и я — ставить на трещине гидрологическую палатку. На крыше дома поставили фонарь, чтобы он служил маяком.

Нарту с палаткой нашли сразу. Отсюда до трещины всего лишь несколько десятков метров, но в темноте потеряли ориентировку и забрели чересчур влево. Я стоял у нарты, а Дмитрич и Петя бродили вокруг с фонарями, искали старое место палатки. Ходили долго — и влево и вправо. Для ориентировки я изредка давал свет своей ручной динамкой. Наконец нашли прежнее место.

Ширшов ушел, а мы вдвоем пробили лунку. Два раза падала палатка, наконец, и ее поставили. Уходя, на высоком торосе водрузили фонарь и двигались от него на фонарь нашего дома. Не всегда плохо быть между двух огней...

Сегодня штилевая погода, ясное небо. А мы плутали. Ох, как нужно быть здесь осторожным. Можно забрести чорт знает куда или вообще заблудиться и замерзнуть в десяти метрах от дома.

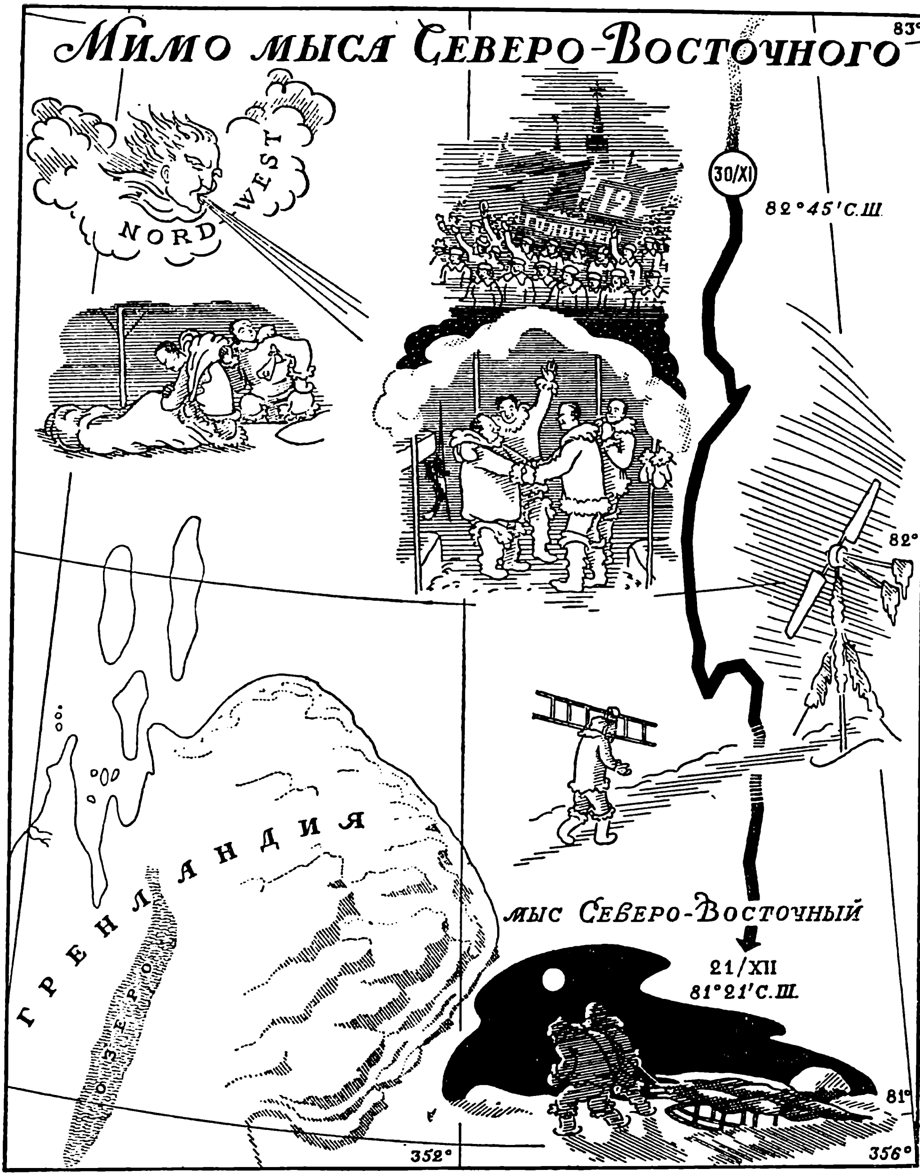
Папанин мобилизовал все шелковые веревки и протянул их от крайней базы до самой гидропалатки. На это ушли все палки и снасти, но мы теперь спокойны. Хоть не собьешься с пути! Можно будет добираться на гидрологический «хутор» и в ветер и в пургу. Ширшов зовет эту веревку «нитью Ариадны».

После полудня вдруг на востоке заалела заря... Вот здóрово.

29 ноября. Барометр падает. Надо торопиться с гидрологической станцией. Хотя и по веревочке, но ходить за километр в темноте и в пургу дело весьма нежелательное. А тут как на беду у Пети не ладится с тросом. Приходится вырезать сильно попорченные куски, ставить новые, делать многочисленные сростки. Все это занимает много времени.

Женя ночью спал. Втроем выбирали трос с очередным промером. Досадная история: на барабане лебедки было 4 220 метров, они все ушли, а щуп не достал дна. И это несмотря на то, что находимся в 100 километрах от Гренландии.

1 декабря. Уговорили Дмитрича пойти спать и втроем пошли выбирать трос со станции на 3 500 метров. Втроем быстро и хорошо выбрали три с половиной километра стальной бечевы. Каждый крутил по 400 метров, а на 200 метрах подменялся третий. К утру подъем закончили.

Наелись каши и напились чаю. Лег спать, но вдруг опять из-за

сердца не мог заснуть. Злюсь неимоверно. Сердце работает с перебоями, болят все мышцы спины. Лежал и хватал воздух, как рыба на песке. Все не могу наладить работу сердца. Оно не болит, а дыхания нехватает. Принял сердечные капли. Паршиво.

«Ермак» из-за льда не дошел до бухты Тихой и повернул обратно в Мурманск. Значит, «Русанов» и еще два парохода тоже остаются на зимовку в Тихой.

3 декабря. Вчера опять шалило сердце. Пришлось залезать в мешок. Ширшов послушал и дал капли от сердца и для успокоения нервов. По его мнению, это результат переутомления, к тому же сказываются годы. Безобразие, что вся эта история у меня началась здесь, прямо сказать — в мало подходящих условиях. Ну, ничего, до конца дрейфа осталось немного.

Сегодня Центральная избирательная комиссия сообщила Жене, что его кандидатура выдвинута от Наукатского округа Киргизии в Совет Национальностей. Мою кандидатуру в депутаты Совета Союза выдвинул Уфимский городской избирательный округ. Просят дать согласие баллотироваться.

Обе телеграммы были получены в ночной срок. Разбудил наш народ, долго разговаривали. Это же замечательно, что выдвигаются кандидатуры всех нас четверых. По одному такому факту можно судить, с каким вниманием следит страна за нашим дрейфом и как высоко расценивается наша работа.

Будущая Всесоюзная сельскохозяйственная выставка сообщает, что на ее территории будет выставлена наша палатка, надеются видеть нас в качестве гостей. Согласны...

4 декабря. Сердце наладилось. Жаль, что заняло это 4—5 дней. Неприятно. Сегодня погода тихая. Опять вернулся хороший сон. С удовольствием отсыпаюсь.

5 декабря. Несмотря на западный ветер, льдина сместилась немного... на запад. Это указывает на мощность той части ледового потока, который огибает архипелаг Шпицбергена и идет на юг, в Гренландское море. Сегодня наша широта 82°28′.

Получил из Уфы телеграмму от предвыборного совещания. Отправил избирателям Уфимского городского избирательного округа, удостоившим меня высокой чести, ответную телеграмму. Я написал уфимским товарищам, что почти вся моя жизнь проходит в Арктике, она посвящена завоеванию Севера. Среди белых пустынь мы не чувствуем одиночества. Могучее горячее дыхание нашей цветущей Родины согревает нас. Забота и помощь любимого человека, нашего великого вождя товарища Сталина удесятеряет наши силы и позволяет проводить работы, которые ставят нашу страну и науку на первое место в мире. Внимание и любовь миллионов трудящихся налагают на нас задачу победно довести освоение Северного полюса до конца. Под советским флагом, под знаменем Ленина—Сталина мы победим.

Горячо поблагодарил избирателей за доверие и обещал приложить все силы, чтобы оправдать его. Вернусь с полюса, лично расскажу о нашей работе.

Вечером Папанин сделал доклад о Дне Конституции. Подняли флаг.

Погода тихая, звездная, 30 градусов мороза.

Идет подготовка к очередному промеру. Чтобы наверняка достать грунт, Ширшов решил приштопать к тросу еще 500 метров.

6 декабря. Уже десять дней безветрие. Прогуливает ветряк. Влачу со своими аккумуляторами жалкое существование. Даю три раза в сутки метео, да и то быстро-быстро, чтобы сэкономить энергию. Телеграммы пишем к полудню и откручиваем этот срок на ручной машинке.

За любителями тоже нельзя поохотиться. Скучно...

Вы никогда не были радиолюбителем-коротковолновиком? Не вылезали в эфир с собственным передатчиком? Жаль. Вы многое потеряли. Любителя — «снайпера эфира» — может понять только страстный охотник. Отзывчивый ценитель моих чувств — Папанин. Несколько раз он мне рассказывал об охоте на уток.

В тихий летний или зимний вечер, когда у вас элегическое настроение, не верьте в тишину вечернего неба. Вас ожидает «хорошая слышимость» на коротких волнах.

У нас на льдине нет ни лифтов, ни трамваев, создающих обычно оглушительные помехи в приеме. У нас идеальные условия работы. С помощью нашего маленького трехлампового приемника мы держим связь со всем миром. В зависимости от времени суток слышны те или другие материки. Обычная связь с Европой интересна, но еще заманчивее найти какого-нибудь редкого любителя. Ну, например, единственного радиолюбителя с Огненной Земли.

Как черви у рыболова в банке, копошатся в эфире радиолюбители. Хриплыми, свистящими, тонкими голосами настойчиво зовут они: «Всем, всем, отвечайте». Наш позывной — «UPOL» — широко известен. Стóит ему один раз появиться в эфире, как ответы несутся со всех сторон. Остается только выбирать наиболее интересную станцию.

Давно уже не говорил со знакомыми с Гавайских островов. С одним из них я связывался несколько раз, и его смело можно считать болельщиком нашей экспедиции. Часто вспоминаю, как летом он очень волновался за нас и задавал вопросы: «Не растает ли лед и не очень ли вам страшно?» Приходилось его всячески успокаивать.

Три случая связи с Австралией являются рекордами дальности в системе наших радиопобед. Учитывая малую мощность передатчика — всего лишь 20 ватт, — результаты можно считать хорошими.

Обычно связь с любителем продолжается 2—3 минуты. Меня засыпают изъявлениями радости по поводу установленной связи. Затем идут поздравления, приветы, вопросы. Предлагают свою помощь в передаче Москве наших телеграмм. Все они теперь ждут писем, подтверждающих состоявшийся двусторонний разговор.

Не было случая, чтобы приходилось объяснять, кто мы и где находимся. Советская полярная станция хорошо известна в эфире.

Особенно дружные у меня связи с американцами. Когда они начинают работать, в эфире становится тесно. Пользуясь передатчиками мощностью до одного киловатта, они буквально оглушают, порой мешают довести до конца начатую беседу.

Однажды, при хорошей слышимости, я на протяжении трех часов связался с одиннадцатью американцами. Они «передавали» меня из рук в руки. «Позовите, пожалуйста, моего друга, он вас слышит», просил американец. Я звал — и связь устанавливалась. Не успею закончить связь, слышу — меня снова зовут две-три другие станции.

Очень жаль, что нет ветра и приходится беречь аккумуляторы. Да и пора уже ставить утренний чайник.

7 декабря. Ночью оборвалась антенна. Перетерло фал у задней мачты. После утреннего чая все наладил. Затем пошли ставить гидрологическую палатку. Пробили лунку. Палатку поставили очень быстро, так как палки не были вынуты, палатка была просто сложена вместе с ними. Это новое изобретение Федорова и Ширшова.

Погода ясная, морозная. Изредка загорается слабое сияние.

За обедом все хвалили очень хорошее картофельное пюре. Я все агитировал за сушеную картошку и первый начал ее готовить. Понравилось. Теперь Дмитрич только ее и готовит.

8 декабря. Очередной промер. Глубина 3 680 метров. Крутили попарно.

Ночью был ветер. Полностью зарядил аккумуляторы. К несчастью, снова засорился коллектор. Пришлось на ветру в темноте лезть на мачту и работать там голыми руками. Дело мало приятное.

Сплю теперь, покрываясь поверх мешка еще и волчьим одеялом. Очень тепло и приятно.

9 декабря. Нас все больше и больше беспокоит мысль о приближении льдины к Северо-Восточному мысу Гренландии. Существовали научные предположения, что дрейф полярного льда круговой, а на юг скатывается только ледяной поток, огибающий северные берега Гренландии. Теперь это предположение опровергнуто. Есть только один поток. Широкой рекой он идет от полюса и с востока. Огибая с севера Шпицберген, он с размаху, по инерции, доходит до самых берегов Гренландии и потом скользит вдоль ее берегов к югу.

Вот поэтому-то наше поле так чутко отзывается даже на слабый ветер. Сказываются силы инерции, сзади нажимают другие поля. Мы неуклонно подвигаемся на юго-запад, почти прямо на Северо-Восточный мыс. Как ни крепко наше поле, но при встрече с берегом могут быть большие неприятности. Остается надежда, что дрейф «ученый», ведь он идет веками. Надеемся, что наше и ближайшие поля как-нибудь прошмыгнут мимо этого опасного для нас места. При средней скорости дрейфа вопрос этот должен разрешиться в ближайшие 10—15 дней. Достигнув траверза мыса, то есть пример-

но 81°30′ северной широты, мы сможем считать, что прошли мыс благополучно.

Дальше, очевидно, нас опять будет прижимать к берегу Гренландии. В общем, хуже и напряженнее, чем в открытом море. Ну что ж, ничего не поделаешь, надо и это вытерпеть. Сидим и ждем.

Получил расписание радиостанции Баренцбурга (Шпицберген). Это будет наша запасная связь.

10 декабря. В пять часов утра связался с Баренцбургом. Теперь буду регулярно с ним работать один раз в сутки. Баренцбург работает однокиловаттным передатчиком, так что я слышу его отлично. Он меня слышит на 4—5 баллов.

Получили приветствие от газеты «Полярная кочегарка». На угольной концессии — 2 500 советских граждан. Из них в Баренцбурге 1 400 человек. Шахта дает 1 300 — 1 500 тонн угля в сутки. За 40 километров — в Груман-Сити — живут остальные. Шахта там дает 500 тонн угля в сутки.

11 декабря. Получил телеграмму от Наташи. Дома все благополучно, и никто там не знает о всяких Северо-Восточных мысах...

Мать поздравляет с выдвижением моей кандидатуры в депутаты Верховного Совета.

«Правда» просит больше писать.

12 декабря. Сегодня день выборов в первый Верховный Совет нашей Родины. В шесть часов утра слушал бой часов Кремлевской башни. Затем — передачу из Сталинского избирательного округа. Там голосуют за Сталина. Счастливцы. Вчера в Большом театре Сталин выступал перед избирателями. С волнением мы прослушали сегодня по радио эту речь. Великой мудростью и простотой веет от слов вождя.

Будем, как Ленин. Будем, как Сталин. Сталин учит советских людей быть свободными от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность. Спокойствие — вот что должно владеть нами. А разве у нас хотя бы на минуту появлялась паника или пусть даже подобие паники? Нет и нет. Сталинский наказ и здесь, на далекой дрейфующей льдине, мы выполним.

По случаю всенародного праздника выборов хочется как-то отметить сегодняшний день. Все побрились. А мыться все-таки не хочется: холодно в палатке. Протерли физиономии мокрыми полотенцами.

Сегодня много поздравительных телеграмм. Три из Уфы от избирателей. Обещают голосовать за меня. В одной из них я произведен в Герои Советского Союза.

Из Главсевморпути сообщают, что Датское Восточно-Гренландское китобойное общество «Нанук» предлагает нам использовать в случае нужды хижины, продовольственные базы и радиостанции об-

щества, расположенные по восточному берегу Гренландии. Точно указаны координаты этих баз. Ближайшая из них — Данемарк Харбор — находится на 76°50′ северной широты. Людей там нет, но есть продовольствие и радиоаппаратура.

Москва спрашивает, какие карты Гренландии у нас есть и как идет наш дрейф. Видимо, в Москве тоже обеспокоены соседством Северо-Восточного мыса. Мы ответили, что покинем наш лагерь только в случае невозможности оставаться на льду. Эх, скорее бы проскочить этот мыс.

13 декабря. Со вчерашнего вечера и всю ночь — сильный и ровный норд-вестовый ветер. Это теперь наш любимый ветер. Он отжимает нас подальше от Северо-Восточного мыса. Всю ночь заряжал аккумуляторы. К утру засорились щетки. Снова на ветру и в темноте ставил ненадежную железную лесенку и взбирался наверх. Никак не мог завернуть обратно гайку. Немудрено. Гайку надо одолеть голыми руками при 30 градусах мороза, да еще в темноте и балансируя на лесенке. Плюнул, слез, отогрел в палатке над лампой руки и опять полез.

Получил запрос от редакции «Радиожурнала». Просят подтвердить мою радиосвязь с четырьмя радиолюбителями на 40 метрах. Указывают дни и часы, когда якобы эти связи состоялись. Послал ответ, что до сего времени на 40 метрах у меня еще ни одной связи с любителями не было. В указанные дни вообще не работал, даже на 20 метрах, где я обычно сижу. Прошу, в случае, если окажется, что какой-то стервец работает моими позывными, — известить соответствующие органы. Если же это выдумали сами радиолюбители, то надо их крепко пристыдить в общественном порядке. Больше похоже на первое предположение.

Днем Женя определился. Наше место — 81°58′ северной широты и 8° западной долготы. Итак, мы распрощались уже и с 82-м градусом, катим на юг. В ближайшие дни севернее нас окажется остров Рудольфа, наша база, откуда мы вылетели на полюс. Здóрово.

Мыс Северо-Восточный находится на 81°25′ северной широты и 12° западной долготы. Как мы его проскочим? Будет ли торосить и ломать наше поле, или все обойдется благополучно?

Передал на Баренцбург в газету «Полярная кочегарка» краткое описание нашего житья. Кроме Баренцбурга, в этот же срок работаю с Груман-Сити. Там меня слышат оглушительно — на 9 баллов.

14 декабря. Что-то разбаловался мой приемник. Появились какие-то шорохи. Сменил ночью лампы, но шорохи остались. Отодрал примерзшую к стене и сырую анодную батарею. Шорохи могли появиться либо от сырости, либо от старости.

В полдень принял телеграммы Петрозаводска и Днепропетровска. Папанин избран в Совет Национальностей, Ширшов — в Совет Союза. Ну и радость огромная!

Много говорили о том, какое это ответственное государственное дело — быть депутатом. Выбрал нас народ не по признаку нашей спе-

циальности и работы. А какие мы государственные деятели? Считают нас преданными и верными людьми, считают, что мы можем принести пользу делу партии и народа. Поэтому избрание каждого из нас является как бы авансом. Предстоит его оправдать. Надо будет заниматься, читать, держать постоянную связь со своими избирателями, расти с каждым днем.

По радиостанции имени Коминтерна читали сегодня сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Союза ССР. Везде прошли кандидаты блока коммунистов и беспартийных.

После полудня вместе с Папаниным пошел ставить гидрологическую палатку. Надо делать очередную станцию. Почти полная луна светит отлично. Гряды торосов бросают черные тени. Безоблачно и 33 градуса мороза. Вдвоем тащили нарту с палаткой. Нарта почти пустая, но тащить тяжело. Свежевыпавший снег местами еще не утрамбован.

По очереди вдвоем орудовали пешней на лунке. Провозились полтора часа. Палатка никак не хотела правильно стать над лункой.

Сегодня наше место — 81°52′ широты и 7°27′западной долготы. Ура, мы немного отодвинулись на восток!

15 декабря. Луну называют солнцем влюбленных. Охотно этому верим и желаем влюбленным всяческих успехов. К сожалению, нам приходится лунный свет использовать более прозаически. Вместо нежной ручки дорогой спутницы мы обычно сжимаем холодную твердую ручку лопаты: надо откопать палатку, нарты, всякое хозяйственное добро, занесенное снегом в дни бешеной пурги.

Луна — это бесплатное и притом довольно хорошее освещение: она светит куда лучше, чем наши фонари «летучая мышь». Кстати, эти фонари такого низкого качества, что мы решили один из них привезти обратно на материк, чтобы пристыдить директора завода, производящего эту пакостную продукцию.

В лунную и звездную ночь здесь очень хорошо. Над нами простирается довольно удачная копия московского планетария. Только солнце временно «сломалось» и будет показываться лишь в конце февраля. «Директором» нашего «планетария» является Женя Федоров. Несмотря на высокую должность, ему приходится работать с теодолитом голыми руками. Дирекция «полярного планетария», не щадя затрат, богато одаривает нас вьюгами и морозами.

Ежедневно, используя малейшую возможность, Федоров определяет местоположение нашей льдины. Новые координаты ожидаются с большим интересом. Мы не торопимся на юг, поэтому большие скачки нас не радуют. Однако мы капризны и иногда просим льдину двигаться побыстрее. Вот сейчас, например, нам хочется как можно скорее пройти 30 миль, чтобы оставить позади себя Северо-Восточный мыс Гренландии, на который нас несет.

Досадно, когда луна пропадает из-за непогоды. Небо тогда закрыто облаками, астрономических определений делать нельзя, и мы живем, не зная точно своего места. В такие дни кругом стоит непро-

глядная темь, и лишь вблизи едва чернеют знакомые предметы. К трещине, чтобы наблюдать за сжатием льда, надо итти, либо ориентируясь по ветру, либо следуя по линии нашего «троллейбуса».

Жизнь наша в темноте протекает так же размеренно и четко, как и в солнечную погоду. Вот только к дрейфу никак не можем привыкнуть. Теоретически мы представляем себе снос льда на юг, но его движение незаметно. Льдина все время как бы стоит на месте, и приходится верить Федорову на слово, когда он оглашает координаты. Правда, последний месяц льдина вертится, страны света пришли в игривое настроение и поползли вокруг нас. Однако все это малоубедительно. Тем более что радио острова Рудольфа безошибочно доставляет нам радиограммы, адресованные на «Северный полюс».

Когда мы вернемся, нас наверняка будут отводить за рукав в сторону и таинственным шопотом спрашивать: «А скажите по совести, вы очень боялись?» Все будут думать, что мы ответим отрицательно. Должен заранее разочаровать этих товарищей и напомнить им один исторический факт. Как передают, мимо Наполеона в опасную атаку пробегала часть во главе с молоденьким офицером, который обливался слезами. Наполеон подозвал его и спросил, почему он плачет. Офицерик ответил, что он очень боится. «Ну, желаю победы», сказал Наполеон; офицерик помчался догонять свою часть и стал во главе ее.

Хорошо ему было плакать при положительной температуре. Нам хотя и страшновато, но плакать нельзя: слезы сразу замерзнут. Всё же убедительно просим всех сочувствующих нам не бежать на основании этих сенсационных сведений в Главсевморпуть и не требовать немедленной посылки самолетов. До полного окончания плана работ наш аэродром закрыт.

Сейчас мы вчетвером строим планы будущих экспедиций. Подробностей пока не сообщаем. Во-первых, это секрет изобретателей, во-вторых, боимся получить телеграфные разводы от наших жен.

Все мы регулярно ведем дневники. Если не записать в дневник, то иногда трудно бывает вспомнить, что было два дня тому назад. Правда, иногда мы записываем: «Ничего не было». Это неправда. Были метеосводки, были радиосводки. Папанин боролся с замерзшей кашей и разлил керосин. Федоров и Ширшов приводили в порядок свои записи.

Быстро идет время, и не без пользы. Вот отрывается еще листок календаря, который все мы знаем наизусть. Все мы говорим друг другу: «А что, если товарищ Сталин вдруг спросит, как у нас дела?» Мы стараемся работать так, чтобы не краснея ответить на этот вопрос.

Женя получил извещение из города Фрунзе об избрании его депутатом Совета Национальностей. Теперь у нас на льдине уже три депутата.

16 декабря. Папанин поранил себе правую руку напильником. Рука сильно болит. Ставил согревающий компресс.

Погода портится. Сквозь рваные облака снова просвечивает луна. Какое-то тревожное освещение. Крепчает юго-восточный ветер.

В пять часов утра, благополучно опустив груз до дна, вернулся Ширшов. Несмотря на близость Гренландии, глубина 3 397 метров.

Решили к подъему приступить после завтрака. Однако ветер стал так резко усиливаться, что срочно отправились поднимать приборы. Даже чай не пили.

Быстренько пришил веревки к меховым чулкам, чтобы не спадали с колен при ходьбе. Когда вышел, сильно пуржило.

К нашему возвращению Папанин сварил кофе, открыл банку с молоком, что считается у нас роскошью. Банок с молоком всего три штуки в каждом десятидневном бидоне. Обдали кипятком кусок грудинки, нарезали ломтиками и положили на красную небьющуюся тарелку. Сервировка необычная. Отсюда и праздничное настроение. Развели еще горячим кофе холодный коньяк. Получилось терпимое согревающее питье.

В полдень принял письмо избирателей города Уфы. Поздравляют меня с избранием в депутаты Верховного Совета СССР. Где еще в СССР можно найти поселок, в котором все жители — депутаты первого в мире социалистического парламента?

17 декабря. Вечером Жене все же удалось «цмыкнуть» звезды. Оказывается, несмотря на сильный южный ветер, мы продвинулись только на две мили к югу. Особенно радостно то, что дрейф идет на восток.

Ну ее, эту Гренландию. Лучше подальше от нее держаться.

Во-время закончили гидрологическую станцию. К ночи погода совсем испортилась. Пурга. Скорость ветра дошла до 14—15 метров в секунду. Ничего не видно. Трудно поверить, что такой сумасшедший вихрь может мгновенно стихнуть. Но в Арктике обычны самые невероятные вещи. Когда я вышел на утренний срок, уже все замолкло, ни единого облачка на небе, все залито светом полной луны. Мягко и уютно светят звезды. Можно при этом свете читать — до того светло. Веселый выспался и бурно заигрывает со мной. Но мне некогда. В эфире бушует шквал поздравительных телеграмм. В одном из приветствий нас назвали «дрейфующими депутатами». Неплохо.

После чая Женя прилаживал непромокаемую материю на свой мешок, который подмокает от сырости, идущей с потолка. Вообще теперь у нас все сырое. Шалит радиоприемник. Сменил лампы, но дело не в них. Одежду и обувь высушить в палатке не удается. Стены покрыты слоем льда и инея от дыхания. Прямо хоть не дыши...

Лазил в радиосклад. На всякий случай надо достать оттуда осветительные ракеты.

Последней пургой совсем занесло вход в палатку, что в случае срочной эвакуации очень неудобно. Поэтому решено откопаться. Снег отвозили на нартах в сторону. Работаем вдвоем, вместе с Ширшовым.

В детстве я увлекался занимательной книгой Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки». В ней описывалась беспомощность городских людей, вздумавших бежать к природе и путешествовать без удобств цивилизации. Как жаль, что эта книжка о

смешных буржуазных недотепах не попала к нам на полюс. Ее можно было бы читать вслух.

18 декабря. Сменил анодную батарею у приемника. А он все шумит. Попробую сушить соединительные провода.

19 декабря. Погода совсем испортилась. Сильный, ровный ветер с юга через вест зашел на норд. Это хорошо. Вчера днем снова было определение — к общей радости, нас сильно отжало на восток. По широте мы находимся уже южнее Рудольфа.

Ветер отлично крутит ветряк. Поэтому все усиленно пишут корреспонденции в газеты.

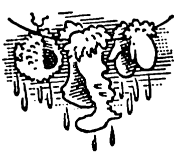
Играл с Ширшовым в шахматы. Мы играем примерно одинаково, поэтому интересно. Вообще увлечение приходит запоем. То все пишут, то читают. Несколько дней назад стали играть в шахматы.

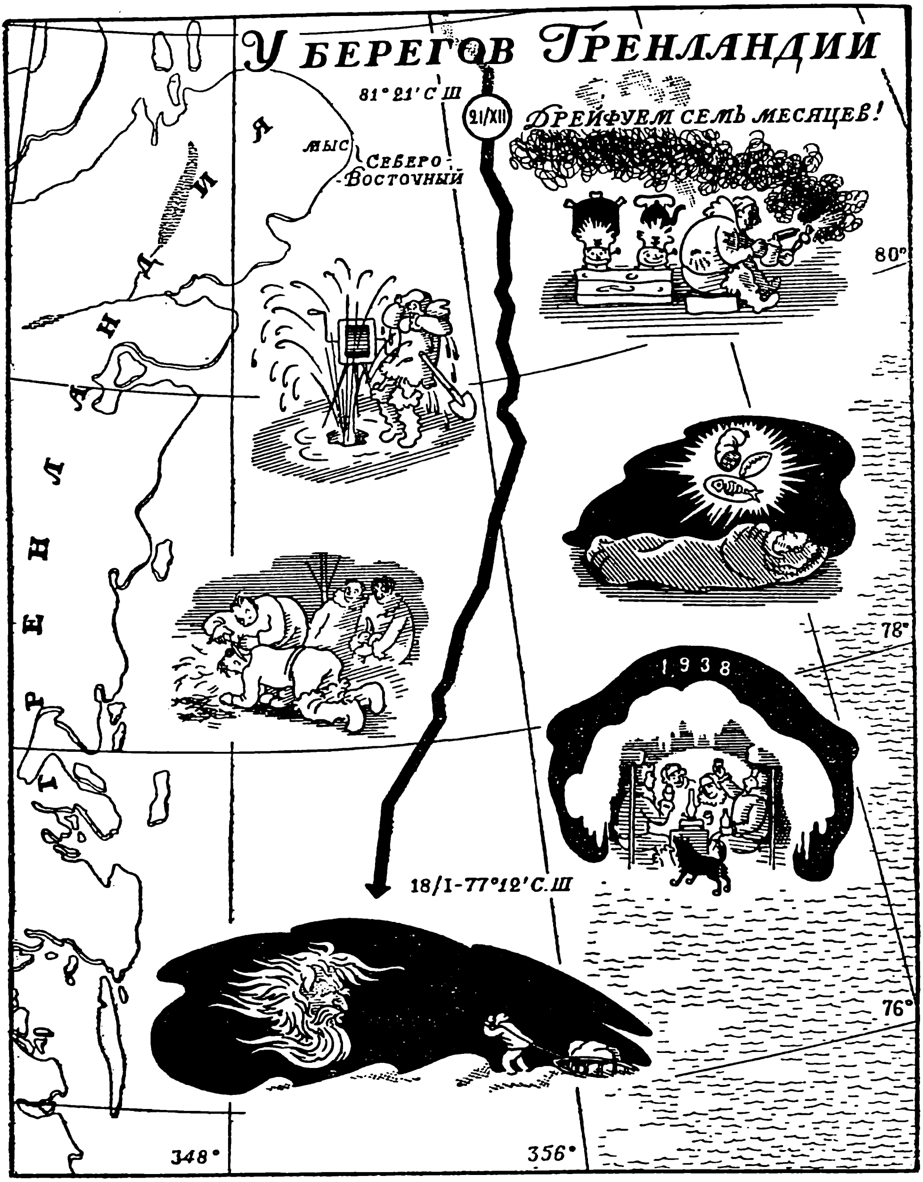
Погода пасмурная. Женя лазил в астрономический справочник. Самого низкого своего положения за горизонтом солнце достигнет 22 декабря в 9 часов утра по московскому времени. Начиная с этого числа оно будет подниматься. Эх, скорей бы. Надоела темнота, хочется свободно, не стесняясь, походить хотя бы по нашему полю, а то ноги застоялись. Ну, а пока что темно, сыро, монотонно, тесно и тревожно. Ждем солнца. Начал перечитывать «Петра I» Ал. Толстого. За книгой быстрее идет время.

20 декабря. Все время сплошная облачность. Сильный и ровный северный ветер отлично крутит ветряк. Утром ежедневно сдаю на остров Рудольфа по тысяче, а то и больше слов.

Из Управления полярных станций получили совершенно уморительное предложение о рационализации нашего лампового хозяйства. Главное, советуют всерьез. Надо сделать из трех досок ящик по ширине лампы, открытый сверху и с одного бока, вышиной ниже горелки, чтобы не загораживать света; дно прибить из фанеры. Открытую сторону ящика закрывать куском фанеры на петельках. Сверху на горелку надеть бумажную воронку для направления потока воздуха, который при помощи шланга подводить снаружи. Этим, по утверждению директивы, достигается яркое горение лампы и экономия кислорода в палатке, необходимого для дыхания. Директива, конечно, с номером и подписью. Отвечать не стали. Все равно ни один телеграфист не возьмется записать наши искренние признания по поводу этого «рацпредложения».

Астрономического определения нет. Должно быть, как раз сейчас проходим мыс Северо-Восточный.

21 *декабря.* Вот и остались позади семь месяцев нашей дрейфующей жизни. Теперь можно написать и о нашей радиостанции. Давно следовало бы рассказать об этом изумительном сгустке советской техники, — стыдно сознаться: от этого удерживало меня легкое суеверие.

Теперь, когда дело заканчивается, можно сказать, подражая

Козьме Пруткову: «О всяком деле судят по результатам». Результаты отличные. Мне как радисту хочется первые слова благодарности обратить к коллективу радиолаборатории Управления НКВД по Ленинградской области, создавшему нашу радиоаппаратуру. Минимальный вес и максимальная надежность были трудно совместимыми требованиями. Надежными руками наркомвнудельцев для нашей радиостанции сделана отличная радиоаппаратура. Достаточно сказать, что за семь месяцев я ни разу не вскрывал станции для устранения неисправностей — их не было.

В тесной жилой палатке станция занимает целый угол. Тусклая лампочка карманного фонаря, болтающаяся на непомерно толстом проводе, слабо освещает хаос из проводов и проводочков, который, по недоразумению, называется «беспроволочным телеграфом».

Освещения почти не требуется. За долгие месяцы работы впотьмах, наощупь, у меня выработалась привычка находить и настраивать нужные ручки. Щелканье выключателей, гудение машинки так привычны, что при нормальной работе их не слышишь. Малейшее изменение знакомых звуков, наоборот, сразу заставляет насторожиться. На столе центральное место занимают передатчик и приемник. Они не вынуты из ящика и чехла. Ежеминутная возможность переезда на другое место не позволяет располагаться по-домашнему.

Так же как гидрологический стол Ширшова, мой столик считается священным местом. Сюда, например, не полагается ставить закопченный чайник. Здесь лежат такие деликатные вещи, как единственный перочинный ножик и кремни для зажигалки. Поднимаю страшный скандал, если не нахожу на строго определенном месте кусачек. Ведь возможна такая обстановка, когда некогда будет аккуратно отсоединять провода и останется только зверствовать кусачками. Десятки раз я мысленно эвакуирую радиостанцию.

На передатчике лежит замусоленный журнал. Сюда вписываются все наши телеграммы, входящие и исходящие. Это явное нарушение той статьи Конституции, где говорится о тайне переписки. Однако протестов не поступает, разве что: «Почему не сказал, что твоя жена целует всю четверку?»

На старинных гравюрах ось мира, воткнутая в полюс, имела лопасти. Херувимы дули на лопасти, приводя в движение земной шар. Херувимы оказались сговорчивыми и по совместительству честно вращают наш ветряк. Голубой уголь — главная энергетическая база нашей рации. Количество отправленных радиограмм находилось в прямой зависимости от ветра. При безветрии зарядки аккумуляторов хватает на десять суток, — тогда передаются метеосводки. Несколько раз спасала ручная динамомашина. Живые двигатели выкручивали свою литературную продукцию в эфир, что несколько охлаждало их писательский пыл. Кто еще из радистов может похвастаться, что его радиостанцию обслуживал двигатель, состоящий из трех депутатов советского парламента, обладателей шести орденов?

Да, кстати, в предыдущей моей корреспонденции в «Правду» крепко обругал фонари «летучая мышь» за их плохое качество. Сегодня получил телеграмму директора завода с просьбой указать кон-

кретные недостатки фонарей. Пишет, что технологический процесс улучшен. Надо будет ему ответить. Великое дело — печать...

22 декабря. Сегодня в девять часов утра солнце было в самой низкой точке за горизонтом. Затем коварное светило начинает подниматься. Наконец-то... Воспринимаешь это головой, но и то радостно.

Около полудня Жене удалось определить наши координаты. За четверо суток продрейфовали 37 миль. Скорость исключительная. Мыс Северо-Восточный окончательно остался позади, даже восточные ветры, и те нас не волнуют.

Вечером в «Последних известиях» слушали интересное сообщение. В конце февраля в Гренландское море выйдет небольшой зверобойный бот «Мурманец» для несения патрульной службы и разведки кромки льда. С нами он будет держать радиосвязь.

23 декабря. Известная пословица гласит: «Ничто не ново под луной». Однако наша дрейфующая экспедиция опровергла это утверждение. Под луной появился новый поселок с ежедневно меняющимися координатами.

Наше пребывание на полюсе лишило писателей одной замечательной и терпеливой темы. Бедный полюс, как много ты вытерпел! По древним гравюрам ты был заселен людьми с собачьими головами. Затем на тебе подвизался капитан Гаттерас, герой Жюль Верна. Сюда же была выброшена с итальянского дирижабля святая мадонна (как хорошо, что у мадонны не было радиостанции, иначе она опередила бы нас).

Сильная молодая Советская страна двадцати лет от роду завоевала Северный полюс. Радостным гулом прокатилось известие об этом по всему земному шару. Только немногие «тугоухие» недовольно поморщились, делая малоутешительные для себя выводы.

Вся страна помогала нашей экспедиции. Нам хочется вывезти со льдины на материк всю утварь, чтобы рабочие и работницы Советского Союза могли узнать тысячи предметов, сделанных их руками. Все работало отлично. Спасибо, товарищи, за ваше участие в нашей экспедиции. Жмем ваши руки.

Стало привычным целыми днями принимать поздравительные телеграммы. Совсем недавно какая-то англичанка из Лондона информировала, что в одном юмористическом журнале появился рисунок: на полюсе высаживаются туристы и красуется плакат, на котором изображены водка и зернистая икра. Во-первых, нас интересует, когда на полюсе появится плакат, на котором будут нарисованы виски и сандвичи. Во-вторых, уважаемая мисс забыла упомянуть, что первый плакат, должно быть, красовался на стволе развесистой клюквы.

Для сведения легковерных читателей английских юмористических журналов сообщаю дополнительные детали. Ежедневно, ровно в шесть часов утра, несмотря на злейшую пургу, мы вылезаем на самый высокий торос, хором исполняем русскую народную песню «Ах вы, сени, мои сени» и лишь после этого приступаем к научным работам...

Однако мы допускаем, что туристы на полюсе скоро будут. Преду-

предительные сигналы, висящие на московских бульварах: «Берегись трамвая», легко можно будет установить и на полюсе, изменив только надпись: «Берегись сжатия». Также необходимо заготовить плакаты: «Окурки в трещины не бросать». Излишними окажутся советы: «Не ешьте сырых фруктов» и «Мойте руки перед едой».

Наш дрейф подходит к концу. В апреле—мае мы, вероятно, будем стоять на надежной палубе ледокола. На-днях Москва сообщила, что разрабатываются различные варианты снятия нас со льдины. Мы по телеграфу уже заказали в Ленинграде летние фуражки морского образца.

Сейчас все усиленно пишем в газеты. Некоторые из нас начали испытывать недостаток в темах для корреспонденций. Чтобы не подраться на литературном поприще, мы на общем собрании мирно распределяем и планируем темы. Муки творчества дают себя чувствовать. Назрела насущная необходимость в самоучителе для полярных корреспондентов. Например, какие бывают чайки? Чайки бывают белые, одинокие, тоскливые, крикливые... Какие бывают дрейфующие зимовки? Только советские. Все наши мысли — нарасхват. Ширшов недавно использовал даже кухонную тему — примусы. Вообще Ширшов пишет, как Лев Толстой — семь раз исправляет написанное.

Условия творчества у нас неказистые. Даже у самого захудалого писателя есть стол и стул. У нас этого нет. Ножки стола трещат от сырости, пугая соседа. Каждый пуще глаза бережет огрызки карандашей. Противно брать в руки ублюдки Мосполиграфа, которые именуются вечными карандашами. Ходят упорные слухи, что техника двадцатого века имеет возможность разрешить эту сложнейшую проблему...

Скоро вся страна будет праздновать встречу Нового года. Мы от души желаем успехов всем дорогим соотечественникам в 1938 году. Не забывайте, товарищи, что каждая профессия имеет свой полюс. Так, Иван Иванович Гудов достиг полюса фрезеровщиков.

Пройдет еще несколько дней, наступит полночь 31 декабря, и мы поднимем свои бокалы за нашу страну, за нашу счастливую жизнь, за достижение всех полюсов. Ну, а пока что после утреннего чая потащили вдвоем с Папаниным нарты и палатку на трещину. Безоблачное небо вдруг затянуло густым туманом; к счастью, он быстро разошелся. Температура — 32 градуса мороза. Жалкие остатки луны уже почти не дают света. Жаль, на этот раз не удалось при лунном свете отдохнуть от надоедливой темноты. В полдень была видна, хотя и очень слабая, но все же заря.

Оба пыхтели над лункой, орудуя пешней. Подошел Женя, втроем палатку поставили быстро. Затем попили чайку и вчетвером потащили лебедку к лунке.

Поднимали груз после обеда, но меня не будили. Выкрутили втроем. Глубина здесь всего лишь 1 420 метров.

Мы распрощались с Северным ледовитым океаном и находимся теперь на севере Гренландского моря. Пока движемся по «белому пятну», но скоро начнутся «жилые» места.

Уменьшение глубины подтверждает наличие порога между Шпицбергеном и Гренландией. Раньше этот порог был нащупан около Шпицбергена. Здесь — мы подтвердили его существование.

Прошли за сутки на юг 6 миль при почти полном штиле. Вечером пересекли 81-ю параллель.

24 декабря. Итак, сегодня день моего рождения, стукнуло 34 года. В первом часу ночи меня поздравили мои товарищи. После этого Петя ушел на лунку продолжать гидрологическую станцию, а Дмитрич и Женя легли спать.

Воспользовавшись штилевой и облачной погодой, не вылезал из теплого мешка до четырех часов утра. В утренний срок—о чудо!—нам не было ни одной телеграммы. Отстукал послание Жени в «Комсомольскую правду» и отправился к Ширшову на лунку помогать при подъеме груза с глубины 1 000 метров.

Кругом туман. Под ногами, на небе, по сторонам — абсолютно ничего не видно. Шел по веревке, изредка освещая ее своей ручной динамомашинкой. Подошел как раз во-время — к моменту... окончания подъема.

К чаю разогрел мясной порошок, оставшийся от вчерашнего обеда. Потом полез на ветряк. Теперь это почти ежедневная зарядка. Начинался ветер, а щетки ветряка снова засорились.

Около часу дня, как обычно, лег спать. В семь часов вечера обедал, лежа в мешке. Гороховый суп с одной сосиской, молочная рисовая каша и по случаю дня рождения — маленькая металлическая рюмка коньяку. После этого не оставалось ничего другого, как повернуться на другой бок и поспать до начала ночного дежурства. Неплохо было бы получить хотя бы десятую часть тех вкусных вещей, которые приготовила сегодня Наташа. Ух, до чего хочется селедочки, картошки, настоящего мяса. А кусочек свежего, мягкого хлеба! До чорта надоели сухари, борщ, щи, каша и мясной порошок!

Собственно говоря, сейчас мечтаю только о картошке и французской булке с чайной колбасой. И почему только не обращаешь внимания на эти мелочи, когда живешь в Москве? Вот вернусь — буду есть по пять булок в день. Всегда в кармане будет булка с колбасой или холодная котлета.

К вечеру стал крепчать северный ветер. Папанин и Ширшов пошли убирать с трещины палатку и лебедку. Из-за пурги сегодня даже Москву не мог слушать. С горечью констатировал, что мой день рождения так и прошел. Тут же я поздравил Петю — его день рождения 25 декабря. Ветер все крепчает и в ночной срок достиг скорости 25 метров. Значит, ночное дежурство будет весьма напряженным.

Иногда думаю о моих друзьях — товарищах по экспедиции.

Папанин. В Севастополе на Морском заводе, где прошла его юность, был обычай испытывать новичков. Однажды молодого ученика подозвал мастер. «Возьми-ка, Ванька, в углу пару заклепок». Взял. А заклепки были выброшены в угол прямо с горна. Под шелухой окалины еще держался огненный жар. Паренек взял их, не бро-

сил, не крикнул. Стиснув зубы, боясь обронить заклепки, он поднес их и отдал мастеру. Потом, в годы гражданской войны, Папанин ходил на катере против миноносца. Чтобы врагам страшнее было, на крохотном катере жгли макуху. Валил дым, и миноносец, издали приняв катер по крайней мере за какой-то торпедоносец, повернул обратно. Вот и сейчас в нашем хлопотливом начальнике проглядывают те же черты. Нигде и ни в чем не сдаваться. Брать все с боя.

В 10 часов начинается его рабочий день. Он кончается в полночь, когда все мы пьем чай и слушаем «Последние известия». Утром Дмитрич обходит базы. Их нужно регулярно очищать от снега. Если начнет торосить — базы придется переносить. К этому мы всегда готовы. Потом приводятся в порядок лампы. Стекла — товар нежный и дефицитный. Папанин их сам протирает. Обычно капризничает один из примусов. Тогда в кухне разгорается паяльная лампа. Грозный рев ее слышен издалека. Весь в копоти, блестя зубами, Иван Дмитриевич прожигает примусную горелку. За его спиной в тон лампе ревут два примуса. Это варится обед. Снопы пламени рвутся к стенам, и по ним текут ручьи снеговых слез. Иногда, правда, из рассверленных горелок фонтаном вырывается горячий бензин. Нимало не смущаясь, Дмитрич вышвыривает своих питомцев из кухни на снег. Холодная ванна быстро охлаждает разбушевавшиеся машинки. Пока еще ни один из примусов не взорвался.

Едва закончена возня с примусами — нужно помочь Федорову или Ширшову и, вспомнив старые слесарные навыки, починить какую-либо деталь, запаять керосиновый бак. В заключение — корреспондентский труд. У нас нет письменных столов и ламп со штепселями. Писать стараемся сразу начисто, без черновиков; запас бумаги ограниченный. Для писания корреспонденций урывается время либо от сна, либо от послеобеденного отдыха. В радиожурнал переписывать приходится особенно четко и разборчиво. Иначе поднимаю шум. Но мы люди свои, сговариваемся быстро.

Ширшов. «Я опоздал родиться на три года», жалуется иногда Петя. Мальчишкой он толкался среди бойцов и разбивал кирпичом ручные гранаты. Бесчисленное количество раз переходил из рук в руки Екатеринослав, и сын рабочего-печатника прошел там прекрасную школу классовой борьбы. Он хорошо запомнил, как в трескучие декабрьские морозы раскачивались в скверах тела повешенных коммунистов, звенели, ударяясь друг о друга. Этот страшный перезвон остался в памяти и навсегда вселил ненависть к врагам революции.

Закончив вуз, молодой гидробиолог изучал водоросли в родном Днепре, потом на маленьком боте плавал у скал Новой Земли, исследуя кормовую базу промысловой рыбы. В Арктике шире разворачивается человек и ученый, ему приходится крепить концы, смело вести суденышко в шторм, быть таким человеком, на которого товарищи в трудную минуту могут положиться. И Ширшову по душе было стать полярником. В челюскинском лагере он был первым бригадиром и прорабом аэродромных работ.

Когда готовилась наша экспедиция, после целого дня беготни по

заводам он шел в клинику, учился там резать трупы, потом в лавке покупал говядину и учился на ней препарировать. Ну, а ночью, конечно, приходилось подгонять научные труды по прежним экспедициям. Нельзя же было покинуть материк, оставаясь должником. Недавно мы трое — Папанин, Федоров и я — писали в днепропетровские газеты о кандидате в депутаты Петре Ширшове.

«У всех нас, — писали мы, — здоровье в прекрасном состоянии, но если сломаешь руку или ногу в торосах, если обожжет взорвавшийся примус или одолеет мороз, — без колебаний каждый из нас ляжет под нож Ширшова. «Действуй, Петя, как умеешь, мы тебе доверяем». Мы гордимся тем, что наш товарищ выдвинут своими земляками в депутаты Верховного Совета, и убеждены, что он с честью оправдает и их доверие».

Федоров. Женя как-то сказал, что советская власть «поставила его на звезды». Это совсем не плохая должность. Ведь один умный писатель сказал: «Удивительно не то, что звездное поле огромно, а то, что человек измерил его». Писатель, очевидно, не имел в виду астрономических измерений при 35-градусных морозах, на пронзительном северном ветру, когда от прикосновения к мельчайшим винтикам щепетильных астроприборов даже душа в ужасе уходит из нашего бренного тела. А Женя ничего, справляется. Больше того, он еще овладевает английским языком и утверждает вместе с Петей, что это одно из радикальных средств борьбы с холодом.

Часто пурга прячет странное сооружение, которое, по утверждению Ширшова, где-либо в Африке можно было бы принять за термитовую кучу. Эта сахарная голова гордо именуется «магнитной обсерваторией». Сквозь тонкую стену оттуда пробивается электрический свет. Там, в торжественной тишине, ворожит над своим теодолитом Женя Федоров, колдуя над таинственными элементами земного магнетизма. Мы нередко подшучиваем над его «невесомой» наукой.

— То ли дело — гидрология вручную на океанских глубинах. По крайней мере, чувствуешь всеми конечностями, что действительно двигаешь мировую науку, — шутливо ворчит Ширшов.

25 декабря. Ветер все крепчает. В ночной срок едва слышал остров Рудольфа. В пять утра еще слабее слышал Баренцбург. Они меня принимали нормально, хотя у меня в антенне лампочка мигала весьма подозрительно. Ночью порывы ветра доходили до 20 метров в секунду. Сухо шуршит снег о палатку, как будто кто-то кидает его пригоршнями. Прислушиваешься — и чувствуешь себя скучненько.

Записи у метеобудки приходится делать на маленькой фанерной доске. Сегодня с ней едва справился. Дощечку рвет из рук. Рядом с палаткой образовался огромный сугроб. Начинается он от крыши и затем огромным, широким языком спускается на поле. По плотно прибитому снегу легко и удобно взбираться на крышу палатки.

Утром едва догадался, что работает Рудольф, — так слабо его слышно. Вылез в пургу и смотрел, что случилось с антенной. Оказывается, я слушал и передавал только на снижении, которое уцелело, сама антенна порвана.

При свете меркнущих электрических фонарей вместе с Женей чинил антенну. Дальняя мачта согнулась дугой. Чтобы ее не сломать, антенну привязали чуть пониже, тем более что порвался еще и подъемный фал. Я сел на корточки. Женя влез ко мне на спину, после чего я поднялся на ноги. На высоте двух ростов Женя крепил антенну. В палатку вернулись совершенно мокрые от набившегося всюду снега.

Однако передатчик не хочет работать. Антенна не только порвана, но из нее выдран целый клок. Нет ничего удивительного в том, что я не мог добиться отдачи на своих обычных волнах. Работа в полдень с Рудольфом не состоялась. Ветер и пурга не утихли. Не состоялась также работа в шесть часов вечера.

На Рудольфе, наверное, немного волнуются: утром я сказал, что у нас 9-балльный ветер.

Только поздно вечером этот ветер затих. Втроем — Дмитрич, Женя и я — занялись антенной. Чтобы долго не дразнить пургу, повесили новую, запасную. Все в порядке.

26 декабря. Наконец-то в ночной срок хорошо был слышен Рудольф. За вчерашний день у него накопилось свыше 20 телеграмм. Колоссальное количество телеграмм от разных редакций с просьбой прислать новогодние пожелания. Получается, что без нашей радиограммы и газета не газета.

Стромилова мы назначили своим полпредом и попросили незамедлительно сообщать все новости, что он аккуратно и делает. Сообщает, что 23-го числа в газетах была опубликована большая статья Шмидта о плане нашей съемки. Срок: апрель—май. В Управлении получено много писем из-за границы — волнуются, что мы так близко от берега.

Работы сегодня уйма. Провозился почти до 4 часов утра. Вышел после работы, хотел пустить ветряк, а на дворе — полный штиль. Безоблачно и прекрасное сияние. Все это и называется: «сел в лужу». Я почти до конца загнал аккумуляторы в надежде на ветер. Теперь придется влачить нищенское существование.

Жаль, хотелось передать кое-какие заметки в газеты.

Кажется, великому Гёте принадлежит весьма точное определение человеческого вдохновения. «Вдохновение, — писал он, — не есть селедка, которую можно положить сегодня в банку, чтобы пользоваться ею через два года». Опыт нашего полюсного холодильника также, к сожалению, свидетельствует, что даже при преимущественно отрицательных температурах оная селедка спустя несколько месяцев превращается в некий удобрительный компост. А вот наше писательское вдохновение приходится все же беречь до появления ветра. Полюс имеет свои законы.

После чая откапывал с Папаниным из-под снега нарты и наш вход. Штиль и звезды. Хорошо! Хотели было пойти ставить гидрологическую палатку, но отложили до вечера.

Ночью вчетвером устанавливали палатку. Намело большие сугробы и выдуло заструги. За трое суток опять прошли 30 миль.

27 декабря. С полночи заиграла пурга. Ширшов трудился в одиночестве на трещине. С минуты на минуту мы ждали его с неприятным сообщением, что гидрологическая станция из-за сильного дрейфа срывается. Вскоре затявкал на далекий фонарь Веселый. Шел Петя. Оказывается, он уже сделал промер глубины! Один!!! Удивление сменилось скукой, когда узнали, что глубина всего лишь 217 метров. Петя уверяет, что поднял тросик и постучал грузом о дно. Нас вынесло на мелкие места.

Погода ухудшается. Вечером Ширшов ходил крепить палатку. Отчаянная погода, а барометр ровно идет вверх.

28 декабря. Весь день пурга. В примусе вдруг не оказалось горючего. Бидон стоит снаружи у дверей. Пока наливал бензин, всего запорошило. Одежда стала мокрой, словно я нырял в воду.

В краткое затишье Женя определился. Наша широта: 80°28′. У Жени на 80-м градусе кончаются астрографики. Они сильно ускоряли все вычисления. Теперь вычисления вместо 15 минут будут занимать около часа.

Отправил очередную серию поздравительных новогодних телеграмм. Ох, и много же их!..

Днем ветер и ветер. Спал. Видел занятные сны. Как будто побывал в кино.

29 декабря. К 12 часам дня добыли новые координаты: широта 80°00′. Ну, и чертовская скорость за последнее время.

Секретарь горкома партии Уфы сообщает, что два моих письма к избирателям напечатаны на русском и башкирском языках. Одно письмо в виде листовки расклеено по избирательному округу.

Детиздат просит написать большую книгу для детей 8—10 лет. Ох, и тяжелая задача! Не имею даже представления, как писать для такого возраста.

Мои сообщения о подгорании щеток вызвали тревогу у конструктора ветряка инженера Перли. Сегодня он прислал подробное наставление. Предлагает к концам припаять проволочные восьмимиллиметровые кисточки. Спрашивает, насколько желательно новые двигатели снабжать двухколлекторными динамо, а при ветре сильнее 6 метров питать передатчик непосредственно, без аккумуляторов. Наша экспедиция вызвала огромный интерес к мелким ветрякам у школ, радиоузлов, радиолюбителей, партаудиторий в селах. Просят написать специальную статью для центральных газет, включив опыт Новой Земли и мыса Челюскина. Указать число минут работы резервного ручного привода, экономию топлива, простоту ухода. Перли напоминает, что в селе Дыгер Киевской области радиоузел уже третий год питается от ветродвигателя. Оказывается, на основании нашего опыта с 1937 года американцы стали применять двигатели с клапанами.

Запросы от газет продолжаются. Петя, как «исполняющий обязанности врача» получил заказ от украинской газеты «Социалистическое здравоохранение».

30 декабря. Утром Папанин в энный раз чинил колодку со щетками. Теперь ветряк работает хорошо.

31 декабря. Днем получили большую телеграмму от ребят, участников елки в Москве в Доме союзов. Пишут о своих развлечениях, о макете нашей палатки и приглашают нас на следующую новогоднюю елку. Сразу ответили.

Пока писали, началась южная пурга. Последний день старого года отмечен небывалым подъемом температуры — всего лишь 4 градуса ниже нуля. После полудня лег спать и сказал, чтобы меня не будили ни к обеду, ни к концерту.

Разбудил меня Папанин в 11 часов вечера. Пети и Жени не было. Разгулялся южный ветер, и они ушли крепить гидрологическую палатку на трещине. Очень не хотелось вылезать из мешка, но надо было торопиться, чтобы успеть побриться до Нового года. Стоял на четвереньках, а Папанин кромсал на затылке мои космы. Затем быстро побрился, вымыл голову, шею и лицо. Приблизительно, конечно. Вскоре бритьем занялся Дмитрич. В это время вернулись Ширшов и Женя. Подходило время новогоднего метеосрока. Хотя приемник включил с опозданием, но бой часов мы слышали. Слышали тост за Сталина.

Новый год встречаем сильным южным ветром с пургой.

В 12 часов 15 минут передал, как обычно, метео на о. Рудольф и обменялся новогодними приветствиями. После этого сели за новогодний стол, вернее — бидон. По случаю праздника испечены знакомые, тяжелые, как свинец, лепешки на соде. Приправляем их паюсной икрой. Ничего, есть можно. Вторым блюдом — картофельное пюре с сосисками и кофе с остатками торта.

Позвали в палатку Веселого, чему пес несказанно обрадовался. Погода мерзкая, а настроение хорошее. Что ни говори, ушедший год не прошел даром.

1 января 1938 года. Только к шести часам утра все устали и легли спать. Остался бодрствовать лишь я один. Сделал утренний и дневной — 12-часовой — метеосроки.

Ветер быстро стихает. Днем отличная погода. Ясно, тихо, звезды.

Наше место — 79°44′ северной широты и 7°28′ западной долготы. На старый год нехватило даже 80-го градуса! Быстро же нас несет.

Новый год — приметная дата. От нее осталось нам плыть дней сто, а там, пожалуй, и «Ермак» подойдет.

2—5 января. Первые дни Нового года удивительно однообразны. Погода средняя: порой затишье, порой слегка метет. Станция работает бесперебойно.

Два дня назад вдруг обнаружил, что по стенке течет вода. Койка и спальный мешок снизу сильно подмокли. Вывернул мешок наизнанку. Пусть теперь верх сохнет на мне. Чтобы спастись от воды, постелил на койку кусок непромокаемого перкаля. Стало еще хуже: боком все время ощущаю холод. Полез сегодня посмотреть — оказы-

вается, перкаль-то сухой, а мешок мокрый. Очевидно, от испарений. Такое положение никуда не годится, — можно незаметно поймать какую-нибудь подлую болезнь, а потом будут валить на нашу зимовку. Подстелил под мешок сухую оленью шкуру. Сразу стало тепло.

Долго сохранял подарок Наташи: маленькую плоскую бутылочку с апельсиновым ликером. Этот ликер был послан мне вдогонку в Архангельск. Решил больше его не беречь, налил всем по маленькой рюмочке, а бутылку поставил как память на своем радиостоле. Кстати, рядом на столе сушатся фотографии. Они тоже основательно подмокли.

Отовсюду идут новогодние приветствия. «Вечерняя Москва» разразилась стихами:

> На полюс Северный лети,
> Привета искреннее слово.
> «Москвы Вечерней» коллектив
> Желает встречи с вами скорой.

От имени «артели таинственного острова» пишет с Рудольфа Яша Мошковский (он прилетел на Рудольф на одном из тех самолетов, что не могли определиться). Яша только сейчас поздравляет с Новым годом, так как убывал на «таинственный остров» за вещичками и тарой. «К чему ваши бешеные скорости? — спрашивает артель. — Интересуемся, в какой упаковке вас будут доставлять на материк».

Между нами говоря, вопрос упаковки порой и нас волнует.

Телеграмма из детсада харьковского станкозавода адресована «дяде Папанину». Ребята тоже ждут встречи.

Молодой профессор — гидробиолог Богоров — предусмотрительно предупреждает, чтобы, кроме науки, везли с собой самый большой мешок, набитый статьями для газет, иначе сжатие репортеров доконает нас быстрее, чем любое другое. Вообще, судя по сообщениям из Москвы, наша жизнь стала частой темой трамвайных разговоров и домашних бесед. Несмотря на ежедневно публикуемые сводки погоды, в трамвае нередко уверяют, что на льдине во сто раз холоднее. Холод отождествляется с нашей экспедицией. Как бы мороженое не переименовали из «эскимо» в «папанино». Наши имена пошли в рекламу.

Не следует удивляться, если после нашего возвращения парфюмерные предприятия попросят сфотографироваться специально для каких-либо духов «Кренкель» или «Дмитрич».

Работники «Комсомольской правды» прислали телеграмму прямо из типографии, где в последнюю минуту старого года заверстывался наш привет советской молодежи. Тост у них антиалкогольный.

В очередной корреспонденции в «Известия» Ширшов сообщил, что мы с Женей воспели его химическую лабораторию как пивной киоск без пива. Что поделаешь, все-таки столик похож на небольшой буфет в портовом кабачке. Петя признался, что у него есть буфетчица, и просил домашних простить это невольное признание. Чтобы не забыть, как выглядит целая половина населения земного шара, он

пригласил на эту должность по совместительству одну американскую киноактрису. «Ничего, справляется», рапортовал Петрович. Все трое без конца острили по этому поводу — из зависти, конечно.

«Жаль только, — писал Петя, — что у моей голливудской красавицы очень грустный вид, ей, наверное, порядком надоело созерцать наши закопченные физиономии. Хорошо еще, что по-русски она плохо понимает».

И вдруг сегодня с Большой Земли пришел отклик. Одна из героинь фильма «Семеро смелых» — «врач Женя Охрименко» — Тамара Макарова спрашивает, почему в качестве буфетчицы не приглашена советская киноактриса, она не смотрела бы на нас грустно, как патентованная голливудская красавица. Пете пришлось оправдываться. Все свалил на нас. А мы его чуть не утопили в гидрологической лунке за измену советскому кино. Я в последнюю минуту хотел лишить его последней надежды на амнистию Москвы, уверив, что сели аккумуляторы.

Иногда ноют спина и бок. Спасаюсь универсальным лечебным средством: пью горячий чай. Какой это замечательный напиток! Но когда лежишь в мешке и не спишь, скучаешь, — вся окружающая сырость, холод, тьма и грязь выглядят весьма неуютно. Лучше уж закутаться с головой и спать. С горя стал читать толстенную и скучнейшую книгу «Обрученные» Манцони. Издательство «Академия»: веселого мало.

Вечером Москва сообщает наши координаты и погоду. Раньше обычно сообщали еще погоду на Рудольфе. Теперь добавляют Баренцбург и Ян-Майен.

6 января. Ночью я замерз. Поставил чайник и малость отогрелся. После утреннего чая Ширшов приготовил мне бром. Буду пить по три ложки в день, а то иногда трудно дышать и тяжело сердцу.

Больше суток дует сильный нордовый ветер. Скорость его около 9—10 метров. Ветряк работает, как зверь. Полностью заряжены мои, Женины и фонарные аккумуляторы.

Последние три месяца быстрый дрейф заставляет так много работать, что Петя и Женя не успевают полностью обработать весь собираемый материал. Едва хватает времени для наблюдений, намеченных по плану. Предварительных отчетов поэтому не даем. Кроме регулярных метеорологических наблюдений и астрономических определений, сделано за октябрь, ноябрь и декабрь 13 полных гидрологических станций, 13 промеров глубины, 15 магнитных пунктов, 8 трехкратных пунктов гравитационных измерений. Ведутся ежечасные наблюдения полярных сияний. Все пробы воды обработаны.

Гидрологические станции делаются по плану через каждые 30 миль. Раньше 30 миль проходили за двое-трое суток. Для станции надо освободить посуду с пробами предыдущей станции. Приготовление дистиллированной воды также занимало много времени. К тому же океанское дно мы настигали где-то на глубине 3—4 тысяч метров. Чтобы поднять с такой глубины груз, взять пробы воды и

измерить температуры на всех горизонтах, надо было затратить 30—35 часов. Станции шли беспрерывно, одна за другой. Петя вообще не отлучался из своего довольно прохладного «гидрокабинета».

И вот сама природа пришла к нам на помощь. 27 декабря прекратились океанские глубины. Мы вышли в гренландское мелководье. Глубины колеблются от 150 до 300 метров. Теперь есть возможность передохнуть.

Ширшов сегодня занят на очередной станции. Глубина всего лишь 162 метра. Палатка стоит на сравнительно молодом льду, который надежно спаялся с нашим полем. Однако от снежного наноса лед слегка прогнулся. Петя заметил это, лишь когда стал очищать замерзшую лунку. Неожиданно вода забила фонтаном и затопила пол палатки. Такое наводнение случается уже во второй раз. Каждый раз вода поднимается примерно на 5 сантиметров выше уровня льда. Это, очевидно, и есть величина прогиба.

Вечером Женя определился. За двое суток махнули на юг 22 мили и значительно к западу.

Редакция «Последних известий по радио» послала телеграмму с просьбой поддержать ходатайство о посылке представителя редакции на «Ермаке». Начинается!!!

Лежа в мешке, мечтал о соленом огурце, куске селедки и головке лука. Наше меню дико надоело.

7 января. Хорошо бы написать что-нибудь на тему «Холод». Только днем, лежа в спальном мешке, хорошо согреваешься. Одеваюсь поэтому быстро, чтобы сохранить как можно больше тепла. После сна особенно сильно стынут ноги в промерзших «тапочках». Надо выйти наружу. Открываешь клапан двери голыми руками. Снег, попадающий на руки, быстро студит их. Ночью подмерзаешь все больше и больше. Часто приходится греть руки у ламп, сразу у двух. Но разве согреешься как следует, когда весь замерз? Ноги — как ледяшки, несмотря на шерстяные носки, меховую обувь и меховой пол палатки. Самое лучшее было бы прогуляться, подвигаться, но куда пойдешь в пургу и ветер, когда кругом ничего не видно.

Особенно стараюсь согреть руки перед метеонаблюдениями. Однако уже анероиды, когда извлекаешь их из футляра, первыми безжалостно высасывают тепло из рук. Они металлические — холодные, температура их минус 5 градусов, не больше. Перчатки сыроваты, так как просушить их по-настоящему не удается. Все записи делаешь в перчатках. И чувствуешь, как с помощью ветра мороз схватывает пальцы. Надо еще снять металлический барабан самописца. Он и сквозь перчатки жжет, как раскаленное железо. Суешь его в карман и наполовину стягиваешь перчатку, чтобы сжать руку в кулак, — так кажется теплее.

Еще не все — надо пойти посмотреть флюгер. Доска с указаниями румбов заметена крепким снегом. Счищаешь его голыми пальцами, потом бежишь на кухню, уже не чувствуя совсем рук.

Тут я снимаю старую ленту с барабана, накладываю новую. Работа эта тонкая, перчатки надо отложить в сторону. Листик бумаги

надо осторожно обернуть вокруг барабана, аккуратно, край на край, и защелкнуть тонкой застежкой. Окоченевшими руками сделать это довольно трудно. Опять бегу в метеобудку и уже наощупь, по привычке ставлю барабан на место. Рычажком надо сделать отметку. Иногда это не сразу получается, и тогда начинаешь разговаривать с вещами: «Да ну же, ну же!»

Еще предстоит застегнуть дверь. Кажется, простая операция, но она не всегда удается. Бывает, что сначала вернешься в палатку, отогреешь руки и лишь потом идешь к метеобудке и застегиваешь дверь.

Ну, теперь уже можно как следует согреться. Но руки не чувствуют жара лампы. Лишь по запаху паленого волоса догадываешься, что не стóит себя заживо поджаривать.

Кое-как отогрев руки, торопишься написать метеосводку. Ясно, что почерк не каллиграфический. Металлические ручки радиоаппаратуры снова холодят руки. Настраиваюсь на Рудольф, а ладони по очереди подсовываю под себя или грею их на коленях в меховой обуви. Могут быть телеграммы, а для приема рука должна быть теплой. Хорошо, что при передаче от холодной эбонитовой головки ключа стынет только один средний палец. Приходится передавать медленно и время от времени греть палец в кулаке.

В общем, ни перчатки, ни лампы не помогают. В палатке температура колеблется от плюс 5 до минус 5. Либо все в инее, либо капает с потолка. Сырость и сырость кругом. Одежда влажная. Полчаса побудешь на воздухе, и она превращается в стальной панцырь. Согреваешься только в спальном мешке, да и то не сразу.

Так холод нас штурмует изо дня в день с убийственной монотонностью и однообразием.

8 января. Ночью прибыла молния из Москвы. Из Главсевморпути просят подтвердить наши последние координаты. «Верно ли, что 22 мили прошли за двое суток. Ваша быстрота вызывает недоумение». Тут же ответили, что все правильно: 22 мили прошли за 43 часа. Кстати сообщили наши новые координаты. Широта: 78°54′. И все же в ночном выпуске «Последних известий» наши координаты не сообщались. Видимо, им не верят.

Закончен перед выходом в море осмотр зверобойного бота «Мурманец». Бот в хорошем состоянии. Топлива берут на шесть месяцев, а продовольствия на год.

9 января. Утром Москва в «Последних известиях» сообщила, что боту «Мурманец» предложено всячески форсировать выход в Гренландское море для установления связи с нами и для наблюдения за кромкой льда. Срок выхода 10—12 января. Я даже ушам своим не поверил. Ведь сначала предполагалось, что «Мурманец» выйдет в конце февраля. Видно, наша скорость вызывает в Москве справедливое беспокойство.

Передавалась пространная беседа с каким-то мурманским работником. Тот полагает, что дней через семь-восемь «Мурманец» будет у берегов Гренландии. Ох, и прыткий, видимо, этот товарищ! Еще

в Екклезиасте сказано: «Не торопись языком твоим, и слова твои да будут немноги, ибо как сновидения бывают при множестве забот, так и голос неразумного познается при множестве слов».

Вчетвером составили приветственную телеграмму в Президиум Первой Сессии Верховного Совета СССР. Несколько раз переделывали текст, чтобы получилось как можно лучше.

Мы не можем быть на этом всенародном торжестве. Выполняя задание Партии и Правительства, в эти радостные дни с особой настойчивостью будем вести свою работу на дрейфующих льдах. Но вместе со всем советским народом наши мысли и чувства будут в Москве, в красной столице.

Из далекого Гренландского моря послали самый пламенный и сердечный привет избранникам свободного и счастливого советского народа, первому депутату Верховного Совета, нашему Сталину.

Дрейфуем попрежнему быстро, темпов не сдаем. Нас основательно подгоняет северный и северо-западный ветер.

Яша Либин не оставляет мысли о высадке небольшой экспедиции в районе «полюса недоступности». Если она осуществится, можно будет провести там полные гидрологические станции, работая вертушкой и батометрами. Сегодня Яша проговорился, что уже давно хотел задать нам ряд вопросов, но воздерживался, учитывая большую нашу загрузку и т. д. Немедленно ответил: «Извещаю, что справочный киоск дрейфгидросправки открыт круглые сутки».

10 января. «Мурманец» запросил наш позывной, волну и время работы. Ответили ему по всем правилам искусства, зашифровав каждую букву. Получилось занятно: «Ульяна Павел Ольга Леонид волна 57 работа 0015, 0615, 1215, 1815». Конечно, все это для официальности. Наш позывной «UPOL» и нашу волну знают все прохожие.

Ночью «Последние известия по радио» сообщали подробности плана съемки нас со льдины.

По указанию Правительства, дополнительно к «Ермаку» снаряжается для плавания ледокольный пароход «Таймыр».

На «Таймыре» будут два самолета Р-5 и один легкий, вспомогательный. Корабль войдет в лед, выберет подходящий аэродром, и тогда самолеты попытаются нас снять и доставить на «Таймыр». Коллектив заводов, изготовляющих самолеты Р-5, заверил, что самолеты будут готовы к 15 января...

Кроме того, снаряжается отдельная лётная экспедиция на двухмоторных скоростных самолетах. В Мурманске подыскивают для них аэродромы. Начальник этой экспедиции — Герой Советского Союза И. Т. Спирин. Из Мурманска самолеты либо перелетят на аэродром около «Таймыра», либо прямо прилетят к лагерю для съемки. «По всей вероятности, — сообщает радио, — Мурманск будет первой точкой материка, куда прибудут папанинцы. Общественность Мурманска радостно готовится к встрече героических зимовщиков».

Все это делается по указанию Правительства. Счастлив полярный исследователь, имеющий такую Родину и такое Правительство.

11 января. Перечитал записи последних дней и вдруг обнаружил, что нет ни слова о наших «буднях». Так увлекся новостями извне, что забыл о пурге, гидрологии и всех прочих событиях дрейфующей жизни.

Сейчас светит почти полная луна, временами находят облака. Штиль. Отдыхаем от северных ветров. Воспользовался тихой погодой и как следует почистил контакты ветряка, чтобы не лазить наверх во время леденящего ветра.

За последние дни пурга дико надоела. Перед работой приходится тщательно прогревать свои лаборатории. Долгожданная вентиляция выдувает все тепло.

Время от времени Петя беспокоился, как бы ветер не угнал слишком далеко льдину, — так ведь можно проехать место очередной станции. Но ветер гнал неумолимо. Ходить в такую погоду на трещину для проверки гидрологического «хутора» все равно, что лететь в слепом полете или еще хуже: приборов нет никаких, ориентируйся, как хочешь. Женю извлекали из его особняка почти совсем синим. Но он отогревается и снова идет колдовать над теодолитом.

Иногда ощущаются толчки льдины. Невольно у всех как-то учащенно бьется сердце.

Прислушиваемся. Нет, это торосит на соседних льдинах. Никак не можем привыкнуть.

Темы разговоров: «Мурманец», ветер, шахматы. Шахматное увлечение в полном разгаре.

Сегодня, как всегда, слушал «Пионерскую зорьку». Горячо поддерживаю мнение Надежды Константиновны Крупской, что все пионеры и школьники должны вести общественную работу, делиться с другими своими знаниями и опытом.

Очень обрадовался сообщению о том, что московский пионер Леня Зимаков изучил радио и организовал радиокружок, который ребята назвали моим именем. Горячо приветствую членов кружка. Когда вернусь в Москву, обязательно помогу ребятам в их работе.

Северные ветры быстро гонят нашу льдину на юг. Давно уже мы прошли широту полярной радиостанции на острове Рудольфа. Прошли также широту станции в бухте Тихой. Мы находимся южнее всего архипелага Земли Франца-Иосифа.

Мошковский с Рудольфа ехидно спрашивает: «Как там у вас жизнь на юге?»

12 января. У нас еще полярная ночь, ничего не изменилось, и поэтому с трудом верится, что скоро нас будут снимать. А это так. Вчера утром вышел из Мурманска бот «Мурманец». Условился с ним о сроках работы. Слушаю его, начиная с 16 января, ежедневно в 11 часов 30 минут.

Погода пасмурная, штилевая. Несмотря на сплошную облачность, достаточно светло. Где-то бродит спелая луна. Мы к темноте привыкли, как кошки.

В Москве открылась Первая Сессия Верховного Совета СССР первого созыва. По этому случаю над льдиной поднят флаг.

Сегодня у меня в некотором роде арктический юбилей.

Примечательное событие, о котором я хочу рассказать, случилось восемь лет назад в 23 часа 40 минут 12 января 1930 года в бухте Тихой.

Сейчас — это большая полярная обсерватория, одна из наиболее крупных у нас в стране. Ну, а тогда мы впервые высадились на южном берегу острова Гуккера, у подножья одного из холмов, где стоял покосившийся крест на могиле умершего от цынги механика Зандера, участника экспедиции Г. Я. Седова. Вот здесь, на крутом берегу, вскоре выросли жилой дом, баня, амбар. Чуть подальше под защитой горы высилась моя антенна.

30 августа 1929 года была открыта эта — самая северная тогда на земном шаре — полярная станция. Ушел обратно на материк ледокольный пароход «Седов». Вошло в силу строгое полярное расписание дня. В 5 часов утра звуки гонга — удары по шестипудовой штанге — будили повара, а вместе с ним и всех остальных. После завтрака начинались разнообразные работы. В 1 час 30 минут по звонку обедали. Опять работы, ужин, вечерние разговоры; в 11 часов гасился свет. Только радист, как неприкаянный Агасфер, бродил ночами в эфире.

В полночь под 13 января, закончив служебную передачу на Маточкин Шар, я решил поискать новых собеседников. Дал «CQ» — общий вызов «всем, всем». Четыре долгие минуты неслись в эфир точки и тире. Прошу отвечать на волне 42 метра. Переключился на прием. Слышу: меня вызывает какая-то станция. Позывные американского правительства. В чем дело? Ведь обычно правительственные станции не отвечают на вызовы слабых станций. А моя мощность всего полкиловатта. Ответил. Неизвестная станция попросила сообщить мое местопребывание, на каком языке могу объясняться. Я охотно и лихо отстучал, что наша станция находится в сердце Арктики, на Земле Франца-Иосифа, принадлежит первому в мире социалистическому государству.

В ответ услышал приветствие.

«Дорогой друг, — передавал неожиданный собеседник, — очевидно, мы сейчас перекрыли рекорд дальности радиосвязи. Вы разговариваете с базой американской экспедиции адмирала Бэрда в Антарктике...»

Завязалась беседа. Я узнал, что экспедиция Бэрда находится вблизи барьера Росса, в море Росса, на 78°35′ южной широты и 162°35′ западной долготы. Разговаривали между собой два полюса.

Антарктика сообщила:

«У нас сегодня летний день. Только два градуса мороза. Это конец лета. Под лучами солнца еще тает лед. Судно экспедиции «Сити оф Нью-Йорк», миновав берега Новой Зеландии, приближается к кромке льда, чтобы сменить состав зимовки. Наша экспедиция располагает тремя самолетами и другими машинами, приспособленными для изучения полярных областей. Мощные эвапораторы вытапливают из льда воду. Главная наша база расположена на ледяном барьере Росса и состоит из 42 человек. Цель — достигнуть Южного полюса. Имеем много ездовых собак. Недавно вернулась береговая партия, прошедшая 400 миль по ледяной пустыне. Полгода назад прошла полоса 60-градусных морозов. А как у вас?»

Тогда мы еще не могли похвастать машинами и эвапораторами. Советские люди только начали завоевывать Арктику. Бухта Тихая ответила:

«Кругом непроглядная ночь. За окном завывает пурга. Нас всего семь человек. Все здоровы, бодры. Живем дружной семьей. Держим связь с Родиной — Советским Союзом. Ежедневно посылаем метеорологические сводки в Главную геофизическую обсерваторию. Недавно ленинградская общественность организовала для нас две радиобеседы с родными. Слушали приветствия близких».

Американцы передали нам приветствие от летчика, который в 1928 году летал над Землей Франца-Иосифа, разыскивая Роальда Амундсена, пропавшего без вести. После этого передача прекратилась.

Так впервые, и пока что единственный раз, Арктика разговаривала с Антарктикой.

13 января. Утром удалось вздремнуть на часок, поэтому днем охотно играл в шахматы с Ширшовым, а затем с Папаниным.

В арктическом выпуске «Последних известий» читали приветственное письмо нам от Громова, Юмашева, Данилина и Байдукова. Письмо очень хорошее и теплое. Меня от имени башкирской делегации приветствовал депутат Ибрагимов. Ответили на оба эти приветствия.

Погода испортилась. Полная облачность, ровный сильный нордвестовый ветер. Пурга и метель. Определения нет.

14 января. Наше Управление сообщает, что норвежское общество изучения Арктики любезно предложило в случае необходимости пользоваться услугами радиостанции Мютбухта. Рация находится на восточном берегу Гренландии на широте 73°29′. Севернее ее несколько рыбацких хат. Это совсем рядом с нами, и мы ее скоро пройдем. Да, скоро попадем в обжитые места. Здесь карта уже заполнена промерами. Как ни хорошо в гостях, а дома, пожалуй, лучше.

Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!..

Послал через Баренцбург записку на остров Ян-Майен. Прошу меня звать и слушать. Удивительные калеки наши радисты на баренцбургской станции. Неаккуратно являются в эфир на вызовы, передатчик у них плохо работает, туго соображают и не могут принимать латинскими буквами.

Рудольф просит сообщить, есть ли у нас медведи. У них все звери от ужаса разбежались. Охоты нет, ждут рассвета. Придется разочаровать. К сожалению, владыка полярных стран избегает почему-то заходить к нам в гости. Жаль, мы нажарили бы приятному гостю оладий на первосортном масле.

Лед молчит, но ведь каждую минуту он может проснуться. Компактно уложенные склады хорошо обтекаются ветром. За ними вырастают сугробы.

Наша льдина попрежнему огромна. Сжатия открошили от нее только кусочки. Пожалуй, на льдине может разместиться целый горо-

док, с зелеными бульварами, парками отдыха, аэродромами для посадки тяжелых самолетов и даже озерами для неутомимых яхтсменов (чуть бо́льшими, чем в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького).

В призрачном лунном свете раздвигаются далеко-далеко склоны снежных холмов. Острые гребни торосов выглядят, как отроги могучих Кордильеров. Нереальная, сказочная обстановка. Пугливо звенят шаги.

И все же, даже застроив всю льдину, вряд ли удалось бы вместить здесь всех желающих пожить на Северном полюсе и в его окрестностях.

На льдине — просторно, а в жилом доме — теснота. К ней привыкли. Все приспособлено для удобства жизни. Даже парусиновые койки, и те вытянулись точно по форме тел. На Большой Земле первое время будет трудно жить в непомерно больших комнатах, особенно — ходить по ним, не натыкаясь на разное барахло. Придется попросить на время отгородить какой-нибудь маленький, тесный закуток, чтобы постепенно привыкать к нормальной материковой жизни.

Когда задувает пурга и по крыше шелестит снег, приятно отлеживаться в спальном мешке. Потолок — дно койки Ширшова — находится примерно в 10 сантиметрах от моего носа. Приятно пахнет нагретый волчий мех. Иногда проснешься и слышишь, как шаркают по сковородке ложки, подбирая горячую кашу.

Вы, читатель, не ели горячей каши на Северном полюсе. Жаль. Вы, очевидно, согласились бы с нами, что такая каша прекрасна даже на дрейфующей льдине.

Вечером узнали, что летчики Черевичный и Власов уже принимают на заводе два самолета Р-5. В Мурманск машины пойдут по железной дороге и там будут погружены на «Таймыр». Очевидно, дней через десять-пятнадцать «Таймыр» выйдет в море.

Погода плохая. Определения не было.

15 января. Пятые сутки без определения. Только сегодня удалось, наконец, установить более или менее точный адрес льдины. Так долго мы еще ни разу не беспризорничали. Итак, наше место — 77°44′ северной широты и 11°53′ западной долготы. От прошлого места ровно 30 миль. Дешевле не берем. Стахановские скорости...

После полудня пошли втроем откапывать гидрологическую палатку, рубить новую лунку и переносить палатку на новое место. Палатка стоит за торосами, и северными ветрами намело огромные языки сугробов.

Мы с Дмитричем откапывали палатку, а Ширшов рубил лунку в молодом льду. Это место — бывшая осенняя трещина. Сейчас лед толще метра. Прилегающие поля смерзлись с нашим. Нигде нет даже намека на трещину. Льды движутся со скоростью десяти миль в сутки. Что и говорить, механика интересная...

Работали при свете полной луны. Высокие облака закрывали небо. От этого свет луны становился красным, тревожным. Женя сегодня

заметил, что верхние облака идут против ветра. Все предвещает сильный ветер.

По чувствительным уровням приборов Федоровым сегодня замечены плавные ритмические колебания поля, примерно с периодом в 10—12 секунд. Толчки были и раньше, но ритмических колебаний не было. Колебания имеют направление с запада на восток. В чем дело? Неужели поле покачивается из-за близости воды. На западе воды ведь нет.

Получили запрос «Правды», почему мало пишем. Женя получил предложение издательства «Молодая гвардия» писать книгу для молодежи.

16 января. Ветер, конечно, северный. Все время крепчал, крепчал, и к полуночи разгулялась пурга. Дальше пошло еще хуже. Луна едва просвечивает сквозь зверскую метель. За ночь дверь три раза заносило. Приходилось ее откапывать. Около дверей особенно сильно завихряет снег. Доверху засыпает «тапочки». Одежда вся нашпигована мелким снегом, очистить ее нет возможности. Значит, будет сырая. Под потолком безнадежно висят все мои три пары перчаток. Вряд ли они вообще высохнут.

Под утро вернулся Ширшов с гидрологической станции. Я уже начал о нем беспокоиться. Однако веревка точно привела его к палатке. Петя притащил на нартах ящик с пробами воды, чтобы они не замерзли. Снег стал зернистым, сухим, как песок. Нарты движутся по нему с трудом. Неудивительно, что вместо 8 минут Петя добирался 40 минут. Он все время пятился задом: 26 градусов мороза при 8-балльном ветре — штука неприятная для лица. Да и нарты шли так тяжело, что легче было двигать их рывками, шаг за шагом.

В 4 часа на длинных волнах вызвал меня норвежец с Ян-Майена. Очевидно, Баренцбург передал ему мою просьбу о связи. Слышу его отлично. Меня на волне 50 метров Ян-Майен тоже хорошо слышит.

К счастью, коллега отлично говорит по-немецки, так что мы сравнительно свободно изъясняемся на любые темы. Ян-Майен передал нам привет и выразил восхищение нашей работой. Говорит, сделает все, что нам будет нужно. Сговорились о работе: он ежедневно будет меня звать в 3 часа ночи. Передал ему наши координаты. Завтра коллега обещал свести меня с Мюгбухтой — самой ближайшей от нас станцией Гренландии. На мой вопрос, каково состояние льда вокруг Ян-Майена, получил совершенно неожиданный ответ. У них льда нет до горизонта. Однако, несмотря на сильные северные ветры, море мало волнуется, что позволяет предполагать близость кромки льда на севере. Вот так новость! А мы думали, что Ян-Майен наглухо окружен льдами. Ведь первые зверобойные суда обычно приходят на Ян-Майен только в первых числах марта. В чем же дело? Не предвещает ли это еще более стремительного дрейфа? Раз впереди вода, почему не ускориться бегу льдин?

Утром Баренцбург сообщил, что в течение суток у него нет связи с материком. Передал нам телеграмму с «Мурманца». 15-го числа в шесть часов вечера бот был на 76°23′ северной широты и 5°45′ вос-

точной долготы. «Радируйте силу сжатия», запрашивает капитан Ульянов. Видимо, он думает, что мы находимся на разреженном льду и к нам легко подойти. Пришлось его тут же разубедить. Дали ему наши координаты.

В шестичасовой метеосрок сквозь треск в антенне едва услышал Рудольф. Он меня так и не услышал. Не состоялась связь и в 12 и 18 часов. Весь день нарастал ветер. Дошел до 8 баллов, 18—19 метров в секунду. В приемнике сплошной грохот, ни одной станции не слышно. Чтобы не расходовать зря энергию, вообще перестал работать.

В палатке только и разговоров, что о нашей погоде. Ветер теперь совершенно не зависит от давления. Давление идет вверх — ветер, давление вниз — ветер, ровно — также ветер. Очевидно, эти сильные и частые северные ветры — местные, гренландские пришельцы. То же с морозами. «Мурманец» от нас сравнительно недалеко — в 350—400 километрах, а у него 1,5° мороза. У нас — 30°. Ясно, что тут происходят гигантские перемещения воздушных масс от холодной Гренландии к теплому Гольфстриму. Хорошей, устойчивой погоды теперь не жди. Мы сидим на узкой полосе льда, которая мчится к югу между холодной Гренландией и теплыми водами Гольфстрима. Холод и тепло ведут извечную борьбу. И кто бы ни побеждал — на нашу долю приходятся ветры и морозы.

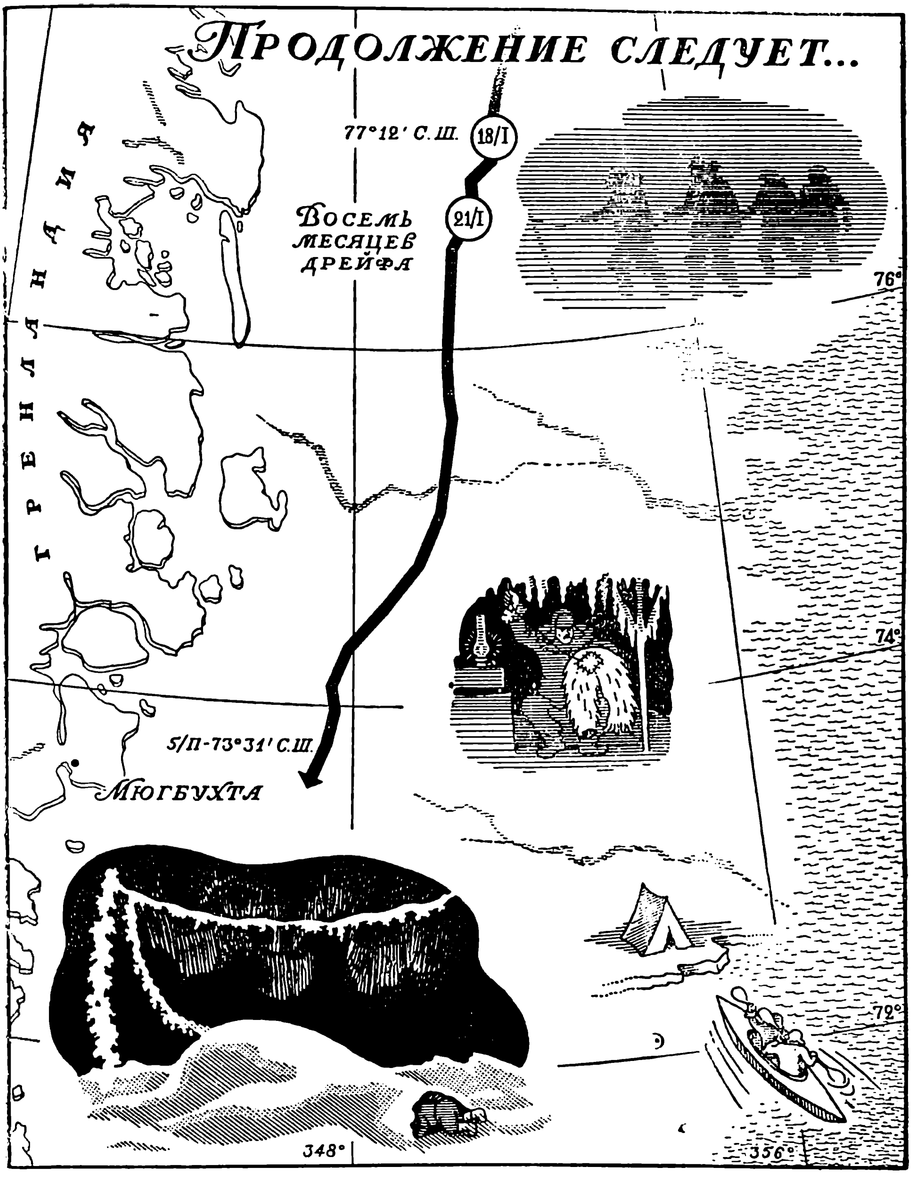
Сквозь помехи едва услышал Ян-Майен. Он явился аккуратно, во-время, но тут же заявил, что на коротких никого не слышит. Слушала меня также и Мюгбухта. Ни тот, ни другой меня так и не приняли. Мюгбухта хотя и ближе, но слышна значительно слабее Ян-Майена.

В шесть часов утра Рудольф догадался послушать меня на длинных волнах. Хотя он слышал очень слабо, но кое-как передал ему все метео за вчерашний день. Ведь четыре срока, больше суток, не было связи. Такого перерыва в связи у нас еще не было.

В полдень метео передал, а вечером опять ничего не вышло. На Рудольфе пурга, сильные помехи. Мои слабые сигналы тонут где-то в пути. Только к утру стал слабеть ветер. Как зверь, затарахтел ветряк. Яркая полная луна и 35° мороза. За двое суток прошли 30 миль на юг, не считая сноса на запад. Часто стреляет и ухает лед.

Вечером хорошо слышали Москву. Вячеслав Михайлович Молотов говорил на Сессии о создании большого океанского и морского флота.

18 *января*. Москва сообщила, что по всей Арктике непрохождение коротких волн, везде нарушена связь.

Даже у Архангельска с Диксоном. О «Мурманце» двое суток нет известий. Вот в чем дело!..

Ночной срок с Рудольфом не состоялся. Звал меня Ян-Майен, но моего ответа не слышал. Из разговора его с Мюгбухтой выяснил,

что на Ян-Майене тихо и мороз 16°. У Мюгбухты тоже тихо, ясно и мороз 48°. Мы не отстаем. Сегодня безоблачно, штиль и 42,6° мороза... Самая низкая температура за все время дрейфа.

В палатке температура минус 4—6°. Согревался тем, что время от времени выходил откапывать занесенные снегом нарты с запасной радиостанцией и бензиновым мотором. Покопаю, покопаю, слегка согреюсь и пишу дневник. Потом, сидя в палатке, замерзаю и опять иду копать. Веселый лает на треск и уханье льда. А удары гулкие и повторяются очень часто. Не пойму, отчего они: то ли где-то жмет, то ли от мороза.

В 6 часов утра Рудольф опять меня не слышал. Дал в эфир без согласия телеграмму от Шмидта: «Таймыр» будет готов к выходу в двадцатых числах января. Однако операция пройдет в лучших условиях, если дождаться светлого времени, то есть конца февраля — марта. Сообщите ваше мнение. Привет».

А мы и не рассчитываем уходить отсюда раньше середины, а то и конца марта.

Ночью чинил меховые штаны. Они совсем разлезлись.

Днем все время грохотал лед. Так как канонада продолжается больше суток, мы к ней привыкли. Мороз крепчает. Штиль. Минимальный термометр показал минус 44,5°. Крепко... В палатке минус 5—6°, но в мешке тепло. Зато вылезать совсем тяжело...

В полдень связи снова не было. Только вечером удалось передать все метео и ответную телеграмму в Москву о том, что у нас все благополучно, все здоровы, ожидаем снятия в марте месяце.

Наш аэродром покрыт колоссальными — метровыми — твердыми застругами. Будет много работы, когда станем приводить его в порядок.

Ширшов сегодня делал станцию. Тепло оделся, но руки все равно опухли. Глубина 272 метра. Женя определился. За сутки прошли 6 миль. Наша широта 77°10′. Эх, холодно, аж душа мерзнет.

Луна стала багрово-красной. Она медленно ползет за горизонтом. Скоро рассвет.

19 января. Сегодня ни с кем связи не было. Рудольф является по расписанию, но меня ни на длинных, ни на коротких волнах не слышит. На коротких продолжается зверское непрохождение. Рудольф не имеет связи даже с Диксоном и кое-как пропихивает свои метео на длинных волнах через мыс Желания.

А мы себе дрейфуем помаленечку, и никто не знает, где мы находимся. Каждую ночь аккуратно является в эфир радист Ян-Майена и с сожалением сообщает о плохих условиях приема. Прощаясь, он обещает звать завтра. Молодец, что не бросает нас. Следит также за мной станция Мюгбухта. Она тоже нас не слышит.

Продолжается 40-градусный мороз при полном штиле, безоблачности и луне. В палатке температура от 0 до 7 градусов ниже нуля. Лампы из-за недостатка воздуха совсем не горят и, следовательно, не греют. Еще никогда не было внутри столько инея и льда. На потолке сплошной ледяной слой. Единственная радость — спальный

мешок. Но часто приходится прерывать сон. Работаю теперь и в шесть часов вечера — в надежде, что Рудольф меня услышит.

Суп в миске такой горячий, что жжет рот. Быстро его хлебаешь, но последняя ложка уже совсем холодная. В палатке темно, полумрак.

Днем, говорят, разгорается хорошая заря. Я ее не вижу, сплю. При свете зари уже можно читать. Всю ночь и день трескался лед, иногда с большим грохотом. У Нансена обнаружил обстоятельное и математически точное описание такого движения льда. Записал в дневник для памяти.

«Давление, — пишет Нансен, — начинается легким треском и стоном. Усиливаясь, оно переходит через все роды тонов — то плачет, то стонет, то грохочет, то ревет, шум постепенно возрастает и становится подобным звуку всех труб органа вместе.

...Столкновение льда представляет изумительное зрелище. Чувствуешь себя в присутствии титанических сил, и легко понять, почему оно так влияет на робкие души, заставляя их думать, что никто не может устоять перед ним. Когда давление льда начинается не на шутку, то кажется, будто на всей земной поверхности не осталось места не потрясенного. Сначала вы слышите громоподобный гул, точно от отдаленного землетрясения в великой ледяной пустыне, потом гремит с разных сторон; грохот подходит все ближе и ближе; спокойный до сих пор мир (льдов) вторит грозным эхом, пробудившиеся исполины готовятся к бою. Льдины трещат со всех сторон вокруг нас и начинают громоздиться друг на друга, и вдруг вы очутились в самой середине свалки. Вой и грохот вокруг вас; вы чувствуете, что лед трясется и колеблется под вашими ногами; покоя нет нигде. В полумраке вы можете различить, как льдины нагромождаются и взбрасываются одна на другую, образуя высокие хребты все ближе и ближе к вам. Вы видите, что глыбы в 3, 4, 5 метров высоты дробятся и взлетают одна на другую, как перышки, что они надвигаются на вас, и вы отскакиваете, чтобы спасти себе жизнь. Но лед трескается, перед вами развертывается черная бездна, оттуда хлещет вода. Вы поворачиваете в другую сторону, но в темноте различаете новый хребет колышущихся льдин, идущий на вас. Вокруг вас сплошной вой и грохот, точно от огромного водопада, выстрел за выстрелом, будто из пушек. Но вот опять все стихает, грохот переходит на другое место и мало-помалу теряется в отдалении...

Так проходит на Дальнем севере месяц за месяцем и год за годом...»

По классификации Нансена, наше сжатие относится к разряду «не на шутку». Однако в челюскинском лагере я видел кое-что покрепче.

Дмитрич собрал весь инструмент и пошел ремонтировать нашу «троллейбусную линию». Линия — это шелковая веревка, укрепленная на чем попало. «Троллейбусы» — это мы с нартами, которые приходится тащить, не выпуская в то же время из руки веревку. Пурга вырвала многие колья и занесла веревку снегом. Пока тихо, можно привести ее в порядок. Иначе, пожалуй, если пурга захватит на трещине, обратно в палатку не придешь.

Ночью пил чай, сильно замерз. Вечером плохо, но все же слышал Москву. Закрылась Первая Сессия Верховного Совета СССР. Сообщался состав Правительства.

20 января. Рудольф меня не слышит. Телеграммы, адресованные нам, он дает вслепую. Москва запрашивает, имеем ли мы связь с «Мурманцем». От него последнее известие было 15 января... Вот так кавардак! Судно послано специально для облегчения связи с нами, и мне же надо его разыскивать в эфире. Из Главсевморпути сообщают, что «Ермак» стоит в ремонте и находится в шестисуточной готовности.

Ровно в три часа ночи аккуратно явился Ян-Майен. Радист Эгиль Линдберг сообщил, что «Мурманец» в полдень находился на широте 76°34′ и долготе 5° западной. Вот это здорово. Наше место — 77°07′ северной и 12° западной. По прямой от нас до «Мурманца» каких-нибудь 200—250 километров.

В пять часов утра меня кое-как услышал Баренцбург. С бесконечными повторениями втолковал ему, чтобы «Мурманец» звал и слушал меня на длинных волнах.

В семь часов утра связался наконец с «Мурманцем». На самой моей выгодной длинной волне у него сильнейшие помехи от динамо. Приходится мне работать на невыгодной волне — 600 метров, где меня каждый заглушает.

Капитан Ульянов сообщает: «В 8 часов утра широта 76°42′, долгота 03°57′ вест. Лед 5—6 баллов. Пробиваемся к станции «Северный полюс». Хорошо, что на боте такие смелые люди. Связи с материком «Мурманец» не имеет, так как передатчик маломощный. Связь только с Баренцбургом, а тот сам просит Рудольф взять его метео. Баренцбург уже несколько суток не говорит с материком. Получается заколдованный круг.

Пока с «Мурманцем» буду работать один раз в сутки — в 11 часов утра. Попросил его позвать для меня норвежскую станцию на Шпицбергене. Она сразу же явилась, нашла и услышала меня. Быстро составил телеграмму, включил наше метео, координаты «Мурманца» и отдал ее норвежцу. Тот спросил разрешения, в случае если Баренцбург не ответит, дать мою телеграмму через Тромсе. Я разрешил. Слышал, как телеграмма через пять минут уже передавалась на материк.

В полдень наконец связался с Рудольфом. Дал ему кучу залежавшихся метео. Там уже волновались из-за перерыва связи. Прибыл запрос Москвы: когда нас слышали последний раз? Мы успокоили и попросили впредь не волноваться.

В ночном выпуске «Последних известий» читались наши координаты и «Мурманца». Сообщалось, что в случае длительных перебоев связи мы будем держать связь через норвежцев.

21 января. Папанин долго не ложился. Играли в шахматы. Потом закусывали грудинкой. Слабый ветер, пасмурно.

В три часа ночи Ян-Майен вызвал меня и попросил отвечать на длинных. Отлично связались. Линдберг слышал меня. Он передал, что директор метеорологического института в Тромсе просит регулярно сообщать наше метео и обязуется немедленно передавать его в Москву.

После Ян-Майена говорил с Мюгбухтой. Пароходы к ним приходят в конце июля и в начале августа. Насчет медведей не густо. За всю зиму убили только одного.

Днем «Мурманец» пробовал меня пеленговать, но слышит чересчур слабо.

Сегодня небывало низкое давление — 723,1 миллиметра. Барограф вышел из строя. Перышко пишет вне ленты по металлическому краю. Погода тихая и пасмурная. Видно, будут какие-то неприятности.

За утренним чаем мы дружно хвалили льдину и вообще нашу спокойную жизнь. За все время было совсем мало тревог. Как бы в ответ на это часов с 10 утра на востоке, где вчера было в о д я н о е небо, раздалось грозное рычанье. Рев этот напоминал шум сильного прибоя, большого города или завода. Такого сжатия мы еще не слышали. Шум нарастал и спадал. Сжатие колоссальной силы длилось до 2 часов дня. А затем — полный штиль, полная облачность и туман. Несмотря на облачность, из-под завесы пробивает заря. Под ногами, правда, ничего не видно, но, например, ямка твоего следа уже заметна. Можно даже разглядеть лица.

Вместе с Дмитричем очистил радионарту. С полозьев срезаем снег. Около каждой базы стоят теперь пустые нарты.

Когда туман немного рассеялся, мы заметили, как сильно разошлась наша старая знакомая, осенняя трещина. А мы думали, что она навечно смерзлась. Оказывается, нет. Ширшов побежал смотреть свою гидрологическую палатку. Вскоре вернулся и сообщил, что лед разошелся на 200 метров и палатка стоит уже на том берегу полыньи.

Вчетвером откопали байдарку и подтащили ее на нартах к полынье. Долго искали, где ее спустить. К берегу подбиты шуга и мелкий лед. Петя и Женя отправились на байдарке на ту сторону, чтобы подальше оттащить лебедку, иначе при закрытии полыньи она может попасть в сжатие.

Байдарка быстро пошла по спокойной и черной, как смоль, воде и скрылась в тумане. Едва виден тот берег полыньи, призрачно сереет пятно палатки. На торосах, как маяки для обратного пути, горят две «летучие мыши». Все время издалека доносится шум торошения. Интересно, что на уровнях приборов торошение не сказывается. Все это необычно, поэтому порождает какую-то неопределенную тревогу. Напряжены нервы. По мелочам заметно, что с нервами у всех одинаково; но все сдерживаются, работа идет своим чередом. Да и действительно, нервничай не нервничай, а делу этим не поможешь. Надо поспокойней работать и терпеть.

Когда возвращались, туман совсем сгустился. Шли ощупью по старым следам. Я вспомнил, что некогда в детстве, начитавшись романов Фенимора Купера, слушал топот приближающихся всадников, приложив ухо к земле. А чем у нас не прерии? Ложился на лед и прислушивался, не мчится ли за нами ледовая погоня.

Освещал электрическим фонарем свои следы и проверял, правильно ли мы идем домой. Начальное образование пригодилось.

Перегорела лампочка на ветряке. Она честно проработала все месяцы дрейфа. Надо будет заняться починкой.

Сегодня я должен был сделать доклад на тему о Ленинских днях и 9 января 1905 года. Доклад отложен на завтра.

До обеда я поспал всего лишь час, затем еще четыре. Это совсем мало.

Вечером внезапно зашалил сильный нордовый ветер. Давление быстро пошло вверх. Бешено метет снег, пурга. За 1½—2 часа наш вход занесло до самого верха. Вот если трахнет сжатие. Сидеть, как мышам в мышеловке, не хочется. Не по нас мышеловка. Вот и откапываемся.

Под койкой у Жени вырос ледяной бугор. Его надо сколоть. Кстати, лед пригодится для кухонных надобностей. После неудачной попытки добраться в свою обсерваторию Женя занялся ледокольными работами. Он суров и хмур.

Кстати, совсем забыл: сегодня 8 месяцев нашего дрейфа.

22 января. К ночному дежурству встал, совершенно не выспавшись. Северный ветер 15—16 метров. Порывы сотрясают палатку, хотя она почти доверху засыпана снегом. Часами прислушиваешься к порывам. Мучительно, каждую минуту, ожидаешь грохота сжатия. Пожалуй, из-за ветра ничего не услышишь. Убийственно медленно тянется время. Мои товарищи довольно безмятежно спят, изредка кто-нибудь поворачивается. Тогда хрустят стены палатки. Если не ждешь этого треска, он заставляет вздрагивать.

К утренним метеонаблюдениям начал готовиться заранее. Вход совершенно занесен. Когда отстегнул оба фартука, увидел ровную, плотную стену снега. Теперь мы хорошо знаем, что лопату в пургу надо держать поближе — в тамбуре. Сунул лопату наискосок вверх. С первого удара даже не пробил снега. Пришлось снег кидать внутрь тамбура. Пурга бросает в дыру плотные клубы мелкого снега. Сразу залепило лицо, шапку и капюшон. Во рту карандаш, в руке фанера для записи. Пролезать наверх в такую лазейку неудобно.

И вот попадаешь в пургу. Под коленями обваливается снег. В карманах, в перчатках, в меховых чулках и «тапочках», во все щелки набит снег. Теперь через тамбур поверху идет язык нового сугроба. Метеобудка тоже забита снегом. Пока выгребаешь снег, ветер режет лицо и пронизывает одежду. Хорошо, что несколько дней тому назад зашил себе брюки.

Пока повозишься с очисткой, пальцы почти не чувствуют карандаша.

Пурга продолжает свое дело.

Когда сделал наблюдение, едва нашел дыру входа. Она чуть светится сквозь потоки несущегося снега. Это светит кухонная лампочка. Надо торопиться к радиосроку. Поэтому на естественных салазках, пригнув голову, съехал в тамбур. Окоченевшими пальцами поставил новую ленту на термограф и завел барабан. Опять надо лезть наверх. Вернувшись, отбросил снег в глубину тамбура, чтобы застегнуть фартуки.

В палатке очистился веником. Все время вполголоса ругался: уж больно крепко мерзнут пальцы. Наконец кое-как отогрелся и высу-

шил руки над лампой. Можно приступать к составлению метео. Ветер 8 баллов и мороз 20°. Неприятно...

К утреннему чаю совсем стихло, и вместо сплошной облачности — безоблачное небо. Вот оно — коварное непостоянство Арктики. Дмитрич занялся откапыванием дверей.

В 11 часов состоялась связь с «Мурманцем». Синоптик не разобрался в зашифрованной метеосводке и поэтому ошибся на 10 градусов долготы. Попросили зажечь световые сигналы, так как по подсчетам получилось, что «Мурманец» находится в 15 милях от нас... Недоразумение быстро рассеялось. «Мурманец» говорил телефоном. Слышно отлично, слушали все вчетвером.

Наши метео два раз в сутки будем передавать через Ян-Майен. Установили с ним твердые сроки. Является он до того точно, что хоть часы ставь... Я его слышу отлично, он меня довольно хорошо, к тому же мы все время идем на сближение. Если даже не будет связи с Рудольфом, то метео все же будет аккуратно попадать в Москву, и там не будут о нас беспокоиться. Насчет связи я теперь спокоен. Правда, нельзя передавать корреспонденции в газеты, но месяц можно и потерпеть. Вначале ведь предполагалось, что мы вообще только один раз в сутки будем передавать наши метеосводки. А получилось так, что 8 месяцев подряд регулярно четыре раза в сутки отправлялось метео и огромное количество газетных телеграмм.

Послали домой через Ян-Майен коротенькие телеграммы, что писать будем реже из-за связи, пусть сообщат об этом газетам.

В полдень Москва говорила: «По сообщению норвежского телеграфного агентства, станция в бухте Мекензи (?!) установила связь с группой Папанина и будет с ней регулярно держать связь». С Мекензи (очевидно, с Мюгбухтой) говорил всего лишь один раз. Регулярно буду работать только с Ян-Майеном.

Последней пургой занесло вровень с поверхностью научный кабинет Жени. Если не знать, где это сооружение находится, то его не найти. В пургу каждый час вылезать, итти в кабинет и возвращаться обратно — дело не веселое. Женя решил воспользоваться нанесенным двухметровым слоем снега и прорыть тоннель от входа в кабинет к кухне. Я спал, а остальные трое за восемь часов работы закончили этот тоннель. Шириной он в ¾ метра, высотой более 2 метров. Строительство велось открытым способом. Потом сверху покрыли коридор большими снеговыми плитками. Ширшов для соединения тоннеля с кухней вырубил люк в ледяной стене кухни.

Сейчас коридор закончен. Девственно-белые стены освещаются фонарем. Совсем как при траншейных работах в большом городе: поперек висят провода. Один в метеобудку, другой к Жене. Их надо будет аккуратно укрепить. Решено, что коридор в плохую погоду будет также собакоубежищем.

После полудня занялся ветряком. Перегорела лампочка. Запасные не подходят, пришлось комбинировать из двух, соединяя их последовательно. Подвязал пружину, чтобы ветряк выдерживал большой ветер, и почистил щетки.

В первом часу при ясном небе настолько светло, что наверху на

ветряке работал без света. Звезд в освещенной части неба не видно. Можно свободно читать. Ура, кончилась полярная ночь...

Мы живем по московскому времени, следовательно, когда у нас полдень, на часах уже 4 часа дня. Хотелось спать, но соблазнился тихой погодой и долгожданным светом. Пошел с Папаниным посмотреть результаты вчерашнего сжатия. На востоке никаких гряд. Вместо ожидаемых торосов — огромная полынья, забитая толстой, уже смерзающейся снежурой. Метров за 200—300 соседнее поле. Оно отошло от нашего. Льдина теперь со всех сторон окружена водой.

Мы — на острове. В хозяйстве и «троллейбус», и «метрополитен», и аэродром. Почище, чем на «таинственном острове» Жюль Верна.

Правда, аэродром в паршивом состоянии. Везде выросли полуметровые (а то и больше) снежные заструги, очень плотные. Придется здо́рово поработать или искать новый аэродром.

Ширшов налил коньяк в маленькую бутылочку и осветил ее нашей электрической лампочкой, совсем как в витринах винных магазинов. После обеда я сделал доклад о 9 января 1905 года.

К чаю и ночному выпуску «Последних известий» меня не будили.

23 января. Ночью наблюдал северное сияние. Много уже писалось об этих чарующих полярных светопостановках. Но, кажется, словами так и не передать чудесного зрелища. Где-то далеко раздергивается занавес, и, как в театре, в синей глубине небесного океана начинается, то стихая, то разгораясь, замысловатая феерия. Она то падает тяжелыми, словно бархатными, складками, то вспыхивает мириадами игл, пронзающих небесный свод.

Дмитрич проводил всякие аварийные мероприятия. В крыше палатки прорубил люк. Лыжи и палки к ним поставлены у входа.

При полном штиле за сутки продвинулись к югу на четыре мили. Опять ясное небо, замечательно светло (конечно, относительно, — ведь мы привыкли к темноте).

По горизонту стелется низкий туман — значит, близко большие полыньи.

Перед тем как залезать в мешок, сыграл партию в шахматы с Ширшовым. Потом он стал титровать пробы воды очередной станции, стучать стеклянной палочкой. Этот стук стал привычным, он лучше всякой колыбельной песни.

Когда Петя титрует пробы, это занятие чрезвычайно напоминает приготовление «гоголь-моголя» — приходится ему стучать палочкой в высокой рюмке, в полном смысле слова толочь воду в ступе. Я все время уверял Петю, что на предстоящей Всесоюзной сельскохозяйственной выставке его «гоголь-моголи» будут пользоваться большой популярностью. В связи с этим Петя разработал целый план оборудования копии нашего лагеря на выставке. Женя за небольшую плату, доступную широким слоям трудящихся, будет демонстрировать свой коронный номер. Одним рывком он будет вскакивать в спальный мешок, лежащий на верхней койке, не повредив при этом никого из присутствующих. Рядом Иван Дмитриевич будет жарить сразу на четырех паяльных лампах пирожки с начинкой из разных концен-

тратов. Я буду всем желающим отстукивать поздравительные телеграммы с надписью: «Северный полюс». А Петя будет сбивать гоголь-моголь и помалу торговать содовой водой.

Совсем отказался от связи с Баренцбургом. Опаздывает, а иногда и вовсе не является. Наших телеграмм не берет, меня слабо слышит, а если и слышит, то вечно просит повторения. Только зря расходуешь энергию аккумуляторов.

На обед рисово-грибной суп. Последние наши грибы. Не отказался бы от яичницы из свежих яиц.

24 января. Вчера на Ян-Майене впервые увидели солнце. А мы, по подсчетам Жени, увидим солнце только 6—7 февраля. Ночь прошла спокойно. Небо безоблачное. Каждый час надо записывать форму и расположение северного сияния.

После утреннего чая — определялись. Наше место 76°29′ северной широты и 13°39′ западной долготы. Нас малость двинуло на восток.

К 11 часам утра началось торошение молодого льда на южной замерзшей полынье. Шум большой. Что-то трескалось в непосредственной близости от нашей палатки. Между радио и хозяйственным складом — в снегу — с запада на восток тянется на 200 метров трещина. То ли треснул от морозов снег, то ли лед. Трещина едва заметна и не шевелится. Папанин ходил смотреть торошение. Говорит, что молодой лед уже 30-сантиметровый. И это всего лишь за два дня...

Шум торошения страшно действует на нервы. Не находишь себе места. Сказывается усталость восьмимесячной дрейфующей жизни. Восемь месяцев однообразной пищи, холода, сырости, темноты и напряжения.

С Рудольфом связь была только в 6 часов утра. Днем «Мурманец» не мог меня принять из-за слабой слышимости. Он в 200 километрах меня не слышит, а Рудольф слышит более чем за 1 300 километров. И винить никого нельзя. Прохождение радиоволн в Арктике всегда неравномерно. Ответил «Мурманцу» два раза, а потом бросил — у меня мало осталось энергии, надо экономить.

Снова усложнились гидрологические работы. Для того чтобы добраться до лунки и лебедки, надо пройти по молодому льду на соседнюю льдину.

Дмитрич и Петя пробирались, ощупывая каждый шаг пути палкой, боясь провалиться. Потом перетащили по этому опасному льду нарты.

25 января. Ночью безоблачно, штиль. Изредка от мороза постреливал лед.

Ширшов делал суточную станцию с вертушкой и появился только к завтраку.

Пока он работает, у нас неспокойно. Вдруг оторвет соседнюю льдину. Дмитрич поэтому два раза ходил на трещину. Петя промерил глубину моря (203 метра), сделал 6 серий вертушечных наблю-

дений. Сразу засел за обработку материалов. Молодец. Он никогда не теряет спокойствия и выдержки.

Рудольф хотя и слышит меня на длинных волнах, но настолько слабо, что даже метео принять не может. На коротких же волнах продолжается небывалое затяжное непрохождение. На Земле Франца-Иосифа и у нас за последние две пятидневки отмечены магнитные бури предельной силы.

После утреннего чая засел писать звездные отсчеты Жени.

Сегодня наше место 76°23′ северной широты и 13°41′ западной долготы.

Давно уже не было ветра. Аккумуляторы почти совсем иссякли. «Мурманцу» дал только свое место. Очень хотелось поговорить с ними по телефону, но пришлось отложить. Днем меня не принял Ян-Майен. У него сильный норд-остовый шторм, пурга и снеговые разряды. У «Мурманца» тоже 7-балльный норд-ост. Ветер проходит где-то стороной, не задевая нас. У нас тихо, а ветерок сейчас весьма необходим.

Вечером Дмитрич в одиночестве слушал арктический выпуск «Последних известий». Рассказывали о будущей навигации. Вступят в строй ледоколы «Иосиф Сталин», «Лазарь Каганович» и ледокольный пароход «Дежнев».

Готовится к выходу из Мурманска в Гренландское море «Таймыр».

Сообщалось также, что папанинцы не торопят со съемкой, предлагают подождать со снятием до светлого времени — до марта месяца.

Часто вспоминаются дни жизни в лагере челюскинцев на льду Чукотского моря.

Гибель корабля. Лагерь. Занятия по диамату. Наступление льдов. Сжатия и авралы. Газета «Не сдадимся». Самолеты. Последняя вахта.

В коллективной книге челюскинцев свою главу я назвал «Продолжение следует...» И вот оно пришло. Мы взяли реванш у Арктики.

Иногда меня спрашивают, посылал ли я когда-либо в своей жизни сигнал «SOS». В представлении многих. радист, не имеющий такой практики, еще только кандидат в радисты. Может быть, не спорю. Но все же этот сигнал международного кода никогда не сойдет с моего передатчика.

«SOS» значит «Save our ship», по-русски — «Спасите наш корабль». Потом кто-то переделал этот сигнал на более романтический лад, и буквы «SOS» стали расшифровывать «Save our souls» — «Спасите наши души». По международным законам, этот сигнал обязывает каждого, услышавшего его немедленно итти на помощь независимо от того, из какой страны и куда направляется корабль. При этом сигнале даже громадные пассажирские пароходы, связанные точным расписанием, должны сворачивать со своего пути и итти на помощь гибнущим. Если радист услышит сигнал «SOS», но его судно не участвует в спасении, он обязан прекратить какую бы то ни было передачу, для того, чтобы гибнущее судно легко могло связаться с идущими к нему на выручку.

В эфире в такие минуты царит гнетущая тишина. Все слушают. Никто не работает.

На Западе коммерческие общества из бедствия, из несчастья моряков выколачивают деньги. В крупных портах существуют специальные спасательные общества. Они располагают мощными морскими буксирами, которые стоят в полной готовности без работы подчас полгода, год, даже два. Радисты их следят за эфиром, ищут сигналы бедствий. При первом же сигнале эти буксиры, как стая борзых, срываются с места и летят к гибнущему судну. По радио, на ходу, обычно в жесточайший шторм, начинается гнусная торговля о цене за спасение.

Существует старинный договор, который сохранил свою силу и в наши дни (по крайней мере первые его строки). Договор этот чуть ли не XVI века. Первые его слова: «Без вознаграждения — нет спасения».

Тонущий корабль обязан дать в пространство сигнал «SOS». Захочет кто-нибудь помочь — хорошо. Не захочет (невыгодно, некогда) — спасайся сам, как можешь, или погибай к чорту...

Уходя на лед с «Челюскина», мы не дали сигнала бедствия. Не к чему, да и вообще надо было беречь аккумуляторы. Мы знали свою страну. Мы знали, что наше спасение не зависит от коммерческих комбинаций или чьего-либо личного великодушия. Мы были спокойны, и было бы безрассудно загромождать эфир эффектными паническими сигналами.

Позднее небывалый в истории размах спасательной операции превзошел самые смелые наши предположения.

Славный позывной «Челюскина» — «RAEM» — не был опозорен никакой паникой, никакими сигналами бедствия. Эту традицию сохранит наш передатчик «UPOL».

26 января. Утром опять записывал звездные отсчеты Жени. Ветер все начинается, но никак не раскачается, чтобы сдвинуть ветряк.

С минуты на минуту жду, что станет мой передатчик.

Ни с Рудольфом, ни с Ян-Майеном связь не вышла. И вдруг начался ветер. Как это всегда бывает, новая, только что поставленная на ветряк лампочка не пожелала гореть. Полез на ветряк, отложив обед. Надо было использовать относительно светлые часы дня и поскорее начать зарядку. Обрезал патрон лампочки и поставил другую. Работа мелкая, надо зачистить провода, работать ножом и голыми руками. И все это — балансируя на лесенке, держа руки выше головы, в сумерках. Два раза бегал отогревать над лампой совсем окоченевшие руки. Руки надо беречь, это драгоценность для радиста. Наконец пошла зарядка.

Ветряк работает с большой нагрузкой, но зато зарядка идет даже от слабого ветра.

После недолгого производственного совещания решено использовать наш тоннель как бензинохранилище. В стенах вырыты для этого ямы. Туда перетащили бидоны с бензином.

28 января. Вчера записей в дневнике не делал.

Пурга.

Временами по палатке молотил мелкий град.

Играли в шахматы, чтобы как-нибудь скрасить штормовое время. Только Женя блаженствовал: он уже отлично освоил тоннель, пробирается к себе в лабораторию, не вылезая наружу.

Нашлось применение и для фонарей «летучая мышь». Они освещают «метрополитен». Как только эта убогая осветительная техника уживается с таким великолепным сооружением!

Линдберг с Ян-Майена спросил меня:

— Знаете ли вы, что в феврале вас будут снимать?

Ответил, что знаю.

Сейчас ветер все крепчает, снегом занесло вход доверху. Небо закрыто, ничего не видно.

Ночное дежурство провел в мешке. Хотя и скучно лежать и слушать порывы ветра, но ничего другого не сделаешь. Прогрелся так, что холодная воздушная ванна, когда пришлось вылезать на пургу в метеосрок, не остудила.

Утром решил побаловать народ. Сварил кофе и нажарил сладких блинчиков из хорошей муки. Пили кофе в мешках. Вылезли к полудню.

Связь с «Мурманцем» ничего нового не дала.

29, 30, 31 января. Все эти дни сплошная пурга при нордвестовом ветре силой в 6—9 баллов. Выходим из палатки только на метеосроки.

Снег приходится выгребать внутрь, так как вход покрыло сугробом поверх крыши. Откопанный вход за час вновь совершенно заносит, из-за шума ветра ничего не слышно.

Ночные дежурства провожу в мешке, вылезаю поздно, — все равно работы нет.

Весь день и всю ночь играем в шахматы.

Иногда говорим о том, что̀ сделано. В общем, прошли уже 2 000 километров. Работа проведена не маленькая. На Родину возвращаться не стыдно.

Для разнообразия как-то за обедом Дмитрич вытащил вилки. Крутили их в руках, рассматривали и никак не могли понять их назначение. И в самом деле, — зачем вилки, когда есть универсальные инструменты: ложки и руки. Так их и отложили в сторону.

Какие еще были за эти дни происшествия?

Четыре дня не определялись.

Петя пропустил гидрологическую станцию. Первую за все время, но он грустит.

Неизвестна судьба гидрологической палатки. Пройти туда — выше человеческих сил.

Подойти к базам с продовольствием тоже немыслимо.

С горя Женя стал читать нам лекции по гравитации. Первым такие наблюдения вел в Арктике Нансен. Но время он сверял лишь дважды: в день ухода из последнего порта и в день прихода. Осталь-

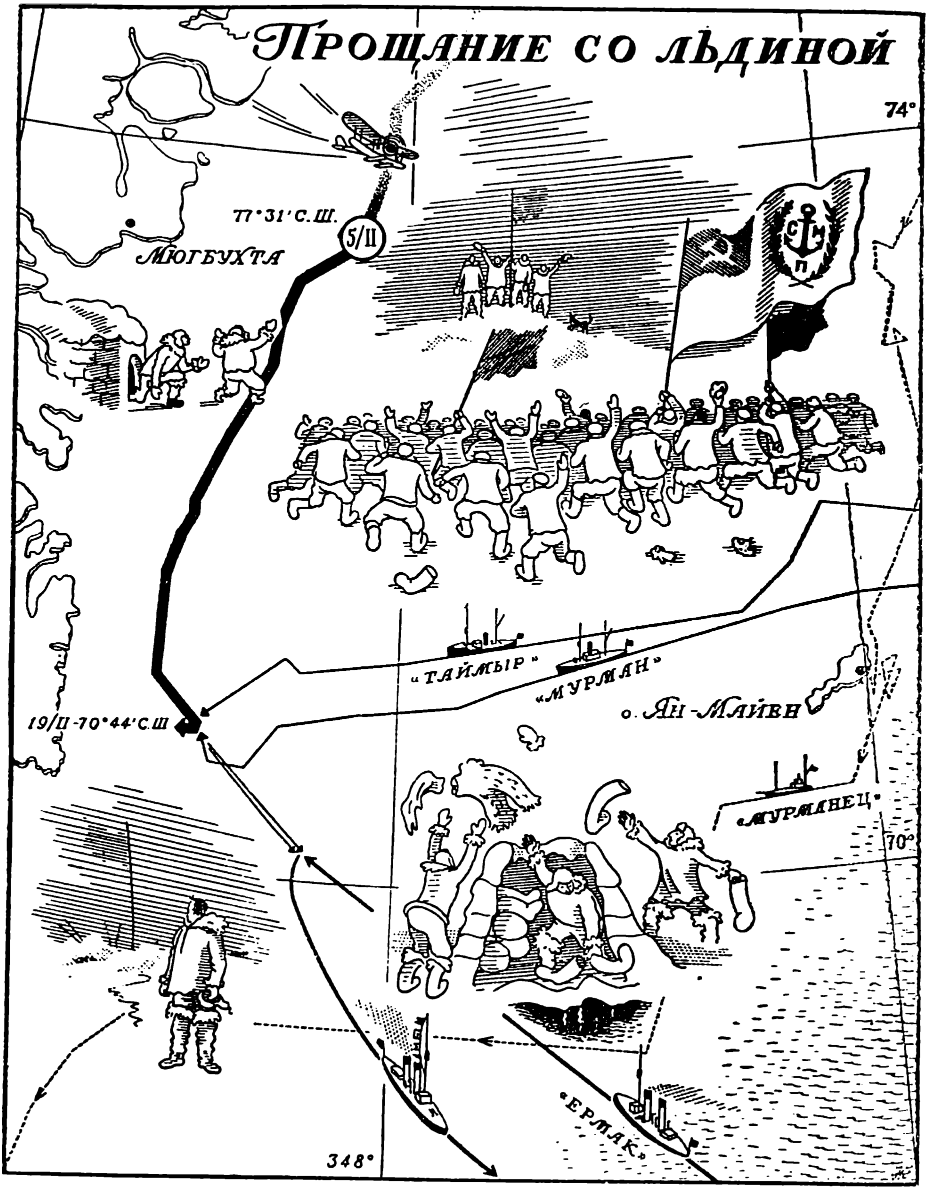
ное было на совести хронометров. А какая совесть у часов? Женя дважды в день сверяет свои хронометры по советским, английским и французским станциям. Точность соответствующая.

Снег так укутал палатку, что в ней стало совсем жарко. Зато по стенкам текут струйки воды. Сырость пропитала все шкуры, в том числе и наши.

Четыре дня из-за снеговых помех не слышно Москвы, новостей не знаем. Рудольфа, конечно, не слышу. Сквозь помехи едва пробирается к нам голос, прежде очень громкого, Ян-Майена. Два раза в день даю ему наше метео.

Надоело сидеть в палатке, хочется размяться. Ветер действует на нервы. Когда он, подлец, кончится?

5 *февраля.* Всего лишь несколько дней назад я лежал в нашей старой палатке и думал: к чему только человек не привыкает? Даже к многодневному непрерывному шторму. Правда, было немного неуютно, но терпимо. Как обычно, мерз всю ночь, с тоской поглядывал на часы: много ли осталось времени до утреннего чайника. Чайник я обязан поставить, но присутствовать

при чаепитии для меня уже необязательно. Думал: чай буду пить лежа в мешке. В утренний срок наверняка не будет связи. Быстро метущий снег пурги не даст ничего прослушать в эфире...

С той поры прошло пять дней. В эти дни не до дневника было. Пять дней ничего не писал. Один лишь Женя в своей общей тетради, рядом с колонками цифр астрономических вычислений, делал какие-то «зарубки на память». Зато сегодня все схватились за дневники. События последних дней заслуживают того, чтобы их записать подробно, так, как они запомнились и запомнятся на всю жизнь.

Вечер 31 января. Пятый день бушует пурга. Дмитрич и Петя пошли на трещину — проверить сохранность гидрологического хозяйства. На всякий случай привязались друг к другу веревками. На полпути Петя заметил в снегу тонкую извилину трещины. Дмитрич промерил ее глубину лопатой. Лопата провалилась. Значит, трещина глубокая — возможно, лопнула льдина. Снизу же прибывала вода. Она растекалась по поверхности льда. Путь к гидрологическому «хутору» был отрезан. Переходить через воду и трещину в пургу было бы, по меньшей мере, неосмотрительно. Пошли домой. Брюки покрылись ледовой коркой, стали похожи на лосины офицеров екатерининских времен.

В палатке, в нашей славной старой жилой палатке, вскипал чайник. Доска со звездной картой была разложена на жестяном бидоне. Готовился ужин. Неожиданно, в самом разгаре приятных приготовлений, раздался резкий толчок и скрипучий шорох. Казалось, где-то рядом рвут шелк или полотно. Женя и Петя выскочили в «кухню» и заглянули в тамбур. Нет, ничего подозрительного там нет. Ветер попрежнему хлопал парусиновой крышей.

Время моего дежурства еще не истекло. Я бодрствовал. Попив чаю, Петя и Женя забрались в мешки. Дмитрич спать не мог. Он курил (первый признак волнения) и возился с хозяйственными делами. Иногда он с тоской поглядывал на репродуктор, подвешенный к потолку. При толчках репродуктор слегка качался и дребезжал.

Под утро Папанин предложил сразиться в шахматы. Играли вдумчиво, спокойно, с полным сознанием важности выполняемого дела. И вдруг, сквозь грохот ветра снова прорвался необычный шум. Судорожно содрогнулась льдина. Мы решили все же не прекращать игру. Но Дмитрич проигрывал, поэтому в конце концов он заинтересовался подозрительным грохотом.

Выполняя обязанности дежурного, я вылез из палатки. Потоптался вокруг нее в темноте, никаких трещин не обнаружил. Легли спать не раздеваясь.

Странный скрип в палатке первым услышал Дмитрич. Он поспешил разбудить всех. Женя попробовал сопротивляться.

— Это снег оседает, Дмитрич. Ты, наверно, спросонок напугался.

— Да какой там снег, — сердился Папанин, — кухня ходуном ходит. Ну-ка, вылезайте, сами посмотрите.

Ширшов успел раньше всех одеться, напялил малицу и на четвереньках выбрался наверх. Отдаленный скрип то смолкал, то перерастал в близкий тревожный и угрожающий шорох.

Петя оказался более глазастым. В десяти метрах от палатки, за метеопалаткой, его остановила темная полоса. Он еще не верил своим глазам. Трещина? Неужели? Но сомнения уже не могло быть. Трещина то сходилась, превращаясь в тоненькую нить, то расходилась. Светя электрическим фонарем, прикрывая лицо от бешеного слепящего вихря, полусогнувшись, Петя пошел вдоль этой зловещей черной нити. Она уходила вдаль, к хозяйственному складу. Вот обо всем этом он и рассказал, вернувшись в палатку.

Трещины... Трещины вокруг палатки. Вот то, чего мы ожидали месяцами, к чему упорно и тщательно готовились.

— Достукались, браточки. Видно — сглазил кто-то льдину...

Это свое замечание я адресовал некоторым моим товарищам, еще накануне без меры хвалившим льдину.

Шутка шуткой, а надо было что-то предпринимать. Все вчетвером выбрались из палатки. Поползали с фонарями по снегу, чтобы найти и определить направление новых трещин. Темь, ветер и сногсшибательная пурга заставляли быть осторожными. Меня оставили с фонарем около палатки в качестве маяка. Вскоре все собрались и решили время до рассвета коротать за чаем.

Томительно тянулся этот час. Снова ушел на разведку Петя. На этот раз новости были совсем невеселыми. Пурга не утихла. Трещины разошлись, местами до 4—5 метров. Там, где лишь час назад вились тонкие подозрительные нити, теперь чернели полосы воды. Ближайший канал образовался сразу за метеобудкой и шел к углу нашего хозяйственного склада. Склад одной стеной висел над водой.

Теперь уже не было времени для раздумья. Надо было спасать имущество. Сквозь пургу прорвались к складу. Дверь наглухо забита снегом. Папанин несколько раз ударил топором по ледяному куполу. Свод со звоном рухнул. Внутри была уже вода. Она просачивалась, очевидно, по нижним слоям снега. Спрыгнув в дыру, Папанин очутился по щиколотку в воде.

Каскадом вылетали валенки, сапоги, патроны, фонари, лопаты, посуда, брезенты. Иван Дмитриевич показал себя неплохим жонглером. А мы втроем молниеносно грузили все эти предметы нашего снаряжения на нарты. За несколько минут склад опустел. Напрягая все силы, наваливаясь корпусом, чуть ли не на четвереньках, оттаскивали нарты приблизительно в район центра нашей льдины. Кое-как укрыв свою добычу брезентом, возвращались за следующими нартами.

Измучились вконец. А рассвет все не наступал. Хотелось дождаться его, чтобы получше осмотреть льдину. Все же утро вечера мудренее...

Решили спать. На вахте Федоров.

Но поспать не удалось. Как всегда, неожиданно прекратился снегопад, над нами помчались клочья разорванных облаков. В просветах проглядывали звезды. Женя поспешил определиться. Уже шесть дней мы не знали местонахождения нашей льдины. Результаты были больше чем неожиданными. Дважды их проверял Женя, прежде чем передал мне. Да и то я никак не решался бросить их в эфир. 74 гра-

дуса 15 минут норд, 16 градусов 11 минут вест! 120 миль к юго-западу за 6 суток. 20 миль в сутки...

В половине двенадцатого Женя снова разбудил всех нас. Новая черная трещина свернула от метеобудки прямо к стенам нашей кухни и уходила под жилую палатку. С другой стороны палатки она выныривала вновь и ползла к ветряку. Так вот почему скрипела палатка. Льдина трескалась прямо под ней.

Жаль было расставаться с жилищем, к которому так привыкли за многие месяцы дрейфа. А медлить нельзя. Решено, не дожидаясь постройки снежного домика, вынести радиостанцию, все ценное имущество и разместиться в легких шелковых палатках, которые оставили нам летчики.

Перед эвакуацией поспешил передать на материк краткое сообщение Ивана Дмитриевича. В нем говорилось:

«В результате шестидневного шторма в 8 часов утра 1 февраля в районе станции поле разорвало трещинами от полукилометра до пяти. Находимся на обломке поля длиной 300, шириной 200 метров. Отрезаны две базы, также технический склад с второстепенным имуществом. Из топливного и хозяйственного складов все ценное спасено. Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. Координаты сообщу дополнительно сегодня; в случае обрыва связи просим не беспокоиться».

Прежде всего нужно было, конечно, перенести рацию. Палатку для нее поставили около дальней мачты антенны. Почему-то казалось, что как раз этот обломок дольше не будет крошиться.

Трещина под жилым домом пока что молчала. Но шкуры, устилавшие пол, уже покрылись водой. Мокрая хлюпающая шерсть быстро смерзалась. Под ногами хрустел лед.

Вечер 1 февраля всё же провели в старом доме. Кров его казался надежным, хотя каждую минуту мы готовы были покинуть его.

Долго обсуждали, что делать с научным имуществом.

— Погрузить на нарты, — предложил Папанин.

Теперь вся наша наука перейдет на кочевой образ жизни. Метеобудка висит над самым краем полыньи. На какой-то соседней льдине то уплывает, то приближается к нам указатель ветра.

До наступления темноты едва успел наладить связь. Льды продолжают наступать. Появились новые трещины. Вокруг — насколько хватает глаз — виднеются отдельные льдины, разделенные водой. Весь день Папанин, Ширшов, Федоров перетаскивали грузы к середине нашего осколка. Перебирались на соседние льдины. Это все равно, что ходить по речному льду во время ледохода. Ничего не поделаешь, такой опыт может пригодиться.

К утру 2 февраля наш обломок был размером 30 на 50 метров. Эту территорию хорошо разглядели, когда наступила ясная и тихая погода. Осмотр окрестностей не принес ничего утешительного. Кругом мелкоразбитый лед. Да и по нашему крохотному осколку пошли новые трещины. Одна из них отрезала дальнюю антенну вместе с палатками, которые только за день до этого установили.

Итак, надо снова менять квартиру. На этот раз прижались к вет-

ряку. Он вливал жизнь в наши аккумуляторы. Без них — нет связи. Вот и затерялась бы наша льдина, как песчинка в бесконечном океане.

Петя и Женя пошли на разведку. Они хотели найти по соседству какую-нибудь большую льдину. Напрасно. Все поле расколото на небольшие куски. Они медленно перемещаются. В километре от лагеря разведчики натолкнулись на остатки гидрологического «хутора». Из разорванного брезента торчали бамбуковые палки. Очень хотелось унести лебедку, но такую тяжесть не перетащить через трещину. На всякий случай вынули палки: они могут пригодиться в хозяйстве. Главное — откопать из-под снега нарты. Две нарты разрешили бы транспортную проблему в лагере. К тому же с нартами и сейчас двигаться было легче. Ими пользовались как мостиками через разводья.

Иногда льдины поджимало одну к другой. Петя и Женя добрались до одной из баз продовольствия. Она дрейфовала самостоятельно на обломке поля. Взяли оттуда мешки с меховой одеждой, клиппербот, все это погрузили на нарты и притащили в лагерь.

С высокого тороса разглядели еще две базы с продовольствием и горючим.

Добраться к ним нельзя. Они отрезаны широкими трещинами.

Пока мои товарищи занимались «самоснабжением», я возился с антенной. Разместить ее на оставшемся осколке просто невозможно: мало места. Длина антенны больше 60 метров, а самая большая сторона осколка не больше 50. Пришлось в двух местах по краям льдины воткнуть длинные бамбуковые палки и натянуть антенну в виде буквы «Г».

Передал на «Мурманец» короткое сообщение. Это единственная телеграмма за 2 февраля. Обдумывали каждое слово, чтобы на материке не было излишнего беспокойства. В конце концов написали так:

«В районе станции продолжает разламывать обломки полей протяжением не более 70 метров. Трещины 1—5 метров, разводья до 50. Льдины взаимно перемещаются. До горизонта лед 9 баллов, в пределах видимости посадка самолета невозможна. Живем в шелковой палатке на льдине 50 на 30 метров. Вторую мачту антенны ставим на время связи на другую льдину. С нами трехмесячный запас, аппаратура, результаты. Привет от всех».

С чувством огромной благодарности вся четверка поглядывала на ветряк, который, деловито бася, подзарядил аккумуляторы. Теперь радиосвязь обеспечена.

Вечером выяснил: «Таймыр» встретил сильный шторм, лежит в дрейфе; рабочие Балтийского завода, по призыву А. А. Жданова, с огромным подъемом ведут ремонт ледокола «Ермак»; где-то невдалеке с отчаянной настойчивостью пробивается сквозь льды маленький «Мурманец».

Дежурим теперь непрерывно. Все время надо сторожить, наблюдая за трещинами и торосами. Полярная звезда вдруг очутилась совсем на юге. Значит, льдину попрежнему крутит.

В ночь на 3 февраля Женя получил новое подтверждение круче

ния льдины. В разрывах облаков он ловил звезды. Нашел Полярную звезду, Капеллу, Вегу, Арктур. Однако звезды смещались не слева направо, как обычно, а... в обратном направлении. Женя, конечно, отбросил предположение, что земля вращается в обратную сторону. Вывод напрашивался сам собой — ходит наша льдина.

Весь день ушел на переброску снаряжения с соседних баз. Женя проломал крышу своей обсерватории и извлек все, что осталось после спешной эвакуации.

Только после этого Арктика, хотя бы немного, вознаградила нас. Днем 3 февраля у самого горизонта из-за стены тумана выкатился багрово-красный диск солнца. Лучи его поползли по льдине, задержались на торосах, расцветили их замечательными красками.

Дни пошли более спокойные. Живем тихо, без толчков. Аккумуляторы заряжены. С удовольствием слушаем музыку. Вчера протерли мокрой тряпкой лица и чуть-чуть посвежели.

6 февраля. Лед сплотило до 10 баллов. Временами, на месте недавних трещин, торосит. Пока что валы состоят из кусков снега и тонкого льда. Это не страшно.

Ближайший вал вырос буквально рядом с нами, всего лишь в семи-десяти метрах от палатки. Часам к 16 торошение прекратилось, и трещины снова развело. Льдины — осколки нашего поля — пляшут вокруг. Совсем близко подошла гидрологическая лебедка. Взять ее не успели. Но керосин с одной из баз забрали. Едва разгрузка кончилась — база снова уплыла.

Сквозь туман снова, примерно на полградуса над горизонтом, поднялось красное пятно солнца. Мы с удивлением рассматриваем друг друга: какие мы грязные.

Вечером брились. Петя, накрывая на стол, решал сложную задачу: куда ставить чайник. Вдруг обнаружили старый номер «Дейли геральд», завезенный с Рудольфа. Прочитанная вслух история некой знатной дамы, бросившей своего мужа и сбежавшей с принцем экзотической страны, не вызвала одобрения.

— Ставь сюда, на почтенную даму. Раз сбежала с диким принцем, так ей и надо, — безапелляционно решил Женя.

7 февраля. Снова пурга. Женя обрадовал: при слабом ветре прошли за сутки 17 миль. Так, пожалуй, скоро доедем до Исландии. Лед сплотило, но не торосит.

Наша кают-компания попрежнему размещается в старой палатке. Соблюдая правила сверханглийской чопорности, ходим по шкурам в калошах. Усаживаясь, подкладываем под себя куски перкаля. Кругом вода.

Зябко. Пока я работал с «Мурманцем», Дмитрич и Женя разработали план радиостроительства. Станцию погрузим на нарты, а кругом нее возведем снежные стены. Для этого нужен тихий день.

К ночи опять крепчает ветер.

8 февраля. Сутки, богатые событиями.

Со вчерашнего дня крепчал норд-остовый ветер. Мне на вахту с 5 часов и до 9 часов утра...

Спал в старой палатке. Под ногами чавкают вдрызг промокшие шкуры. Вода сочится из затопленной кухни. Слушал порывы ветра, надеялся, что к утру затихнет, а он, наоборот, достиг сокрушительной силы. Без палки с железным наконечником вообще нельзя ходить. Тем более против ветра.

Сначала кое-что можно было разглядеть, затем пошел снег. В 2—5 шагах ни зги не видно. Пропали в мгле черные флажки, ограничивающие нашу льдину, хотя они стоят совсем близко — в 15—20 метрах.

Дмитрич, Петя и Женя лежат в шелковой палатке, которую нещадно треплет ветер. Конечно, не спят. Стараешься хотя бы до половины укрыться за чем-нибудь: за нартой, за надутым клиперботом. Кстати, этот клипербот все время подскакивает и норовит сорваться с привязи.

Нещадно треплет радиопалатку. Боюсь за нее больше всего. Время от времени щупаю оттяжки и подтягиваю их.

Дежурство, в сущности, теряет свой смысл. Если сейчас начнется сильное сжатие, мы ничего сделать не сможем. Где уж тут тащить тяжелые нарты, когда едва на ногах стоишь. Да и куда идти. В трех шагах — пропасть, бесконечность. Ветер — 30 метров в секунду. Такого у нас вообще не бывало.

В девятом часу утра сорвало радиопалатку. Чтобы она не улетела, навалился на нее и позвал на помощь. Подмял палатку под себя, а лицо на ветру. Понял, что значит литературный образ «глаза вылезают на лоб». Когда прибежали товарищи, подлез снизу, закрыл всю аппаратуру, составил ее на пол. Затем палатку повалили и сверху завалили ее бурдюками с керосином.

С десяти утра на вахту стал Ширшов. Мы с Папаниным залезли на верхние койки в старой палатке и дремали, прислушиваясь к ветру. Малица — что губка. Все сыро: ноги, одежда, шапка, капюшон. Лежишь — весь, как в компрессе. В палатке около нуля, как раз достаточно, чтобы таял снег на одежде, не более. Никак невозможно согреться.

С появлением света ветер стал стихать. На свету и ветер и пурга не так страшны. Оказывается, ночью опрокинуло тяжелые груженые нарты. Температура минус 13°. Днем ветер около 10 метров, временами слабый поземок. Порвалась от ночного ветра шелковая «спальная» палатка.

Решили строить снежный дом. Холодно, но во время работы разогреешься. Ширшов и Федоров клали стены, Папанин и я резали пилами «кирпичи». Вырыли на метр яму, затем возвели стены. В дальней от входа половине — лежанка из снега. Лежим рядышком. Вползать надо на коленях, сняв обувь. Есть еще кухонный снежный стол и место для метеоящика.

Наискось на стены положили палки и бамбук. Крышей служит легкая материя, которую заткнули по бокам колышками и, чтобы не хлопало, придавили еще сверху лыжами. Во время работы, в 6 часов

вечера, я увидел берег Гренландии. Расстояние до суши меньше 100 километров. Это первая земля после острова Рудольфа. До чего приятно на нее смотреть, хотя мысы и горы видны не ахти как. По теории Вегенера, Гренландия тоже дрейфует, но, очевидно, не так, как мы. Нет-нет да и взглянешь на нее, и душа радуется.

Кончили строительство снежного дома в сумерки. Дмитрич стал греть обед, а я переносить кухонную утварь из старой палатки. Петя и Женя раскладывали спальные вещи. Обедали уже в новом доме. Лампа горит ослепительно ярко, тут ей воздуха хватает, и даже стекло не коптится. Белоснежные (в самом буквальном смысле этого выражения) стены также способствуют лучшему освещению.

Все зверски устали от усиленной работы.

Связи сегодня не было: радиопалатка повалена.

В темноте, в 10 часов вечера, Женя зачем-то вышел на улицу. Залаял Веселый. Женя, всунув голову в дверь, сообщил: «Медведи». С востока подошли медведица и два годовалых медвежонка. Сквозь высокие облака плохо светила луна. Папанин и Ширшов стреляли, не видя мушки. Медведи были в 15 метрах от дома. Медведица прогнала медвежат, рассердилась и двинулась к нам. Ее уложили на нашей, а медвежат на соседней льдине. Чтобы долго не возиться, сняли только шкуры, не разделывая головы и лап. Замечательно вкусное будет мясо.

Сейчас два часа ночи. Ложусь спать.

9 февраля. Хороший, ясный день. Хорошо видна Гренландия. Занимался вместе с Ширшовым закреплением всей радиоаппаратуры на нарте. Крепили станцию в развернутом виде. В случае необходимости ее сразу же можно будет передвинуть, отсоединив только антенну и ветряк.

На обед — свежая медвежатина.

Много ли человеку надо... Тихая погода, медвежатина, вновь налаженная связь с Ян-Майеном, промерзшая, но сухая одежда — и мы почти счастливы.

Работал на свежем воздухе у рации. Занятно слушать Москву и смотреть на Гренландию.

10 февраля. В пять часов утра принял дежурство. Спокойно светит луна. Иногда проходят облака. От мороза звонко трещит лед. Ходил от торосов до радио и обратно. Когда достаточно нагрелся, пошел приводить в порядок дневник за последние дни. Вскоре замерз от сиденья и опять забегал. Так до 12 часов дня.

В полдень связался с «Таймыром». Хорошо слышу его телефон. Он не может войти в лед, так как корабль бросает штормом и льдины бьют судно. К нам собирается лететь самолет с «Таймыра», но пока что было бы неосторожно спускать самолет на лед у кромки. У нас посадочной площадки тоже нет. Радисты «Таймыра» приняли от нас телеграммы домой. Теперь буду регулярно работать с ними.

Рассвет начался только в половине одиннадцатого. День штилевой и безоблачный. Минус 22°. Замечательно освещены горы Грен-

ландии. Кажется, мы видим поворотный (на западе) мыс Бревестер. Наша широта: 71°56′.

Днем строили домик для радио. Впихнули туда нарту со станцией. Получилось очень хорошо и удобно на случай быстрой эвакуации. Заряжал фотоаппарат. Ох, не сладко: все металлическое, мелкое, мерзнут руки.

Вечером играл в шахматы с Ширшовым. На небе ни единого облачка. Луна, штиль, красота. Не хочется итти в дом. Москва сообщила о том, что «Ермак» прошел Толбухин маяк. Значит, ледокол сегодня вечером вышел из Ленинграда.

11 февраля. Отличный, ясный день. Все лучше и лучше видны замечательно красивые гористые берега Гренландии. Вдоль берега тянется узенькая полоса тумана — это испарения береговой полыньи, трещины, вдоль которой движется наш ледовый поток.

Ширшов и Федоров ходили на юг и восток искать посадочную площадку для самолетов. В двух километрах нашли новую замерзшую полынью, покрытую тридцатисантиметровым льдом. Площадь— 420 на 250 метров. Это все, что есть в нашем районе. Не густо...

Удивительно красив закат солнца. Четко вырисовываются горы. Кажется, что берег совсем близко от нас, а на самом деле до него не менее 50 километров. Довольно уютно устроились в нашем снежном доме. Хоть и холодно, да сухо. Но холод выжимает из нас тепло, и его надо восстанавливать едой...

Кажется, льдам надоело буйствовать. Кругом все смерзается. Уже третий день абсолютный штиль. Наступили будни. Лазил сегодня на ветряк: чистил щетки, кольца, проверил крепления. Сверху открывается изумительно красивая панорама.

Петя и Женя бродят по окрестностям. Ищут аэродром.

12 февраля. Дежурил с 6 часов утра. Луна, звезды — хорошо. В 6 часов 45 минут заметил что-то вроде огонька на востоке. От предположений вначале воздержался. Уже бывали случаи, что нас смущала какая-нибудь восходящая звезда. Ее принимали за далекий огонь. И на этот раз огонек то пропадал, то вновь появлялся и разгорался. Следил за ним часа два. Над горизонтом огонь не поднимается — значит, не звезда. Зажег бензиновый факел и замахал им. В ответ мне мигали. Нет, это явно прожектор «Таймыра». Разбудил товарищей, взяли пеленг.

Радость-то какая огромная. Мы уже видим огни Родины. Ходим радостные и все время посматриваем в сторону «Таймыра». Как жаль, что днем пока еще корабль не виден. Зато ближе к вечеру разглядели его дым. «Таймыр» пробивается к нам, но тяжелый лед не пускает.

По радио сговорились, что в 10 часов вечера корабль будет светить нам прожектором, а мы ответим магниевым факелом. Ослепительно загорелся факел. И сразу по радио сообщили: «Вас видим отлично». Теперь сомнения нет — расстояние между нами не больше 50 километров.

В каждом выпуске «Последних известий по радио» что-нибудь говорят о нас: национальные герои, герои Родины и т. д. Прямо неловко слушать. Сегодня сообщили о том, что Наташа получила мою частную радиограмму. Ну, дальше ехать некуда...

13 февраля. Четыре года тому назад затонул «Челюскин». Опять этот памятный день я встречаю на льду.

День туманный, все окутано густой кисеей. Штиль.

Ширшов строит эскимосское жилье. Время от времени греемся в мешках. Холод здОрово досаждает, не верится, что есть такие места, где в малице не мерзнешь и можно спать без спальных мешков.

Играем на морозе в шахматы. Дел никаких особых нет. «Таймыр» дальше итти не может. Там нашли паршивенькую площадку и хотят спустить два легких самолета.

Женя возится у своих уровней. Они теперь не качаются, и он уже собирается приступить к гравитационным наблюдениям.

Льдина утыкана палками, шестами; куда ни свернешь, везде плотно нагруженные и увязанные нарты. У нас теперь не лагерь, а бивуак. Валяется всякое ненужное барахло: старые чулки, рукавицы, окаменевшие рубахи.

В стенах снежного дома вырезали полочки. Там лежат книги, наши небьющиеся стаканы, сумки.

Метеосводки на материк уходят регулярно.

14 февраля. С утра было облачно и пасмурно. Потом уже, часам к 9 утра, налетел шквалистый ветер от зюйд-веста и чуть было не сорвал крышу у радиодома. К счастью, я успел набросать на крышу снег, заодно бросил сапоги и бурдюки с керосином.

Появились звезды. Пришлось разбудить Женю. Определились. Наше место — $71°21'$ северной широты и $20°$ западной долготы.

Шквалистым ветром разогнало облака. Яркий солнечный день. Утром морозец всего лишь в $\frac{1}{2}$ градуса. Это все наделал южный ветер.

В районе «Таймыра» тоже шквалистый ветер, и они боятся выпускать самолеты, хотя машины спущены на лед и стоят наготове. Наша тройка ушла расчищать аэродром. В лагере остался я один и по условию должен был разжечь для «Таймыра» сигнальный костер. Когда все ушли, набросал тряпья в железную банку, полил из бидона, в полной уверенности, что лью керосин, и затем разжег костер. Плохо горело, и я плеснул прямо из бидона. Раздался взрыв. Бидон вырвало у меня из рук. Но, на мое счастье, он не взорвался. Силой ветра весь этот пылающий клубок отбросило в сторону, и он потух. Потом, когда Папанин вернулся, выяснилось, что в бидоне был бензин. Я счастливо отделался. Загореться на ветру, когда кругом ни души, — скучновато.

К вечеру «Таймыр» сообщил, что появились разводья и аэродром сломало. Самолеты подняты на борт. Судно пытается итти к нам. В час ночи будем опять обмениваться световыми сигналами.

«Ермак» наконец выскочил из льда Финского залива и одиннад-

цатимильным ходом идет по Балтийскому морю. Помимо «Таймыра», к нам идет ледокольный пароход «Мурман».

15 февраля. Ночью прожектора «Таймыра» мы не видели. Сожгли свой факел на торосе, но тоже бестолку. Славно светит полная луна. Возможно, из-за нее не состоялся наш световой разговор.

Утром варил суп из молодой медвежатины, жарил сухари на масле и слушал утренний выпуск «Последних известий». Английские газеты посвятили передовые статьи нашей экспедиции. С чего бы такое внимание к советской экспедиции?

После полудня стал к нам собираться летчик Власов на самолете У-2. Товарищи ушли на аэродром расчищать площадку и принимать самолет. В 3 часа самолет вылетел, и я, как было условлено, поднял флаг, чтобы предупредить наших на аэродроме.

Часа полтора самолет был в воздухе. На «Таймыре» стали уже волноваться. Я все время жег костер. Потом с «Таймыра» сообщили, что самолет вернулся к судну и снова взял курс на лагерь. Однако и на этот раз самолет нас не нашел. Мы его тоже не видели.

День пасмурный, низкие сплошные облака. Изредка заряды снега. Вот и получается: расстояние всего лишь 50—60 километров, а искать нас — что иголку в стогу сена.

Израсходовав весь запас горючего, Власов сел у «Мурмана», который тоже пробивается к нам. «Мурман» и «Таймыр» видят друг друга.

Вечером «Мурман» выпустил самолет с летчиком Черевичным. До глубокой ночи Черевичный не вернулся. Естественно, что все беспокоятся. Кругом туман и снег. Где он сел? Благополучно ли?

16 февраля. Черевичный не вернулся. Ширшов и Федоров пошли на поиски. Будут обходить весь район у берега Гренландии. Дмитрич вначале воспротивился, так как надвигался туман, но потом все же разрешил итти. Петя и Женя — парни бывалые, не заблудятся.

День начинается с дневным светом, то есть в 12 часов московского времени, и кончается также со светом — в 10 часов вечера.

Погода хорошая, солнечная. Временами набегают облачка. Хорошо виден берег. В 18 часов 30 минут, едва только засел за работу с Ян-Майеном и «Таймыром», вдруг Папанин увидел самолет, идущий с юга к нам. Такова уж моя судьба — всегда в самое неподходящее время сидеть с наушниками. Вскоре шум мотора усилился. Улучил минутку, выскочил и посмотрел. Летел Власов. Он сделал круг над нами и пошел к аэродрому. Ясно видны в кабине два человека, они что-то кричат, но разобрать их нельзя.

Папанин помчался на аэродром, а я сообщил «Таймыру» о благополучной посадке. Самолет сел в 18 часов 35 минут и спустя полчаса опять улетел к «Таймыру». Это Власов, разыскивая Черевичного, наткнулся на нас.

Вскоре пришел взволнованный Папанин. Принес подарок — ящик с надписью: «Дорогим героям». В ящике пять бутылок пива и

40 мандаринов. Кроме того, письма корреспондентов «Правды» Бронтмана и Хвата. Пиши, пиши, пиши и пиши статьи, очерки и т. д.

Когда вернулись Петя и Женя, им вначале не сказали о подарке. Они тоже слышали отдаленный шум самолета, как раз в ту же минуту увидели черную точку среди льдов. Бросились туда. Точка оказалась... Петиной лебедкой. Ее отнесло совсем далеко. Иван Дмитриевич подробно рассказал о встрече с Власовым. Они столкнулись на полдороге. Власов бежал ему навстречу с аэродрома. Путь показывали флажки, которые мы раньше растыкали по торосам. Кроме того, на первом, «выходном», торосе Женя несколько дней назад вырезал надпись: «Аэропорт Северный полюс».

Несколько минут Дмитрич и Власов от волнения не могли говорить. Обнявшись, пошли к самолету. Не хотелось отпускать первого человека с Большой Земли. Но Папанин пересилил себя и предложил Власову вернуться к кораблям. Там он нужнее.

Сели обедать. Смаковали пиво и мандарины. Занятно: на снегу дрейфующей льдины валяются корки от мандаринов.

Вот и побывали у нас на льдине, после 8-месячного перерыва, свежие люди.

Папанин договорился с Власовым, что все силы будут сейчас брошены на поиски Черевичного. Никаких полетов к нам делать не надо. Мы можем подождать, а Черевичного надо искать и найти во что бы то ни стало. Власов обещал найти Черевичного.

17 февраля. Луна на ущербе, но светит еще хорошо. Трескается и звенит молодой лед. Сукин сын Веселый выспался, бегает вокруг и лает в темноте.

В одиннадцатом часу я разбудил Женю, чтобы он успел взять звезды. Наша широта — 70°59′, мы уже южнее Ян-Майена.

Днем Москва сообщила о прилете к нам Власова и подарке таймырцев — пиве и мандаринах.

Петя и Женя снова пошли искать Черевичного.

Вечером «Таймыр» сообщил, что Власов нашел самолет Черевичного в 25 милях к северу. Черевичный и второй пилот доставлены Власовым на корабль. Вот молодец.

Ширшов и Федоров вернулись в сумерки, в десятом часу. Отругали их за это.

18 февраля. Корабли подходят все ближе и ближе. Ярче и лучше видны прожекторы.

Вечером, забравшись на наши ледяные полати, составили рапорт на имя товарищей Сталина и Молотова. Спорили и говорили о каждой фразе, о каждом слове. Право на этот рапорт мы упорно завоевывали в течение всех 274 суток нашего дрейфа. Хотелось сказать все то, что мы думали, что переживали во время нашей работы. Разве подберешь для этого слова. Вот теперь, в последние минуты существования нашего лагеря, и надо все сказать.

День проходит в нервном напряжении. Даже шахматный турнир не клеится.

Днем километрах в полутора от лагеря открылась огромная полынья. Вот если туда пробьются корабли...

Петя все еще строит свою эскимосскую иглу. Ему хочется освоить весьма своеобразную архитектуру эскимосов, которые из снежных кирпичей возводят домики в виде опрокинутой плошки. Мы спорим: будет ли окончено строительство до прихода кораблей или нет?

Вдруг закричал Папанин:

— Идите сюда, идут корабли!

Дмитрич стоял на высоком торосе и махал флагом. Был ясно виден дым парохода, затем показались мачты.

Вечером по льдине бродили прожекторы. Бесновался Веселый. У всех «итоговое настроение». Связываются тетради, аккуратно укладываются рюкзаки.

В кастрюле медвежий борщ. Сегодня он почему-то бойкотируется. Но выливать не решаемся: а вдруг завтра корабли не подойдут?

Женя и Петя на всякий случай побрились. Мы с Папаниным отложили эту операцию до завтрашнего утра. Сейчас — в час ночи — на вахту вступил Петя. Папанин, для того чтобы, как он утверждает, не скучал Петя, сел с ним играть в шахматы. Пока я передавал ночную сводку на «Таймыр», матч закончился со счетом 4 : 0 в пользу Ширшова.

Почему-то вспомнилась судьба нашего не совсем удачливого предшественника на Северном полюсе — Роберта Пири. Двадцать три года своей жизни он отдал, чтобы пробыть всего лишь несколько часов на полюсе. Все же он достиг цели своей жизни. Вернувшись к себе на родину, в Соединенные штаты Америки, Пири заявил, что дарит своей стране завоеванный его упорством и многолетней борьбой Северный полюс.

— Возвращаю вам этот дар, ибо не могу придумать, что делать с ним, — ответил ему президент Тафт.

Повернувшись к Пири спиной, он дал понять, что аудиенция окончена.

Разве может что-либо подобное случиться в нашей стране, где превыше всякого дара — подвиг человека, который он приносит Родине.

Вышел на пригорок. Прожекторы «Таймыра» и «Мурмана» уперлись в небо. Корабли светят многочисленными огнями, похоже, что во льдах выросло два больших дома.

Над льдиной плывут редкие рваные облака. Кончается двести семьдесят четвертая ночь дрейфующей станции «Северный полюс».

19 февраля. На борту «Мурмана». Корабли уже вышли в обратный поход. Иван Дмитриевич вернулся из ванной и лег отдыхать. Я тоже никак не могу притти в себя после этой замечательной водной процедуры. Сколько раз мечтали о ней, слушая призывы руководителя физкультзарядки. Кругом люди — наши советские люди, соотечественники. Мы уже перезнакомились (еще на льдине) почти со всей командой. Петя и Женя на борту «Таймыра». Мы распределились так по жеребьевке.

Просмотрены газеты. Заботливые моряки предупредили, что скоро вечерний чай. Ночью корабли сойдутся борт к борту, и в кают-компании «Таймыра» состоится званый ужин.

Пока можно восстановить в памяти события сегодняшнего дня, последнего дня экспедиции...

Обычно утренний чай и завтрак были для нас священнодействием и своего рода клубом. Вначале сборы, потом дружное ожидание — мы любили эти часы. Смакуя завтрак, рассказывали друг другу сны, а я выкладывал все услышанные за ночь по радио новости. Сегодня было совсем не так. Нет-нет, да выскочит кто-нибудь из нас наружу с тайной надеждой увидеть, как подходят корабли. Счастливцем оказался Иван Дмитриевич. Он первым заметил сиреневые силуэты кораблей, входивших в нашу полынью. С этой минуты высокий торос на соседней льдине стал нашей Меккой — местом паломничества. Мы дружно огорчались, когда другие высокие торосы на горизонте скрывали от нас корабли.

Обед не готовили. Ели какие-то вчерашние остатки, да и то не доели. Дмитрич наводил красоту — брился. Получилось занятно: нижняя часть лица от бритья посветлела, а верхняя оставалась как бы в полумаске. Мне бриться не пришлось. Такова судьба всех радистов. В самые напряженные и интересные минуты жизни сидишь буквально на привязи у телефона и изрядно надоевших шкатулок.

К полудню корабли были хорошо видны без бинокля. Часто валил густой дым. Это кочегары шуровали топки. Началось негласное соревнование: кто скорее дойдет — «Мурман» или «Таймыр».

В два часа дня на лед сошли две колонны с обоих кораблей. Моряки шли, а потом не выдержали и побежали. Казалось, несется атакующая лавина. Но это была радостная атака. Впереди развевались знамена. Вот уже видны кричащие, веселые, радостные люди. Привет вам, родные, дорогие товарищи.

Позже всех на место происшествия прибыли запыхавшиеся кинооператоры. Они тащили тяжеленные аппараты. Началась съемка лагеря, а также съемка съемки.

Трибуной для короткого митинга служил все тот же, так хорошо знакомый нам торос. Остальцев — начальник экспедиции на «Таймыре» — отдал рапорт. Неистовствовали фотографы. Масса новостей, вопросов и расспросов.

Ходим именинниками. За что ни возьмешься, десятки добровольцев предлагают свою помощь. Десятки рук мгновенно делали то, что нам вчетвером приходилось осиливать часами.

В снежном домике еще горела лампа, в алюминиевой миске кисли остатки супа. Чашки и стаканы из пластмассы валялись где попало: на снежной лежанке, на чемодане. Иван Дмитриевич побежал навести и здесь порядок: потушил лампу, начал собирать чашки. Их просят на память. Раздаем. Затем идут в ход книги. На них пишем всякие теплые слова, ставим дату: «19/II 1938 г.». Папанин выкатил из какого-то угла бочонок с остатками коньяка, выбил пробку и стал угощать всех желающих.

Пора эвакуировать радиостанцию. С нее снят брезент. Моим оди-

ноким разговорам с Большой Землей наступил конец. Со всех сторон сидят гости и вдохновляются моим замусоленным и замерзшим видом. Прямо из-под локтя нацелился на меня объектив фотографа, ищущего оригинальной «точки зрения».

Передаю последнюю телеграмму радиостанции «UPOL» — рапорт Партии и Правительству. Удар ногой, и рушится снеговая стена. Радиостанция «Северный полюс» на-рысях движется к кораблям.

Теперь можно снимать ветряк, мачты.

На месте большой палатки роют глубокий котлован. Трудно поверить, что полгода назад палатка стояла на снежном бугре. Сейчас даже верх ее занесен снегом. Идут раскопки, и на свет появляются брезенты, шкуры, тросы. Не забыты даже остатки шелкового парашюта, которые последнее время служили нам полотенцами.

— Надо итти, братки, дело к вечеру... Что же мы стоим? — говорит Папанин.

Вереницы нарт, переваливая через торосы и рытвины, оставшиеся на месте недавних трещин, удаляются к кораблям, празднично расцвеченным флагами. Надо итти.

Чорт возьми, всего лишь 9 месяцев прожили мы на этой льдине, а как много пережито.

Петя и Женя уходят первыми. Я под каким-то предлогом возвращаюсь в лагерь. Тут уже ничего нет. Валяются обрывки перкаля, оленьих шкур. У тороса лежит бидон с продовольствием. Решено оставить его для гренландских эскимосов на случай, если льдину прибьет к берегу. Вернее всего, что с ним повозятся белые мишки.

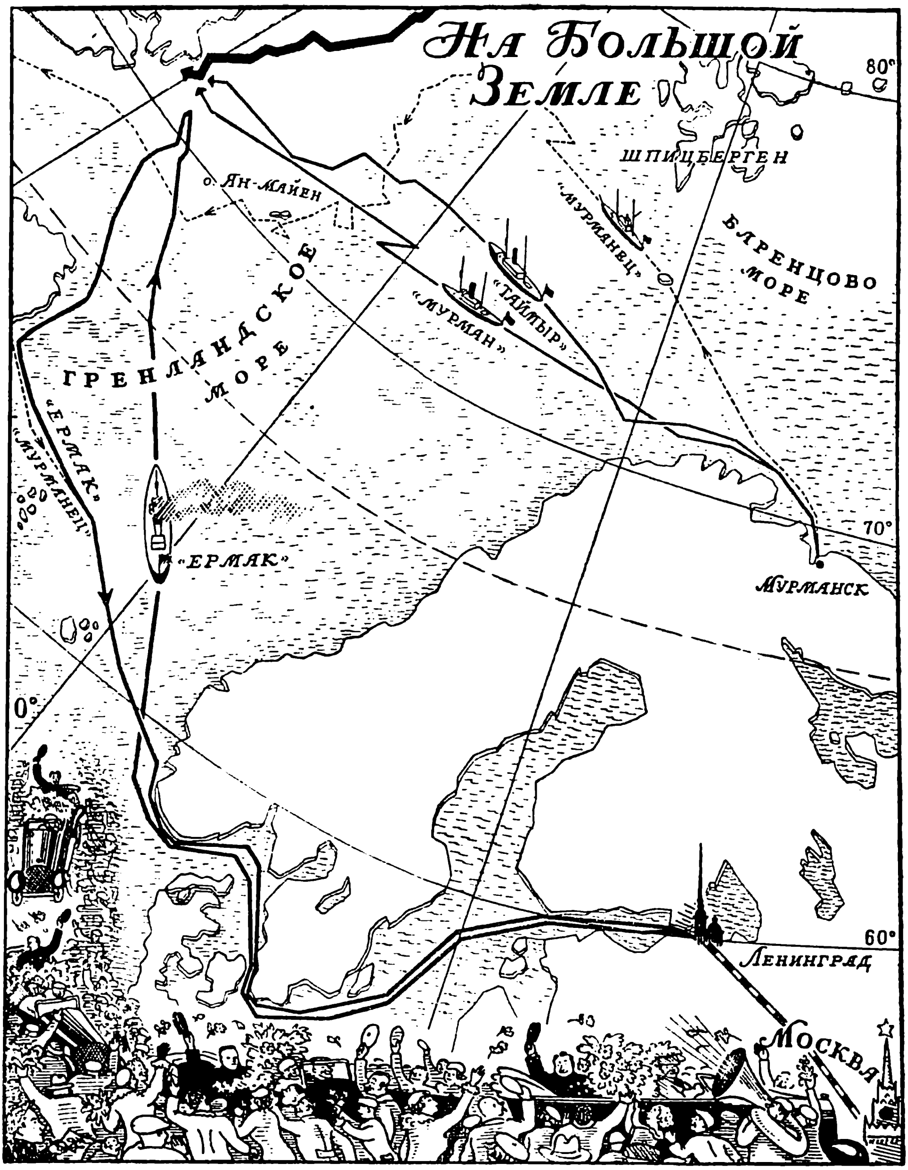
Близится ночь, и, как всегда, нарастает ветер. Крепчает мороз. Ищу рукавицы, никак не могу вспомнить, куда я их задевал. А впрочем, они ведь теперь мне не нужны...

Прощай, льдина.

Папанин крепит красный флаг на торосе, чтобы он не упал. Плыви же, наша льдина, под красным флагом.

Мы, не оглядываясь назад, уходим на родные корабли.

Ночь и утро 17 марта. Скоро Москва. Поезд проходит последние километры. На всем пути от Ленинграда— на станциях, на полустанках, разъездах—радостно приветствуют нас соотечественники. В темноте ночью люди стоят с развернутыми знаменами. Всюду огни. Хотелось бы передать слова привета каждому из тех, кто так тепло встречает нашу четверку. Но поезд спешит

в Москву и останавливается только на больших станциях. Иван Дмитриевич всю ночь не спит. Он выходит на остановках, говорит короткие приветственные речи.

В Бологом Дмитрич сказал:

— Нас считают героями. Взгляните на себя. Разве в каждом советском человеке нет героизма, способности на любой подвиг для блага Родины, для счастья народа.

Под утро он вошел в купе и разбудил меня.

— Вставай на вахту. Пора давать сводку на Рудольф.

Я вскакиваю. С удивлением замечаю, что нет уже спального мешка, в помещении тепло, нет противного запаха керосина. Не прошло еще месяца, как мы покинули льдину, и с трудом забываются привычки «дрейфующей» жизни.

— Какие координаты? — спрашиваю Папанина.

— Подъезжаем к Вышнему Волочку...

Хорошо запомнился разговор со стариком-железнодорожником.

— Как жизнь, отец? — спросил я старика.

— Хороши дела, — ответил он. — У меня вот такие же сыновья, как ты: один летчик, другой танкист.

Скоро Москва. Почти месяц назад мы ушли на корабли, которые прислали за нами страна, Партия, Сталин. Как много памятных дней в этом месяце. Незабываемая встреча трех советских кораблей в гренландских льдах, когда в прохладу северной ночи ворвался изумительный фейерверк. Перекличка прожекторов. Первые дни на «Ермаке». Тихие фиорды Исландии. Встреча с героическим «Мурманцем». Штормы в Атлантике. Норвегия. Приветы норвежских рыбаков. Атаки иностранных корреспондентов. Только заходя в судовую рубку, можно было полностью оценить все обилие продукции корреспондентского корпуса. Шквал приветственных телеграмм в эфире. Заход в Таллин — город средневековых рыцарских памятников и старого русского захолустья. Родные воды. Самолеты с красными звездами. Вымпел на льду: привет от моряков краснознаменной Балтики. Приход «Трувора». Встреча с женами. И, наконец, Ленинград.

Здравствуй, Родина.

На ленинградских заводах, выступая на митингах, говоря с рабочими, мы чувствовали теплоту твоих объятий, голос твоего сердца.

Вот уже пересекли трассу канала Москва—Волга. Прильнув к окнам, жадно следим за тем, как изменились предместья Москвы за год нашего отсутствия.

Скоро Москва.

18 марта. Комсомольскую площадь от края до края заполнили москвичи. Хотелось сказать коротко и просто:

— Здравствуйте, дорогие соотечественники.

Холодная, пасмурная погода. Пар от дыхания многих тысяч собравшихся густым облаком движется над головами. А как радостно.

В крепкой прочувствованной речи Иван Дмитриевич рапортовал гражданам столицы о нашей работе.

Открытые машины увиты цветами. В первой усаживается Иван Дмитриевич. Над ним развевается знамя с портретом товарища Сталина. С крыш дождем льются пестрые листовки. Москвичи нас узнают, выкрикивают наши фамилии. Вот и знакомая парикмахерская на улице Кирова. Машу мастерам — кажется, они меня узнали. Скоро опять буду сюда заходить...

Вот уже центр. Вот и Боровицкие ворота, въезд в Кремль. На вечер встречи приглашено много товарищей по работе. За разговорами быстро идет время. Нас зовут наверх, в зал.

По широкой мраморной лестнице с трепетом и волнением мы поднимаемся в Георгиевский зал. Вместе с нами знамя станции «Северный полюс», знамя с силуэтом Сталина. 19 февраля его бережно унес со льдины Иван Дмитриевич. А сейчас он, начальник первой советской экспедиции на Северном полюсе, принес его в Кремлевский дворец, чтобы поднять его здесь и сказать отсюда на весь мир слова привета великому Сталину, вдохновлявшему нас и наш будничный труд на далекой льдине.

Собравшиеся встречают нас аплодисментами. Через несколько секунд овация разрастается с гигантской силой. Кажется, что мраморные белые с золотом стены Георгиевского зала не могут вместить восторженных рукоплесканий — за столом президиума появляются руководители Партии и Правительства: товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Каганович, Микоян, Жданов, Димитров.

Товарищ Молотов приглашает нас к столу президиума. Мы подходим. Товарищ Сталин крепко обнимает Папанина, целуется с ним, затем со всеми нами.

Начинается замечательный праздник. Можно сказать, что наша дружная четверка на вершине счастья. Закончили неплохую экспедицию, получили право рапортовать об ее выполнении лично товарищу Сталину и вот теперь сидим рядом с ним, рядом с нашим вождем и другом. Вспоминаю Барбюса: «Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата». Как это правильно. Вождь, труженик и солдат.

Казалось, нам больше и желать нечего. Но нам, четверым, можно было доставить еще одну радость. Как это сделать, догадался только один человек, и этим человеком был товарищ Сталин.

Наши жены сидели вдалеке. Вдруг товарищ Сталин встал и пошел в зал. Подойдя к ним, товарищ Сталин пригласил их за наш стол и усадил рядом с собой, рядом с нами. Ни разу на льдине слезы не сжимали горла, а тут к горлу подступил комок. Как много у этого великого человека, занятого заботами и работами мирового значения, интимной человеческой простоты!

Вячеслав Михайлович Молотов тщетно пытается установить тишину. Крики «ура», приветствия, аплодисменты не затихают. Но вот, наконец, Вячеслав Михайлович получает возможность говорить. Он провозглашает тост за нашу четверку и за отважные экипажи советских кораблей, героически выполнивших правительственное задание.

Выступал Иван Дмитриевич. Он говорил о том, что не может быть большего счастья для гражданина Советского Союза, чем выполнить задания нашей Партии, Родины, великого и любимого нашего Иосифа Виссарионовича Сталина. Мы попали на полюс не случайно. Туда так просто не попадешь. Наша авиация, которую создал Сталинский Центральный Комитет партии и товарищ Сталин, доказала, что советские люди могут высадиться везде, где это потребуется, в том числе и на Северном полюсе. Дмитрич говорил о том, что никто не готовил нам посадочных площадок, никто не бегал с флажками, чтобы показать направление ветра. А самолеты сели. И «белое пятно» в сердце Арктики перестало существовать. Он говорил о том, что советские люди не могли не победить на полюсе. Ни трещины, ни орудийная канонада в дни сжатий не страшили нас, ибо каждый день мы ощущали любовь народа, заботу Сталина.

— Сталину ура!..

Снова бесконечно гремят аплодисменты. Но Иван Дмитриевич не кончил. Ему так много надо сказать сегодня. Он говорил о том, что мы не боялись и таяния льдины.

— Правда, — шутил он, — порой мы боялись, что льдина растает от любви народной, от тысяч теплых приветственных телеграмм.

С волнением Иван Дмитриевич говорил о том, что только что товарищ Сталин рассказал ему, как он всем сердцем беспокоился за папанинцев, когда льдина лопнула.

Папанин поблагодарил от имени нас всех за это беспокойство. Мы ведь еще долго могли пробыть на льдине, мы не спешили и не торопили корабли.

Когда «Ермаку» нехватило угля и нам пришлось зайти в Таллин, на дипломатическом завтраке в советском полпредстве один из гостей задал мне каверзный вопрос:

— Скажите, господин Кренкель, кому может принадлежать Северный полюс? Арктика делится на секторы, часть ее — советская, часть — датская, часть — норвежская, часть — американская, — так, очевидно, должно быть и на полюсе?

Я ответил:

— Северный полюс принадлежит тем, кто чаще там бывает и чаще там летает.

Дружным смехом встречает зал рассказ Папанина об этом «дипломатическом» ответе.

Заканчивая свою речь и обращаясь к Иосифу Виссарионовичу, Папанин сказал:

— Мы рады и счастливы, что можем сегодня лично доложить вам, что Сталинский план изучения и освоения Северного полюса выполнен полностью!

С волнением мы ждали, выступит или не выступит товарищ Сталин. И вот неожиданно Иосиф Виссарионович пододвинул к себе микрофон. Он говорил о том, что на Западе и в Америке героев, таких, как у нас, нет потому, что там всегда прикидывают, какая может быть выгода и прибыль из любого дела. Нет такого критерия, чтобы оценить смелость человека, его героизм. Человек — это огром-

ный капитал. Не скажешь, сколько рублей он стоит. Вот поэтому Правительство решило никаких денег не жалеть, никаких ледоколов не жалеть, а советских людей спасти, чего бы это ни стоило.

В европейских и американских странах каждого человека расценивают на деньги, на золото. Американцы скажут, что герой стоит сто тысяч долларов. А сам доллар стоит копейки. И товарищ Сталин поднял тост за то, чтобы советские люди научились любить и ценить смелость, таланты, способности людей, цены которым нет, за то, чтобы мы, советские люди, усвоили новую меру в оценке людей, не по рублям, не по долларам, чтобы мы научились по-советски ценить людей, по их подвигам, ибо талант, энергия, отвага — это миллиарды миллиардов презренных долларов, презренных стерлингов, презренных франков.

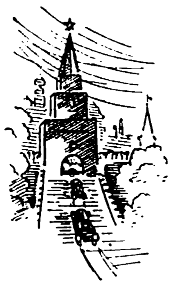
Затаив дыхание, слушали мы речь Сталина. Он говорил о подлинной цене подвига и смерти. Умереть каждый способен. Умереть, конечно, тяжко, но не так трудно. И Сталин поднял тост за людей, которые хотят жить, жить как можно дольше, а не умирать, за здоровье героев старых, средних и молодых, за здоровье той молодежи, которая стариков переживет с охотой.

Великой Сталинской мудростью были проникнуты эти отеческие слова. Он говорил о великой правде нашей жизни, о счастье жить, бороться и жить, бороться во всех областях промышленности, сельского хозяйства, культуры, не умирать, а жить, жить и разить врагов, жить, чтобы побеждать.

И снова тост. За тех, кто не забывает итти вперед, за нашу правду, за таланты и смелость, за молодежь, потому что в молодых сила.

Уже под утро нас гостеприимно приняла в свои объятия прохладная московская ночь. Впервые после многих месяцев наша четверка распрощалась и разъехалась в разные концы города. Каждый из нас свято хранит память о незабываемой встрече в Кремлевском дворце.

Сталинская вахта окончена! До скорого свидания, Арктика!

Содержание

NORD
OST
WEST
SÜD
43574

